

УИНСТОН
ЧЕРЧИЛ

3

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

3

Великий
союз

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
«Книжная лавка—РТР»
1998

УДК 930.9
ББК 63(0)62
Ч-50

Перевод с английского под редакцией
А. ОРЛОВА

Художник
С. ЛЮБАЕВ

Черчилль У. С.

Ч-50 Вторая мировая война: В 6 т. Т. 3: Великий союз /
Пер. с англ. под ред. А. Орлова. — М.: ТЕРРА—Книж-
ный клуб; «Книжная лавка — РТР», 1998. — 368 с.

ISBN 5-300-01671-3 (т. 3)

ISBN 5-300-01536-9

«Вторая мировая война» — главный литературный труд крупнейшего политического и государственного деятеля Великобритании XX века Уинстона Спенсера Черчилля (1874—1965). Над этими мемуарами, содержащими богатейший фактический материал, автор работал с 1945 по 1954 г.

Третий том — «Великий союз» — рассказывает о событиях 1941 года: дальнейшем противостоянии Англии и Германии, нападении гитлеровцев на Советский Союз и втягивании в великий конфликт США и Японии.

УДК 930.9
ББК 63(0)62

ISBN 5-300-01671-3 (т. 3)
ISBN 5-300-01536-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998
© «Книжная лавка — РТР», 1998

МОРАЛЬ ЭТОГО ТРУДА

**В ВОЙНЕ — РЕШИТЕЛЬНОСТЬ
В ПОРАЖЕНИИ — МУЖЕСТВО
В ПОБЕДЕ — ВЕЛИКОДУШИЕ
В МИРЕ — ДОБРАЯ ВОЛЯ**

Великий СОЮЗ

ТЕМА ДАННОГО ТОМА

**КАК АНГЛИЧАНЕ С
ВЕЛИЧАЙШИМИ
ТРУДНОСТЯМИ БОРОЛИСЬ
ЗА СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ,
ПОКА В ВЕЛИКИЙ
КОНФЛИКТ НЕ БЫЛИ
ВТЯНУТЫ СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ
ШТАТЫ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том, как и все остальные, является лишь частичным вкладом в историю Второй мировой войны. Повествование ведется с точки зрения английского премьер-министра, который нес особую ответственность за военные дела как министр обороны. Так как эти дела до некоторой степени находились непосредственно в моем ведении, то операции английских войск освещаются во всем их объеме и довольно подробно. В то же время описание усилий наших союзников служит лишь фоном, на котором разворачивались наши операции. Воздать должное деятельности наших союзников в состоянии лишь их собственные историки или впоследствии английские историки, которые смогут дать более полную картину событий. Я же, сознавая, что в настоящий момент соблюдение должных пропорций не представляется возможным, постарался излагать нашу собственную историю в ее связи с окружающей обстановкой.

Основной нитью повествования по-прежнему служат директивы, телеграммы и служебные записки, касающиеся повседневных вопросов ведения войны и государственных дел. Все это — подлинные документы, которые я составлял по мере развития событий. Поэтому они представляют собой более достоверную летопись и, по-моему, создают более полное впечатление о происходившем и о том, каким оно нам представлялось в то время, чем любой отчет, который я мог бы написать теперь, когда ход событий уже всем известен. Хотя в приведенных здесь документах встретятся мнения и предсказания, которые не оправдались, я бы хотел, чтобы о моей доле участия в войне судили именно на основании всех этих документов. Только при этом условии читатель сможет понять решаемые проблемы, с которыми нам приходилось сталкиваться, характер которых определялся сведениями, имевшимися в то время в нашем распоряжении.

Ответы на эти документы, которые зачастую принимали характер длинных меморандумов того или иного ведомства, я не могу привести здесь за отсутствием места, а также потому, что во многих случаях не имею на это права. Поэтому я по

мере возможности избегал предъявлять обвинения отдельным лицам. Везде, где это оказывалось возможным, я старался приводить краткое изложение ответов на телеграммы. Как правило, однако, помещенные здесь документы сами говорят за себя.

В этом томе речь снова идет о войне гигантских масштабов. В сражениях на русском фронте с обеих сторон участвовало не меньше дивизий, чем в битве за Францию. Здесь на любом участке фронта гораздо большей протяженности сражались огромные массы войск, и такого кровопролития, не сравнимого ни с чем, не было ни на одном другом участке фронта в течение всей войны. Я не могу позволить себе что-либо большее, чем простое упоминание о борьбе между германской и русской армиями, рассматривая ее лишь как фон, на котором развивались действия Англии и ее западных союзников. Русская эпопея 1941—1942 годов заслуживает подробного и беспристрастного изучения и изложения на английском языке. Эта попытка должна быть сделана, хотя иностранцам могут и не предоставить благоприятных условий, которые позволили бы им описать страдания, выпавшие на долю русских, и их торжество. Это стремление не должно охлаждаться также и тем фактом, что Советское правительство уже предъявило претензию на безраздельную славу.

Вторжение Гитлера в Россию положило конец длившемуся почти год периоду, в течение которого Великобритания и вся ее империя боролись с врагом один на один, не теряя мужества и непрерывно наращивая силы. Шесть месяцев спустя Соединенные Штаты, подвергшиеся жестокому нападению Японии, стали нашим союзником во всех отношениях. Почва для наших совместных действий была подготовлена заранее благодаря моей переписке с президентом Рузвельтом, причем оказалось возможным предусмотреть не только характер наших операций, но также и их последовательность. Эффективное сотрудничество всех англоязычных стран в ведении войны и создание Великого союза завершают эту часть моего повествования.

Уинстон С. Черчилль

Чартуэлл

1 января 1950 года

Часть первая ГЕРМАНИЯ УСТРЕМЛЯЕТСЯ НА ВОСТОК

Глава первая

ПУСТЫНЯ И БАЛКАНЫ

Оглядываясь назад, на бесконечную сумятицу войны, я не могу вспомнить другого периода, когда связанное с ней напряжение и обилие проблем, нахлынувших сразу или в быстрой последовательности, были столь тягостными для меня и моих коллег, как в первую половину 1941 года. Размах событий с каждым годом увеличивался, но решения, которые нам приходилось принимать, не становились более трудными. В 1942 году нас постигли еще более грозные военные катастрофы, но к этому времени мы были уже не одни и наши судьбы были связаны с судьбами Великого союза. Ни одна из проблем, стоявших перед нами в 1941 году, не могла быть разрешена вне связи со всеми остальными проблемами. То, что посылалось на один театр военных действий, приходилось отрывать от другого. Усилие на одном участке означало риск на другом. Наши материальные ресурсы были строго ограничены. Позицию множества государств — дружественных нам, колеблющихся или потенциально враждебных — невозможно было предугадать. У себя в стране нам приходилось думать одновременно и о борьбе с германскими подводными лодками, и об угрозе вторжения, и о непрекращающихся бомбежках; нам приходилось осуществлять ряд кампаний на Среднем Востоке; и наконец, мы должны были стараться создать фронт против Германии на Балканах. И все это в течение долгого времени нам приходилось делать одним.

* * *

В Англии мы во всяком случае имели твердую почву под ногами. Я был уверен, что при условии, если мы будем держать страну в состоянии максимальной боевой готовности и обеспечим необходимые вооруженные силы, попытка немцев осуществить вторжение в 1941 году не нанесет нам ущерба. Германская авиация на всех театрах войны незначительно усилилась по сравнению с 1941 годом, тогда как силы нашей истребительной авиации в метрополии возросли от 51 до 78 эскадрилий, а бомбардировочной — от 27 до 45. Немцы не выиграли воздушную битву в 1940 году, и у них, по-видимому, было мало шансов выиграть ее в 1941 году. Армия, защищав-

шая нашу метрополию, стала гораздо сильнее. За период с сентября 1940 года по сентябрь 1941 года численность ее увеличилась от 26 до 34 регулярных дивизий плюс 5 бронетанковых дивизий. При этом надо учесть закалку, полученную нашими войсками, и их возросшую оснащенность вооружением. Численность отрядов местной обороны увеличилась от 1 миллиона до 1 500 тысяч солдат, причем все они были вооружены теперь огнестрельным оружием. Значительно увеличилась численность войск, повысились их мобильность, оснащенность, боевая подготовка и организация, а также улучшилась система обороны. У Гитлера, конечно, всегда имелось множество солдат, которых он мог использовать для вторжения. Для того чтобы одержать победу над нами, ему пришлось бы перебросить через Ла-Манш и обеспечить снабжением, по крайней мере, миллион солдат. К 1941 году он мог располагать хотя и значительным, но все же недостаточным количеством десантных судов. А при нашем господстве в воздухе и на море мы не сомневались в том, что сможем уничтожить его армаду или вывести ее из строя. Таким образом, все те соображения, из которых мы исходили в 1940 году, стали теперь несравненно более основательными. Пока наша бдительность оставалась на высоте, а наша собственная система обороны не ослабевала, военному кабинету и начальникам штабов не приходилось беспокоиться.

Хотя нашим друзьям в Америке, откуда к нам приехали с визитом несколько генералов, наше положение внушало большую тревогу, а весь остальной мир считал вторжение в Англию вполне вероятным, сами мы сочли себя вправе отправить за море все войска, перевозку которых могли обеспечить имевшиеся в нашем распоряжении суда, и вести наступательную войну на Среднем Востоке и в Средиземноморском районе. Именно здесь находился стержень нашей будущей окончательной победы, и именно в 1941 году начались первые знаменательные события.

Во время войны армии должны сражаться. Африка была единственным континентом, где мы могли встретиться с нашими врагами на суше. Мы считали оборону Египта и Мальты долгом, от которого мы не могли уклониться, а первым призом, который мог нам достаться, было разрушение Итальянской империи. Наше сопротивление победоносным державам оси на Среднем Востоке и наша попытка объединить в борьбе против них Балканы и Турцию — вот основная тема этого моего повествования.

* * *

Начало года было ознаменовано радостным событием — победами в Пустыне. 5 января капитулировала Бардия с более

чем 40-тысячным гарнизоном. Казалось, мы уже держим в своих руках и Тобрук. И действительно, через две недели мы его захватили, взяв около 30 тысяч пленных. 19 января мы снова заняли Кассалу в Судане, а 20 января вступили в итальянскую колонию Эритрею, захватив через несколько дней железнодорожную головную станцию в Биссиа. В тот же день император Хайле Селассие вернулся в Абиссинию.

В течение всего этого периода к нам продолжали поступать сообщения о передвижениях германских войск и о подготовке немцев к кампании на Балканах. Я подготовил для начальников штабов свою оценку хода войны в целом, и они в общем согласились с ней.

Премьер-министр — генералу Исмею для комитета начальников штабов

6 января 1941 года

I

«Основной и важнейшей задачей наших операций за границей в первые месяцы 1941 года должен быть скорейший разгром итальянских вооруженных сил в Северо-Восточной Африке. После разгрома итальянских войск в Киренаике наши войска в долине Нила освободятся для выполнения других задач. В чем будут заключаться эти последние, мы пока еще не можем сказать...

Мы постоянно должны ожидать, что Гитлер вскоре попытается нанести нам тяжелый удар и что он в настоящее время готовится к крупным операциям с обычной для немцев тщательностью. Конечно, он легко мог бы пройти через Италию и разместить свои военно-воздушные силы на Сицилии. Возможно, что именно это и происходит в настоящий момент.

Комитету начальников штабов предлагается ускорить работу над операцией «Инфлакс» (план оккупации Сицилии), которая, возможно, приобретет чрезвычайное значение. Однако нет никаких данных к тому, чтобы этой операции был предоставлен приоритет по сравнению с операциями в Ливии, по крайней мере, до тех пор, пока не будет взят Тобрук и в нем — а то и еще дальше на запад — не будет создана прочная передовая база для защиты Египта.

Все вышесказанное говорит о том, что задержка любого продвижения германских войск на Балканах до весны была бы для нас как нельзя более выгодна. Именно поэтому следует опасаться, что оно начнется раньше. Подвиги, которые совершила греческая армия, оказали нам огромную помощь. Греки весьма высоко оценили чрезвычайно скромную поддержку со

стороны нашей авиации — единственную, которую мы могли им оказать. Но если за их успехами последует незначительное поражение или застой, мы должны ожидать, что они немедленно потребуют от нас дополнительной помощи. Единственная помощь, которую мы могли бы быстро им предоставить, это еще четыре или пять эскадрилий со Среднего Востока и, пожалуй, несколько артиллерийских полков и несколько или даже все танки 2-й бронетанковой дивизии, которая в настоящий момент прибыла в Египет и продвигается там без особой поспешности...

Возможно, что позиция Югославии определится в связи с помощью, которую мы оказываем Греции, и ее успехами у Валоны. Хотя это нельзя утверждать категорически, наиболее естественным путем для немцев было бы пройти через Румынию к Черному морю и дальше, через территорию их старого союзника, Болгарии, к Салоникам, а не пробиваться через Югославию. На это указывают передвижения крупных воинских частей и многочисленные слухи, которые доходят до нас. По-видимому, имеет место значительный рост численности германских вооруженных сил и улучшение германских коммуникаций в юго-восточном направлении. Мы должны действовать таким образом, чтобы обеспечить вступление Турции в войну, если противник введет свои войска в Болгарию. Если позиция Югославии останется твердой и ей не будут угрожать, если греки захватят Валону и укрепятся в Албании, если Турция станет нашим активным союзником, то, возможно, позиция России изменится в благоприятную для нас сторону. Всякому ясно, с какими неприятностями, если не со смертельной опасностью, должно быть связано для России продвижение германских войск к Черному морю или через Болгарию к Эгейскому морю. Только страх будет удерживать Россию от вступления в войну, и возможно, что сильный фронт союзников на Балканах наряду с растущим престижем английской армии, военно-морского и военно-воздушного флотов отчасти умерят этот страх. Однако мы не должны рассчитывать на это.

Последним по счету соображением, которое, однако, определяет собой все наши военные усилия, являются угроза вторжения и воздушная война с ее последствиями для нашей промышленности, а также жестокий нажим, оказываемый на наши западные порты и северо-западные коммуникации. Не приходится сомневаться, что Гитлеру больше чем когда бы то ни было необходимо сокрушить Англию или умирить ее голодом. Ни большая кампания в восточной части Европы, ни поражение России, ни захват Украины и продвижение от Черного до Каспийского моря не дадут ему — вместе или в отдельности — победоносного мира, если в это время силы

английского военно-воздушного флота будут постоянно возрастать за его спиной и ему придется держать в узде целый континент с его голодным, озлобленным населением. Поэтому задача предупреждения вторжения и обеспечения продовольственного снабжения Британских островов, а также ускорения производства вооружений в нашей стране ни в коем случае не должна отступать на задний план ради достижения каких бы то ни было других целей».

* * *

У Гитлера также были свои думы под Новый год, и небезынтересно сравнить с моей оценкой событий его письмо к Муссолини, написанное им неделей раньше.

31 декабря 1940 года

«Дуче!.. Рассматривая общую обстановку, я прихожу к следующим выводам:

1. Сама по себе война на Западе выиграна. Необходимо еще приложить последнее серьезное усилие, чтобы сокрушить Англию. Для того чтобы определить, как нам этого добиться, мы должны взвесить факторы, которые будут еще отделять Англию от окончательного краха после того, как возымеет свое действие усиление наступательных операций нашего военно-воздушного и подводного флотов.

В этой битве и после достижения нами первых стадий успеха Германии необходимо будет принять важные решения для окончательного наступления на Британские острова. Концентрация соответствующих сил, а в особенности создание огромных запасов снабжения потребуют организации такой системы противовоздушной обороны, которая будет значительно превосходить наши первоначальные расчеты.

2. *Франция.* Французское правительство заставило Лавала подать в отставку. Официальные причины, которые были мне сообщены, являются ложными. Я ни на минуту не сомневаюсь, что фактическая причина заключается в том, что генерал Вейган предъявляет из Северной Африки такие требования, которые граничат с шантажом, и что правительство Виши не в состоянии реагировать на них, не рискуя потерять Северную Африку. Я также считаю вполне вероятным, что в самом Виши существует целая клика, которая по крайней мере молчаливо одобряет политику Вейгана. Я не думаю, что сам Петэн недоволен. Но нельзя быть ни в чем уверенным. Все это требует постоянной бдительности и тщательного наблюдения за ходом событий.

3. *Испания.* Испания, глубоко встревоженная создавшейся ситуацией, которая, по мнению Франко, ухудшилась, отказа-

лась сотрудничать с державами оси. Я опасаясь, что Франко, возможно, готов совершить самую большую ошибку в своей жизни. Я считаю, что его план получить от демократических стран сырьевые материалы и пшеницу в виде некоторой компенсации за то, что он находится в стороне от военного конфликта, чрезвычайно наивен. Демократические страны будут держать его в состоянии напряженного ожидания до тех пор, пока у него не иссякнет вся пшеница до последнего зернышка, а затем начнут войну против него.

Я скорблю обо всем этом, так как, со своей стороны, мы закончили все приготовления к тому, чтобы пересечь испанскую границу 10 января и атаковать Гибралтар в начале февраля. Я думаю, что мы могли бы сравнительно быстро добиться успеха. Мы специально отобрали и обучили войска для этой операции. Как только Гибралтарский пролив окажется в наших руках, угроза перехода французов в Северной и Западной Африке на сторону противника определенно будет устранена.

Поэтому меня очень огорчило это решение Франко, которое так не вяжется с помощью, оказанной ему вами, дуче, и мной, когда он находился в затруднительном положении. Я все еще питаю надежду, хотя и слабую, что в последнюю минуту он осознает, к каким катастрофическим последствиям может привести его поведение, и что, хотя бы и с опозданием, он примкнет к нашему боевому фронту, ибо наша победа решит и его собственную судьбу.

4. *Болгария.* Болгария также не проявляет готовности связать себя с тройственным пактом и занять ясную позицию в области внешней политики. Причиной этого является растущий нажим Советской России. Если бы царь немедленно присоединился к нашему пакту, никто не осмелился бы оказывать на него такой нажим. Хуже всего то, что это влияние отравляет общественное мнение, которое не остается нечувствительным к коммунистической заразе.

5. Не подлежит сомнению, что только Венгрия и Румыния заняли в этом конфликте наиболее ясную позицию. Генерал Антонеску понял, что будущее возглавляемого им режима, да и его собственное, зависит от нашей победы. Из этого он сделал ясные и прямые выводы, которые значительно подняли его в моих глазах.

Позиция венгров является не менее лояльной. С 13 декабря осуществляются непрерывные транзитные перевозки германских войск в направлении Румынии. Венгрия и Румыния предоставили в мое распоряжение всю свою сеть железных дорог, так что германские войска могут быстро доставляться к тем пунктам, на которые оказывается наиболее сильный нажим. В настоящий момент я еще не могу сказать больше о тех операциях, которые мы планируем или которые могут оказаться

необходимыми, так как эти планы как раз разрабатываются в данное время. Во всяком случае сила наших войск будет такова, что любая угроза обходного контрманевра будет исключена.

Совершенно необходимо, дуче, чтобы вы стабилизировали свой фронт в Албании, с тем чтобы сковать по крайней мере часть греческих и англо-греческих войск.

6. *Югославия.* Югославия проявляет осторожность, стараясь выиграть время. При благоприятных обстоятельствах она, возможно, заключит с нами пакт о ненападении, но к тройственному пакту она, по-видимому, не присоединится ни в каком случае. Я не собираюсь даже пытаться добиться чего-либо большего до тех пор, пока наши военные успехи не приведут к улучшению психологической обстановки.

7. *Россия.* Принимая во внимание угрозу возникновения внутренних конфликтов в некоторых Балканских странах, необходимо заранее учесть все возможные последствия и разработать систему мер, которые позволили бы нам избежать их. Я не предвижу какой-либо инициативы русских против нас, пока жив Сталин, а мы сами не являемся жертвами каких-либо серьезных неудач. Я считаю необходимым, дуче, в качестве предпосылки к удовлетворительному окончанию войны наличие у Германии армии, достаточно сильной, чтобы справиться с любыми осложнениями на Востоке. Чем более сильной будут считать эту армию, тем меньше будет вероятность того, что нам придется использовать ее против непредвиденной опасности. Я хотел бы добавить к этим общим соображениям, что в настоящее время у нас очень хорошие отношения с СССР. Мы находимся накануне заключения торгового договора, который удовлетворит обе стороны, и имеются серьезные основания надеяться, что нам удастся урегулировать остающиеся еще неразрешенными между нами вопросы.

Фактически только два вопроса еще разделяют нас — Финляндия и Константинополь. В отношении Финляндии я не предвижу серьезных затруднений, ибо мы не рассматриваем Финляндию как страну, входящую непосредственно в нашу сферу влияния, и единственное, в чем мы заинтересованы, это чтобы в этом районе не возникла вторая война.

В противовес этому в наши интересы отнюдь не входит уступить Константинополь России, а Болгарию — большевизму. Но даже и здесь при наличии доброй воли можно было бы добиться такого разрешения проблемы, которое позволит нам избежать самого худшего и облегчит нам достижение наших целей. Было бы легче урегулировать этот вопрос, если бы Москва ясно понимала, что ничто не заставит нас согласиться на такие условия, которые мы не сочтем для себя удовлетворительными.

8. *Африка.* Дуче, я не считаю, что на этом театре военных действий можно начать в настоящий момент какое-либо крупное контрнаступление. Подготовка к нему потребует самое меньшее от трех до пяти месяцев. Тем временем наступит такое время года, когда германские танковые войска не смогут быть успешно введены в бой, так как даже бронированные автомобили, если они не будут снабжены специальными охлаждающими установками, практически не смогут быть использованы при таких температурах. Во всяком случае, они не смогут быть использованы в тактических целях во время операций на дальнее расстояние, где им придется находиться в движении в течение целого дня.

Правильным решением вопроса в этом секторе, по-видимому, является увеличение числа противотанковых орудий, даже если для этого потребуются лишить этих специальных орудий итальянские войска в других секторах.

Однако прежде всего, как я уже указывал, я считаю необходимым постараться во что бы то ни стало ослабить позиции английских военно-морских сил на Средиземном море с помощью нашей авиации, так как использование наших сухопутных войск в этом секторе не может повести к улучшению положения.

В остальном, дуче, мы не можем принять каких-либо важных решений до марта».

* * *

8 января комитет обороны решил, что ввиду вероятности вторжения в ближайшее время германских войск в Грецию *через Болгарию* с политической точки зрения исключительно важно сделать все возможное, чтобы любыми средствами немедленно оказать Греции максимальную помощь, которая будет в наших силах. Был также согласован вопрос о том, что решение о форме и размерах нашей помощи Греции должно быть принято в течение ближайших 48 часов.

* * *

10 января начальники штабов предупредили командование на Среднем Востоке, что наступление германских войск на Грецию может начаться еще до конца месяца. Они считали, что оно будет осуществлено через Болгарию, и в качестве возможного пути наступления указывали направление вниз по долине реки Струма к Салоникам. Для этого наступления должны были быть использованы три дивизии при поддержке около 200 пикирующих бомбардировщиков, причем после марта в состав этих войск могло влиться еще три-четыре дивизии.

Начальники штабов добавили, что решение правительства его величества оказать грекам максимально возможную помощь означает, что после взятия Тобрука все другие операции на Среднем Востоке должны будут рассматриваться как второстепенные. Они дали разрешение выделить оттуда механизированные и специальные части и военно-воздушные силы в следующих размерах: один отряд пехотных танков, один полк крейсерских танков¹, десять артиллерийских полков и пять авиаэскадрилий.

Командование английских войск на Среднем Востоке считало, что сосредоточение германских войск в Румынии, о котором мы их предупредили, является только войной нервов, рассчитанной на то, чтобы заставить нас расплыть наши силы на Среднем Востоке и прекратить наступление в Ливии. Уэйвелл выражал надежду, что начальники штабов «срочно обсудят вопрос о том, не является ли этот ход противника блефом».

Премьер-министр — генералу Уэйвеллу 10 января 1941 года

«1. Имеющиеся у нас сведения идут вразрез с представлением о том, что сосредоточение германских войск в Румынии является исключительно «приемом в войне нервов» или «блефом, рассчитанным на то, чтобы заставить нас расплыть наши силы». Мы располагаем множеством подробных сведений, указывающих на то, что еще до конца месяца начнутся большие переброски войск через Болгарию к греческой границе, конечной целью которых, по всей вероятности, является наступление на Салоники. Войска противника, которые будут использованы для этого вторжения, будут обладать огромной мощью, хотя численность их будет небольшой. По-видимому, до середины февраля болгаро-греческую границу смогут пересечь не более чем одна или две танковые дивизии, одна моторизованная дивизия, примерно 180 пикирующих бомбардировщиков и некоторое количество воздушно-десантных частей.

2. Однако, если не преградить путь этим войскам, они могут сыграть в Греции точно такую же роль, какую сыграл во Франции прорыв, осуществленный германской армией у Седана. Это роковым образом отразится на положении греческих

¹ Пехотный танк — тяжелый, тихоходный танк, с толстой броней, предназначенный для сопровождения и поддержки пехоты.

Крейсерский танк — быстроходный танк, с лучшим вооружением, чем пехотный, но с более легкой броней. Он обладал большой подвижностью в условиях боя.

Легкий танк — быстроходный танк, с тонкой броней, в качестве вооружения имел только пулеметы. Использовался для разведывательных операций. — *Примеч. авт.*

дивизий в Албании. Таковы факты и выводы, вытекающие из той информации, которой мы располагаем и которой мы имеем достаточные основания доверять. И разве немцы не должны были бы поступить именно так, чтобы нанести нам максимальный ущерб? Поражение Греции затмит собой те победы, которые вы одержали в Ливии, и оно может оказать решающее влияние на позицию Турции, в особенности если мы останемся безучастными к судьбе наших союзников. Поэтому вы должны подчинить свои планы более важным интересам, которые поставлены теперь на карту...»

Из сказанного видно, что в тот момент мы предполагали предоставить Греции не целую армию, а лишь специальные и технические части.

Генерал Уэйвелл и главный маршал авиации Лонгмор вылетели в Афины для обсуждения вопроса с генералами Метаксасом и Папагосом. 15 января они сообщили нам, что греческое правительство не желает, чтобы какие-либо наши войска высаживались в Салониках до тех пор, пока не сможет быть осуществлена высадка войск достаточной численности для проведения наступательных операций. По получении этой телеграммы начальники штабов телеграфировали 17 января, что не может быть и речи о навязывании грекам нашей помощи. Вследствие этого мы изменили свою точку зрения относительно ближайшего будущего и решили начать наступление на Бенгази, одновременно создавая в дельте Нила максимально сильный стратегический резерв.

В соответствии с этим 21 января начальники штабов указали Уэйвеллу, что теперь захват Бенгази приобретает первостепенное значение. Они считали, что, если Бенгази превратится в сильно укрепленную военно-морскую и авиационную базу, можно будет отказаться от сухопутных коммуникаций и сберечь тем самым людей и транспорт.

Они также настаивали, чтобы он как можно скорее захватил Додеканезы, и особенно остров Родос, дабы предупредить прибытие германской авиации, которая впоследствии могла бы угрожать нашим коммуникациям с Грецией и Турцией, а также чтобы он создал стратегический резерв из четырех дивизий, которые были бы наготове для оказания помощи этим двум странам.

Премьер-министр — генералу Уэйвеллу 26 января 1941 года

«...Получаемые мною со всех сторон сведения не оставляют у меня никаких сомнений в том, что немцы уже в настоящий момент закрепляются на болгарских аэродромах и производят все необходимые приготовления к операциям против Греции... Мы должны ожидать ряда чрезвычайно тяжелых, сокрушительных ударов на Балканах, а возможно, и общего подчине-

ния Балканских стран планам Германии. Чем сильнее будут стратегические резервы, которые Вы можете создать в дельте Нила, и чем активнее будет осуществляться подготовка для переброски их в Европу, тем больше будет шансов на благоприятный исход».

Затем я ответил также генералу Сметсу.

Премьер-министр — генералу Сметсу 12 января 1941 года

«...Что бы ни случилось на Балканах, итальянская армия в Абиссинии, вероятно, может быть уничтожена. Если это случится, то все войска, которые могут оказаться полезными, должны быть переброшены из Кении в Средиземноморский район. Я надеюсь, что армия Южно-Африканского Союза будет там к моменту летних боев. Вокруг мыса Доброй Надежды непрерывно направляются очень крупные подкрепления...»

Глава вторая

ВОЙНА РАСШИРЯЕТСЯ

С наступлением нового года между мною и президентом Рузвельтом установились более тесные связи.

10 января ко мне на Даунинг-стрит явился господин с высочайшими полномочиями. Из Вашингтона были получены телеграммы, в которых указывалось, что он является ближайшим доверенным лицом и личным представителем президента. Поэтому я распорядился, чтобы по прибытии в аэропорт его встретил Брендан Брэкен и чтобы на следующий день мы позавтракали вместе. Так я встретился с Гарри Гопкинсом, этим необыкновенным человеком, который уже сыграл и должен был играть впредь большую, а подчас и решающую роль во всем ходе войны. В его хрупком и болезненном теле горела пылкая душа. Это был разрушающий маяк, который освещал своими лучами путь к гавани великим флотам. Он обладал также даром язвительного юмора. Я всегда наслаждался его обществом, в особенности когда дела шли плохо. Иногда он умел быть очень неприятным и говорить жестокие и горькие слова. Опыт моей жизни учил и меня делать то же самое в случае необходимости.

Во время нашей первой встречи мы провели вместе около трех часов, и я вскоре оценил динамичность его характера и огромную важность порученной ему миссии. Он прибыл в Лондон в период самых ожесточенных бомбежек, и мы были озабочены необходимостью решить множество проблем местного характера. Но для меня было ясно, что это был посланник президента, миссия которого имела колоссальное значение для

самого нашего существования. С горящими глазами, сдерживая затаенную страсть, он тихо сказал: «Президент твердо решил, что мы должны выиграть войну вместе. Не заблуждайтесь на этот счет.

Он послал меня сюда, чтобы сообщить вам, что он будет поддерживать вас любой ценой и любыми средствами, чего бы это ни стоило ему лично. На свете нет таких вещей, которых он не сделает, если только это в пределах человеческих сил».

Всякий, кому приходилось сталкиваться с Гарри Гопкинсом в течение этой длительной борьбы, подтвердит то, что я сказал о его выдающихся личных качествах. Начиная с этого момента, между нами установилась дружба, стойко выдержавшая все испытания и потрясения. Он был самым верным и совершенным звеном связи между президентом и мной. Но, что гораздо важнее, он в течение нескольких лет был главной опорой и вдохновителем самого Рузвельта. Вместе эти два человека, один — подчиненный и не занимавший какого-либо официального поста, а другой — глава могучей республики, были способны принимать решения, имевшие важнейшее значение для всех стран, говорящих по-английски.

В то время как война с итальянцами в Северо-Восточной Африке продолжала развиваться успешно, а у греков в Албании были все основания надеяться на захват Валоны, сведения, которые мы получали о передвижениях германских войск и о намерениях Германии, с каждым днем все более ясно говорили о том, что Гитлер собирается осуществить широкую интервенцию на Балканах и в Средиземноморском районе. Уже с начала января я опасался прибытия германской авиации на Сицилию, что создало бы угрозу для Мальты и для наших надежд возобновить морские перевозки по Средиземному морю. Я также опасался, что немцы создадут авиабазу на острове Пантеллерия, что значительно облегчило бы переброску в Триполи германских войск, по всей вероятности танковых. Как оказалось впоследствии, немцы не считали необходимым занятие Пантеллерии. Но мы не могли сомневаться в том, что они осуществляют свои планы обеспечения северного и южного прохода своих войск в Африку через Италию с тем, чтобы одновременно и теми же самыми способами прервать все наши передвижения в восточном и западном направлениях в районе Средиземноморья.

В добавление ко всему этому в тот период возникала угроза, что Балканские страны, включая Грецию и Турцию, окажутся втянутыми или вынужденными войти в состав гитлеровской империи или же будут завоеваны Германией, если откажутся подчиниться.

Неужели невозможно было добиться единства Балканских стран и создания Балканского фронта, что заставило бы не-

мцев призадуматься, стоит ли платить такой дорогой ценой за новый акт агрессии? Не мог ли факт сопротивления Балканских стран Германии вызвать серьезную и благоприятную реакцию в Советской России? Здесь, безусловно, были задеты не только интересы Балканских стран, но и их чувства, поскольку они разрешали последним влиять на их расчеты. Не могли ли мы за счет наших скудных, но возраставших ресурсов предоставить им дополнительную помощь, которая послужила бы для всех этих стран с одинаковыми в общем интересами побудительным толчком к действиям во имя общей цели? Или же, напротив, нам следовало заниматься собственными делами и добиться успешного завершения нашей кампании в Северо-Восточной Африке, предоставив Греции, Балканам, а возможно, и Турции и всем другим странам Среднего Востока катиться к гибели?

...Если бы Гитлеру удалось почти без боев поставить Грецию на колени, а все остальные Балканские страны вовлечь в свою систему, а затем заставить Турцию разрешить его войскам пройти через ее территорию в южном и восточном направлениях, то разве не мог бы он договориться с Советами о завоевании и разделе этих обширных районов и перенести свое неизбежное в конечном счете столкновение с ними в более поздний раздел своей программы? Или, что более вероятно, разве он не был бы в состоянии напасть на Россию раньше и более многочисленными силами? Основной вопрос, который рассматривается и раскрывается в последующих главах, заключается в том, оказали ли действия правительства его величества решающее или хотя бы заметное влияние на операции Гитлера в Юго-Восточной Европе, а также не отразились ли впоследствии эти действия, во-первых, на позиции России и, во-вторых, на ее последующей судьбе.

* * *

Мы уже оказывали скромную помощь Греции с того момента, когда на нее напала Италия, и четыре английские воздушные эскадрильи с известным успехом вели бои, базируясь на греческие аэродромы. В связи с этим небезынтересно ознакомиться с тем, что в действительности происходило в это время в Германии.

7 января Риббентроп направил следующую информацию для сведения руководителей германской миссии в Москве:

«С начала января через территорию Венгрии осуществляется переброска в Румынию крупных германских воинских частей. Эти передвижения войск происходят с полного согласия венгерского и румынского правительств. Пока что войска будут дислоцированы на юге Румынии. Эти перевозки войск вызваны

необходимостью серьезно заняться вопросом о полном вытеснении англичан со всей территории Греции. Германские войска доставлены туда в таком количестве, что они легко могут справиться с любой военной задачей в Дунайском районе и со всякими случайностями, которые могут возникнуть с любой стороны. Проводимые нами военные мероприятия направлены исключительно против английских войск, стремящихся укрепиться в Греции, а не против какой бы то ни было из Балканских стран.

Что касается инструкций по поводу бесед, то, вообще говоря, следует занимать сдержанную позицию. В случае поступления срочных официальных запросов следует, в зависимости от обстоятельств, указывать, что с подобными запросами надо обращаться в Берлин. Поскольку не удастся избежать беседы, надо высказать свое мнение в самых общих выражениях. *При этом в качестве благовидного предложения можно указывать на то, что у нас имеются достоверные сведения о все увеличивающихся английских подкреплениях всех родов войск, направляемых в Грецию; можно также напомнить об операциях в Салониках во время прошлой мировой войны¹.*

Что касается численности германских войск, то на этот вопрос пока что желательно по-прежнему давать уклончивые ответы. Впоследствии мы, вероятно, будем заинтересованы в том, чтобы предать гласности действительную численность наших войск и даже, более того, создать преувеличенное представление о ней. Соответствующее указание на этот счет вы получите своевременно».

Германский посол в Москве Шуленбург 8 января ответил следующим посланием:

«Здесь уже циркулирует множество слухов об отправке германских войск в Румынию; численность перебрасываемых войск оценивается даже в 200 тысяч. Правительственные круги, радио и советская печать еще не поднимали этого вопроса.

Советское правительство будет проявлять живейший интерес к этим передвижениям войск и пожелает выяснить, каковы цели осуществляемого сосредоточения войск, а особенно — в какой мере оно может отразиться на положении Болгарии и Турции (Проливов). Прошу дать мне соответствующие инструкции».

Германский министр иностранных дел ответил в тот же день:

Риббентрон — Шуленбургу

8 января 1941 года

«Предлагаю Вам при переговорах с Советским правительством не касаться вопроса об усиленной переброске германских войск в Румынию.

¹ Курсив мой. — Авт.

Если к Вам обратится по этому вопросу Молотов или кто-либо другой из влиятельных представителей Советского правительства, скажите ему, пожалуйста, что, согласно полученным Вами сведениям, отправка германских войск связана исключительно с военными мерами предосторожности против Англии. Англичане уже имеют контингенты войск в Греции, и предполагается, что в ближайшем будущем они еще увеличат эти контингенты. Германия ни при каких обстоятельствах не потерпит того, чтобы Англия получила точку опоры на греческой территории. Прошу не входить в дальнейшие детали впредь до получения соответствующего уведомления».

* * *

К середине января русские были уже глубоко встревожены и сделали запрос в Берлине. 17 января русский посол явился в германское министерство иностранных дел и вручил меморандум, содержание которого в основном сводилось к следующему:

«По имеющимся сведениям, в Румынии находится большое количество германских войск, которые в настоящий момент готовятся вступить в Болгарию, имея своей конечной целью оккупацию Болгарии, Греции и Проливов. Не приходится сомневаться в том, что Англия попытается предупредить операции германских войск, занять Проливы, начать военные операции против Болгарии в союзе с Турцией и превратить Болгарию в театр военных действий. Советское правительство неоднократно указывало германскому правительству на то, что оно рассматривает территорию Болгарии и Проливов как зону безопасности СССР и что оно не может безразлично относиться к событиям, которые угрожают интересам безопасности СССР. Ввиду всего этого Советское правительство считает своим долгом предупредить, что оно будет рассматривать появление каких бы то ни было иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и Проливов как нарушение интересов безопасности СССР».

21 января русский посол был приглашен в германское министерство иностранных дел, где ему было заявлено, что германское правительство не получило никаких сообщений о намерении Англии занять Проливы. Оно также не думает, что Турция разрешит английским вооруженным силам вступить на ее территорию. Однако германское правительство информировано о том, что Англия в ближайшем будущем собирается укрепиться на греческой территории. Германское правительст-

во выразило свое непоколебимое намерение не разрешить английским вооруженным силам обосноваться на греческой территории, что означало бы угрозу жизненным интересам Германии на Балканах. Поэтому оно осуществляет известную концентрацию войск на Балканах с единственной целью помешать англичанам получить точку опоры в Греции. Германское правительство считает, что эти действия служат и интересам Советов, которые также противились бы получению Англией точки опоры в этом районе¹.

На этом временно с этим вопросом было покончено.

* * *

Через несколько дней я обратился к президенту Турции.

Премьер-министр — президенту Иненю, Анкара

31 января 1941 года

«Быстро возрастающая угроза Турции и британским интересам заставляет меня, г-н президент, обратиться к Вам непосредственно. У меня имеются достоверные сведения о том, что немцы уже обосновываются на болгарских аэродромах. Идет подготовка барачков, и уже прибыли передовые части обслуживающего персонала численностью в несколько тысяч человек. Все это делается с полного согласия болгарского воздушного флота, а также, несомненно, и самого болгарского правительства. Очень скоро, возможно через несколько недель, начнется доставка в Болгарию германских войск и эскадрилий воздушного флота. Этим эскадрильям нужно лишь перелететь с их аэродромов в Румынии на те базы, которые для них готовятся в Болгарии, и они смогут немедленно вступить в бой. Затем, если Вы не пообещаете немцам не выступать против Болгарии или против их войск,двигающихся через территорию Болгарии, они в ту же ночь подвергнут бомбардировке Стамбул и Адрианополь и бросят против Ваших войск во Фракии пикирующие бомбардировщики. Они не дадут возможности нашему морскому флоту использовать порт в Смирне; они будут полностью контролировать все выходы из Дарданелл и таким образом добьются полного окружения Турции в Европе с трех сторон. Это также облегчит им наступление на Александрию и вообще на Египет.

Мне кажется, что наши народы сурово осудили бы нас, если бы мы не проявили самой обычной осторожности и предусмотрительности. Мы и так уже потеряли слишком много времени.

¹ Nazi-Soviet Relations, 1939—1941/Published by the State Department of the United States, 1948. P. 268, 271—272.

Поэтому я предлагаю, г-н президент, чтобы мы с Вами приняли для обороны Турции те же меры, которые немцы осуществляют на болгарских аэродромах. Мое правительство в ближайший момент желает послать в Турцию, как только Ваши аэродромы в состоянии будут принять, по меньшей мере десять эскадрилий истребителей и бомбардировщиков, помимо тех пяти, которые в настоящий момент участвуют в боевых операциях в Греции. Если Греция капитулирует или будет разгромлена, то мы переведем и эти пять эскадрилий на турецкие аэродромы и далее будем вести воздушную войну с турецких баз силами непрерывно увеличивающейся количественно и первоклассной качественно авиации. Таким образом, мы можем обеспечить турецкой армии дополнительную поддержку с воздуха, которая ей необходима, чтобы сохранить свои прославленные боевые качества.

Это еще не все. Позиция России представляется неясной, и мы надеемся, что она может остаться лояльной и дружественной. Ничто не удержит Россию от оказания помощи Германии — хотя бы косвенной — больше, чем присутствие мощной английской бомбардировочной авиации, которая могла бы (из Турции) атаковать нефтепромыслы Баку. Сельское хозяйство России в большей мере зависит от снабжения нефтью из этих источников, и разрушение их вызвало бы жестокий голод в стране.

Таким образом, Турция, будучи защищена авиацией, имела бы, пожалуй, возможность удержать Германию от оккупации Болгарии и разгрома Греции, а также смогла бы умерить страх, который испытывают русские перед германской армией.

Победы, одержанные нами в Ливии, дадут возможность предоставить Турции несравненно более прямую и немедленную поддержку в том случае, если наши две страны станут военными союзниками и мы будем защищать с Вами общее дело и используем нашу растущую мощь для поддержки Вашей доблестной армии».

* * *

Я понимал в то время, насколько опасным стало положение Турции. Было совершенно очевидно, что мы не можем считать договор, заключенный нами с нею до войны, обязательным для нее при изменившихся обстоятельствах. Когда в 1939 году разразилась война, турки мобилизовали свою сильную, надежную и храбрую армию. Но при этом исходили из условий, существовавших в Первую мировую войну. Турецкая пехота обладала теми же превосходными качествами, что и прежде, и ее полевая артиллерия была удовлетворительной. Но у турок совершенно не было тех современных видов оружия, которые

с мая 1940 года приобрели решающее значение. Их авиация была плачевно слабой и примитивной. У них не было ни танков, ни бронемашин, и они не имели ни заводов для их производства и ремонта, ни обученного персонала для их обслуживания. У них почти не было зенитной и противотанковой артиллерии. Их служба связи находилась в зачаточном состоянии. Радар был им совершенно не известен. К тому же по своим боевым качествам они не были способны освоить все эти современные изобретения.

С другой стороны, Болгария была в значительной мере вооружена Германией за счет тех огромных запасов всех видов военных материалов, которые были захвачены немцами во Франции и в Нидерландах в результате боев 1940 года. Таким образом, немцы в избытке располагали современным оружием, которым они могли снабжать своих союзников.

Единственно возможным политическим курсом, единственной надеждой на этой стадии распространявшейся все шире войны являлась выработка организованного плана объединения сил Югославии, Греции и Турции, и именно это мы и пытались осуществить в тот момент.

Таково было наше положение к февралю.

Глава третья

БЛИЦ И АНТИБЛИЦ В 1941 ГОДУ. ГЕСС

Так как 1940 год уже приближался к концу, а германский блиц все еще продолжался, нам представлялось абсолютно необходимым продумать вопрос о нашем будущем и попытаться выяснить, какие испытания нас ожидают. Как долго еще будут продолжаться становящиеся все более интенсивными ночные налеты на наши заводы и на наше мирное население? Прежде всего мы должны произвести максимально точную оценку сил германской авиации — абсолютных и относительных, а также намеченной Германией программы на 1941 год.

* * *

С помощью профессора Линдемана и его отдела статистики я начал выяснять этот туманный вопрос. Мы проверили данные, представленные нам министерством авиации. Мы сличили их с самостоятельно полученными и значительно расходящимися цифрами министерства экономической войны и министерства авиации, а также с оценками, представленными министерством авиационной промышленности. Я предоставил

этим ведомствам возможность вступить в весьма полезные споры по этому поводу. Данные оказались настолько противоречивыми, а все участники совещания настолько искренне стремились установить истину, что я считал необходимым, чтобы все факты проанализировал и взвесил человек, обладающий ясным, острым и непредвзятым умом.

*Премьер-министр — министру авиации
и начальнику штаба военно-воздушных сил*

9 декабря 1940 года

«В субботу я провел четыре часа с сотрудниками разведывательного управления министерства авиации и министерства экономической войны. Я не смог прийти к заключению, кто из них прав. Возможно, что истина находится где-то посередине. Этот вопрос имеет важнейшее значение для нашей оценки общих перспектив войны. Он также мог бы оказать определяющее влияние на использование наших сил в настоящий момент. Я бы очень хотел, чтобы оба эти министерства, сотрудники которых дружны между собой, были приглашены для опроса с целью анализа имеющихся данных и установления фактов. Роль председателя при этом следовало бы поручить беспристрастному человеку, привыкшему взвешивать показания и вести перекрестный допрос, и я полагал бы, что для этой цели подходит судья Синглтон, который имеет боевой опыт артиллериста и недавно проводил по моему поручению расследование относительно авиаприцелов».

У судьи Синглтона установились превосходные отношения с летчиками и другими специалистами. 21 января он представил мне свой окончательный доклад. Судья пришел к выводу, что соотношение сил германской и английской авиации составляет примерно 4:3. Хотя министерство авиации (разведка) все еще считало, что немцы располагают более крупными силами, а министерство экономической войны находило, что германская авиация слабее, они до известной степени согласовали свои точки зрения, и оценка Синглтона была принята нами за основу. Меня несколько приободрил этот отчет, который доказывал, что мы постепенно догоняем немцев в воздухе. В начале битвы за Францию германская авиация была по меньшей мере вдвое сильнее нашей. Теперь же, по имевшимся данным, она превосходила нашу авиацию всего лишь в отношении 4:3. После войны мы узнали, что фактически это отношение было скорее 3:2. Это был уже значительный шаг вперед. А между тем мы еще не успели полностью развернуть наши силы и не получили из Америки огромной помощи, которая в это время находилась в пути.

* * *

К концу 1940 года Гитлеру стало ясно, что Англию невозможно уничтожить с воздуха. Битва за Англию была его первым поражением: ожесточенная бомбардировка английских городов не устранила английский народ и его правительство.

Подготовка к вторжению в Россию в начале лета 1941 года поглотила значительную часть германских военно-воздушных сил. В многочисленных ожесточенных налетах, которым мы подвергались до конца мая, уже не участвовали все силы германского воздушного флота. Для нас они были самыми тяжелыми по своим последствиям, но ни германское верховное командование, ни сам фюрер уже не уделяли им основного внимания. Для Гитлера продолжение воздушной войны против Англии было необходимым и удобным прикрытием концентрации сил против России. Согласно его оптимистическому графику, Советы должны были, подобно французам, потерпеть поражение в результате шестинедельной кампании, после чего все германские войска освободились бы для окончательного разгрома Англии осенью 1941 года. Тем временем надо было изматывать эту упрямую нацию, во-первых, с помощью блокады, осуществляемой подводными лодками при поддержке авиации дальнего действия, и, во-вторых, воздушными налетами на ее города и особенно порты. Это объяснялось тем, что план операций германской армии «Зее Лёве», направленный против Англии, был заменен теперь планом «Барбаросса», направленным против России. Германскому морскому флоту были даны директивы сосредоточить свои усилия на наших атлантических коммуникациях, а германскому военно-воздушному флоту — на наших портах и подступах к ним. Это был значительно более опасный план, чем бессистемная бомбардировка Лондона и гражданского населения, и наше счастье, что немцы не использовали всех имевшихся в их распоряжении сил для осуществления этого плана и не проводили его с большей настойчивостью.

* * *

Оглядываясь назад, можно сказать, что воздушный блиц 1941 года делится на три стадии. На первой стадии, длившейся в течение января и февраля, противнику мешала плохая погода, и если не считать налетов на Кардифф, Портсмут и Суонси, наша служба гражданской противовоздушной обороны получила в этот период вполне заслуженную передышку, которой она не замедлила воспользоваться. Еще задолго до войны комитет обороны создал систему портовых комитетов действия, в которые входили представители всех основных учреждений,

заинтересованных в организации работы портов. Тяжелый опыт зимы 1940 года дал этим комитетам закалку, а готовность министерства транспорта военного времени к осуществлению мер по децентрализации позволила им теперь вести гораздо более эффективную самостоятельную борьбу. Причем они с уверенностью могли рассчитывать на помощь извне, осуществляющуюся через районных комиссаров. Не упускались из виду также и более активные методы обороны. К большому неудовольствию местного населения, чьи дома заполнялись дымом, готовились дымовые завесы, которые впоследствии доказали свою ценность при обороне промышленных районов в центральной части Англии. Велась подготовка к устройству ложных пожаров, или «морских звезд», для дезориентации бомбардировщиков противника, и вся организация обороны увязывалась в единую стройную систему.

Когда погода улучшилась, снова начались сильные воздушные налеты. Вторая фаза блица, которую иногда называют «турне германской авиации по портам», началась в первых числах марта. Она состояла из единичных или повторных налетов, которые, несмотря на их интенсивность, не нанесли серьезного ущерба нашим портам. 8 марта и в течение трех последующих ночей были произведены ожесточенные налеты на Портсмут, во время которых были повреждены доки. 11 марта подверглись бомбардировке Манчестер и Салфорд. В последующие ночи наступила очередь долины реки Мерсей. 13 и 14 марта германская авиация впервые ожесточенно бомбардировала Клайд, в результате чего было убито и ранено свыше двух тысяч человек и вышли из строя судовой верфи, причем часть из них была затем восстановлена в июне, а часть — лишь в ноябре. Сильные пожары на судостроительном заводе компании «Джон Браун» вызвали простой завода, который возобновил нормальную работу только в апреле. Компания понесла серьезный ущерб в связи с большой забастовкой, начавшейся 6 марта. Большинство бастовавших потеряло в результате бомбардировок свои жилища, однако лишения и опасности, которые им пришлось перенести из-за воздушных налетов, заставили их вернуться к ревностному исполнению своего долга. До конца месяца долина реки Мерсей, центральные районы Англии, Эссекс и Лондон снова подверглись воздушным бомбардировкам.

Самые тяжелые удары ожидали нас в апреле. 8 апреля подвергся ожесточенной бомбардировке Ковентри, а в остальной части страны наиболее интенсивный налет был совершен на Портсмут; 16 и 17 апреля произошли сильные налеты на Лондон: во время этих налетов было убито свыше 2300 человек и более 3 тысяч тяжело ранено. В течение этой третьей, последней фазы противник все еще стремился уничтожить боль-

шую часть наших крупнейших портов, совершая налеты, иногда длившиеся целую неделю. Плимут подвергся бомбардировке с 21 по 29 апреля, и, хотя ложные пожары помогли спасти доки, этого удалось достигнуть только за счет самого города. Кульминационный момент наступил 1 мая, когда начались налеты на Ливерпуль и Мерсей, длившиеся семь ночей подряд, 76 тысяч человек потеряли кров, а 3 тысячи были убиты и ранены. Из 144 причалов 69 были выведены из строя, а временно находившиеся в портах суда были на три четверти уничтожены. Если бы противник проявил больше упорства, то исход битвы за Атлантику был бы еще более сомнительным. Но он, как обычно, повернул в другую сторону. В течение двух ночей он жестоко бомбардировал Гулль, где 40 тысяч человек остались без крова, были разрушены продовольственные склады и почти на два месяца выведены из строя судостроительные заводы. В этом же месяце был совершен новый воздушный налет на Белфаст, который уже дважды до этого подвергался бомбардировке.

* * *

Тем временем выковывались первые из новых видов оружия, применявшегося в этой войне. Еще осенью 1937 года планы противовоздушной обороны Великобритании были перестроены исходя из того предположения, что наши ученые сдержат свои обещания относительно применения радара, который в то время еще только испытывался. Первые пять станций береговой радиолокационной цепи — те, что охраняли устье Темзы, — были свидетельницами вылета Чемберлена с миссией мира и возвращения его обратно в сентябре 1938 года. Весной 1939 года восемнадцать станций на всем протяжении от Данди до Портсмута начали нести круглосуточную вахту, которая уже не прерывалась в течение последующих шести лет. Эти станции были бдительными часовыми сигнализационной системы, оповещавшей о воздушных налетах; они помогли нам избежать тяжелых потерь в нашей военной промышленности и облегчили невыносимое бремя, лежавшее на работниках нашей гражданской противовоздушной обороны. Они помогли зенитчикам избавиться от ненужных и утомительных дежурств на постах. Они спасли нас от той чрезмерной нагрузки, которой в противном случае подвергались бы люди и машины и которая была бы роковой для нашей непревзойденной, но немногочисленной истребительной авиации, если бы ей пришлось осуществлять непрерывное патрулирование. Они не могли обеспечить точности, необходимой для перехвата самолетов противника в ночное время, но они дали возможность дневным истребителям ожидать свою жертву в

наиболее выгодной для нападения позиции и на наиболее удобной высоте. Решающую роль в обеспечении победы в дневных боях им помогли сыграть поддерживавшие и дополнявшие их другие станции новой конструкции¹, которые давали сигнал о приближении низко летящих самолетов противника, сигнал неопределимо важный, хотя он и давался лишь незадолго до их появления.

* * *

В течение всего 1941 года мы успешно продолжали борьбу с радарными лучами немцев, несмотря на различные их усовершенствования. Могу иллюстрировать это примером. В ночь на 8 мая немцы собирались произвести два налета, один на завод «Роллс-Ройс» в Дерби и другой — на Ноттингем. В результате нашего вмешательства они сбились с курса и вместо Дерби подвергли бомбардировке Ноттингем, где еще с прошлой ночи горели небольшие пожары после налета. Эта первоначальная ошибка заставила их перенести второй налет в район Бельвуарской долины, которая находится на таком же примерно расстоянии от Ноттингема, как Ноттингем от Дерби. В германском коммюнике сообщалось о разрушении завода «Роллс-Ройс» в Дерби, до которого их самолеты так и не долетели. Они сбросили 230 фугасных и множество зажигательных бомб в открытой местности. Два цыпленка — таковы были наши общие потери.

Последний налет был для нас самым тяжелым. 10 мая противник снова сбросил на Лондон зажигательные бомбы. В городе вспыхнуло свыше двух тысяч пожаров, причем мы не могли тушить их, так как бомбардировками было разрушено около 150 водопроводных магистралей, а уровень воды в Темзе был в то время очень низким. В шесть часов утра на следующее утро еще бушевало несколько сот пожаров, а четыре пожара продолжали гореть и в ночь на 13 мая. Из всех ночных налетов этот был самым разрушительным. Были повреждены 5 доков и более 70 важнейших объектов, половину из которых составляли заводы. Все крупнейшие железнодорожные станции, за исключением одной, были выведены из строя на несколько недель, а сквозные пути полностью открылись для движения только в начале июня. Было убито и ранено свыше 3 тысяч человек. Этот налет был историческим также и в другом отношении: в результате была разрушена палата общин. Одна бомба причинила разрушения, которые не могли

¹ Мы условно называли их CHL и CHEL (цепь радиолокационных станций обнаружения самолетов, летящих на малой и на весьма малой высоте). — *Примеч. авт.*

быть ликвидированы в течение нескольких лет. Однако мы благодарили судьбу за то, что палата была в это время пуста. Наши зенитные батареи и ночные истребители сбили 16 самолетов противника — максимальная цифра, достигнутая нами за все время ночных боев, что в большой мере явилось плодом наших зимних трудов по разработке методов «колдовской войны».

Хотя мы этого не знали, это был прощальный визит противника. 22 мая Кессельринг перевел штаб своего воздушного флота в Познань, а в начале июня и весь воздушный флот был переброшен на восток. После этого прошло почти три года, прежде чем нашим отрядам гражданской противовоздушной обороны в Лондоне снова пришлось отражать «малый блиц» в феврале 1944 года и позднейшее интенсивное воздушное наступление, во время которого использовались ракеты и летающие снаряды. За год — с июня 1940 года по июнь 1941 года — наши потери среди гражданского населения составили 43 381 убитый и 50 856 тяжелораненых, а всего 94 237 человек.

Если не считать использования радара в помощь зенитной артиллерии, противник до сих пор сосредоточивал свое внимание на приспособлениях наступательного характера, таких, как радарные лучи, и лишь к концу 1941 года немцы почувствовали необходимость позаботиться о собственной обороне. Для отыскания наших объектов мы в Англии, конечно, полагались на наши крупные и дорогостоящие навигационные училища, которые выпускали специалистов-штурманов, и рассматривали радар в основном как средство самозащиты. Когда мы справились с радарными лучами и положение вообще улучшилось, мы стали изучать германский радар с целью устранения помех при наших ответных воздушных налетах. В феврале 1941 года мы впервые нашли и сфотографировали германскую радиолокационную установку для обнаружения самолетов и почти сразу же стали перехватывать ее передачи. Найдя эту станцию вблизи Шербура, мы стали искать другие радиолокационные станции вдоль западного побережья оккупированных стран Европы с помощью аэрофоторазведки и секретных агентов. В середине 1941 года королевский воздушный флот готовился к ожесточенным ночным налетам на Германию. Для осуществления этих налетов мы должны были располагать всеми сведениями о системе обороны Германии. Мы считали вероятным, что эта система обороны, как и наша собственная, основывается главным образом на радаре. От изучения германских радиолокационных станций на побережье мы постепенно перешли к изучению системы патрулирования германских ночных истребителей. Эта система была организована в виде большого пояса, простиравшегося от Шлезвиг-

Гольштинии через северо-западную часть Германии и Голландию до франко-бельгийской границы. Но ни наши новые мероприятия, ни шаги, предпринятые противником, не сыграли большой роли в последние месяцы 1941 года. Германская бомбардировочная авиация, согласно оптимистическим планам немцев, должна была начать возвращение из России через шесть недель после вторжения. Если бы она действительно вернулась, ее поддержали бы в налетах на Англию многочисленные новые радарные станции с более мощными передатчиками, созданные вдоль побережья Ла-Манша, чтобы помочь ей проложить себе путь, несмотря на помехи, создаваемые английскими радиостанциями. Она встретила бы много новых передатчиков на нашем берегу, которые отклоняли бы и сбивали бы с курса самолеты, а также и значительно усовершенствованные радиолокационные установки на наших ночных истребителях. Однако все более осложнявшееся положение в России помешало этой новой войне лучей и огромные достижения обеих сторон в области применения радио на время остались неиспользованными.

* * *

В субботу 11 мая я проводил конец недели в Дитчли. После обеда мне сообщили о сильном налете на Лондон. Я был бессилен сделать что-либо, а потому продолжал смотреть комический фильм с участием братьев Маркс, который показывали мои хозяева. Я дважды выходил справиться о налете, и каждый раз мне говорили, что он носит очень ожесточенный характер. Веселый фильм продолжался, и я был рад, что он отвлекал мое внимание. Вдруг мой секретарь сообщил, что меня вызывает по телефону из Шотландии герцог Гамильтонский. Герцог был моим личным другом, но я не мог себе представить, что у него может быть ко мне дело, которое не подождало бы до утра. Однако он настаивал, заявляя, что речь идет о деле государственной важности. Я попросил Брэкена узнать, что он хочет мне сообщить. Через несколько минут он вернулся со следующими словами: «В Шотландию прибыл Гесс». Я счел, что это фантастика. Однако сообщение оказалось верным. Ночью поступили дополнительные сообщения, подтверждавшие это известие. Не подлежало сомнению, что Гесс, заместитель фюрера, рейхсминистр без портфеля, член министерского совета обороны Германской империи, член тайного германского совета кабинета министров и лидер нацистской партии, приземлился один на парашюте близ поместья герцога Гамильтонского на западе Шотландии.

Управляя своим самолетом, он, в форме капитана германской авиации, вылетел из Аугсбурга и выбросился с парашю-

том. Вначале он назвался Хорном, и лишь в военном госпитале около Глазго, куда его доставили по поводу легких ранений, полученных им при приземлении, было установлено, кто он такой. Вскоре его перевезли сначала в Тауэр, а затем в другие места заключения в Англии, где он оставался до 6 октября 1945 года, когда присоединился в нюрнбергской тюрьме к своим уцелевшим коллегам, представшим перед судом победителей.

Я никогда не придавал сколько-нибудь серьезного значения этой проделке Гесса. Я знал, что она не имеет никакого отношения к ходу событий. Тем не менее она вызвала большую сенсацию в Англии, Соединенных Штатах, России и главным образом в Германии. О ней даже были написаны книги. Я постараюсь изложить здесь эту историю в ее истинном виде, как она мне представляется.

* * *

Рудольф Гесс был красивым, моложавым человеком, который полюбился Гитлеру и стал одним из его ближайших сотрудников. Он преклонялся перед фюрером. Гесс часто обедал за одним столом с Гитлером — наедине с ним или в присутствии еще двух-трех человек. Он знал и понимал внутренний мир Гитлера — его ненависть к Советской России, его страстное желание уничтожить большевизм, его восхищение Англией и искреннее желание жить в дружбе с Британской империей, его презрение к большинству других стран. Никто не знал Гитлера лучше, чем он, и не видел его чаще в моменты наибольшей откровенности. Когда началась настоящая война, все изменилось. Общество за столом Гитлера в силу необходимости все увеличивалось. Время от времени в этот избранный круг самовластных правителей допускались генералы, адмиралы, дипломаты, высокопоставленные чиновники. Заместитель фюрера оказался на втором плане. Что значили теперь партийные демонстрации? Наступило время действовать, а не заниматься трюкачеством.

Героизм его поступка в известной мере умалется тем, что тут сыграла свою роль ревность, которую он испытывал, видя, что в условиях войны он уже не играет прежней роли друга и доверенного лица своего возлюбленного фюрера. «Вот, — думал он, — все те генералы и прочие, которых нужно допустить к фюреру и которые теснятся за его столом. Они должны сыграть свою роль. Но я, Рудольф, превзойду их всех своей безмерной преданностью и принесу моему фюреру более ценный дар и большее облегчение, чем все они, взятые вместе. Я отправлюсь в Англию и заключу с ней мир. Моя жизнь ничего не стоит. Как я рад, что могу принести ее в жертву

для осуществления этой надежды!» Такие настроения, несмотря на их наивность, не были, конечно, ни злонамеренными, ни низменными.

Представление Гесса о ситуации в Европе сводилось к тому, что поджигатели войны, выразителем настроений которых является Черчилль, заставили Англию отказаться от ее истинных интересов и от политики дружбы с Германией и в первую очередь от союза с нею для борьбы с большевизмом. Если бы только ему, Рудольфу, удалось добраться до сердца Англии и заставить короля поверить в то, как к ней относится Гитлер, злые силы, которые в настоящее время правят этим злополучным островом и навлекли на него столько ненужных бедствий, были бы сметены. Как может устоять Англия? Франция уже сброшена со счетов. Подводные лодки вскоре уничтожат все морские коммуникации; воздушные налеты германской авиации разрушат английскую промышленность и обратят в прах английские города.

Но к кому бы ему обратиться? Сын его политического советника Карла Хаусгофера знал герцога Гамильтонского. Гессу было известно, что герцог Гамильтонский является одним из высокопоставленных придворных чинов. Такое лицо, вероятно, каждый вечер обедает с королем и лично беседует с ним. Через него он сможет найти прямой доступ к королю.

* * *

Через несколько дней в германской печати появилось сообщение, что «член партии Гесс, по-видимому, находился в состоянии галлюцинации, под влиянием которой он решил, что сможет добиться взаимопонимания между Англией и Германией... Национал-социалистская партия скорбит о том, что этот идеалист пал жертвой своих галлюцинаций. Это, однако, не повлияет на дальнейший ход войны, которая была навязана Германии». Для Гитлера это событие было весьма неприятным. Оно было равносильно тому, как если бы мой доверенный коллега, министр иностранных дел, который был лишь немного моложе Гесса, спустился бы на парашюте с украденного самолета «спитфайр» на территории Берхтесгадена. Наци, без сомнения, почувствовали некоторое удовлетворение от того, что они арестовали адъютантов Гесса.

Премьер-министр — министру иностранных дел

13 мая 1941 года

«1. Вообще говоря, было бы удобнее обращаться с ним (Гессом), как с военнопленным, подведомственным военному министерству, а не министерству внутренних дел; но в то же

время его следует рассматривать как лицо, против которого могут быть выдвинуты серьезные политические обвинения. Этот человек, подобно другим нацистским лидерам, потенциально является военным преступником, и как он, так и его сообщники могут быть объявлены вне закона по окончании войны. В этом случае его раскаяние послужит ему на пользу.

2. Тем временем он должен находиться в строгой изоляции в удобном доме, не слишком далеко от Лондона, причем необходимо приложить все усилия, чтобы изучить его душевное состояние и получить от него какие-нибудь ценные сведения.

3. Необходимо следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха. Он не должен иметь никаких связей с внешним миром или принимать посетителей, за исключением лиц по указанию министерства иностранных дел. К нему следует приставить специальную стражу. Он не должен получать газеты и слушать радио. С ним надо обращаться почтительно, как если бы он являлся крупным генералом, захваченным нами в плен».

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

17 мая 1941 года

«Представитель министерства иностранных дел имел три беседы с Гессом.

Во время первой беседы, в ночь на 12 мая, Гесс был особенно разговорчив и сделал подробное заявление на основании своих заметок. Первая часть представляла обзор англо-германских отношений примерно за последние тридцать лет и имела целью показать, что Германия всегда была права, а Англия всегда виновата. Во второй части подчеркивалась неизбежность победы Германии благодаря успешному сочетанию действий подводного флота и авиации, стойкой морали немцев и сплоченности германского народа вокруг Гитлера. В третьей части излагались предложения об урегулировании. Гесс заявил, что фюрер никогда не имел никаких замыслов, направленных против Британской империи, которая могла бы остаться невредимой, если не считать того, что ей пришлось бы вернуть бывшие германские колонии. Взамен он должен был бы получить свободу действий в Европе. Но при этом было выдвинуто условие, что Гитлер не станет вступать в переговоры с нынешним английским правительством. Это все то же старое приглашение: нам предлагают отказаться от всех своих друзей, чтобы временно спасти большую часть своей шкуры.

Представитель министерства иностранных дел спросил его, относит он Россию к Европе или к Азии, когда говорит, что Гитлер должен получить свободу действий в Европе. Он от-

ветил: «К Азии». Однако он добавил, что Германия собирается предъявить России некоторые требования, которые она должна будет удовлетворить, но отрицал слухи о том, что Германия собирается напасть на Россию.

Из беседы с Гессом создается впечатление, что он уверен, что Германия должна выиграть войну, но считает, что это потребует много времени и будет связано с большими человеческими жертвами и разрушениями. По-видимому, он считает, что, если бы ему удалось убедить англичан в том, что вопрос может быть урегулирован, это могло бы положить конец войне и предотвратить ненужные страдания.

Во время второй беседы, 14 мая, Гесс подчеркнул еще два момента:

1. При любом мирном урегулировании Германия должна будет оказать поддержку Рашиду Али и добиться изгнания англичан из Ирака.

2. Операции подводного флота во взаимодействии с авиацией будут продолжаться до тех пор, пока не будут отрезаны все пути, по которым доставляется снабжение на Британские острова. Даже если наши острова капитулируют, а Британская империя будет продолжать сражаться, блокада Англии будет продолжаться, хотя бы это грозило голодной смертью всем ее обитателям до последнего.

Во время третьей беседы, 15 мая, не было сказано ничего особенного, за исключением нескольких пренебрежительных замечаний о Вашей стране и о той помощи, которую Вы сможете оказать нам. Боюсь, что на него, в частности, не производит особого впечатления то, что ему известно, по его мнению, о выпускаемых Вами самолетах.

Гесс, по-видимому, пребывает в добром здравии и не нервничает, причем у него не наблюдается обычных признаков умопомешательства. Он заявляет, что этот полет в Англию является его собственной идеей и что Гитлеру не было известно о нем заранее. Если ему можно верить, то он рассчитывал связаться с участниками «движения за мир» в Англии, которым он помог бы прогнать нынешнее правительство. Если он говорит искренне и находится в здравом уме, то это отрядный признак плохой работы германской разведки. С ним не будет плохо обращаться, но желательно, чтобы пресса не представляла его и его авантюру в романтическом свете. Нам не следует забывать о том, что он несет долю ответственности за все преступления Гитлера и является потенциальным военным преступником, судьба которого в конечном счете неизбежно должна зависеть от решения союзных правительств.

Г-н президент, все вышесказанное сообщается только для Вашего личного сведения. Мы здесь полагаем, что на некоторое время лучше предоставить прессе заняться обсуждением

этого вопроса, с тем чтобы дать немцам пищу для догадок. Пленные немецкие офицеры, которые находятся здесь, были сильно взволнованы этим известием, и я не сомневаюсь, что германская армия будет чрезвычайно встревожена тем, что он может проболтаться о чем-нибудь».

Объяснения, которые сам Гесс дал врачу, вряд ли проливают больше света на этот вопрос. 22 мая его врач сделал следующее сообщение:

«Он заявил, что его приводили в ужас сообщения об ожесточенных налетах на Лондон в 1940 году и ему страшно было думать о том, сколько детей и матерей погибло в результате этих налетов. Это настроение еще усиливалось, когда он смотрел на свою собственную жену и на сына, и оно в конечном счете привело его к решению полететь в Англию и договориться о достижении мира с той большой группой противников войны, которая, по его мнению, имеется в Англии. Он подчеркивал при этом, что личные соображения не сыграли никакой роли в его решении — это было растущее стремление, к которому его побуждал свойственный ему идеализм¹.

Именно в таком настроении ему пришлось услышать, как его астролог Хаусгофер высказал аналогичные мысли и упомянул при этом о герцоге Гамильтонском как о человеке здравого ума, которого тоже, вероятно, приводит в ужас эта бессмысленная бойня. Хаусгофер также рассказал ему, что он три раза видел во сне, как Гесс управляет самолетом, который летит куда-то в неизвестном направлении. Гесс понял замечания, исходившие от этого человека, как сигнал о том, что он должен вылететь в нашу страну в качестве эмиссара мира, чтобы найти герцога Гамильтонского, который доставит его к королю Георгу. Нынешнее английское правительство будет смещено, а вместо него власть возьмет в свои руки партия, стремящаяся к миру. Он утверждал, что не станет разговаривать с этой «кликлой», то есть с нынешним правительством, которое постарается сделать все возможное, чтобы помешать осуществлению его миссии, но очень туманно высказывался относительно того, какие государственные деятели должны будут его заменить, и, по-видимому, был чрезвычайно плохо информирован о том, какие политические деятели имеются в нашей стране и какое положение они занимают... Он рассказывал, как он обратился к Вилли Мессершмитту и получил самолет, на котором тренировался в самой Германии для полетов на дальнее расстояние, и как он вылетел в свое путешествие, когда уже считал себя подготовленным к нему. Он

¹ См.: The Case of Rudolf Hess/Edited by I. R. Rees. P. 2.

утверждал, что у него нет сообщников и что он проявил большое искусство в подготовке к полету, сам разработал свой маршрут и пилотировал самолет с такой точностью, что сумел приземлиться на расстоянии каких-нибудь десяти миль от места своего назначения, Дангевела»¹.

* * *

Кабинет предложил лорду Саймону проинтервьюировать Гесса, и встреча их состоялась 10 июня. Гесс сказал: «Когда фюрер пришел к заключению, что здравый смысл не может восторжествовать в Англии, он поступил в полном соответствии с правилом поведения, рекомендуемым адмиралом лордом Фишером: «Умеренность в войне — безумие. Если вы решили нанести удар, наносите его изо всей силы и всюду, где можете». Но я могу подтвердить, что фюреру всегда было тяжело отдавать приказания об этих атаках (подводного флота и авиации). Ему это причиняло острую боль. Он всегда полностью сочувствовал английскому народу, который является жертвой этого метода ведения войны... Он говорил, что даже победитель не должен предъявлять слишком суровых условий стране, с которой он хочет прийти к соглашению». Затем Гесс повторил свою основную мысль: «Я считал, что, если бы Англии стало известно об этом, она, возможно, также проявила бы готовность к соглашению с нами». Если бы только Англия знала, какой Гитлер на самом деле добрый, она, конечно, пошла бы навстречу его желаниям!

* * *

Многие выдающиеся врачи занимались вопросом о состоянии умственных способностей Гесса. Он, безусловно, был неврастеником, человеком душевно раздвоенным, который искал покоя и одновременно стремился к могуществу и высокому положению и поклонялся вождю. Но он не был простым психопатом. Он страстно верил в то представление, которое создал себе о Гитлере. Если бы только Англия могла также поверить в него, сколь многих страданий можно было бы избежать и как легко было бы прийти к соглашению! Свобода действий для Германии в Европе, а для Англии в ее собственной империи! Другими второстепенными условиями были: возврат германских колоний, эвакуация Ирака и заключение перемирия и мира с Италией.

В данный же момент положение Англии было безнадежным. Если бы она не согласилась на эти условия, то «рано или поздно настал бы день, когда она оказалась бы вынуж-

¹ The Case of Rudolf Hess/Edited by I. R. Ress. P. 18—19

денной согласиться на них». На это лорд Саймон ответил: «Не думаю, что этот аргумент покажется кабинету очень убедительным, так как в нашей стране, знаете ли, живут довольно храбрые люди и мы не очень-то любим угрозы!»

Если учесть, что Гесс так близко стоял к Гитлеру, то кажется удивительным, что он не знал или если и знал, то не сообщил нам о предстоящем нападении на Россию, к которому велись такие широкие приготовления. Советское правительство было чрезвычайно заинтриговано эпизодом с Гессом, и оно создало вокруг него много неправильных версий. Три года спустя, когда я вторично приехал в Москву, я убедился, насколько Сталин интересовался этим вопросом. За обедом он спросил меня, что скрывалось за миссией Гесса. Я кратко сообщил ему то, что изложил здесь. У меня создалось впечатление, что, по его мнению, здесь имели место какие-то тайные переговоры или заговор о совместных действиях Англии и Германии при вторжении в Россию, которые закончились провалом. Зная, какой он умный человек, я был поражен его неразумностью в этом вопросе. Когда переводчик дал мне понять, что Сталин не верит моим объяснениям, я ответил через своего переводчика: «Когда я излагаю известные мне факты, то ожидаю, что мне поверят». Сталин ответил на мои резковатые слова добродушной улыбкой: «Даже у нас, в России, случается многое, о чем наша разведка не считает необходимым сообщать мне». Я не стал продолжать этот разговор.

* * *

Размышляя над всей этой историей, я рад, что не несу ответственности за то, как обращались и продолжают обращаться с Гессом. Какую бы моральную вину ни нес немец, который был близок к Гитлеру, Гесс, по-моему, искупил ее своим исключительно самоотверженным и отчаянным поступком, вдохновленным бредовыми благими побуждениями. Он явился к нам по своей доброй воле и, хотя его никто на это не уполномочивал, представлял собой нечто вроде посла. Это был психопатологический, а не уголовный случай, и именно так его и следует рассматривать.

Глава четвертая

ВОЙНА В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РАЙОНЕ

Со времен Нельсона Мальта всегда была верным британским стражем, охранявшим узкий и исключительно важный морской коридор в центральной части Средиземного моря.

Стратегическое значение Мальты никогда еще не было так велико, как во время последней войны. Нужды огромной армии, которая создавалась нами в Египте, ставили перед нами важнейшие задачи — обеспечить свободное прохождение наших конвоев через Средиземное море и не допускать доставку войск противника в Триполи для подкрепления находящегося там гарнизона. В то же время новое воздушное оружие не только наносило смертельный удар Мальте, но также лишало английский морской флот возможности твердо укрепиться в этом узком пространстве. Без этой новой угрозы наша задача была бы несложной. Мы свободно могли бы передвигаться по Средиземному морю, преградив путь всем другим флотам. В настоящее время мы уже не могли базировать наши основные военно-морские силы на Мальту. Самому острову угрожала опасность вторжения из итальянских портов, а также постоянных ожесточенных воздушных налетов. Караваны наших судов, проходивших через проливы, подвергались также огромному риску из-за действий вражеской авиации, что вынуждало нас направлять их длинным кружным путем вокруг мыса Доброй Надежды. В то же время господство авиации противника в воздухе давало ему возможность доставлять непрерывным потоком войска и снабжение в Триполи, ибо его авиация мешала нашим кораблям свободно действовать в центральной части Средиземного моря, поскольку такие операции были сопряжены с большими потерями и риском.

* * *

Первая серьезная схватка наших военных кораблей с германской авиацией произошла 10 января. Наш флот был занят выполнением ряда серьезных задач: он прикрывал прохождение конвоя через центральную часть Средиземного моря с запада, доставку подкреплений на Мальту с востока и различные мелкие операции по морским перевозкам в греческие порты. Рано утром в этот день миноносец «Гэллант» был торпедирован в Мальтийском проливе в тот момент, когда он сопровождал эскадру наших военных кораблей. Внезапно появились самолеты, которые начали преследовать эскадру, а днем начался сильный налет германских бомбардировщиков. Они атаковали в основном новый авианосец «Илластриес» (командир капитан 1 ранга Бойд) и за три захода сбросили на корабль шесть больших бомб. Несмотря на то что он был серьезно поврежден и на нем вспыхнул пожар, а 83 человека из его команды были убиты и 60 тяжело ранены, корабль благодаря своей бронированной палубе успешно вел борьбу с нападавшими на него самолетами, а его авиация уничтожила по меньшей мере пять вражеских самолетов. В эту ночь, несмотря на усиливавшиеся

атаки с воздуха и выход из строя рулевого управления, капитан 1 ранга Бойд довел «Илластриес» до Мальты.

Ночью адмирал Кэннингхэм со своей боевой эскадрой благополучно провел южнее Мальты направлявшийся на восток караван судов. На следующий день крейсера «Саутгемптон» и «Глостер», находившиеся уже в этот момент далеко на восток от Мальты, были повреждены бомбами, сброшенными пикирующими бомбардировщиками, которые приблизились к ним незамеченными в лучах солнца. «Глостер» получил только небольшое повреждение от неразорвавшейся бомбы, но на «Саутгемптоне» бомба попала в машинное отделение. Начался пожар, с которым оказалось невозможно справиться, и корабль пришлось затопить. Таким образом, хотя конвой благополучно прошел к месту своего назначения, наш морской флот дорого заплатил за это.

Немцы поняли, что поврежденный «Илластриес» находится в отчаянном положении на Мальте, и приняли энергичные меры, чтобы уничтожить его. Однако силы нашей авиации на острове уже возросли и в состоявшейся схватке за один день было сбито 19 самолетов противника. Несмотря на то что во время его стоянки в доке в «Илластриес» снова попало несколько бомб, он вечером 23 января смог выйти в море. Обнаружив его отсутствие, противник всячески старался найти его, но через два дня корабль благополучно прибыл в Александрию.

К этому времени с баз на Сицилии действовало уже не менее 250 германских самолетов. В январе на Мальту было совершено 58 налетов, и до самого конца мая она подвергалась воздушным налетам три-четыре раза в день лишь с короткими передышками. Но наши ресурсы возрастали. В период с апреля по июнь 1941 года соединение «Н» адмирала Сомервелла доставило шесть крупных отрядов авиации на базы в пределах досягаемости Мальты, а с запада к месту боев было направлено 224 самолета «харрикейн» и несколько самолетов других типов. Снабжение и подкрепления также доставлялись с востока. В июне были отбиты первые ожесточенные атаки и остров устоял, хотя и с величайшим напряжением сил. Но наиболее жестокое испытание ожидало его в 1942 году.

* * *

Невзирая на напряжение, которому нас подвергали все разрастающиеся события в Средиземноморском районе, мы старались найти способы перенести войну на территорию самой Италии. По имевшимся у нас сведениям, моральное состояние итальянского народа было очень низким и удар, нанесенный здесь, произвел бы на него еще более угнетающее впечатление

и приблизил бы желанный для нас крах Италии. 9 февраля адмирал Сомервелл осуществил смелый и успешный рейд на Генуэзский порт. Соединение «Н», в которое входили корабли «Ринаун», «Малайя» и «Шеффилд», приблизилось к городу и в течение получаса подвергло его ожесточенной бомбардировке. В то же время самолеты с авианосца «Арк Ройал» бомбили Ливорно и Пизу и заложили мины у Специи. Противник был застигнут врасплох, сопротивление оказали лишь береговые батареи в Генуе, и то лишь незначительное и абсолютно неэффективное. Рейд причинил серьезный ущерб портовым сооружениям и судам, стоявшим в порту. Воспользовавшись низкой облачностью, корабли адмирала Сомервелла отошли, успешно избежав встречи с флотом противника, который искал их к западу от Сардинии.

* * *

В начале апреля мы уже были в состоянии усилить наши атаки на суда противника, доставлявшие снабжение войскам Роммеля в Ливии. Решающую роль в этом сыграли английские подводные лодки, базировавшиеся на Мальту, причем масштаб их деятельности и эффективность все увеличивались.

10 апреля на Мальту было направлено ударное соединение в составе четырех эсминцев под командованием капитана 1 ранга Мака, находившегося на «Джэрвисе». Оно предназначалось для действий против конвоев противника. За одну неделю соединение достигло блестящих успехов. В ясную лунную ночь оно столкнулось с караваном в составе пяти судов, шедших на юг в сопровождении трех эсминцев. Весь караван был полностью уничтожен в общей схватке, которая произошла на близком расстоянии. Наш эсминец «Мохок» был также торпедирован, и его пришлось потопить, но командир и большая часть его команды были спасены. Во время одной этой операции были уничтожены суда противника общим тоннажем около 14 тысяч тонн с полным грузом важных военных материалов.

* * *

Мы продолжали получать хорошие известия из Пустыни. 6 февраля, за три недели до намеченного срока, австралийская 6-я дивизия вступила в Бенгази. На заре 5 февраля английская 7-я бронетанковая дивизия (по числу танков ныне равнявшаяся бронетанковой бригаде), проделав весьма трудный путь, достигла Мсуса. Дивизии было дано задание перерезать прибрежную дорогу. В тот же вечер колонна войск противника численностью около пяти тысяч человек наткнулась на за-

граждения, устроенные на дороге у Беда-Фомм, и сразу же сдалась. Утром 6 февраля основные колонны войск противника начали продвигаться по дороге, и в течение всего дня там шли ожесточенные бои с подходившими группировками вражеских войск, которые включали значительное количество танков. К ночи войска противника оказались в отчаянном положении, причем на участке протяжением почти в 20 миль создалось беспорядочное скопление машин, блокированных спереди и атаковавшихся с флангов. На рассвете 7 февраля они попытались в последний раз перейти в атаку силами 30 танков. Когда и эта попытка провалилась, генерал Берганцони сдался со всей своей армией.

Таким образом, за два месяца наша Нильская армия продвинулась вперед на 500 миль, уничтожила итальянскую армию в составе свыше 9 дивизий и захватила 130 тысяч пленных, 400 танков и 1290 орудий. Наши войска одержали полную победу в Киренаике.

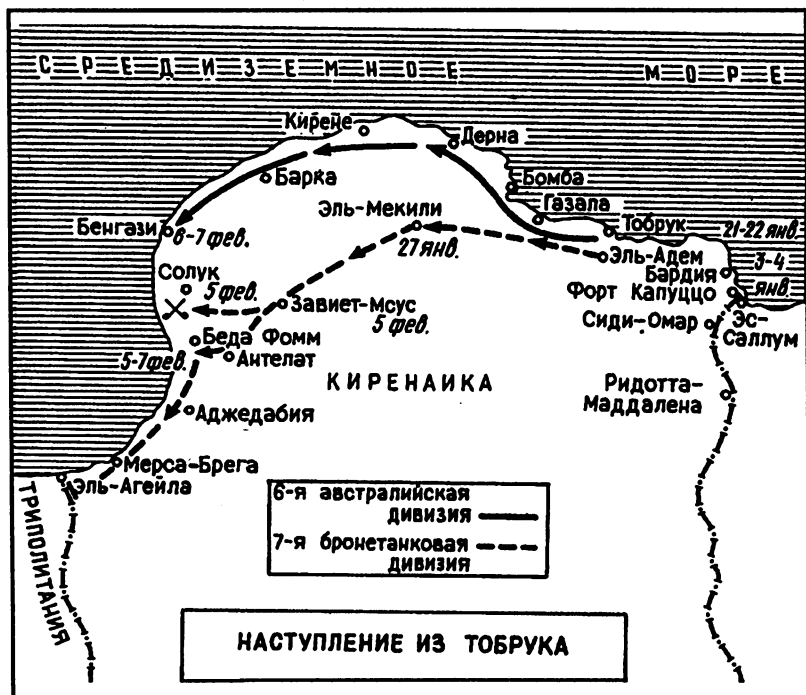
* * *

Несмотря на эти победы, дипломатические и военные проблемы, стоявшие перед нами на Среднем Востоке, были настолько серьезны и сложны, а у генерала Уэйвелла было так много забот, что на совещании комитета обороны 11 февраля было решено послать к нему в Каир министра иностранных дел и начальника имперского генерального штаба генерала Дилла.

Премьер-министр — генералу Уэйвеллу

12 февраля 1941 года

«...Как Греция, так и Турция до сих пор отказывались от наших предложений об оказании им технической помощи, так как они заявляют, что эта помощь слишком неэффективна, для того чтобы разрешить стоящую перед ними основную проблему, но в то же время достаточно бросается в глаза, чтобы вызвать интервенцию со стороны Германии. Однако эта интервенция с каждым днем становится все более неизбежной и может начаться в любой момент. Если Турция и Югославия заявят Болгарии, что они нападут на нее, если она не присоединится к ним для оказания сопротивления продвижению германских войск на юг, это может создать барьер, для преодоления которого потребовались бы значительно более многочисленные германские силы, чем те, которые в настоящее время находятся в Румынии. Но я опасаясь, что они этого не сделают и упустят, таким образом, возможность для организации совместного сопротивления, как это уже в свое время имело место в Нидерландах.

Мы должны прежде всего позаботиться о нашем союзнике — Греции, которая так успешно сражается. Если Греция будет побеждена или вынуждена заключить сепаратный мир с Италией, уступив Германии для операций против нас свои воздушные и морские стратегические пункты, это произведет чрезвычайно неблагоприятное действие на Турцию. Но если Греция с нашей помощью сможет в течение нескольких месяцев сдерживать наступление германских войск, то шансы на вмешательство Турции увеличатся. Поэтому мы, по-видимому, должны устроить дело таким образом, чтобы мы могли предложить грекам направить в Грецию боевые части и соединения, которые до сих пор были заняты в обороне Египта, и разработать планы отправки максимальных подкреплений для них как личным составом, так и материалами...

Чтобы максимально облегчить согласование всех возможных мероприятий и дипломатического, и военного характера против немцев на Балканах, мы посылаем к Вам в Каир министра иностранных дел и генерала Дилла. Они выедут 12 февраля и должны прибыть к Вам 14 или 15 февраля. Обсудив в Каире общую обстановку и приняв все необходимые предварительные меры для осуществления наших планов, Вы, без сомнения, отправите

тесь вместе с ними в Афины, а затем, если это окажется удобным, в Анкару. Мы надеемся, что в возможно кратчайший срок и наилучшим образом Греции смогут быть предложены по меньшей мере четыре дивизии, включая одну бронетанковую, а также вся та дополнительная авиация, которую в настоящий момент могут принять греческие аэродромы, равно как и все имеющееся военное снаряжение.

Если окажется невозможным заключить эффективное соглашение с греками и выработать практический план военных действий, мы должны попытаться спасти от крушения все, что нам удастся».

Генерал Уэйвелл ответил 12 февраля, поблагодарив меня за посланные ему поздравления. Он, конечно, уже в течение некоторого времени обдумывал вопрос об оказании помощи Греции и Турции. Он выражал надежду, что ему удастся несколько улучшить данную им раньше оценку имевшихся у него резервов, в особенности если правительство Австралии предоставит ему некоторую свободу действий. Он уже беседовал об этом с премьер-министром Австралии Мензисом, который побывал в Каире по пути в Лондон, и встретил с его стороны полную готовность согласиться на сделанные ему предложения. Уэйвелл приветствовал приезд министра иностранных дел и генерала Дилла.

20 февраля была получена телеграмма Идена, в которой он четко обрисовал мнения людей, находившихся на месте, и сообщил о результатах состоявшегося в Каире совещания, на котором кроме него и Дилла присутствовали трое высших военачальников:

«Мы все согласились, что нам следует сделать все, что только в наших силах, чтобы в ближайшее время оказать грекам максимальную помощь. Если греки примут помощь, которую мы им можем предложить, то, как мы полагаем, у нас будут неплохие шансы остановить наступление германских войск и предотвратить разгром Греции...

Генерал Уэйвелл располагает следующими силами, которые могут быть отправлены в Грецию теперь же и в ближайшем будущем: во-первых, одной бронетанковой бригадой и новозеландской дивизией, численность которой недавно была доведена до трех пехотных бригад и которая готова к отправке; за ней последует польская бригада, австралийская 1-я дивизия, 2-я бронетанковая бригада, если понадобится, и австралийская 2-я дивизия — именно в этой последовательности. Отправка этих войск неизбежно потребует огромного напряжения усилий всего административного персонала и значительной доли импровизации...»

22 февраля Иден вместе с генералом Уэйвеллом, сэром Джоном Диллом и другими офицерами вылетел в Афины для совещания с греческим королем и правительством. Когда Иден прибыл вечером для установления первого контакта с греками, его повезли в королевский дворец в Татой. Король тут же спросил его, примет ли он его премьер-министра наедине. Он объяснил королю, что не желал бы делать этого, поскольку стремится проводить все совещания на чисто военной основе. Если мы пошлем помощь Греции, это будет обусловлено военными причинами, а он не хотел бы, чтобы политические соображения сыграли чрезмерную роль в этом вопросе. Однако король настаивал на своей просьбе, и Иден согласился.

После военных переговоров и совещаний штабов, длившихся всю ночь и весь следующий день, Иден послал нам следующую, чрезвычайно важную телеграмму, датированную 24-м числом:

Министр иностранных дел — премьер-министру

24 февраля 1941 года

«1. Сегодня (23) с греческим правительством достигнуто соглашение по всем пунктам.

Когда я спросил в конце переговоров, отнесется ли греческое правительство положительно к прибытию в Грецию английских войск в том количестве и на тех условиях, которые мы предлагаем, председатель совета министров официально ответил, что греческое правительство принимает наше предложение с благодарностью и одобряет все подробные планы, выработанные представителями обоих генеральных штабов.

2. По прибытии сюда сегодня во второй половине дня мы встретились с королем Греции, председателем совета министров и генералом Папагосом. Я сделал им сообщение о нашей оценке международного положения и подробно остановился на германских планах в отношении Балкан. Затем я пояснил, что министры и начальники штабов в Лондоне пришли к выводу — и этот вывод получил полное одобрение нашего командования здесь, на месте, — что мы должны в возможно кратчайший срок предоставить Греции максимальную помощь. Затем мы сделали подробное сообщение о тех силах, которые нам удастся выделить для Греции, объяснив, что это все, что мы можем сделать в данный момент. То, что мы сможем сделать для нее в будущем, будет зависеть от общего хода войны и от состояния наших ресурсов. Единственное, что я могу сказать, это что предлагаемые нами войска хорошо оснащены и обучены и мы уверены, что они покажут себя с хорошей стороны.

3. Председатель совета министров, подтвердив решимость Греции защищаться, упомянул об опасениях греческого правительства, что недостаточная помощь со стороны Англии может лишь ускорить нападение Германии, и заявил, что необходимо установить, смогут ли греческие войска и те войска, которые мы можем им предоставить, оказать действительное сопротивление немцам, принимая во внимание сомнительную позицию Турции и Югославии. Поэтому председатель совета министров хотел, чтобы военные эксперты рассмотрели вопрос в свете английского предложения прежде, чем греческое правительство свяжет себе руки. Я внес ясность в то, каковы будут логические последствия позиции, занятой председателем совета министров. Если мы будем отсрочивать решение из опасения спровоцировать немцев, то это решение неизбежно окажется запоздалым.

4. Из последующего обсуждения вопроса между генералом Диллом, главнокомандующим вооруженными силами на Среднем Востоке и командующим авиацией, с одной стороны, и генералом Папагосом — с другой, выяснилось, что ввиду сомнительной позиции Югославии единственной линией, которую можно будет удержать и которая даст время отозвать войска из Албании, будет линия к западу от Вадара, Олимп, Верия, Эдесса, Каймакчалан. Если бы мы могли быть уверены в том, какие шаги предпримет Югославия, это дало бы нам возможность удерживать линию дальше к северу от устья реки Нестос к Белесу, прикрывая Салоники. Если же Югославия не вступит в войну, то было бы практически нецелесообразно удерживать линию, прикрывающую Салоники, ввиду того что в этом случае левый фланг Греции будет открыт для атаки германских войск».

Далее он описывал подробности достигнутого соглашения:

«Переговоры длились около десяти часов и охватили основные вопросы политического и военного сотрудничества... На всех нас произвели глубокое впечатление откровенность и прямота греческих представителей при обсуждении всех этих вопросов. Я вполне уверен, что они полны решимости сопротивляться, насколько у них хватит сил, и что у правительства его величества нет иного выбора как поддержать их, каковы бы ни были последствия. Учитывая весь связанный с этим риск, мы все же должны решиться на это».

В одном из своих последующих сообщений он писал:

«Мы все убеждены, что избрали правильный путь, и, так как решающий час наступил, мы были уверены, что Вы бы

не захотели, чтобы мы откладывали принятие решения до получения от Вас подробных инструкций.

Риск велик, но у нас есть шанс на успех. Мы принимаем на себя серьезные обязательства, которые потребуют большого напряжения наших ресурсов, а в особенности нашей истребительной авиации...»

По получении этих сообщений, с которыми Дилл и Уэйвелл выразили свое согласие, кабинет решил полностью одобрить содержащиеся в них предложения.

Премьер-министр — Идену, Каир 24 февраля 1941 года

«Начальники штабов дали свою санкцию на проведение операций, о которых говорится в Ваших телеграммах из Каира и Афин, и сегодня вечером я поставил весь этот вопрос на обсуждение военного кабинета, на заседании которого присутствовал и Мензис. Было принято единогласное решение в желательном для Вас духе, но Мензис должен, конечно, снестись по телеграфу со своим правительством. Мы также предполагаем, что Вы урегулировали с новозеландским правительством вопрос о его войсках. Трудностей с той или другой стороны ожидать не приходится. Поэтому, хотя мы и не питаем никаких иллюзий, мы все посылаем Вам приказ: «Вперед, на полных парах».

* * *

До сих пор мы не предпринимали никаких шагов, помимо сосредоточения максимально возможных стратегических резервов в дельте Нила, разработки планов и подготовки судов для переброски нашей армии в Грецию. В случае изменения ситуации в силу перемены политического курса Греции или каких-либо других событий мы были бы в чрезвычайно благоприятном положении, которое позволило бы нам справиться с любыми случайностями. Нам было приятно после исключительно большого напряжения, в котором мы находились, получить возможность удовлетворительно завершить операции в Абиссинии, Сомали и Эритрее и существенно пополнить наш «маневренный кулак» в Египте. Хотя мы не могли разгадать или предсказать ни намерения противника, ни позицию друзей и нейтральных стран, у нас, казалось, имелась возможность выбирать из нескольких важных вариантов. Будущее оставалось неясным, но пока еще не высадилась ни одна дивизия, хотя в то же время не было потеряно ни одного дня, который мог быть использован для подготовки.

ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИМПЕРИИ

Вплоть до декабря 1940 года мы занимали в отношении итальянцев в восточной части Африки чисто оборонительную позицию. 2 декабря генерал Уэйвелл созвал в Каире совещание, на котором наметил новую линию поведения. Он еще не предусматривал проникновения регулярных войск далеко в глубь Абиссинии, но итальянские войска, занявшие 4 июля 1940 года Кассалу и Галабат в Судане, должны были быть изгнаны оттуда. По окончании этих небольших наступательных операций Уэйвелл вначале предполагал отвести оттуда большую часть войск для операций на Среднем Востоке, поставив перед местными патриотами, которые должны были действовать под руководством английских офицеров, задачу создания невыносимых условий для итальянцев в Абиссинии и окончательного освобождения страны.

Операции по очистке Судана начались в январе под руководством генерала Платта. Первая фаза операций прошла чрезвычайно успешно. Платт имел в своем распоряжении англо-индийскую 5-ю дивизию, в помощь которой была направлена в январе англо-индийская 4-я дивизия, доставленная из Западной пустыни, где она сыграла свою роль в победоносных декабрьских боях. Эти войска поддерживались шестью авиационными эскадрильями. 19 января под угрозой атаки и после воздушного налета две итальянские дивизии эвакуировали Кассалу. Вскоре после этого они эвакуировались также из Галабата и покинули Судан. Наши войска без серьезных затруднений продолжали преследовать их от Кассалы, пока они не достигли сильно укрепленных позиций в Кирене, в гористой местности. В этом пункте твердо обосновались и прочно удерживали свои позиции две дивизии противника, переброшенные из метрополии. Несколько атак, предпринятых нашими войсками в начале февраля, не увенчались успехом, и Платт решил, что для захвата этих позиций ему придется примириться с неизбежным промедлением, связанным с мероприятиями по подготовке наступления.

Тем временем работа по организации восстания в Абиссинии продолжалась. Центром восстания была небольшая часть под командованием бригадного генерала Сэнфорда, состоявшая из одного суданского батальона и нескольких специально подобранных английских офицеров и сержантов, из числа которых высокую награду впоследствии заслужил полковник Уингейт. По мере того как росли их успехи, они получали помощь от все возрастающего числа патриотов. 20 января император вернулся в свою страну. Постепенно большая часть территории западного района Годжама была очищена от врага.

В ноябре 1940 года в Кении побывал Смэтс, который настаивал, чтобы мы начали наступление на итальянский порт Кисмайю.

Верховный комиссар Южной Африки сообщил нам, что генерал Смэтс выразил разочарование по поводу того, что экспедиция против Кисмайю, которая, как он надеялся, состоится в январе, по-видимому, откладывается до мая, несмотря на отправку третьей бригады из Южно-Африканского Союза. На заседании комитета обороны 25 ноября 1940 года я спросил, почему начавшаяся операция против Кисмайю отложена до мая. Сэр Джон Дилл ответил, что он получил телеграмму от Уэйвелла, в которой сообщалось, что для обсуждения планов на ближайшее полугодие он вскоре созывает совещание командиров, на котором будет присутствовать и генерал Кэннингхэм.

Этот ответ не удовлетворил никого из нас, и комитет предложил начальникам штабов потребовать от генерала Уэйвелла полного объяснения по этому поводу и затем представить соответствующий доклад премьер-министру.

Я получил глубокое облегчение от телеграммы Уэйвелла, датированной 2 февраля 1941 года, в которой сообщалось:

«В Кении я одобрил предложение попытаться захватить Кисмайю примерно в середине февраля. У противника сильные позиции, а наши действия затрудняются нехваткой предметов снабжения, но я полагаю, что такая попытка будет иметь достаточно шансов на успех... Я дал Платту и Кэннингхэму инструкции в течение ближайших двух месяцев приложить максимальные усилия в кампании против Итальянской Восточной Африки».

Таким образом, мы добились сдвигов. Результаты операции доказали, что командование на месте сильно преувеличивало ее трудности и что мы правильно поступили, настаивая на ее ускорении.

В феврале генерал Кэннингхэм начал наступление крупными силами. Итальянские войска в составе шести бригад и шести групп туземных войск удерживали позиции на реке Джуба, близ устья которой находится порт Кисмайю. Против этих войск генерал Кэннингхэм двинул 10 февраля четыре бригадные группы. 14 февраля Кисмайю был взят без сопротивления. К северу от порта, за рекой, у Джилиба, находились основные позиции противника. 22-го числа наши войска атаковали их с обоих флангов и с тыла. Был достигнут значительный успех. Противник был полностью разгромлен, потеряв свыше 30 тысяч человек убитыми, пленными и рассеявшимися в кустарнике. Авиация против-

ника была сильно потрепана южноафриканскими самолетами и не принимала участия в боях. Теперь уже ничто не мешало продвижению наших войск по направлению к Могадишо, главному морскому порту Итальянского Сомали, находившемуся в 200 милях севернее. Наши моторизованные части вступили в него 25 февраля и нашли там огромное количество материалов и продовольствия, а также свыше 400 тысяч галлонов драгоценного бензина. На аэродроме порта лежали обломки 21 уничтоженного самолета. Генерал Кэннингхэм справедливо рассудил, что у противника уже не осталось сил сопротивляться его дальнейшему продвижению. Он располагал достаточным количеством войск, несмотря на то что южноафриканская 1-я дивизия, за исключением одной бригады, была задержана для проведения других операций. Единственной проблемой в данном случае являлось расстояние. Решающими факторами были транспорт и снабжение. Кэннингхэм получил от генерала Уэйвелла разрешение избрать следующим объектом своего наступления Джиджигу, находившуюся на расстоянии не менее 740 миль от Могадишо. После передышки, продолжавшейся не более трех дней, 1 марта наступление было возобновлено. Наши войска, отбрасывая войска противника, оказывавшие им лишь незначительное сопротивление, и встречая лишь небольшие помехи со стороны вражеской авиации, чьи аэродромы подвергались частым налетам, 17 марта достигли Джиджиги. Это были превосходные операции.

Тем временем кампания в Абиссинии развертывалась. Кирена оказывала упорное сопротивление. Эту позицию невозможно было обойти с флангов, могло быть осуществлено только фронтальное наступление. Чтобы накопить силы для этой операции и развернуть обе свои дивизии, Платт мог использовать только одну дорогу, которая была полностью на виду у противника. Железнодорожная головная станция находилась на расстоянии 150 миль от этого пункта, поэтому его приготовления затянулись на несколько недель. Всякая возможность застигнуть противника врасплох исключалась. Огромную роль в проведении этой операции играла авиация, в том числе действовавшая из Адена. В течение первой фазы этой кампании итальянские летчики проявляли значительную инициативу, но вскоре после прибытия самолетов «харрикейн» для пополнения южноафриканской эскадрильи истребителей наша авиация достигла превосходства в воздухе. В период подготовки к финальному сражению за Кирену итальянская армия подвергалась непрерывным атакам с воздуха и на суше. Вскоре противник прекратил попытки помешать передвижениям наших войск, и, когда начались бои, поддержка, которую авиация оказывала нашим войскам, значительно помогла их продвижению вперед и вызвала упадок боевого духа в войсках противника.

Эта битва носила очень упорный характер и обошлась нам в три тысячи убитых и раненых. После первых трех дней боев, с 15 по 17 марта, наступило затишье, использованное для перегруппировки сил. 20 марта генерал Уэйвелл телеграфировал, что бои были чрезвычайно тяжелыми. Противник неоднократно совершал ожесточенные контратаки, и, хотя он нес тяжелые потери и добился успеха только в одном случае, все же еще не было признаков того, что его сопротивление будет скоро сломлено. Итальянцы, по-видимому, делали отчаянные попытки спасти эту крепость, и их авиация проявляла большую активность. Нам в Лондоне казалось, что наши силы приблизительно равны силам противника, и мы поставили вопрос о подкреплениях. Однако эти подкрепления не понадобились. 25 марта наступление возобновилось, а через два дня оборона итальянцев была прорвана и Кирена пала. Наши войска быстро продвигались вперед, преследуя противника по пятам. 1 апреля пала Асмара, а 8-го сдалась Масауа, где было захвачено в плен 10 тысяч человек.

Победа в Кирене была одержана в основном силами англо-индийских 4-й и 5-й дивизий.

Я поспешил послать генералам Кэннингхэму и Платту и их доблестным войскам мои личные сердечные поздравления и поздравления правительства его величества по поводу «своевременного и блестящего завершения этой памятной кампании, потребовавшей большого напряжения сил».

Были также завершены и другие операции по очистке этой зоны. В момент вступления в войну Италия располагала в Красном море флотом в составе 9 эсминцев, 8 подводных лодок и нескольких небольших кораблей. Все эти суда теперь были уничтожены морским флотом и морской авиацией. К 11 апреля президент Рузвельт имел возможность заявить, что Красное море и Аденский залив уже не являются «боевыми зонами» и что они поэтому открыты для американских судов.

Остатки итальянских войск в Эритрее отступили через горы на 230 миль к югу и укрепились на позиции Амба-Алаги. Генерал Платт преследовал их по пятам. Индийская 4-я дивизия и большая часть поддерживавшей наши войска авиации были переброшены в Египет для проведения операций, к описанию которых я теперь перехожу. Платт с оставшимися у него частями вступил в бой с войсками противника. 6 апреля генерал Кэннингхэм достиг Аддис-Абебы. Он бросил южноафриканскую бригаду вперед, на север, через Дессие, и она столкнулась с тыловыми частями итальянской армии у Амба-Алаги. Итальянской армии были, таким образом, отрезаны пути к отступлению, и, так как с севера на нее наступал генерал Платт, а с воздуха она подвергалась пулеметному обстрелу и бомбардировкам, да к тому же в тылу ее беспокоили партизаны, сопротивление ее уже не могло долго продолжаться. В начале апреля суданский батальон Уингейта и

туземные части совместно с иррегулярными войсками, перешедшими на сторону императора, вытеснили находившиеся в Годжаме войска противника численностью 12 тысяч человек. Половина этих войск была взята в плен, а остальные бежали на север, к Гондару. 5 мая император возвратился в свою столицу.

* * *

Во время операций, проведенных с начала января, была захвачена в плен или уничтожена большая часть войск противника, первоначальная численность которых превышала 220 тысяч человек. Несколько тысяч вражеских солдат оставались еще в горных цитаделях Абиссинии.

* * *

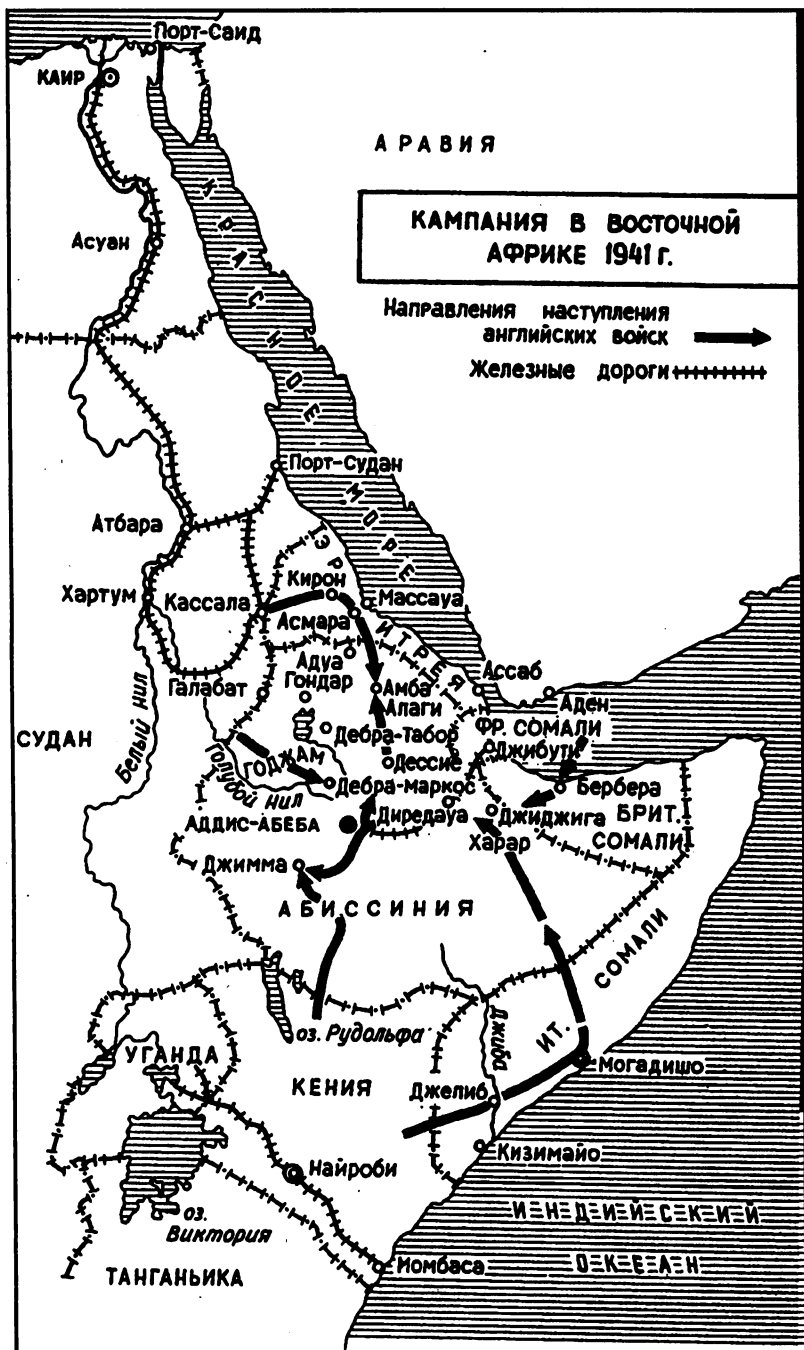
Пожалуй, будет уместным досказать здесь историю уничтожения Итальянской империи и итальянских войск в Восточной Африке, происходившего на фоне множества более значительных событий в других местах. Юго-западные районы Абиссинии были очищены частью африканской 11-й дивизии, действовавшей из Аддис-Абебы, и 12-й дивизией, продвигавшейся к северу от границы Кении. Осуществив целый ряд операций, сильно затруднявшихся неблагоприятными условиями местности и плохой погодой, они к началу июля очистили всю эту территорию от войск противника численностью 40 тысяч человек. В течение лета из Конго прибыли африканские войска под командованием бельгийских офицеров, проделавшие двухтысячемильный поход через всю Африку, чтобы принять участие в финальной стадии боев. Они захватили 15 тысяч пленных. Оставался только Гондар. Но к этому времени уже наступил период дождей и последний удар пришлось отложить до его окончания. Кольцо начало замыкаться в конце сентября, и, когда 27 ноября наступила развязка, нами было взято в плен 11 500 итальянцев и 12 тысяч солдат туземных войск и захвачено 48 полевых орудий.

Так окончилась мечта Муссолини о создании Африканской империи путем захватов и колонизации в духе Древнего Рима.

Глава шестая

РЕШЕНИЕ ПОМОЧЬ ГРЕЦИИ

До сих пор мы еще не взяли на себя каких-либо обязательств в отношении действий в Греции, если не считать широких приготовлений, которые мы непрерывно осуществляли

в Египте, и тех переговоров и соглашений с Афинами, о которых уже говорилось выше. Эти приготовления могли быть нами прекращены в любой момент, и во всяком случае сосредоточение в дельте Нила стратегических резервов в составе четырех дивизий уже само по себе было полезным делом. Греки настолько отошли от условий афинского соглашения, что при желании мы могли бы просить их освободить нас от него. Опасность угрожала нам со всех сторон, но до начала марта я особенно не тревожился и в основном чувствовал себя свободным, имея в своем распоряжении «маневренный кулак».

Теперь настал момент, когда необходимо было принять окончательное решение, посылать ли в Грецию Нильскую армию. Этот серьезный шаг требовался не только для того, чтобы помочь Греции в ее опасном и мучительном положении, но и для того, чтобы создать против неминуемого наступления немцев Балканский фронт, объединяющий Югославию, Грецию и Турцию. Это могло оказать на Советскую Россию влияние, которое мы не в состоянии были оценить заранее. Реакция России, безусловно, имела бы огромное значение, если бы советские вожди отдали себе отчет в том, что им готовит судьба. Судьбу Балкан не могли решить те войска, которые были в состоянии предоставить мы сами. Наши скромные надежды сводились к тому, чтобы побудить Балканские страны к объединенным действиям. Нам казалось, что если бы по мановению нашей руки Югославия, Греция и Турция стали действовать совместно, то Гитлер либо временно оставил бы Балканы в покое, либо настолько бы увяз в схватке с нашими объединенными силами, что на этом театре войны возник бы важный фронт. В тот момент мы не знали, что он уже был поглощен своими планами гигантского вторжения в Россию. Если бы это нам было известно, мы почувствовали бы больше уверенности в успехе нашей политики. Мы поняли бы, что Гитлер рисковал очутиться между двух стульев и легко мог нанести ущерб своему главному предприятию ради успеха предварительной операции на Балканах. Так оно и случилось, но в то время мы не могли этого знать. Некоторые могут считать, что наши расчеты были правильными; во всяком случае, они были более правильными, чем мы полагали в то время. Нашей целью было воодушевить и объединить Югославию, Грецию и Турцию. Наш долг состоял в том, чтобы по мере возможности помочь грекам. Для всего этого позиции наших четырех дивизий в дельте Нила были вполне подходящими.

* * *

4 марта адмирал Кэннингхэм недвусмысленно указал нам на тот большой риск, которому будут подвергаться наши войска и авиация при переброске их в Грецию по Средиземному

мору. Для этой переброски понадобилось бы в течение двух месяцев непрерывно отправлять туда конвой с солдатами, материалами и автомашинами. В особенности большую нагрузку должны были при этом нести эсминцы, а истребительная авиация и зенитная артиллерия в течение некоторого времени оставались бы слишком слабыми. Если бы немцы начали воздушное наступление с болгарских баз, нам пришлось бы ожидать больших потерь в составе этих конвоев как в море, так и в портах назначения. Мы также не могли упускать из виду возможных операций против нас со стороны итальянского флота. С ним могли бы бороться наши линкоры, базирующиеся на залив Суда на Крите, но только за счет сокращения числа эсминцев, эскортирующих наши караваны, причем линия, по которой доставлялось снабжение в Киренаику, фактически осталась бы незащищенной. Все это в свою очередь создало бы более напряженное положение на Мальте. Уязвимость Суэцкого канала для магнитных и акустических мин вызывала у нас большую тревогу как раз в тот момент, когда начинались эти крупные передвижения войск и конвоев. Адмирал заявил, что все планы наступления, включая и комбинированные операции против острова Родос, должны быть отложены. Он указывал, что его ресурсы будут напряжены до предела, но выражал уверенность в правильности избранного нами курса и считал, что нам следует пойти на риск. Для всех нас отсрочка операций против Родоса явилась большим разочарованием. Мы понимали, насколько велико значение этого острова. Родос, а также и Скарпанто с их превосходными аэродромами, находящимися так близко от Крита, являлись ключевыми позициями. В последующие годы мы не раз разрабатывали планы наступления на Родос, но нам так и не удалось согласовать их с общим ходом событий.

* * *

Сообщение Идена о результатах его переговоров с турками не было утешительным. Они не хуже нас понимали всю опасность своего положения, но, как и греки, были убеждены, что помощь, которую мы могли им предложить, была бы слишком недостаточна, чтобы оказать сколько-нибудь существенное влияние в настоящем сражении.

Иден — премьер-министру

28 февраля 1941 года

«Сегодня утром начальник имперского генерального штаба и я имели чрезвычайно откровенную и дружескую беседу с председателем совета, министром иностранных дел и маршалом Чакмаком...

Результат этих переговоров сводится к тому, что Турция во всяком случае обязуется вступить в войну в будущем. Если она подвергнется нападению, она, конечно, сделает это немедленно. Но если немцы дадут ей время перевооружиться, она воспользуется этим и вступит в войну в благоприятный для нашего общего дела момент, когда использование ее сил сможет дать реальные результаты».

Теперь я должен приступить к описанию наших попыток предостеречь югославское правительство. Вся оборона Салоник зависела от вступления Югославии в войну, и нам абсолютно необходимо было знать, каковы ее намерения. 2 марта наш посол в Белграде Кэмпбелл встретился с Иденом в Афинах. Он сообщил, что Югославия боится Германии и что в стране происходят внутренние политические неурядицы. Однако не исключено, что, если бы югославскому правительству были известны наши планы помощи Греции, оно согласилось бы оказать ей поддержку. Иден и греки опасались, как бы об этих планах не стало известно противнику. 5 марта министр иностранных дел послал Кэмпбелла обратно в Белград с конфиденциальным письмом регенту. В этом письме он обрисовал опасность, грозившую Югославии со стороны Германии, и сообщил, что Греция и Турция намерены воевать, если Германия нападет на них. В этом случае Югославия должна присоединиться к нам. Посол должен был сообщить регенту устно, что англичане решили в возможно ближайший срок предоставить Греции максимальную помощь сухопутными и воздушными силами и что, если бы югославское правительство смогло направить в Афины офицера генерального штаба, он мог бы принять участие в переговорах. Защита Салоник будет зависеть от позиции Югославии. Если она уступит Германии, легко понять, каковы будут последствия этого. Вместо этого ей настоятельно предлагалось присоединиться к нам и воевать бок о бок с английскими войсками. В Греции мы намерены действовать энергично и у нас имеются серьезные шансы удержать линию фронта.

* * *

1 марта началось вступление германских войск в Болгарию. Болгарская армия отоблизовалась и заняла позиции вдоль греческой границы. Все германские войска продвигались к югу, причем болгары оказывали им всемерную поддержку. На следующий день Иден и генерал Дилл вернулись из Анкары в Афины и военные переговоры возобновились. В связи с этим Иден послал мне очень важное сообщение.

5 марта 1941 года

«...В прошлый раз генерал Папагос упорно настаивал на том, что единственно правильным с военной точки зрения решением является отвод всех войск, находящихся в Македонии, к линии Алиакмона. Мы ожидали, что этот отвод войск к линии Алиакмона уже начался. Однако оказалось, что к нему даже еще не приступали, причем Папагос утверждал, будто бы мы договорились, что решение, принятое на нашем последнем совещании, будет зависеть от ответа югославам относительно их позиции...

В настоящее время Папагос предлагает удерживать линию укреплений близ македонской границы силами четырех дивизий — хотя он и считает, что они не смогут долго продержаться, — а на Албанском фронте попросту оставаться там, где его войска находятся в настоящее время.

В результате мы очутились перед альтернативой: а) принять план Папагоса, к которому он постоянно возвращался и который состоит в том, чтобы попытаться постепенно, небольшими частями перебросить наши войска к македонской границе; б) принять предложенные нам для алиакмонской линии три греческие дивизии, что составит примерно от 16 до 23 батальонов вместо 35, обещанных нам во время нашего прошлого визита, и сосредоточить наши войска за этой линией; в) полностью отказаться от нашего предложения об оказании военной помощи.

Мы не без опасений согласились остановиться на решении «б», но с тем условием, что командование и организация всей линии Алиакмона будут поручены генералу Вильсону, как только он будет в состоянии принять на себя эту задачу. Это решение и было принято нами».

Теперь наша точка зрения в Лондоне значительно изменилась. Начальники штабов отметили различные факторы, неблагоприятные для нашей балканской политики и в особенности говорившие против посылки армии в Грецию. В первую очередь они подчеркнули основные изменения в обстановке: угнетенное состояние духа верховного главнокомандующего Греции; невыполнение греками обещания, данного ими за двенадцать дней до этого, отвести свои войска к линии, которую мы должны были удерживать, если бы Югославия отказалась вступить в войну; то обстоятельство, что нам должны были помогать удерживать эту линию 35 батальонов греческих войск, а в настоящий момент их число сократилось до

23, если не меньше, причем все это были вновь сформированные части, еще не получившие боевого опыта и не имевшие достаточно артиллерии.

В заключение они заявили, что «риск, связанный с этой операцией, значительно увеличился». Однако они все же не считали, что могут ставить под сомнение рекомендации военных экспертов, находящихся на месте, которые ни в коей мере не считали положение безнадежным.

* * *

В воскресенье вечером в Чекерсе, поразмыслив в одиночестве над докладом начальников штабов и характером дискуссии, развернувшейся во время утреннего заседания военного кабинета, я направил Идену, уже вернувшемуся к этому времени из Афин в Каир, послание, которое я привожу ниже.

Премьер-министр — Идену, Каир 6 марта 1941 года

«Обстановка действительно изменилась к худшему. Начальники штабов представили серьезные соображения, которые излагаются в моем следующем сообщении. Учитывая невыполнение Папагосом обещания, данного Вам при переговорах 22 февраля, очевидные трудности, связанные с отводом его войск с линии фронта в Албании, представленный Уэйвеллом график возможных передвижений наших войск, а также другие неблагоприятные факторы, упоминаемые начальниками штабов, как, например, отсрочка наступления на Родос и закрытие Суэцкого канала для судоходства, кабинет сомневается в том, что мы в состоянии что-либо сделать теперь, чтобы спасти Грецию от ожидающей ее участи, если только Турция и (или) Югославия не вступят в войну, что представляется весьма маловероятным.

Потеря Греции и Балкан отнюдь не явится для нас серьезной катастрофой, если только Турция будет честно сохранять нейтралитет. Мы могли бы захватить Родос и рассмотреть план «Инфлак» или план операций против Триполи. Нам сообщают из ряда источников, что наше позорное изгнание из Греции больше повредило бы нам в отношениях с Испанией и правительством Виши, чем факт подчинения Балкан Германии, которого мы никогда не могли бы предотвратить, опираясь лишь на свои собственные скудные силы».

7 марта мы получили в Лондоне более полную оценку положения.

Иден — премьер-министру 7 марта 1941 года

«1. Мы совместно с главнокомандующими и Смэтсом снова рассмотрели все положение в целом. Хотя все мы сознаем

серьезность принимаемого решения, мы не видим оснований менять нашу прежнюю точку зрения.

2. Не может быть и речи о том, чтобы мы заставляли Грецию действовать против ее собственной воли. Во время нашей первой встречи в Татое греческий премьер-министр в самом начале заседания вручил мне письменное заявление относительно твердой решимости Греции сопротивляться нападению Италии или Германии, хотя бы ей пришлось делать это в одиночку. Греческое правительство неизменно придерживалось этой позиции, хотя и с неодинаковой уверенностью в успехе. Греки сознают, что у них нет возможности заключить почетный мир, когда Италия и Германия угрожают их границам.

3. Мы уже взяли на себя обязательства по отношению к Греции. В течение нескольких месяцев там действуют 8 эскадрилий королевского воздушного флота и обслуживающий персонал зенитной артиллерии.

4. Поражение Греции без всякой попытки с нашей стороны спасти ее путем вмешательства в наземные операции после того, как у нас для этого освободились силы в результате побед в Ливии, о чем знает весь мир, явилось бы величайшей катастрофой. Это, безусловно, повело бы к потере Югославии; мы не могли бы быть уверены и в том, что даже Турция окажется в силах сохранить твердость, если немцы и итальянцы укрепятся в Греции без всякой попытки с нашей стороны оказать им в этом сопротивление. Не подлежит сомнению, что наш престиж пострадает, если мы будем бесславно изгнаны оттуда, но во всяком случае то, что мы сражались и страдали в Греции, меньше повредило бы нашему престижу, чем если бы мы покинули Грецию на произвол судьбы...

При существующих обстоятельствах мы все сходимся на том, что надо следовать принятому курсу и оказать помощь Греции».

В сопровождении начальников штабов я явился на заседание военного кабинета, с тем чтобы он вынес окончательное решение по этому вопросу. Члены кабинета получали полную информацию о ходе событий. Несмотря на то что мы не могли направить в Грецию больше авиации, чем было выделено для этой операции и уже находилось в пути, никто из нас не проявлял колебаний и никаких расхождений между нами не было. Лично я считал, что наши представители на месте подверглись всестороннему испытанию. Не приходилось сомневаться в том, что они приняли свое решение без какого бы то ни было политического нажима из Лондона. Смэтс с его мудростью, непредвзятым мнением и самостоятельным взгля-

дом на вещи тоже согласился с их точкой зрения. Никто также не мог бы утверждать, что мы навязали свою помощь Греции против ее собственной воли.

Я счел необходимым информировать президента Рузвельта о наших планах специальным посланием, которым можно закончить настоящую главу, посвященную этим тревожным дням.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

10 марта 1941 года

«Теперь я должен сообщить Вам, к какому решению мы пришли относительно Греции. Хотя у нас, конечно, было большое искушение попытаться развить наступление от Бенгази в сторону Триполи и мы еще, возможно, используем значительные силы на этом направлении, однако мы все же сочли своим долгом встать на сторону греков, которые заявили о своей решимости сопротивляться германским захватчикам, даже если им придется сражаться в одиночку. Наши генералы Уэйвелл и Дилл, сопровождавшие Идена в его поездке в Каир, после самого тщательного обсуждения этого вопроса с нами считают, что мы имеем достаточно шансов на успех. Поэтому мы посылаем большую часть Нильской армии в Грецию и даем ей максимальные авиационные подкрепления, какие мы можем выделить. Смэтс посылает в район дельты Нила южноафриканские войска. Г-н президент, Вы сами можете судить о том, насколько велик риск, которому мы себя подвергаем.

При этих условиях кардинальное значение приобретают действия Югославии. Ни одна страна никогда не имела еще таких шансов на успех в войне. Если она нападет на итальянцев с тыла в Албании, то это может повлечь за собой неизмеримые по своей важности последствия в течение ближайших недель. Положение может полностью измениться, и Турция тоже может решиться выступить на нашей стороне. Создается впечатление, что Россия, хотя ею в основном движет страх, могла бы, по крайней мере, дать некоторые заверения Турции в том, что она не будет оказывать на нее нажим со стороны Кавказа и не выступит против нее на Черном море. Мне вряд ли стоит упоминать о том, что согласованные действия Ваших послов в Турции, России и прежде всего в Югославии с целью оказать соответствующее влияние на эти страны имели бы исключительное значение в данный момент и поистине могли бы сыграть решающую роль».

БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ, 1941 ГОД

Западные подступы

Среди потока бурных событий нами владела одна величайшая тревога. Можно было выигрывать или проигрывать битвы, можно было добиваться успеха или терпеть неудачу, завоевывать или оставлять территории, но вся наша способность вести войну или даже поддерживать свое существование всецело зависела от нашего господства над морскими путями и от обеспечения свободного доступа и входа в наши порты. В предыдущем томе я описал те опасности, которые нависли над нами в результате оккупации Германией всего европейского побережья от Нордкапа до Пиренеев. Вражеские подводные лодки, скорость, длительность рейсов и радиус действия которых постоянно увеличивались, могли выходить из любого порта или бухты, расположенных вдоль этого гигантского фронта, и уничтожать суда, доставлявшие нам продовольствие и другие товары. Число этих подводных лодок непрерывно возрастало. В течение первого квартала 1941 года ежемесячно строилось 10 подводных лодок, но вскоре число их увеличилось до 18 в месяц. Среди них были так называемые 500-тонные подводные лодки с радиусом действия в 11 тысяч миль и 740-тонные с радиусом действия в 15 тысяч миль.

Теперь к этому бичу подводной войны прибавились еще налеты вражеской авиации дальнего действия на наши суда, находившиеся в океане, далеко от берегов. Наиболее грозными из вражеских самолетов были «Фокке-Вульф-200», известные под названием «Кондор», хотя вначале их, к счастью, было еще немного.

Они могли вылетать из Бреста или Бордо, совершать полеты вокруг Англии, заправляться горючим в Норвегии и на следующий день возвращаться обратно. Во время полетов они замечали далеко внизу шедшие в рейс или возвращавшиеся обратно большие конвои в составе 40—50 судов (прибегать к таким конвоям нас вынуждал недостаток в эскортных судах). Они могли атаковать эти конвои или отдельные суда, сбрасывая на них фугасные бомбы, или же сигнализировать ожидавшим указаний подводным лодкам, куда им следует направиться, чтобы перехватить данный конвой. Еще в декабре мы начали подготовку к осуществлению отчаянного мероприятия, предусматривавшего создание подводного динамитного прикрытия на всем протяжении от устьев рек Мерсей и Клайд до линии к северо-западу от Ирландии глубиной в сто саженей¹.

¹ Проектировавшаяся система минных заграждений, которая так и не была создана. — *Примеч. авт.*

Между тем мы распорядились расширить и реорганизовать авиацию береговой обороны, предоставив ей большие преимущества в отношении укомплектования ее летным составом и самолетами. Мы планировали к июню 1941 года увеличить ее силы на 15 эскадрилий, причем в их состав должны были войти все 57 американских самолетов дальнего действия «каталина», которые мы рассчитывали получить к концу апреля. Отказ Южной Ирландии от какого бы то ни было сотрудничества с нами вновь губительно отразился на наших планах. Мы спешно строили новые аэродромы в Ольстере, в Шотландии и на Гебридских островах.

Эти тяжелые условия продолжали существовать, причем в некоторых случаях они еще более осложнились. Мертвая хватка магнитной мины была ослаблена и не смогла полностью удушить нас лишь благодаря успехам английских ученых и изобретателей, чьи достижения претворялись в жизнь неустанным трудом 20 тысяч преданных своему делу людей, имевших в своем распоряжении около тысячи суденышек, оборудованных множеством странных на вид аппаратов. Все наши суда, проходившие вдоль восточного побережья Англии, подвергались постоянной угрозе со стороны германских легких бомбардировщиков или истребителей, и поэтому их передвижения были сильно ограничены и сокращены. Лондонский порт, который во время Первой мировой войны считался абсолютно необходимым для нашего существования, функционировал только на одну четверть своей пропускной способности. Ла-Манш фактически представлял собой театр военных действий. Воздушные налеты на Бристоль и на порты, расположенные на реках Мерсей и Клайд, серьезно осложняли работу этих единственных оставшихся крупных торговых портов. Ирландское море и Бристольский залив были закрыты для навигации, или же передвижение по ним было крайне затруднено. Любой эксперт, которому годом раньше были бы представлены на заключение условия, существовавшие в настоящее время, признал бы наше положение безнадежным.

Это была борьба не на жизнь, а на смерть.

Самые масштабы и сложность наших защитных мероприятий — эскортирование караванов, отвлечение внимания противника, размагничивание мин и передвижения наших судов в обход Средиземного моря, увеличение большинства рейсов как по расстоянию, так и по времени, задержки в портах из-за бомбежек и затемнений — все это сокращало оперативные возможности нашего судоходства в еще большей мере, чем фактические потери тоннажа. Вначале военно-морское министерство прежде всего заботилось, конечно, о благополучной доставке судов в порты и считало показателем своих успехов минимальное число потопленных судов. Но теперь этот критерий уже не годился. Мы все сознавали, что само существо-

вание страны и успех ее военных усилий в равной мере зависят от количества импорта, благополучно доставленного в порты. В середине февраля я писал в своем меморандуме военно-морскому министру: *«Я вижу, что в феврале в порты прибыло менее половины того количества судов с грузами, которые прибыли в январе».*

Нажим противника непрерывно возрастал, и потери нашего судоходства угрожающе превышали размеры нового строительства судов. Огромные ресурсы Соединенных Штатов вступали в строй еще медленно. Мы не могли ожидать в будущем таких больших и неожиданных сюрпризов, как флот, доставшийся нам весной 1940 года после оккупации Норвегии, Дании и Нидерландов. Кроме того, количество поврежденных судов значительно превышало наши возможности в отношении ремонта, и с каждой неделей скопление судов в наших портах увеличивалось, а наше положение становилось все более затруднительным. В начале марта у нас скопились поврежденные суда общим тоннажем свыше 2600 тысяч тонн, из коих суда тоннажем около 930 тысяч тонн ремонтировались в момент погрузки, а остальные суда, тоннаж которых составлял почти 1700 тысяч тонн, стояли на приколе в ожидании ремонта. Для меня поистине было почти облегчением перейти от этого вынужденного мучительного бездействия к энергичным мероприятиям военного характера, хотя и оказавшимся неудачными по своим результатам. С какой готовностью я предпочел бы настоящую попытку вторжения в Англию этой бесформенной, не поддающейся измерению угрозе, которая выражалась в картах, диаграммах и статистических данных!

Еще 4 августа 1940 года я предложил военно-морскому министерству перевести командование западными подступами из Плимута на реку Клайд. Это предложение встретило сопротивление, и лишь в феврале 1941 года ход событий вынудил военно-морское министерство согласиться перевести его на север. Вместо реки Клайд была выбрана река Мерсей, что было совершенно правильным решением, и 17 февраля адмирал Нобль обосновался в Ливерпуле в качестве главнокомандующего западными подступами. Командующий авиацией береговой обороны главный маршал авиации Боухилл работал в самом тесном контакте с ним. Вскоре новый объединенный штаб приступил к работе, и начиная с 15 апреля оба командования слились в единый мощный орган, находившийся под оперативным контролем военно-морского министерства.

* * *

Новый год начался жестокими и почти непрерывными штормами. Они нанесли громадный ущерб нашим старым су-

дам, которые мы вынуждены были использовать для океанских рейсов, несмотря на их ветхость. 30 января 1941 года Гитлер выступил в Берлине с речью, в которой он угрожал нам гибелью, уверенно ссылаясь при этом на захлестывавшие нас со всех сторон комбинированные атаки военно-воздушных и военно-морских сил, с помощью которых он надеялся обречь нас на голод и капитуляцию. «Весной, — заявил он, — на море начнется подводная война, и они поймут, что мы не спали. Авиация также сыграет свою роль, и все наши вооруженные силы так или иначе заставят их принять решение».

* * *

Помимо подводной войны, которую немцы вели против нас, мы несли в это время серьезный урон в результате рейдов мощных германских крейсеров. Выше уже говорилось о падении крейсера «Шеер» на караван судов в ноябре 1940 года, когда он потопил наш доблестный «Джёрвис Бей». В январе «Шеер» находился в южной части Атлантики, направляясь к Индийскому океану. За три месяца он потопил 10 судов общим тоннажем 60 тысяч тонн, а затем сумел вернуться в Германию. Он прибыл туда 1 апреля 1941 года. Нам не удалось развернуть против него те мощные силы, которые за год до этого выследили «Графа Шпее». Крейсер «Хиппер», который провалился в Атлантический океан в начале декабря 1940 года, укрывался в Бресте. В конце января линейные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау», наконец-то отремонтированные после повреждений, нанесенных им в Норвегии, получили приказ совершить рейд в Северной Атлантике, в то время как «Хиппер» должен был атаковать суда, следующие из Сьерра-Леоне. Во время первой попытки прорваться эти линейные крейсера под командованием адмирала Лютьенса едва не были разгромлены нашим флотом метрополии. Их спасли густые туманы, и 3 февраля им удалось незамеченными пройти через Датский пролив. В то же время «Хиппер» вышел из Бреста и направился на юг.

8 февраля два германских линейных крейсера, контролировавшие маршрут на Галифакс, заметили приближавшийся караван английских судов. Германские корабли разошлись в стороны, чтобы напасть на караван под разными углами. Внезапно, к своему изумлению, они обнаружили, что караван эскортируется линкором «Рэйнлис». Адмирал Лютьенс немедленно отказался от боя. В полученных им основных инструкциях указывалось, что он должен избегать столкновений с равным противником, каковым должен был считать любой из английских линкоров, вооруженных 15-дюймовыми орудиями. Его осторожность была вознаграждена тем, что 22 февраля он

потопил пять судов из состава каравана, шедшего в заграничный рейс. Опасаясь ответных действий с нашей стороны, он перешел в район дальше к югу, где встретил 8 марта караван, шедший из Фритауна. Но здесь он снова натолкнулся на сопровождавший этот караван линкор «Малайя» и вынужден был ограничиться тем, что вызвал для нападения на караван подводные лодки, которые потопили пять судов. Проявив себя в этом районе, он снова вернулся в западную часть Атлантического океана, где на этот раз одержал крупнейшую победу. 15 марта он перехватил шесть шедших порожняком танкеров, оторвавшихся от каравана, который направлялся в заграничный рейс, и либо потопил, либо захватил все шесть. На следующий день потопил еще десять судов, в основном из состава того же каравана. Таким образом, только за эти два дня он уничтожил или захватил суда общим тоннажем свыше 80 тысяч тонн.

Но к нему приближался «Родней», который эскортировал караван, направлявшийся в Галифакс. Адмирал Лютьенс решил, что он достаточно подвергался риску и может похвастаться весьма крупными достижениями. Утром 22 марта его корабли вошли в Брест. За два месяца, в течение которых «Шарнхорст» и «Гнейзенау» совершали свои рейды, они потопили или захватили 22 судна общим водоизмещением 115 тысяч тонн. Тем временем «Хиппер» напал около Азорских островов на шедший обратно в Англию из Сьерра-Леоне караван, к которому еще не успели присоединиться эскортные корабли. В результате ожесточенной атаки, длившейся целый час, он уничтожил 7 из 19 судов, не сделав даже попытки подобрать оставшихся в живых членов экипажа, и через два дня вернулся в Брест. Эти потери, не говоря о тех, что причиняли нам подводные лодки, были для нас очень тяжелы.

Кроме того, присутствие этих мощных вражеских кораблей вынуждало нас использовать для эскортирования караванов почти все имевшиеся в нашем распоряжении английские крупные боевые корабли. Был такой момент, когда главнокомандующий флотом метрополии имел в своем распоряжении только один линкор.

«Бисмарк» еще не вступил в строй. Германскому адмиралтейству следовало бы дожидаться окончания постройки «Бисмарка» и его напарника «Тирпица». Гитлер не мог бы эффективнее использовать свои два гигантских линкора, нежели держа их в состоянии полной боевой готовности в Балтийском море, с тем чтобы время от времени просачивались слухи об их предстоящем в ближайшее время рейде. Это вынудило бы нас сосредоточить в Скапа-Флоу или поблизости от него фактически все новые корабли, которыми мы располагали, и дало бы ему то преимущество, что за ним оставался

бы выбор момента для действий, причем он был бы избавлен от напряжения, связанного с необходимостью всегда быть наготове. Так как корабли должны время от времени проходить текущий ремонт, мы фактически не имели бы возможности сохранять за собой достаточное превосходство. Любая серьезная авария полностью лишила бы нас этой возможности.

* * *

Днем и ночью я размышлял над этой страшной проблемой. В то время моя единственная и твердая надежда на победу основывалась на нашей способности вести неограниченно длительную войну до завоевания нами господства в воздухе и до вероятного присоединения к нам других великих держав. Но эта смертельная угроза коммуникациям, имевшим для нас жизненно важное значение, буквально терзала меня. В начале марта адмирал Паунд доложил военному кабинету о понесенных нами исключительно тяжелых потерях в связи с потоплением наших судов противником. Я уже ознакомился с цифрами и после совещания, которое состоялось в кабинете премьер-министра в палате общин, сказал Паунду: «Мы должны поднять это дело на самый высокий уровень, превыше всего остального. Я собираюсь провозгласить битву за Атлантику». Подобно провозглашению битвы за Англию девятью месяцами раньше это должно было послужить сигналом к сосредоточению внимания отдельных лиц и соответствующих ведомств на борьбе с подводным флотом противника.

Для того чтобы иметь возможность уделять этому максимальное внимание и давать своевременные директивы, которые устраняли бы возникающие трудности и препятствия и вынуждали к действию огромное количество связанных с этим делом ведомств и организаций, я создал комитет по руководству битвой за Атлантику. Совещания этого комитета созывались еженедельно, причем в них участвовали министры и ответственные представители соответствующих военных и гражданских организаций. 6 марта была принята моя директива, которую я назвал битвой за Атлантику. Я зачитал ее на закрытом заседании палаты 25 июня 1941 года, но для понимания хода событий ее необходимо изложить здесь.

Битва за Атлантику

Директива министра обороны

6 марта 1941 года

«Учитывая различные заявления, сделанные Германией, мы должны считать, что битва за Атлантику уже началась. В

течение следующих четырех месяцев мы должны суметь отразить попытку противника отрезать нас от источников продовольственного снабжения и нарушить наши связи с Соединенными Штатами.

С этой целью:

1. Мы должны вести наступательные действия против германских подводных лодок и «фокке-вульфов» всегда и везде, где это будет возможно. Надо преследовать подводные лодки в море и бомбить те, что находятся на судовой поверхности или в доках. «Фокке-вульфы» и другие бомбардировщики, которые используются против наших судов, надо атаковать в воздухе и на их базах.

2. Необходимо уделить максимальное внимание оборудованию наших судов катапультами или другими стартовыми устройствами для истребителей, которые можно было бы использовать против бомбардировщиков, атакующих наши суда. Предложения должны быть представлены в течение недели.

3. Все получившие одобрение и проводящиеся в настоящее время мероприятия по сосредоточению основных сил нашей авиации береговой обороны у северо-западных подступов и оказанию ей помощи со стороны нашего командования бомбардировочной и истребительной авиации, базирующейся на восточное побережье, будут осуществляться с максимальной быстротой. Можно надеяться, что в связи с увеличением продолжительности дня и изменением маршрутов судов угроза со стороны германского подводного флота вскоре уменьшится. Тем более важно, чтобы мы успешно справились с «фокке-вульфами» и с «юнкерами», если таковые появятся.

4. Ввиду настоятельной необходимости в увеличении числа эскортных эсминцев следует рассмотреть вопрос о том, ставить ли в доки действующие в настоящий момент американские эсминцы для осуществления второй стадии их переоснащения, пока не пройдет критический период этой новой битвы.

5. Военно-морское министерство совместно с министерством берегового флота пересмотрит вопрос об изъятии из состава караванов судов, обладающих скоростью 12 и 13 узлов в час, а также о том, нельзя ли в течение некоторого времени практиковать это в качестве эксперимента.

6. Военно-морскому министерству будут в первую очередь предоставляться все зенитные орудия, действующие на небольшую дистанцию, а также другие орудия, которые могут быть установлены на подходящих для этого торговых судах, курсирующих в опасной зоне. Уже отданы распоряжения о выделении системой противовоздушной обороны Великобритании и заводами двухсот «бофорсов» или равных им орудий. Но за ними должен последовать постоянный поток орудий вместе с орудийными расчетами в полном или частичном составе. Они

должны предоставляться военно-морскому министерству, по мере того как оно сможет их принимать. Необходимо выработать план на три месяца.

7. Мы должны подготовиться к сопротивлению сосредоточенным воздушным налетам на те порты, на которые мы особенно рассчитываем (в районе рек Мерсей и Клайд и на Бристольском заливе). Поэтому они должны быть максимально обеспечены средствами обороны. Через неделю должен быть представлен отчет о том, что делается в этом отношении.

8. Необходимо, чтобы все соответствующие ведомства немедленно занялись вопросом об огромной массе поврежденных судов, скопившихся в настоящее время в наших портах. К концу июня эта масса должна сократиться не менее чем на 40 тысяч нетто-тонн. С этой целью следует на время отказаться от перспективных планов в отношении строительства торгового и военного флотов. Рабочая сила должна быть переклочена со строительства новых торговых судов, которые не могут быть закончены до сентября 1941 года, на ремонт судов. Военно-морское министерство обязалось в ближайшее время снять с работы по выполнению перспективных планов строительства и ремонта военных кораблей до 5 тысяч рабочих, и еще 5 тысяч должно быть снято со строительства предусмотренных перспективными планами торговых судов.

9. Необходимо использовать все способы для упрощения и ускорения ремонта судов и размагничивания минных полей даже при известном риске, чтобы сократить ужасающе длительный срок оборачиваемости судов в английских портах. Если бы при этом была достигнута экономия в 15 дней, то уже сама по себе она была бы эквивалентна 5 миллионам тонн импорта или сэкономила бы 1250 тысяч тонн тоннажа судов, на которых доставляется импорт. Военно-морское министерство уже дало своим сотрудникам во всех портах инструкцию всемерно содействовать этому ускорению периода оборачиваемости, в который входит и время ремонта. Время от времени должны даваться дополнительные директивы, и портовым чиновникам следует предложить представлять отчеты о том, что ими проделано, и о мероприятиях, которые они считают целесообразными. Пожалуй, следовало бы созвать совещание портовых властей для рассмотрения всех имеющихся затруднений и обмена мнениями.

10. Министру труда на совещании с предпринимателями и рабочими удалось достигнуть соглашения о взаимозаменяемости рабочей силы в портах. Результатом этого должно явиться существенное увеличение общего количества рабочей силы. Тем или другим путем в работу по ремонту и строительству судов, а также по обслуживанию судов в доках должно быть в ближайший момент вовлечено еще 40 тысяч человек. На

местах в портах и на судоверфях должна вестись усиленная пропаганда, с тем чтобы все рабочие полностью осознали чрезвычайное важное значение выполняемой ими работы. В то же время нежелательно, чтобы для этой цели широко использовались печать или радио, так как это только поощрило бы врага к дальнейшим усилиям.

11. Министерство транспорта позаботится о том, чтобы не допускать скопления судов у причалов и чтобы все выгруженные товары немедленно увозились. Для этой цели министр обратился к председателю импортного управления за всей дополнительной помощью, которая ему может понадобиться. Он также должен еженедельно отчитываться перед импортным управлением о достигнутых улучшениях в работе портов, на которые мы особенно рассчитываем, путем перевода из других портов кранового оборудования и т. д. Он также должен сообщать об имеющихся достижениях в подготовке новых сооружений в менее крупных портах и о том, как лучше использовать лихтеры для ускорения работ по погрузке и разгрузке судов.

12. Создан постоянный комитет в составе представителей транспортного управления военно-морского министерства, министерства торгового флота и министерства транспорта, который будет собираться ежедневно и докладывать председателю импортного управления о всех неувязках или затруднениях в работе. Импортное управление будет координировать все эти мероприятия и еженедельно сообщать мне о своих действиях, чтобы я мог согласовать с кабинетом дальнейшие мероприятия.

13. Помимо того что делается в этой области в самой Англии, необходимо приложить все усилия, чтобы добиться ускорения оборачиваемости судов в зарубежных портах. Все соответствующие организации и лица должны получить специальные инструкции по этому поводу, и им должно быть предложено отчитываться о всех мерах, принимаемых ими для выполнения этих инструкций, а также о всех трудностях, с которыми они могут встретиться».

* * *

Теперь подводные лодки противника стали применять новые методы, получившие название тактики «волчьей стаи». Эта тактика заключалась в том, что несколько подводных лодок, действуя совместно, нападали на наши суда с разных сторон. В то время такие атаки обычно осуществлялись ночью, причем подводные лодки действовали на поверхности воды и атаковали на полном ходу, если только их не удавалось обнаружить в момент приближения. При этих условиях только эсминцы могли их быстро настигнуть.

Эта тактика, которая в течение всего следующего года, если не больше, являлась характерной особенностью операций противника, ставила перед нами две проблемы. Первая заключалась в том, как обеспечить защиту наших караванов от этих ночных атак подводных лодок, действовавших на большой скорости, ибо в данном случае гидролокатор «Асдик» был фактически бессилён. Эта задача могла быть разрешена не столько увеличением числа наших быстроходных эскортных судов, сколько усовершенствованием системы радиолокации. К тому же вопрос необходимо было разрешить быстро, так как наши потери угрожали в скором времени стать устрашающими. Незначительный размах прежних операций подводных лодок, с которыми мы сравнительно успешно справлялись, создал у нас ложное чувство безопасности. Теперь же, когда буря разразилась со всей силой, у нас не оказалось научно разработанных средств для борьбы с подводными лодками. Мы энергично занялись этим вопросом, и благодаря неустанным трудам наших ученых и спаянной работе наших моряков и летчиков были достигнуты большие успехи. Результаты этой работы проявлялись медленно, а тем временем положение оставалось тревожным и мы продолжали нести большие потери.

Вторая проблема заключалась в том, чтобы использовать уязвимость подводной лодки, находящейся на поверхности, для нападения с воздуха. Только при условии, если бы мы могли позволить себе навлекать на себя атаки противника, зная, что мы являемся хозяевами положения, мы могли бы рассчитывать на победу в этой затянувшейся войне. Для этого нам было необходимо такое воздушное оружие, которое имело бы смертоносную силу, а также время, чтобы научить наши морские и воздушные силы пользоваться этим оружием. Когда в конце концов обе эти проблемы были разрешены, подводные лодки были снова вынуждены вернуться к действиям в погруженном состоянии, позволявшем применять против них более старые и испытанные методы. Однако это громадное облегчение наступило лишь через два года.

Тем временем новая тактика «волчьей стаи», инициатором которой явился командующий германским подводным флотом адмирал Дениц, бывший капитан подводной лодки в Первую мировую войну, успешно применялась грозным Приеном и другими первоклассными командирами германских подводных лодок. С нашей стороны быстро последовали контрмеры. 8 марта эсминец «Вулверин» потопил подводную лодку Приена «U-47» вместе с ним самим и всей его командой, а через девять дней были потоплены подводные лодки «U-99» и «U-100» во время их совместной атаки на наш конвой. Обеими этими лодками командовали выдающиеся офицеры. Гибель этих трех способных командиров оказала значительное влия-

ние на дальнейший ход борьбы. Среди остальных командиров германских подводных лодок лишь немногие обладали такой же смелостью и беспощадностью. Пять подводных лодок было потоплено в марте у западных подступов к нашим берегам, и хотя мы понесли огромные потери в тоннаже судов — 243 тысячи тонн в результате действий германского подводного флота и еще 113 тысяч тонн вследствие воздушных налетов, — можно сказать, что первый раунд битвы за Атлантику закончился вничью.

Вскоре из Соединенных Штатов были получены хорошие вести. Конгресс одобрил закон о ленд-лизе, и 11 марта его с радостью утвердил президент. Гопкинс сообщил мне об этом, как только это оказалось возможным. Это было одновременно и утешением.

Материалы прибывали. Доставить их было нашей задачей.

* * *

С момента утверждения закона о ленд-лизе наши отношения с Соединенными Штатами становились все более тесными. Под давлением событий мы заняли более жесткую позицию по отношению к вишистской Франции. Недавние опустошительные рейды германских линейных крейсеров доказали, какую серьезную опасность представляют собой эти мощные корабли, к которым вскоре должен был присоединиться «Бисмарк». Имелись также опасения, что немцы могут получить контроль над французским флотом и воспользоваться быстроходным линкором «Дюнкерк».

Я послал президенту Рузвельту следующую телеграмму:

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

2 апреля 1941 года

«1. Мы располагаем совершенно достоверной информацией о том, что правительство Виши получило от комиссии по перемирию «разрешение» перевести линкор «Дюнкерк» под защитой эскорта в составе всех кораблей класса «Страсбург» из Орана в Тулон для «разоружения».

2. Целью этого перевода, без сомнения, является ремонт линкора, и мы, конечно, должны считать, что он осуществляется по приказу немцев.

3. Мне незачем указывать Вам на ту серьезную опасность, какой мы подвергаемся в связи с этим. Угроза со стороны германских рейдеров и без того велика. Пополнение их состава таким кораблем, безусловно, создаст для нас очень большие трудности. Если бы словам адмирала Дарлана можно было придавать какое-либо значение, мы могли бы надеяться, что

он в конечном счете отдаст приказ о выходе из французских портов метрополии всех исправных морских кораблей. Но если «Дюнкерк» будет поставлен в док и на время ремонта лишен способности к передвижению, у немцев окажется достаточно времени, чтобы совершить нападение и завладеть им.

4. Я опасаюсь, что это является зловещим подтверждением наших худших подозрений в отношении Дарлана.

5. Через Вашего посла в Виши Вы уже указали французскому правительству, что переговоры о поставках зерна в неоккупированную зону Франции были бы значительно облегчены, если бы французские военные корабли, находящиеся в портах метрополии, были постепенно переведены в порты Атлантического побережья Северной Африки. И вот Дарлан не только не выполняет Ваши пожелания, но сознательно пренебрегает ими.

6. Я искренне надеюсь, что Вы сочтете возможным тотчас же указать маршалу Петэну, что, если Дарлан будет упорствовать в своих действиях, он отрежет пути к оказанию помощи его стране и окончательно лишит Францию сочувствия Америки».

* * *

В дальнейшем мы узнали от президента, что мы можем во всяком случае рассчитывать на некоторую передышку, так как «Дюнкерк» не выйдет из Орана в течение ближайших десяти дней. 6 апреля он сообщил нам, что советник американского посольства при правительстве Виши Мэттьюс просил маршала Петэна срочно принять его. Его просьба была удовлетворена, но как только Мэттьюс заявил Петэну, что он хотел бы обсудить с ним вопрос о «Дюнкерке», маршал, который, очевидно, был не в курсе событий, послал за Дарланом. Дарлан прибыл. Он заявил, что эта информация, конечно, исходит от англичан, и пожаловался, что они не хотят терпеть в Средиземном море присутствие какого бы то ни было флота, кроме английского. Он признал, что собирается перевести линкор в Тулон, поскольку его нельзя отремонтировать в Оране, и что во всяком случае он не собирается оставлять его там. Маршал и он дали честное слово, что французские корабли не попадут в руки немцев, и Дарлан повторил это свое заверение. «Дюнкерк» не двинется в путь немедленно и будет готов к переводу не раньше чем через десять дней, если не больше. Американское посольство в Виши считало, что это соответствует действительности, и полагало, что даже если линкор будет доставлен в Тулон, то он не сможет войти в строй до конца августа. Затем Дарлан сделал ряд антианглийских заявлений и маршал обещал дать Мэттьюсу официальный ответ. Презид-

дент указывал, что Петэн, по-видимому, в документах разбирается лучше, чем когда ему приходится полагаться на свою память, и, возможно, при ближайшем ознакомлении с вопросом он даст нам обещание, о котором мы просим.

Я поблагодарил президента и вновь выразил свои прежние опасения.

9 апреля инцидент с «Дюнкерком» был наконец урегулирован: правительство Виши подчинилось нажиму, оказанному президентом Рузвельтом. Влиятельное вмешательство президента Рузвельта в этот момент содействовало тому, что наши взаимоотношения с вишистской Францией стали несколько менее враждебными.

Глава восьмая

БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ, 1941 ГОД

Вмешательство Америки

В ходе подводной войны произошли теперь серьезные изменения. Уничтожение трех германских «асов» в марте и усовершенствование нашей системы обороны оказали свое действие на тактику германских подводных лодок. Обнаружив, что западные подступы стали для них слишком опасными, немцы отошли дальше на запад, в зону, где их могли настигнуть лишь немногие из наших эскортных флотилий (поскольку порты Южной Ирландии были для нас закрыты) и где мы не могли пользоваться прикрытием авиации. Действуя из своих баз, расположенных в портах Соединенного Королевства, наши эскортные суда могли обеспечивать эффективную защиту наших караванов только на протяжении одной четверти пути на Галифакс. В начале апреля «волчья стая» напала на караван наших судов, прежде чем к нему успели присоединиться эскортные корабли. Во время длительного боя было потоплено 10 судов из общего числа 22; противник потерял одну подводную лодку. Мы должны были тем или иным путем добиться увеличения радиуса действия наших кораблей, ибо в противном случае наши дни были бы сочтены.

До сих пор помощь, оказываемая нам из-за океана, ограничивалась предоставлением материалов, но теперь, когда обстановка становилась все более напряженной, президент, используя все полномочия, предоставляемые ему американской конституцией как верховному главнокомандующему вооруженными силами, начал оказывать нам вооруженную помощь. Он

твердо решил не допускать, чтобы германские подводные лодки и рейдеры приблизили войну к берегам Америки, и обеспечить, чтобы военные материалы, которые он посылал Англии, благополучно достигали хотя бы середины пути. Еще в июле 1940 года он направил в Англию военную и военно-морскую миссию для «предварительных переговоров». Военно-морской наблюдатель Соединенных Штатов адмирал Гормли вскоре убедился, что Англия непреклонна в своей решимости и устоит против любой опасности, могущей угрожать ей в ближайшем будущем. Его задачей было определить в сотрудничестве с военно-морским министерством, как наиболее целесообразно использовать мощь Соединенных Штатов, во-первых, при существующей политике «любой помощи, кроме вступления в войну», и, во-вторых, во взаимодействии с английскими вооруженными силами, если и когда Соединенные Штаты окажутся втянутыми в войну.

Эти первые шаги повели к созданию широкой программы совместной защиты Атлантического океана двумя державами, говорящими на английском языке. В январе 1941 года в Вашингтоне начались секретные переговоры штабов, затрагивавшие весь круг военных вопросов, с целью выработки общей мировой стратегии. Военные руководители Соединенных Штатов согласились с тем, что, если война распространится на Америку и Тихий океан, решающее значение будут иметь Европейский и Атлантический театры военных действий. Прежде всего надлежало разбить Гитлера, и, исходя именно из этого соображения, были разработаны планы американской помощи в битве за Атлантику. Была начата подготовка к обеспечению эскортирования судов в Атлантическом океане силами обоих наших флотов. В марте 1941 года американские офицеры посетили Англию, чтобы выбрать базы для своих эскортных кораблей и авиации, и работы по их оборудованию начались немедленно. Быстрыми темпами продвигалась также начатая еще в 1940 году работа по созданию американских баз на английской территории в западной части Атлантического океана. Наиболее важной базой для конвоев, курсировавших в североатлантических водах, была Ардженшия на Ньюфаундленде. При наличии этой базы и гаваней в Соединенном Королевстве американские вооруженные силы смогли бы принять максимально допустимое участие в этой битве, — во всяком случае, нам так казалось, когда разрабатывался план этих мероприятий.

Между Канадой и Англией расположены острова Ньюфаундленд, Гренландия и Исландия. Все они находятся поблизости от кратчайшего пути, или «великого круга», между Галифаксом и Шотландией. Корабли, базирующиеся на эти «этапные пункты», могли бы контролировать весь этот путь

по секторам. В Гренландии абсолютно отсутствовали необходимые ресурсы, но остальные два острова быстро могли быть превращены в хорошие базы. В свое время было сказано: «Кто владеет Исландией, держит в своих руках пистолет, нацеленный на Англию, на Америку и на Канаду». Исходя из этого, мы с согласия исландского народа оккупировали Исландию в 1940 году, когда немцы захватили Данию. Теперь мы могли использовать ее для борьбы с германскими подводными лодками, и в апреле 1941 года мы организовали там базы для наших эскортных кораблей и авиации. В Исландии было создано самостоятельное командование, и оттуда мы довели радиус действия наших конвойных кораблей до 35° западной долготы. Однако, несмотря на это, на западном отрезке пути все еще оставался зловещий пробел, который в данный момент ничем нельзя было заполнить. В мае противник совершил ожесточенное нападение на галифакский караван близ 41° западной долготы, и, прежде чем наши эскортные корабли успели подойти к каравану, девять судов было уже потоплено.

Тем временем силы канадского королевского флота увеличивались. Канадские судоверфы начали спускать со стапелей большое количество новых корветов. В критический момент, который мы переживали, Канада была готова сыграть видную роль в этой смертельной схватке. Потери, понесенные галифакским караваном, наглядно показали, что единственным выходом из положения является эскортирование караванов на всем протяжении пути от Канады до Англии; и 23 мая военно-морское министерство предложило правительству Канады использовать порт Сент-Джонс на Ньюфаундленде в качестве передовой базы для наших объединенных конвойных сил. Оно немедленно откликнулось, и к концу месяца удалось наконец ввести эскортирование караванов на протяжении всего района. Впоследствии канадский королевский флот принял на себя ответственность за эскортирование своими силами караванов в западном секторе океанского пути. Из баз в Великобритании и в Исландии мы могли осуществлять эскортирование на протяжении остальной части маршрута. Однако и теперь еще силы, которыми мы располагали, оставались угрожающе малыми для выполнения этой задачи. Между тем наши потери резко увеличивались. За три месяца — с марта по май — только подводные лодки противника потопили 142 судна общим тоннажем 818 тысяч тонн. Из них 99 судов тоннажем около 600 тысяч тонн принадлежали Англии. Для достижения этих результатов немцы постоянно держали в северной части Атлантического океана около дюжины подводных лодок. Помимо этого, они еще старались распылить силы нашей обороны энергичными атаками на наши суда в районе Фритауна, где только в мае 6 германских подводных лодок потопили 32 судна.

В Соединенных Штатах президент шаг за шагом устанавливал все более тесные связи с нами, и его энергичное вмешательство вскоре стало решающим фактором. Когда мы сочли необходимым создать базы в Исландии, он в том же месяце принял меры в целях создания воздушной базы для американской авиации в Гренландии. Было известно, что немцы уже создали метеорологические станции на восточном побережье Гренландии, как раз против Исландии. Поэтому действия президента были весьма своевременными. Кроме того, были приняты решения о том, что не только наши торговые суда, но также и наши военные корабли, поврежденные во время ожесточенных боев в Средиземном море и в других районах, могут ремонтироваться на американских судовой верфях, что сразу же значительно облегчило нагрузку, лежавшую на нашей судоремонтной промышленности. Президент подтвердил эти решения своей телеграммой от 4 апреля, в которой также сообщалось, что он выделил фонды для постройки 58 новых судовой верфей и еще 200 судов.

Через неделю до нас дошли очень важные известия. 11 апреля президент телеграфировал мне, что правительство Соединенных Штатов предполагает расширить свою так называемую зону безопасности и патрулируемую зону, которые были установлены еще в самом начале войны, до линии, охватывающей все воды Северной Атлантики к западу примерно от 26° западной долготы. Президент предполагал использовать для этой цели авиацию и военно-морские силы, действующие с баз в Гренландии, на Ньюфаундленде, Новой Шотландии, в Соединенных Штатах, на Бермудских островах и в Вест-Индии, а возможно, впоследствии и в Бразилии. Он предложил нам извещать его в строго секретном порядке о передвижениях наших караванов, «с тем чтобы наши патрульные суда могли обнаруживать корабли или самолеты агрессивных стран, действующие к западу от новой линии зон безопасности». Американцы, со своей стороны, будут немедленно публиковать данные о местонахождении судов или самолетов, обнаруженных в патрулируемых американских водах и, возможно, принадлежащих агрессору.

Я препроводил эту телеграмму военно-морскому министерству с глубоким чувством облегчения.

18 апреля правительство Соединенных Штатов объявило об установлении демаркационной линии между Восточным и Западным полушариями, о которой президент упоминал в своем послании от 11 апреля. Эта линия, проходившая вдоль 26-го

меридиана западной долготы, стала после этого фактической морской границей Соединенных Штатов. Она включала в зону Соединенных Штатов все британские территории на Американском континенте или поблизости от него, Гренландию и Азорские острова, а вскоре была продолжена к востоку, включив Исландию. В соответствии с этой декларацией американские военные корабли должны были патрулировать воды Западного полушария и кстати информировать нас о деятельности противника в этом районе. Однако Соединенные Штаты оставались невоюющей стороной и на этой стадии не могли еще оказывать непосредственную защиту нашим караванам. Эта обязанность лежала всецело на английских кораблях, которые должны были обеспечивать защиту наших судов на протяжении всего маршрута.

В этот момент командование английскими и американскими военно-морскими силами очень беспокоило вопрос об Азорских островах. Мы сильно подозревали, что противник собирается захватить их в качестве базы для своих подводных лодок и авиации. Эти острова, находящиеся почти в центре Северной Атлантики, стали бы в руках противника такой же угрозой для передвижения наших судов на юге, как Исландия на севере. Английское правительство, со своей стороны, не могло мириться с возможностью возникновения такой ситуации, и в ответ на настойчивые обращения правительства Португалии, которое полностью сознавало опасность, грозящую его собственной стране, мы разработали соответствующий план и подготовили экспедицию с целью предупредить подобный шаг со стороны Германии. Мы также подготовили планы оккупации острова Гран-Канария¹ и островов Капа-Верде на тот случай, если войска Гитлера вступят в Испанию. Однако срочная необходимость в этом отпала, как только стало ясно, что внимание Гитлера переключилось на Россию.

Тем временем в результате переговоров руководства военно-морского министерства с адмиралом Гормли был согласован детальный план помощи, которую Соединенные Штаты предоставят нам в Атлантическом океане.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

24 апреля 1941 года

«Меня очень обрадовало сообщение относительно «Плана № 2 обороны Западного полушария с моря». Он охватывает почти все пункты, указанные в моей телеграмме к Вам, которая раз-

¹ Один из островов, входящих в группу Канарских островов. — *Примеч. ред.*

минулась в пути с официальным сообщением. На нас произвела глубокое впечатление та быстрота, с какой этот план претворяется в жизнь. Мы только что получили сообщение о том, что в пункте, отстоящем примерно на 300 миль к юго-востоку от Бермудских островов, оперирует надводный рейдер. Будет сделано все необходимое, чтобы сообщать главнокомандующему флотом США о передвижениях наших конвоев и о других вопросах. Адмирал Гормли поддерживает самую тесную связь с военно-морским министерством, и все необходимые мероприятия со стороны штаба будут детально разработаны...»

Политика президента имела очень важные последствия, и мы продолжали борьбу в условиях, когда значительная часть бремени была снята с нас королевским канадским флотом и военно-морскими силами Соединенных Штатов. Соединенные Штаты все больше втягивались в войну, а в конце мая развитие мировых событий в этом направлении еще ускорило вследствие вторжения «Бисмарка» в воды Атлантики. Этот эпизод еще будет мною описан. 27 мая, в тот самый день, когда «Бисмарк» был потоплен, президент заявил, выступая по радио: «Война вплотную приближается к берегам Западного полушария... Теперь битва за Атлантику уже захватила весь район от ледяных вод Северного полюса до вечной мерзлоты Антарктики». Далее он заявил: «Ожидать, пока они (враги) окажутся у наших дверей, было бы самоубийством... Поэтому мы расширили зону патрулирования наших кораблей в водах Северной и Южной Атлантики». Заканчивая свое выступление, президент объявил о введении в стране «неограниченного чрезвычайного положения».

* * *

Множество фактов говорит о том, что немцев сильно встревожило это усиление активности американцев, и адмиралы Редер и Дениц обратились к фюреру с просьбой предоставить германским подводным лодкам большую свободу действий и разрешить им совершать операции в американских водах, а также против американских судов, если они будут идти в составе конвоев или без огней. Но Гитлер оставался непреклонным. Он всегда опасался последствий войны с Соединенными Штатами и настаивал на том, чтобы германские вооруженные силы избегали каких-либо провокационных действий в отношении их.

* * *

Расширение операций противника также внесло свои коррективы. К июню, помимо подводных лодок, выделенных для

учебных целей, он имел в море 35 действующих подводных лодок, но необходимость укомплектовать экипажи множества новых лодок истощила его ресурсы высококвалифицированных кадров матросов, а главным образом — опытных командиров. «Разбавленные» команды новых подводных лодок, состоявшие в основном из молодых и неопытных моряков, сражались с гораздо меньшим упорством и умением. Кроме того, распространение зоны боевых действий на более отдаленные районы океана положило конец опасному взаимодействию подводного флота и авиации. Большое количество германских самолетов не имело оборудования и обученного персонала для операций над морем.

Тем не менее за те же три месяца (март, апрель и май) в результате воздушных налетов, осуществлявшихся главным образом в прибрежных районах, было потоплено 179 судов общим тоннажем 545 тысяч тонн. В течение всего этого времени судам близ наших берегов продолжала угрожать скрытая коварная опасность магнитных мин, применявшихся с переменным успехом, но наши контрмеры по-прежнему оказывали сдерживающее действие, и к 1941 году число судов, потопляемых минами, начало значительно сокращаться.

В июне мы опять стали брать верх над противником благодаря непрерывному расширению наших оборонительных мер — как в водах метрополии, так и в водах Атлантики и благодаря помощи Канады и Америки. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы улучшить организацию эскортирования наших караванов и создать новые виды оружия и приборов, которые помогли бы эскортным кораблям справляться со своей задачей. Мы нуждались главным образом в увеличении количества быстроходных эскортных кораблей, которые могли бы совершать более продолжительные рейсы без захода в порты для бункеровки; кроме того, нам нужно было иметь больше самолетов дальнего действия, а главное — хороший радар. Авиации, базировавшейся только на береговые базы, было недостаточно. Для обслуживания каждого конвоя нам необходимы были самолеты, базирующиеся на авианосцы, которые могли бы обнаружить в дневное время любую подводную лодку, появившуюся в радиусе их действия, и, вынудив ее погрузиться, тем самым предупредили бы возможность ее боевого соприкосновения с караваном или передачи ею сигнала с целью вызвать другие силы к месту действия. Но даже в этом случае назначение воздушного оружия на данной стадии в основном сводилось к разведке. Авиация могла обнаруживать подводные лодки противника и заставлять их погружаться, но способы уничтожения этих подводных лодок с самолетов еще не были найдены и в ночное время возможности их использования были очень ограничены. Авиации суж-

дено было лишь в дальнейшем обрести смертоносную силу в борьбе с подводным флотом.

Зато воздушное оружие могло с успехом применяться для борьбы с «фокке-вульфами». Мы вскоре научились справляться с этой опасностью с помощью истребителей, выбрасывавшихся катапультами, установленными на обычных торговых судах, а также на переоборудованных торговых судах, укомплектованных командирами из военных моряков. Вначале пилоты истребителей, которых, подобно соколам, выпускали навстречу их жертвам, должны были полагаться на то, что их жизнь будет спасена одним из эскортных кораблей, который выловит их из моря.

«Фокке-вульфы», которые теперь сами подвергались нападениям в воздухе, уже не могли оказывать прежнюю помощь подводным лодкам и постепенно превратились из преследователей в преследуемых.

* * *

Потери, понесенные нами в результате действий противника в течение этих роковых месяцев, показывают всю напряженность этой борьбы не на жизнь, а на смерть:

Тоннаж (в англ. тоннах)	Тоннаж (в англ. тоннах)
Январь 320 000	Апрель 654 000
Февраль 402 000	Май 500 000
Март 537 000	Июнь 431 000

Апрельские цифры включают, конечно, огромные потери, которые мы понесли в боях у берегов Греции.

* * *

Мы вели работы по усовершенствованию и расширению наших баз в Канаде и Исландии с максимальной поспешностью и соответствующим образом планировали рейсы наших караванов. На наших старых эсминцах мы увеличили вместимость трюмов для топлива, а следовательно, и радиус их действия. Вновь созданный в Ливерпуле объединенный штаб всей душой отдался борьбе. По мере того как в строй вступали новые эскортные корабли и команды приобретали опыт, адмирал Нобль формировал их в постоянные группы под командованием командиров групп. Таким образом воспитывался необходимый дух коллективизма в работе и люди привыкали работать сообща с полным пониманием методов руководства своего командира. Эти группы эскортных кораблей становились

все более эффективными, и, по мере того как их мощь росла, угроза со стороны подводных лодок противника уменьшалась.

* * *

В июле президент Рузвельт принял важное решение. Он решил создать базу в Исландии. Была достигнута договоренность о том, что вооруженные силы Соединенных Штатов сменят находящийся там английский гарнизон. Американские войска прибыли в Исландию 7 июля, и этот остров был включен в систему обороны Западного полушария. С тех пор американские караваны, эскортируемые американскими военными кораблями, регулярно ходили в Рейкьявик, и, несмотря на то что Соединенные Штаты еще не участвовали в войне, они принимали под защиту своих эскортных кораблей суда, шедшие под иностранным флагом.

В течение всех этих критических месяцев два германских линейных крейсера продолжали стоять в Бресте. Казалось, они могли в любой момент снова выйти в море, чтобы вновь натворить бед в водах Атлантики, и если они продолжали бездействовать, то лишь благодаря операциям королевского воздушного флота, который неоднократно совершал на них налеты в порту и настолько успешно, что в течение всего года они пребывали в бездействии. Вскоре главной заботой противника стало вернуть эти корабли на родину, но и этого он не смог сделать до 1942 года. Гитлеровские планы вторжения в Россию дали нам в скором времени необходимую передышку в воздухе. Для этого нового предприятия Гитлер должен был в значительной мере перебазировать германский военно-воздушный флот, и поэтому начиная с мая масштабы действий вражеской авиации против наших судов сократились.

Небезынтересно будет теперь, несколько забегаая вперед, остановиться на некоторых результатах битвы за Атлантику, достигнутых благодаря усиленному изучению всех известных нам факторов, игравших роль в этой борьбе. Большим преимуществом в данном случае было то, что все огромное множество принимавшихся нами решений могло постоянно контролироваться одним человеком и что я как премьер-министр получил от своих коллег широкие полномочия, необходимые для единого руководства всей этой огромной административной сферой. Военная машина, которой я управлял как министр обороны, имела возможность добиваться точного выполнения всех принимавшихся решений.

В конце июня я, основываясь на данных военно-морского министерства, доложил палате общин о резком сокращении наших потерь в результате действий вражеской авиации в северной части Атлантического океана:

Февраль	86 000 тонн
Март	69 000 тонн
Апрель	59 000 тонн
Май	21 000 тонн
Июнь (до дня моего выступления) . . .	18 000 тонн ¹

В моей директиве от 6 марта я поставил целью сократить к 1 июля на 400 тысяч тонн общий тоннаж судов, стоящих на приколе в ожидании ремонта, равный 1700 тысячам тонн. Впоследствии наш размах увеличился, и мы поставили своей целью к тому же сроку добиться уменьшения тоннажа стоящих на приколе судов на 750 тысяч тонн. Фактически мы добились сокращения его на 700 тысяч тонн. Этот успех был достигнут, несмотря на воздушные налеты на район рек Мерсей и Клайд, имевшие место в начале мая. Другой нашей удачей было получение нами большого количества судов, ранее считавшихся безвозвратно потерянными, которые были спасены нашей замечательной организацией по спасению затонувших судов и отремонтированы. В результате различных мероприятий была также достигнута существенная экономия в сроке оборачиваемости судов, а сокращение этого срока хотя бы на один день давало нам ежегодно лишнюю четверть миллиона тонн импорта.

Глава девятая

ЮГОСЛАВИЯ

Убийство короля Югославии Александра в октябре 1934 года в Марселе, о чем уже упоминалось, положило начало периоду распада югославского государства. Сразу после этого независимое положение его в Европе поколебалось. Политическая враждебность фашистской Италии и экономическая экспансия гитлеровской Германии в Юго-Восточной Европе ус-

¹ Как теперь стало известно, общие потери за указанные ниже пять месяцев 1941 г. в результате действий авиации, включая суда союзников и нейтральных стран и потери в Греции, были таковы:

Месяц	Потери англичан	Потери союзников	Потери нейтральных стран	Общие потери
Февраль	51 865	34 243	3197	89 305
Март	70 266	36 780	5731	112 777
Апрель	122 503	164 006	9909	296 418
Май	115 131	21 004	125	136 260
Июнь	39 301	18 449	3664	61 414
Итого	399 066	274 482	22 626	696 174

корили этот процесс. Ослабление внутренней устойчивости и антагонизм между сербами и хорватами истощали силы этого южнославянского государства. В регентство принца Павла — приятного человека с артистическими замашками — престиж монархии заметно падал. Лидер крестьянской партии Хорватии д-р Мачек упорно проводил политику отказа от сотрудничества с белградским правительством. Хорватские экстремисты, которым покровительствовали Италия и Венгрия, действуя с заграничных баз, добивались отделения Хорватии от Югославии. Белградское правительство отказалось от сотрудничества с Малой Антантой Балканских стран в пользу «реалистического» курса — соглашения с державами оси. Поборником этой политики был Стоядинович, подписавший 25 марта 1937 года итало-югославский пакт. Эта позиция, казалось, получила свое оправдание в свете того, что произошло в Мюнхене год спустя. Стоядинович, положение которого внутри страны было ослаблено в результате заключения союза между крестьянской партией Хорватии и сербской оппозицией, подозрительно относившимися к сближению с Италией и Германией, потерпел поражение на выборах и в феврале 1939 года был вынужден уйти в отставку.

Новый премьер-министр Цветкович и министр иностранных дел в его кабинете Маркович стремились умиротворить державы оси с их растущей мощью. В августе 1939 года было достигнуто соглашение с хорватами и Мачек вошел в состав белградского правительства. Падение Франции в июне 1940 года лишило южных славян их традиционного друга и защитника. Русские раскрыли свои намерения в отношении Румынии и оккупировали Бессарабию и Буковину. В августе 1940 года, в Вене, Германия и Италия передали Трансильванию Венгрии. Кольцо вокруг Югославии смыкалось. В ноябре 1940 года Маркович впервые тайно посетил Берхтесгаден. Ему удалось уехать оттуда, не связав свою страну официальным обещанием присоединиться к державам оси, но 12 декабря Югославия заключила пакт о дружбе с младшим партнером держав оси — Венгрией.

* * *

По мере того как эти события развивались, они вызывали у нас беспокойство. В этой атмосфере принц Павел с предельной скрупулезностью придерживался политики нейтралитета. Он особенно опасался, как бы тот или иной шаг Югославии или ее соседей не спровоцировал немцев двинуться на юг, на Балканы.

В конце января 1941 года, в эти дни нараставшей тревоги, друг президента Рузвельта полковник Доновэн прибыл в Бел-

град с поручением от американского правительства выяснить настроение в Юго-Восточной Европе. Здесь царил страх. Министры и руководящие политические деятели не смели высказывать свое мнение. Принц Павел отклонил предложение о визите Идена в Белград. Единственным исключением являлась позиция генерала военно-воздушных сил Симовича, представлявшего националистические элементы офицерского корпуса. Начиная с декабря его кабинет в штабе военно-воздушных сил, расположенном на другом берегу реки, напротив Белграда, в Земуне, стал тайным центром сопротивления германскому проникновению на Балканы и инертности югославского правительства.

14 февраля Цветкович и Маркович были вызваны в Берхтесгаден. Они выслушали разглагольствования Гитлера о мощи победоносной Германии, причем Гитлер особенно подчеркивал тесные взаимоотношения между Берлином и Москвой. Гитлер предложил Югославии присоединиться к Тройственному пакту, взамен чего он обещал в случае операций против Греции не перебрасывать через территорию Югославии свои войска, а лишь использовать ее шоссе и железные дороги для транспортировки военных материалов. Министры вернулись в Белград в мрачном настроении. Присоединение к державам оси могло возмутить Сербию, тогда как война с Германией могла повлечь за собой раскол в Хорватии. Единственно возможный союзник Югославии на Балканах Греция вела тяжелые бои с итальянскими войсками численностью свыше 200 тысяч человек и находилась под угрозой неминуемого нападения Германии. Помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае — только символической. Чтобы помочь югославскому правительству прийти к удовлетворительному решению, Гитлер продолжал осуществлять стратегическое окружение страны. 1 марта Болгария присоединилась к Тройственному пакту, а вечером того же дня германские моторизованные части достигли границ Сербии. Тем временем югославская армия во избежание провокаций оставалась неотмобилизованной. Теперь настал час, когда необходимо было сделать выбор.

4 марта принц Павел тайно выехал из Белграда в Берхтесгаден и под жестким нажимом, который был оказан на него там, устно обещал, что Югославия последует примеру Болгарии. По возвращении на совещании королевского совета и в беседах с представителями политических и военных руководящих кругов он столкнулся с разноречивыми мнениями. Разгорелись жаркие дебаты, но германский ультиматум носил вполне реальный характер. Генерал Симович, вызванный в Белый дворец — резиденцию принца Павла на холмах, возвышавшихся над Белградом, — решительно высказался против

капитуляции. Он заявил, что Сербия не примет такого решения и судьба династии будет поставлена под угрозу. Но обещание, данное принцем Павлом, уже фактически связало страну.

* * *

Из Лондона я делал все, что мог, чтобы сплотить югославов против Германии. 22 марта я послал премьер-министру Югославии д-ру Цветковичу телеграмму следующего содержания:

22 марта 1941 года

«Ваше превосходительство! Полный разгром Гитлера и Муссолини в конечном счете неизбежен. Ни один разумный и дальновидный человек не может сомневаться в этом после того, как английская и американская демократии выразили свою решимость добиться этого разгрома. В мире всего 65 миллионов злобных гуннов, и большинство их занято теперь подавлением австрийцев, чехов, поляков и многих других древних народов, которые они терроризируют и грабят. Численность населения Британской империи и Соединенных Штатов достигает почти 200 миллионов человек, даже если считать одни только метрополии и британские доминионы. Мы обладаем бесспорным господством на море и с помощью Америки вскоре добьемся решающего превосходства в воздухе. Британская империя и Соединенные Штаты обладают большими богатствами и большими техническими ресурсами, они производят больше стали, чем все остальные страны мира, взятые вместе. Они полны решимости не допустить, чтобы преступные диктаторы — один из которых уже понес невосполнимый урон — растоптали своими сапогами дело свободы или повернули вспять колесо мирового прогресса. Мы знаем, что сердца всех истинных сербов, хорватов и словенцев бьются горячим стремлением обеспечить свободу, независимость и неприкосновенность своей родины и что они разделяют передовые взгляды англоязычных стран. Если бы Югославия в настоящий момент унизилась до участи Румынии или совершила бы такое же преступление, как Болгария, став соучастницей покушения на Грецию, она бы тем самым обрекла себя на верную, непоправимую гибель. Она не избежит тяжкого испытания войны, а лишь отсрочит его, и ее храбрые армии вынуждены будут тогда сражаться в одиночку, будучи окружены и отрезаны от стран, которые могли бы подать им надежду на спасение и оказать поддержку. С другой стороны, история войн знает не много столь благоприятных случаев, как тот, что представляется югославской армии, если только она сумеет им воспользоваться, пока еще не поздно. Если Югославия и Тур-

ция займут место в одном ряду с Грецией и воспользуются всей той помощью, которую им может предоставить Британская империя, то с немецкой чумой будет покончено и будет одержана такая же полная и решительная победа, как и в прошлой войне. Я надеюсь, что Вы, ваше превосходительство, учтете ход мировых событий и окажетесь на высоте».

Однако вечером 24 марта Цветкович и Маркович украдкой выехали из Белграда и на пригородной железнодорожной станции пересели на поезд, идущий в Вену. Втайне от общественного мнения и печати они на следующий день подписали в Вене пакт с Гитлером. Еще до того, как министры после своего возвращения представили на рассмотрение кабинета текст пакта, трое из их коллег подали в отставку и по всем кафе и другим общественным местам Белграда быстро распространились слухи о неминуемой катастрофе.

Я направил нашему посланнику в Белграде Кэмпбеллу следующие инструкции:

26 марта 1941 года

«Не допускайте, чтобы между Вами и принцем Павлом или министрами образовалась брешь. Продолжайте надоедать, понукать и приставать. Требуйте аудиенций. Не принимайте ответа «нет». Цепляйтесь за них, указывайте им на то, что немцы уже считают покорение Югославии непреложным фактом. Теперь не время для упреков или величественных прощальных жестов. Однако в то же время Вы не должны упускать из виду ни одно из тех средств, к которым мы, возможно, вынуждены будем прибегнуть, если убедимся, что нынешнее правительство Югославии уже связало себя безвозвратно. Мы высоко ценим все, что Вами сделано до сих пор. Продолжайте действовать в том же духе, используя для этого все возможные средства».

* * *

В тесном кругу офицеров, связанных с Симовичем, уже в течение нескольких месяцев обсуждались планы прямых действий, которые должны были быть предприняты в случае капитуляции правительства перед Германией. Был тщательно разработан план революционного восстания. Руководителем предполагаемого восстания должен был стать генерал Бора Миркович, командующий югославской авиацией, а его помощниками — майор югославской армии Кнежевич и его брат, профессор, обладавший политическими связями благодаря положению, которое он занимал в сербской демократической партии. О существовании этого плана было известно только

очень небольшому кругу надежных офицеров, из которых большинство имело звание ниже полковника. Сеть заговора распространялась из Белграда на основные гарнизоны страны — в Загребе, Скопле и Сараево. Силы, находившиеся в распоряжении заговорщиков в Белграде, состояли из двух полков королевской гвардии, — но без их командиров, — одного батальона Белградского гарнизона, роты жандармов, охранявшей королевский дворец, части дивизии противовоздушной обороны, расквартированной в столице, штаба авиации в Земуне, начальником которого был Симович, и военных училищ для офицерского и сержантского состава, а также нескольких артиллерийских и саперных частей.

26 марта, когда известие о возвращении югославских министров из Вены и слухи о заключении пакта стали циркулировать по всему Белграду, заговорщики решили выступить. Был дан сигнал захватить 27 марта, на рассвете, ключевые позиции в Белграде и королевскую резиденцию вместе с молодым королем Петром II. В то самое время, когда войска под командованием решительных офицеров окружали королевский дворец в предместье столицы, принц Павел, ничего не зная, а может быть, наоборот, слишком много зная о том, что должно было произойти, находился в поезде, шедшем в Загреб. Немногие революции проходили более гладко, чем эта. Кровавопролития не было. Несколько представителей высшего командования было арестовано. Цветкович был доставлен с полицией в штаб Симовича, где его заставили подписать заявление об отставке. В городе в подходящих для этого пунктах были установлены пулеметы и артиллерийские орудия. По прибытии в Загреб принц Павел был информирован о том, что Симович от имени молодого короля Петра II взял на себя управление страной и что регентский совет распущен. Военный комендант Загреба потребовал, чтобы принц немедленно вернулся в столицу. Как только принц Павел прибыл в Белград, его доставили в штаб генерала Симовича. Здесь он вместе с другими двумя регентами подписал акт отречения. Ему было дано несколько часов на сборы, и в ту же ночь он выехал с семьей в Грецию.

Этот план был задуман и выполнен небольшой группой националистически настроенных сербских офицеров еще до того, как определилось общественное мнение по этому вопросу. Переворот вызвал такой взрыв народного энтузиазма, который, вероятно, удивил даже самих его инициаторов. Улицы Белграда вскоре заполнили сербы, выкрикивавшие: «Лучше война, чем пакт; лучше смерть, чем рабство». Люди танцевали на площадях. Повсюду появились английские и французские флаги. Толпы храбрых, но беспомощных людей с дерзким вызовом пели сербский национальный гимн. 28 марта юный король,

который вырвался из-под опеки регентов, спустившись по водосточной трубе, принес присягу в белградском соборе под бурными овациями присутствующих. Германский посланник подвергся публичным оскорблениям; толпа плевала в его автомобиль. Военный переворот вызвал волну национального подъема. Народ, активность которого до сих пор была парализована, которым плохо управляли и плохо руководили и который уже давно испытывал такое чувство, что его стараются заманить в ловушку, бросал отважный героический вызов тирану и победителю в тот самый момент, когда тот находился в расцвете своей мощи.

* * *

Гитлер был уязвлен до глубины души. У него произошла вспышка того конвульсивного гнева, который на какой-то момент лишал его способности мыслить, а иногда толкал его на самые отчаянные авантюры. Месяц спустя, когда он уже несколько остыл, он сказал в беседе с Шуленбургом: «Югославский путч явился для нас громом среди ясного неба. Когда мне сообщили о нем утром двадцать седьмого, я подумал, что это шутка». Но в тот момент в порыве ярости он вызвал к себе представителей германского верховного командования. На совещании присутствовали Геринг, Кейтель и Йодль, позднее прибыл также Риббентроп. Протоколы совещания имеются в архиве Нюрнбергского процесса. Гитлер описал положение, сложившееся в Югославии после переворота. «Неизвестно, — заявил он, — какую позицию заняла бы Югославия во время предстоящих операций против Греции («Марита») и, что еще важнее, при последующей операции против России — «Барбаросса». Он считал весьма удачным, что югославы проявили свои настроения до начала осуществления плана «Барбаросса».

«Фюрер решил, не дожидаясь возможных деклараций о лояльности со стороны нового правительства, провести все приготовления к *военному разгрому Югославии и уничтожению ее как национального государства*. Не будет сделано никаких дипломатических запросов и не будет предъявлено никаких ультиматумов. Заверения югославского правительства, которому все равно в будущем нельзя доверять, будут «приняты к сведению». Наступление начнется, как только для этого будут подготовлены необходимые средства и войска.

Для операций против Югославии надо потребовать действенной военной поддержки от Италии, Венгрии и в известной степени от Болгарии. Основная задача Румынии — обеспечить защиту от России. Венгерский и болгарский послы уже информированы об этом. Днем будет отправлено послание дуче.

В политическом смысле особенно важно, чтобы удар по Югославии *был нанесен с беспощадной жестокостью* и чтобы военный разгром совершился молниеносно. Таким образом удастся в достаточной степени запугать Турцию. Это благоприятно отразится также на последующей кампании против Греции. Надо полагать, что, как только мы начнем наступление, хорваты перейдут на нашу сторону. Им будут даны соответствующие политические гарантии (предоставление автономии). Война против Югославии должна вызвать широкое одобрение в Италии, Венгрии и Болгарии, так как этим странам будут обещаны территориальные приобретения: Италии — побережье Адриатики, Венгрии — Банат и Болгарии — Македония. Этот план предусматривает ускорение всей подготовки и использование столь крупных сил, чтобы разгром Югославии произошел в кратчайший срок... Основная задача нашей авиации — как можно скорее приступить к уничтожению аэродромов югославских военно-воздушных сил и столицы Югославии Белграда путем массированных налетов».

В тот же день фюрер подписал директиву № 25:

«Я намерен осуществить вторжение в Югославию путем мощных ударов из района Фиуме и Софии в общем направлении на Белград и дальше на юг с целью нанести югославской армии решительное поражение, а также отрезать южную часть Югославии от остальных районов страны и превратить ее в базу для дальнейших операций германо-итальянских войск против Греции.

Я приказываю:

а) Как только будет закончено сосредоточение достаточных сил и позволят метеорологические условия, все важные наземные сооружения Югославии и Белград должны быть уничтожены в результате непрерывных круглосуточных воздушных налетов.

б) Если это будет возможно, одновременно — но ни в коем случае не раньше — должна быть начата операция «Марита».

Генералы провели ночь за разработкой планов операции. Кейтель свидетельствует: «Решение напасть на Югославию означало полное нарушение всех военных планов и мероприятий, намечавшихся до этого момента. Операцию «Марита» пришлось полностью перестроить. Надо было доставить через Венгрию, с севера, новые войска. Все приходилось делать экспромтом».

* * *

Со времен Мюнхена Венгрия стремилась извлечь для себя пользу из дипломатических побед Германии путем расширения

своих границ, установленных после 1920 года, за счет Чехословакии и Румынии. Одновременно она пыталась сохранять нейтральную позицию в вопросах международной политики. Дипломатия Венгрии стремилась избегать точно сформулированных обязательств в отношении держав оси, которые обуславливали бы превращение Венгрии в их союзника в случае войны. Венгрия присоединилась в Вене к Тройственному пакту, но, так же как и Румыния, не взяла на себя определенных обязательств. Ни Гитлер, ни Муссолини не желали конфликта между Балканскими странами. Они надеялись установить контроль над всеми этими странами одновременно. С этой целью они навязали Венгрии и Румынии свое решение относительно Трансильвании. Нападение Муссолини на Грецию, к которому Гитлер относился неодобрительно, повлекло за собой возможность английского вмешательства в Юго-Восточной Европе. Поэтому на Югославию был оказан нажим, с тем чтобы заставить ее последовать примеру Венгрии и Румынии и присоединиться к блоку держав оси. Когда югославские министры были с этой целью вызваны в Вену, вопрос казался решенным. Драматические события, происшедшие в Белграде 27 марта, нарушили все надежды на создание объединенной группы Балканских стран, присоединившихся к державам оси.

Эти события сразу же и непосредственно отразились на Венгрии. Хотя Германии, конечно, предстояло нанести основной удар непокорным югославам через Румынию, все линии коммуникаций проходили через венгерскую территорию. Почти немедленной реакцией германского правительства на события в Белграде явилась отправка венгерского посланника в Берлине на самолете в Будапешт со срочным посланием венгерскому регенту адмиралу Хорти:

«Югославия будет уничтожена, так как она только что открыто отвергла политику взаимопонимания с державами оси. Большая часть германских вооруженных сил должна пройти через Венгрию. Но основные наступательные операции будут вестись не в венгерском секторе. Здесь должна будет выступить венгерская армия, и в награду за ее сотрудничество Венгрия получит возможность вновь оккупировать все те принадлежавшие ей ранее территории, которые она в свое время вынуждена была уступить Югославии. Вопрос очень срочный. Требуется немедленный и положительный ответ»¹.

Венгрию связывал с Югославией пакт о дружбе, подписанный только в декабре 1940 года. Однако открытое сопротивление требованиям Германии могло бы только повести к оккупации Венгрии германскими войсками в ходе предстоящих военных операций. Ее соблазняла также возможность снова

¹ Ullein Reviczy, *Guerre Allemande: Paix Russe*. P. 89.

оккупировать те территории на ее южной границе, которые она должна была уступить Югославии по Трианонскому договору. Венгерский премьер-министр граф Телеки упорно стремился сохранить за своей страной известную свободу действий. Он отнюдь не был убежден в том, что Германия выиграет войну. В момент подписания Тройственного пакта он не особенно верил в независимость Италии как одного из партнеров держав оси. Предъявленный ему Гитлером ультиматум требовал от него нарушения заключенного им самим договора с Югославией. Однако инициатива была вырвана у него венгерским генеральным штабом, начальник которого генерал Верт, немец по происхождению, за спиной венгерского правительства лично договорился с германским верховным командованием. На этой основе разрабатывались детали плана прохождения германских войск через территорию Венгрии.

Телеки немедленно квалифицировал действия Верта как предательские. Вечером 2 апреля 1941 года он получил от венгерского посланника в Лондоне телеграмму, гласившую, что английское министерство иностранных дел официально предупредило его, что, если Венгрия примет участие в каких-либо операциях Германии против Югославии, она должна ожидать объявления войны со стороны Великобритании. Таким образом, Венгрия могла избрать одно из двух — оказать тщетное сопротивление прохождению германских войск или открыто выступить против союзных стран и предать Югославию. В этом тяжелом положении граф Телеки видел лишь один способ спасти свою личную честь. Вскоре после девяти часов вечера он выехал из венгерского министерства иностранных дел и вернулся в свою резиденцию в Шандорском дворце. Ему позвонили по телефону. Полагают, что ему сообщили, что германские войска уже перешли венгерскую границу. Вскоре после этого он застрелился.

* * *

Известие о революции в Белграде, естественно, было встречено нами с глубоким удовлетворением. Наконец-то мы увидели хоть один ощутимый результат наших отчаянных попыток создать фронт союзных нам стран на Балканах и предотвратить их постепенный захват Гитлером.

* * *

Иден по пути на родину прибыл на Мальту, но я, получив известие о революции в Белграде, решил, что он должен изменить свои планы и вместе с генералами Диллом и Уэйвеллом оставаться в центре событий.

«Ввиду того что в Сербии произошел государственный переворот, безусловно, было бы лучше, если бы вы оба оставались на месте, в Каире, чтобы координировать события. Именно теперь есть шанс привлечь Турцию и создать объединенный фронт на Балканах. Не могли ли бы Вы устроить в Афинах или на Кипре совещание представителей всех заинтересованных стран? Не думаете ли Вы, что Вам следовало бы отправиться в Белград, когда Вам станет ясна ситуация? Мы пока что со своей стороны делаем все, что возможно».

Я послал президенту Турции следующую телеграмму:

27 марта 1941 года

«Ваше превосходительство!

Драматические события, которые происходят в настоящее время в Белграде и по всей Югославии, могут дать прекрасную возможность предотвратить германское вторжение на Балканский полуостров. Безусловно, именно теперь наступил момент для создания единого фронта, против которого Германия вряд ли осмелится выступить. Я телеграфировал президенту Рузвельту и просил его предоставить помощь материалами всем державам, сопротивляющимся германской агрессии на востоке. Я прошу Идена и генерала Дилла координировать все возможные мероприятия для обеспечения общей безопасности».

* * *

Было решено, что Иден останется в Афинах для ведения переговоров с Турцией, а генерал Дилл выедет в Белград. Всем было ясно, что положение Югославии будет отчаянным, если все заинтересованные государства не создадут немедленно единый фронт. Однако у Югославии еще оставалась возможность нанести смертельный удар по оголенному тылу дезорганизованных итальянских войск в Албании. Если бы югославы действовали быстро, они могли бы добиться серьезных военных результатов. Пока их собственная территория подвергалась бы опустошению с севера, они могли овладеть огромной массой оружия и снаряжения и получить, таким образом, возможность вести партизанскую войну в горах, что было теперь их единственной надеждой на спасение. Это был бы замечательный ход, который оказал бы влияние на всю обстановку на Балканах. В своем кругу в Лондоне мы ясно представляли себе всю картину.

Генерал Дилл находился в это время в Белграде, и я направил ему следующее послание:

1 апреля 1941 года

«Ряд данных указывает на то, что происходит быстрая перегруппировка сил для операций против Югославии. Выиграть время для сопротивления Германии, значит, потерять время для действий против Италии. Югославам следует во что бы то ни стало как можно скорее использовать все свои силы против итальянцев. Только таким путем они могут добиться весьма важного первоначального успеха в своих действиях и вовремя захватить большое количество снаряжения».

Ошибки, которые делались в течение нескольких лет, не могут быть исправлены за несколько часов. Когда всеобщее возбуждение улеглось, все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи. Верховное командование сочло необходимым ввести войска в Словению и Хорватию для поддержания фиктивного внутреннего единства. Теперь оно могло наконец мобилизовать свою армию. Но у него не было стратегического плана. Дилл обнаружил в Белграде только замешательство и пассивность.

Вот что писал нам Дилл:

«Конечные результаты моей поездки в Белград были разочаровывающими во многих отношениях. Оказалось совершенно невозможным заставить (генерала) Симовича подписать какое бы то ни было оглашение. Тем не менее на меня произвел большое впечатление боевой дух югославских руководителей, которые будут воевать, если Германия нападет на Югославию или на Салоники...

Югославские войска еще не подготовлены к войне, и Симович хочет выиграть время для завершения мобилизации и сосредоточения войск. По внутривойсковым соображениям он не может взять на себя инициативу в военных действиях, а должен ожидать выступления Германии. Он предполагает, что Германия нападет на южную часть Югославии из Болгарии и на время оставит Грецию в покое... Югославия окажет помощь в Албании, но не выступит даже и там, прежде чем Германия не нападет на нее или не затронет ее жизненные интересы».

Одновременно с этим я обратился к генералу Симовичу со следующим призывом:

Премьер-министр — генералу Симовичу

4 апреля 1941 года

«Получаемая мною со всех сторон информация показывает, что Германия спешно сосредоточивает и перебрасывает к Вашим границам свои сухопутные и воздушные силы. Наши агенты во Франции сообщают нам о крупных перебросках воздушных сил. Согласно донесениям разведки нашей африканской армии, бомбардировщики перебрасываются даже из Триполи. Мне непонятен Ваш довод о том, что Вы хотите выиграть время. Единственный блестящий шанс на завоевание победы и обеспечение безопасности — предупредить противника, одержав решительную победу в Албании и захватив там огромную массу военной техники. Когда в Албанию будут доставлены те четыре германские горные дивизии, которые, по сообщению Вашего генерального штаба, в настоящее время погружаются в вагоны в Тироле, Вы встретитесь уже с совершенно иным сопротивлением, чем то, которое могут Вам оказать тыловые части деморализованных итальянских войск».

* * *

Теперь мы должны отметить единственный случай, когда в расчеты кремлевской олигархии вмешалась известная доля чувства.

Национальное движение в Белграде возникло стихийно и ничем не было связано с деятельностью малочисленной нелегаль-

ной югославской коммунистической партии, поддерживавшейся Советами. Выждав неделю, Сталин решил сделать жест. Его представители вели переговоры с югославским посланником в Москве Гавриловичем и со специальной миссией, посланной из Белграда после переворота. Переговоры протекали без особого успеха. В ночь на 6 апреля югославы были внезапно вызваны в Кремль. Их встретил сам Сталин, который предложил им для подписания готовый проект пакта. Дело закончилось очень быстро. Россия соглашалась уважать «независимость, суверенные права и территориальную целостность Югославии», а в случае если бы последняя подверглась нападению, Россия брала на себя обязательство придерживаться доброжелательной позиции, «основанной на дружеских взаимоотношениях». Это, во всяком случае, было нечто вроде дружелюбного жеста. Гаврилович один оставался до утра, обсуждая со Сталиным вопрос о военных поставках. В тот момент, когда их беседа подходила к концу, немцы нанесли свой удар по Югославии.

* * *

Утром 6 апреля над Белградом появились германские бомбардировщики. Летя волнами с оккупированных аэродромов в Румынии, они в течение трех дней методически сбрасывали бомбы на югославскую столицу. На бреющем полете, не опасаясь сопротивления, они беспощадно разрушали город. Эта операция получила название «Кара». 8 апреля, когда настала наконец тишина, свыше 17 тысяч жителей Белграда лежали мертвыми на улицах города и под развалинами. На фоне этой кошмарной картины города, полного дыма и огня, можно было видеть взбесившихся зверей, вырвавшихся из своих разбитых клеток в зоологическом саду. Раненый аист проковылял мимо крупнейшей гостиницы города, которая представляла собой море огня. Ошеломленный, ничего не соображавший медведь медленной и неуклюжей походкой пробирался через этот ад к Дунаю. Это был не единственный медведь, который потерял способность соображать.

Операция «Кара» была выполнена.

Глава десятая

ПОСЛАНЕЦ ЯПОНИИ

Новый год принес тревожные вести с Дальнего Востока. Японский военно-морской флот активизировал свои действия у побережья Южного Индокитая. Японские военные корабли были замечены в гавани Сайгона и в Сиамском заливе. 31 января японское правительство договорилось о перемирии между виши-

стской Францией и Сиамом. Распространились слухи, что это урегулирование пограничного конфликта в Юго-Восточной Азии послужит прелюдией к вступлению Японии в войну. В то же время немцы усиливали нажим на Японию, подбивая ее напасть на англичан в Сингапуре. «Я старался, — заявил Риббентроп на суде в Нюрнберге, — побудить Японию напасть на Сингапур, так как невозможно было заключить мир с Англией, и я не знал, какие военные меры мы могли принять для достижения этой цели. Во всяком случае, фюрер велел мне, используя дипломатические каналы, сделать все возможное, чтобы ослабить позиции Англии и добиться, таким образом, мира. Мы полагали, что лучше всего этого можно будет достичь, если Япония нападет на оплот Англии в Восточной Азии»¹.

* * *

24 февраля ко мне явился с визитом японский посол Сигемицу. Эта беседа была запротоколирована.

«Я коснулся давних и дружественных отношений между двумя странами, своих собственных неизменных чувств со времен англо-японского союза 1902 года и указал на наше сильное желание не порывать отношений между двумя странами. Япония не может ждать, чтобы мы с одобрением взирали на то, что делается в Китае, но мы придерживаемся корректной позиции нейтралитета, и, надо сказать, весьма отличного от того нейтралитета, который мы проявили, когда помогали японцам в их войне против России. У нас нет ни малейшего намерения нападать на Японию и нет иного желания, кроме как видеть ее процветающей и мирной. Как было бы жаль, сказал я, если бы на данном этапе, когда у нее уже полно забот в Китае, Япония оказалась в состоянии войны с Великобританией и Соединенными Штатами».

Посол заявил, что Япония не имеет никакого намерения нападать на нас или на Соединенные Штаты и вовсе не желает оказаться вовлеченной в войну с какой-либо из этих держав. Японцы не станут пытаться нападать на Сингапур или Австралию, и он несколько раз повторил, что они не предпримут попытки вторгнуться в Голландскую Индию или укрепиться там. Единственное, чем недовольна Япония, сказал он, — это нашим отношением к Китаю, которое поощряет Китай и усугубляет трудности Японии... Я счел себя обязанным напомнить ему о Тройственном пакте, который японцы заключили с державами оси, и о том, что мы, естественно, никогда не упускаем это из виду. Нельзя поверить, чтобы пакт, столь выгодный Германии и приносящий так мало выгод Японии,

¹ Nuremberg Documents. Part X. P. 200.

не имел каких-то секретных статей, во всяком случае, Япония посеяла у нас сомнения в том, как именно она истолкует этот пакт при известных обстоятельствах. Посол сказал, что они дали разъяснения в свое время и что их целью было ограничить конфликт и т. п. Я ответил ему, что присоединение к пакту держав оси было очень большой ошибкой со стороны Японии. Ничто не причинило большего вреда ее отношениям с Соединенными Штатами и ничто не сблизило так Великобританию и Соединенные Штаты.

Затем я возобновил свои заверения в дружбе. Все это время он держался весьма дружески и примирительно, и мы совершенно не сомневались в его позиции в этих вопросах».

4 марта, после того как Сигемицу наверняка мог снестись с Токио, я подробно записал, как протекал его второй визит.

«Сегодня меня посетил японский посол. Он в весьма приятных выражениях говорил о сильном желании Японии не быть вовлеченной в войну и не порывать отношения с Великобританией. Он назвал тройственный пакт пактом мира и сказал, что он вызван лишь желанием Японии ограничить конфликт. Я особо спросил его, оставил ли этот пакт Японии полное право толковать любую данную ситуацию, и указал ему, что ни одно из положений пакта не обязывает ее вступать в войну. Он не выразил несогласия с этим. В сущности, он молча согласился. Я сердечно принял все его заверения и попросил передать мою благодарность министру иностранных дел Японии. Я не думаю, чтобы Япония напала на нас, пока и если она не уверится в том, что мы потерпим поражение. Я очень сомневаюсь, вступит ли она в войну на стороне держав оси, если Соединенные Штаты присоединятся к нам. С ее стороны это было бы, несомненно, очень глупо. Для нее было бы разумнее вступить в войну, если Соединенные Штаты не примкнут к нам».

Такова была также (но по совершенно иным причинам) точка зрения Германии. Как Германия, так и Япония жаждали ограбить и поделить Британскую империю. Но они подходили к этой цели с разных точек зрения. Германское верховное командование утверждало, что японцам следовало бы использовать свои вооруженные силы в Малайе и Голландской Индии, не заботясь об американских базах на Тихом океане и об основных силах флота на их фланге. Весь февраль и март немцы уговаривали японское правительство нанести без дальнейших проволочек удар по Малайе и Сингапуру, не тревожась насчет Соединенных Штатов. У Гитлера было уже достаточно хлопот и без вовлечения их в войну. В самом деле, мы видели, со сколькими действиями Америки он мирился, а

ведь любое из них могло бы послужить удобнейшим поводом к войне. Больше же всего Гитлер и Риббентроп хотели, чтобы Япония напала на то, что они называли «Англией» — это название все еще в ходу¹, — и ни в коем случае не ввязывалась в войну с Соединенными Штатами. Они заверяли Токио, что если Япония будет энергично действовать против Малайи и Голландской Индии, американцы не посмеют выступить. Эти рассуждения отнюдь не убедили руководителей японского флота и армии. Не поверили они и в их бескорыстие. С точки зрения японских военных возможность какой-либо операции в Юго-Восточной Азии исключалась полностью, если предварительно не будет совершено нападение на американские базы или если с Соединенными Штатами не будет достигнуто урегулирование дипломатическим путем.

В это время за кулисами сложной политической жизни Японии, по-видимому, складывались три решения. Во-первых, послать в Европу министра иностранных дел Мацуоку, чтобы он мог своими глазами увидеть степень господства Германии над Европой и в особенности узнать, когда в действительности начнется вторжение в Англию. Настолько ли английские вооруженные силы скованы в морской обороне, что Англия не сможет позволить себе укрепить свои восточные владения в случае нападения на них Японии? Хотя Мацуока и получил образование в Соединенных Штатах, он был настроен резко антиамерикански. Нацистское движение и мощь военизированной Германии произвели на него сильнейшее впечатление. Он находился под обаянием Гитлера. Может быть, временами он даже сам видел себя играющим аналогичную роль в Японии.

Во-вторых, японское правительство решило предоставить командованию флота и армии свободу действий в области *планирования* операций против американской базы в Пёрл-Харборе, а также против Филиппин, Голландской Индии и Малайи.

В-третьих, предполагалось послать в Вашингтон «либерального» государственного деятеля адмирала Номуру, чтобы выяснить шансы на общее урегулирование с Соединенными Штатами на Тихом океане. Это не только служило маскировкой, но и могло бы привести к мирному решению. Таким образом, в японском кабинете удалось примирить столь противоречивые взгляды.

* * *

12 марта Мацуока отправился выполнять свою миссию. 25 марта, находясь проездом в Москве, он два часа беседовал со Сталиным и Молотовым и заверил германского посла Шуленбурга, что лично передаст Риббентропу все детали этой беседы.

¹ Наряду со словом «Британия». — *Примеч. ред.*

Захваченные документы, опубликованные государственным департаментом США, проливают яркий свет на миссию Мацуоки и на умонастроение Германии. 27 марта посланец Японии был сердечно принят в Берлине Риббентропом как человек, родственный по духу. Германский министр иностранных дел пространно говорил о мощи своей страны.

«Германия, — сказал он, — находится в последней стадии своей борьбы против Англии. В течение минувшей зимы фюрер сделал все необходимые приготовления, так что сейчас Германия вполне готова померяться с Англией силами где угодно. Фюрер имеет в своем распоряжении, вероятно, сильнейшие вооруженные силы из всех существовавших когда-либо. Германия располагает 240 боевыми дивизиями, из коих 186 — это первоклассные штурмовые дивизии и 24 — танковые дивизии. Германская авиация сильно выросла и использует теперь новые модели самолетов, так что сейчас она не только не уступает в этой области Англии и Америке, но и определенно превосходит их.

Германский морской флот имел в начале войны относительно небольшое число линкоров. Однако сейчас закончены строившиеся линкоры и вскоре вступит в строй последний из них. На этот раз германский флот не стоит в порту, как это было в Первую мировую войну, а с первого дня войны используется против врага.

На Европейском континенте у Германии, в сущности, нет сколько-нибудь серьезного врага, если не считать незначительных английских сил, оставшихся в Греции. Германия отразит любую попытку англичан высадиться на континенте или закрепиться там. Поэтому она не потерпит и пребывания англичан в Греции. Греческий вопрос имеет второстепенное значение, но удар по Греции, который, вероятно, окажется необходимым, позволил бы приобрести в восточной части Средиземноморского бассейна господствующие позиции для дальнейших операций.

Итальянцам в Африке последние месяцы не везло, так как итальянские войска не были знакомы с современной танковой войной и не были готовы к противотанковой обороне. Фюрер направил в Триполи с достаточными германскими силами одного из самых способных германских офицеров — генерала Роммеля. Здесь также в один прекрасный день роли переменяются, и англичане исчезнут из Северной Африки, быть может, еще быстрее, чем пришли туда.

В районе Средиземного моря за последние два месяца с успехом действует германская авиация, нанеся англичанам, которые держались весьма упорно, большие потери в судах. Суэцкий канал был блокирован в течение длительного времени и будет блокирован снова.

Англичанам уже не так просто удерживать свои позиции в бассейне Средиземного моря.

Стало быть, подводя итог военному положению в Европе, мы должны прийти к выводу, что в военной сфере державы оси безраздельно господствуют в континентальной Европе. В распоряжении Германии имеется огромная фактически бездействующая армия, которую можно использовать всегда и всюду, где это сочтет необходимым фюрер».

Перейдя от военного положения к политическому, Риббентроп сказал, что он

«может конфиденциально уведомить Мацуоку, что нынешние отношения с Россией являются корректными, хотя не очень дружественными. После визита Молотова, когда русским предложили присоединиться к пакту трех держав, Россия поставила неприемлемые условия. Они означали принесение в жертву германских интересов в Финляндии, предоставление (Советам) баз на Дарданеллах и возможности оказывать сильное влияние на положение на Балканах, в особенности в Болгарии. Фюрер не дал своего согласия, потому что, по его мнению, Германия не может неизменно одобрять подобную политику России. Балканский полуостров нужен Германии прежде всего для ее собственной экономики, и она не склонна допускать, чтобы русские установили там свое господство¹. По этой причине она и дала гарантию Румынии. Именно этот последний акт русские особенно дурно истолковали. Далее, чтобы получить удобные позиции для изгнания англичан из Греции, Германия вступила в более тесные отношения с Болгарией. Германия была вынуждена встать на такой путь, так как в противном случае эта кампания была бы невозможной. Это также русским вовсе не понравилось.

При таких обстоятельствах отношения с Россией внешне нормальны и корректны. Однако русские в течение некоторого

¹ В ходе визита В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. немецкой стороной был поднят вопрос о присоединении СССР к Тройственному пакту (Германия, Италия, Япония) на основе раздела мира на сферы интересов. При этом Советскому Союзу предлагалось включить в свою сферу Южную Азию, что позволило бы СССР обеспечить выход к Индийскому океану. Советский Союз отверг это предложение. В то же время советская сторона высказала свою озабоченность угрозой безопасности страны на юго-западе, чтобы исключить какое-либо нападение на СССР со стороны Черного моря и Балкан. Советское правительство считало желательным заключить договор о взаимопомощи с Болгарией и получить там военно-морскую базу, создать режим наибольшего благоприятствования для СССР в Черноморских проливах, признать интересы СССР в районе южнее Баку — Батуми. Кроме того, Советское правительство требовало от Германии вывести немецкие войска из Финляндии и оказать влияние на Японию, чтобы она отказалась от концессий на Северном Сахалине. Советский ответ свидетельствовал о том, что СССР намерен ограничить возможности германской экспансии на Восток. — *Здесь и далее комментарии, кроме специально оговоренных, кандидата исторических наук А. С. Орлова.*

времени при каждом удобном случае демонстрируют свое недружелюбное отношение к Германии. Примером этого служит заявление, сделанное на днях Турции. Германия ясно почувствовала, что, с тех пор как сэр Стаффорд Криппс стал послом в Москве... происходит тайное и даже относительно явное укрепление уз между Россией и Англией. Германия внимательно следит за этими действиями».

Риббентроп продолжал далее, что он

«лично знаком со Сталиным и не считает его склонным к авантюре, но быть вполне уверенным нельзя. Германские армии на Востоке всегда находятся в состоянии готовности. Если когда-нибудь Россия займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сокрушит Россию. Германия уверена, что кампания против России завершится абсолютной победой германского оружия и полным разгромом русской армии и русского государства. Фюрер убежден, что в случае боевых действий против Советского Союза великая держава Россия перестанет существовать через несколько месяцев. Во всяком случае, фюрер не рассчитывает только на договоры с Россией, в первую очередь он полагается на свой вермахт.

Не следует забывать и о том, что Советский Союз, несмотря на все его заверения в противном, все еще продолжает вести за границей коммунистическую пропаганду. Он пытается продолжать свою подрывную пропагандистскую деятельность не только в Германии, но и в оккупированных районах Франции, Голландии и Бельгии. Для Германии эта пропаганда, естественно, не представляет опасности. Но Мацуоке хорошо известно, к чему она, к несчастью, привела в других странах. В качестве примера германский министр иностранных дел сослался на Прибалтийские государства, в которых сейчас, через год после оккупации их русскими, уничтожена вся интеллигенция и царят поистине ужасающие условия¹. Германия стоит настороже и не потерпит никогда ни малейшей угрозы со стороны России.

¹ Вхождение Прибалтийских республик в СССР формально было проведено вполне законным путем и не противоречило нормам международного права того времени. Однако обстановка, в которой начались социалистические преобразования, с первых же дней несла на себе печать сталинских деформаций социализма. Введение советских порядков проводилось в спешке, с грубым нарушением национальных традиций, без учета местных особенностей.

Отсутствие политического такта в решении многих вопросов оттолкнуло от Советской власти значительные слои мелкой буржуазии и интеллигенции, части молодежи. Массовые депортации, незаконные репрессии привели к резкому ухудшению всей обстановки в Прибалтийских республиках, создали благоприятные условия для антисоветской и нацистской пропаганды, что и использовал Риббентроп в беседе с Мацуокой.

Кроме того, для окончательной битвы против Англии Германии нужен защищенный тыл. Поэтому она не примирится с какой-либо угрозой со стороны России, если такая угроза будет когда-либо сочтена серьезной. Германия хочет как можно быстрее завоевать Англию и не допустит, чтобы что-либо помешало ей в этом».

В устах германского министра иностранных дел это было, несомненно, весьма важное заявление, тем более что оно было сделано по такому поводу, и Мацуока, конечно, не мог пожаловаться, что его плохо информируют. Затем Риббентроп повторил, что

«державы оси уже определенно выиграли войну. Во всяком случае, ее уже нельзя проиграть. Это только вопрос времени, когда Англия признает, что она проиграла войну. Когда именно это случится, он, разумеется, не может предсказать. Возможно, очень скоро. Это будет зависеть от событий ближайших трех-четырёх месяцев. Однако весьма вероятно, что Англия капитулирует в этом году».

Под конец он заговорил об Америке:

«Нет никакого сомнения в том, что англичане давно бы вышли из войны, если бы Рузвельт не обнадеживал всякий раз Черчилля. Трудно сказать, каковы в конечном счете намерения Рузвельта. Пройдет много времени, прежде чем американская помощь Англии поставками вооружения действительно станет эффективной, но даже в этом случае качество поставляемых самолетов весьма сомнительно. Страна, находящаяся столь далеко от театра войны, не может выпустить самолеты высокого качества. То, с чем до сих пор приходилось встречаться германским летчикам, они характеризовали как «хлам».

Цель пакта трех держав — прежде всего запугать Америку и не дать ей вступить в войну. Главный враг нового порядка — Англия, которая является в такой же мере врагом Японии, как и держав оси».

Затем Риббентроп заявил, что

«фюрер по зрелом размышлении пришел к выводу, что было бы выгодно, если бы Япония решилась как можно скорее принять активное участие в войне против Англии. Например, молниеносное нападение на Сингапур явилось бы решающим фактором в быстром разгроме Англии. Если бы сейчас Япония добилась успеха в войне против Англии, нанеся один решающий удар по Сингапуру, Рузвельт оказался бы в весьма трудном положении. Если он объявит войну Японии, он должен

ждать, что вопрос о Филиппинах будет разрешен в пользу Японии. Он, вероятно, основательно призадумается, прежде чем пойти на риск такой серьезной потери престижа. С другой стороны, Япония, захватив Сингапур, приобретет абсолютно господствующую позицию в этой части Восточной Азии. Фактически она разрубит гордиев узел».

* * *

После обеда Мацуока был принят Гитлером. Фюрер сам подробно остановился на военных победах Германии. С начала войны уничтожено 60 польских, 6 норвежских, 18 голландских, 22 бельгийских и 138 французских дивизий и 12 или 13 английских дивизий изгнаны с континента. Сопrotивление воле держав оси стало невозможным. Далее Гитлер перешел к потерям англичан на море. Настоящая подводная война только начинается. В этом месяце и в дальнейшем потери Англии будут значительно больше, чем в настоящее время. В воздухе Германия обладает абсолютным превосходством, несмотря на все претензии англичан, утверждающих, будто они добились успеха. В ближайшие месяцы атаки германской авиации станут намного сильнее. Эффективность германской блокады вынудила Англию ввести у себя более суровое нормирование продовольствия, чем то, которое существует в Германии. Война будет продолжаться, а вместе с тем будет идти подготовка к окончательному удару по Англии.

Мацуока выслушал эти разглагольствования. Он поблагодарил за откровенность и сказал, что в целом согласен с точкой зрения фюрера. В Японии, как и в других странах, имеются известные круги интеллигенции, которые только сильная личность может держать в руках. Япония предприняла бы решительные действия, если бы она почувствовала, что в противном случае упустит возможность, которая может представиться раз в тысячелетие. К сожалению, он не обладает верховной властью в Японии и должен склонить к своей точке зрения тех, кто правит страной. Он не может дать определенное обязательство, но лично сделает все от него зависящее. Это были немаловажные оговорки.

Затем он коснулся своей беседы со Сталиным во время проезда через Москву. Вначале он хотел лишь нанести визит вежливости Молотову, но русское правительство предложило устроить встречу между ним, Сталиным и Молотовым. Он беседовал с Молотовым, если учесть время, необходимое для перевода, минут десять, а со Сталиным — двадцать пять минут. Он сказал Сталину, что после краха Британской империи разногласия между Японией и Россией будут устранены. Англосаксы — общий враг Японии, Германии и Советской Рос-

сии. После некоторого раздумья Сталин сказал, что Советская Россия никогда не ладит с Великобританией и никогда не поладит.

* * *

Переговоры в Берлине продолжались 28 и 29 марта. Для них по-прежнему были характерны следующие моменты: во-первых, немцы упорно пытались убедить Японию напасть на Британскую империю; во-вторых, они признали, что их отношения с Россией ненадежны, и в-третьих, дали понять, что Гитлер искренне надеется избежать конфликта с Соединенными Штатами.

Мацуока не получил ясного ответа ни на один из важных вопросов: собирается ли Германия, как и раньше, совершить высадку в Англии и как рассматриваются сейчас германо-советские отношения.

* * *

Затем Мацуока отправился в Рим, где повидался с Муссолини и Папой. Мы располагаем сейчас немецким отчетом о том, что он сказал Гитлеру 4 апреля по возвращении в Берлин. Дуче, заявил Мацуока, информировал его о войне в Греции, Югославии и Северной Африке и о той роли, которую играет в этих событиях сама Италия. Под конец он говорил о Советской России и Америке. Дуче сказал, что нужно иметь ясное представление о значении своих противников. Главным врагом является Америка, а Советская Россия стоит лишь на втором месте. Такого рода замечаниями дуче дал понять Мацуоке, что за Америкой, как за главным врагом, нужно пристально следить, но что ее не следует провоцировать. С другой стороны, нужно быть вполне готовым ко всяким случайностям. Мацуока согласился с подобным направлением мыслей.

* * *

Перед возвращением на родину по Транссибирской железной дороге Мацуока задержался на неделю в Москве. Он имел несколько продолжительных бесед со Сталиным и Молотовым. О содержании этих бесед мы знаем лишь со слов германского посла Шуленбурга, которому, конечно, было сказано лишь то, что русские и японцы хотели, чтобы он знал.

Казалось, что все заявления, правдивые или хвастливые, о мощи Германии отнюдь не убедили посланца Японии. Осторожное отношение германских лидеров к столкновению с Соединенными Штатами запомнилось Мацуоке. В то же время

он понял из высказываний Риббентропа, что между Германией и Россией образовалась грозная и все расширяющаяся пропасть. При сложившемся роковым образом соотношении сил могущественных стран Германия просила Японию сделать неоправимый шаг — объявить войну Англии, а быть может, и всему говорящему на английском языке миру. Россия же просила Японию лишь не торопиться, ждать и наблюдать. Очевидно, Мацуока не поверил, что с Англией покончено. Он не мог знать наверняка, что произойдет между Германией и Россией. Он не был склонен или, может быть, не имел полномочий брать от имени своей страны обязательство предпринять решительные действия. Он гораздо больше предпочитал пакт о нейтралитете, который по меньшей мере давал время развернуться не поддающимся предвидению событиям, коим суждено было вскоре произойти.

Поэтому, когда 13 апреля Мацуока нанес в Москве Шуленбургу прощальный визит, он упомянул с излишней точностью, что в последнюю минуту достигнута договоренность о японо-советском пакте о нейтралитете и что «по всей вероятности, он будет подписан сегодня в 2 часа по местному времени». Обе стороны пошли на уступки в спорном вопросе об острове Сахалин. Это новое соглашение, заверил он германского посла, нисколько не затрагивает пакта трех держав¹.

Шуленбург рассказал о демонстрации единства и товарищества, устроенной Сталиным на вокзале перед отъездом Мацуоки в Японию. Поезд задержался на час из-за приветствий и церемоний, которых явно не ожидали ни японцы, ни немцы. Появились Сталин и Молотов, которые удивительно дружелюбно приветствовали Мацуоку и других японцев и пожелали им счастливого пути. Затем Сталин публично спросил о германском после. «А найдя меня, — заявил Шуленбург, — он подошел и обнял меня за плечи. «Мы должны остаться друзьями. Вы должны сейчас сделать все, все ради этой цели». Позже Сталин обратился к германскому военному атташе, удостоверившись сперва, что он говорит именно с ним, и сказал:

¹ В 1939 г. главной задачей Советского правительства было не допустить втягивания СССР в войну. На Западе это было решено пактом о ненападении с Германией (хотя эту мирную паузу правительство Сталина не сумело использовать в должной мере, допустив грубейшие просчеты).

Что касается отношений с Японией, то после соглашения о прекращении военных действий, заключенного в сентябре 1939 г., они все же оставались напряженными. Летом 1940 г. японское правительство согласилось начать переговоры с Советским Союзом о заключении пакта о нейтралитете, который и был подписан в ходе визита Мацуоки в Москву в апреле 1941 г. Он явился крупным успехом советской дипломатии, так как позволял (и позволил в действительности) избежать в случае германской агрессии против СССР войны на два фронта.

«Мы останемся с вами друзьями в любом случае». «Сталин, — добавляет Шуленбург, — несомненно, обратился с этим приветствием к полковнику Кребсу и ко мне умышленно и тем самым сознательно привлек внимание большого числа присутствовавших».

Эти обьятия были напрасным притворством. Сталин, несомненно, должен был знать из своих собственных источников о колоссальном развертывании германских сил вдоль всей русской границы, которое сейчас начала замечать английская разведка. Это было всего за десять недель до начала ужасающего наступления Гитлера на Россию. До него оставалось бы всего пять недель, если бы не задержка, вызванная боями в Греции и Югославии.

* * *

Мацуока вернулся в Токио из своей поездки в Европу в конце апреля. В аэропорту его встречал премьер-министр принц Коноэ, который сообщил ему, что в этот самый день японцы изучали возможности соглашения с Соединенными Штатами на Тихом океане. Это противоречило замыслам Мацуоки. Несмотря на обуревавшие его сомнения, Мацуока в основном верил в конечную победу Германии. Опираясь на престиж Тройственного пакта и на договор о нейтралитете с Россией, он не видел особой необходимости умиротворять американцев, которые, по его мнению, никогда не пошли бы на одновременную войну против Германии на Атлантическом океане и против Японии на Тихом океане. Таким образом, министр иностранных дел столкнулся в правительственных кругах с настроениями, весьма отличными от его собственного. Несмотря на его энергичные протесты, японцы решили продолжать переговоры в Вашингтоне, а также скрыть их от немцев. 4 мая Мацуока по собственной инициативе ознакомил германского посла с текстом американской ноты Японии, содержавшей предложение достичь общего урегулирования на Тихом океане, начав с американского посредничества между Японией и Китаем. Главным препятствием к принятию этого предложения было требование американцев, чтобы Япония сначала эвакуировала свои войска из Китая.

* * *

28 июня, через неделю после вторжения Гитлера в Россию, состоялось заседание японского кабинета и чиновников императорского двора. Мацуока обнаружил, что его позиция непоправимо ослаблена. Он «потерял лицо», ибо не знал о намерении Гитлера напасть на Россию. Он высказался за

присоединение к Германии, но мнение большинства было против него. Правительство решило проводить компромиссную политику. Военные приготовления надлежало усилить. Была сделана ссылка на статью 5 Тройственного пакта, которая гласила, что этот документ не имеет силы против России. Германия должна была быть конфиденциально уведомлена, что Япония будет вести борьбу с «большевизмом в Азии», а в оправдание вмешательства в германо-русскую войну делалась ссылка на договор с Россией о нейтралитете. С другой стороны, было решено продолжать продвижение в страны Южных морей и закончить оккупацию Южного Индокитая. Эти решения были не по душе Мацуоке. 16 июля Мацуока ушел в отставку.

Но хотя японский кабинет и не намеревался следовать в фарватере германской политики, его политика не свидетельствовала о торжестве умеренных в общественной жизни Японии. Укрепление японских вооруженных сил продолжалось, а в Южном Индокитае японцы собирались строить базы. Это было прелюдией к нападению на английские и голландские колонии в Юго-Восточной Азии. Судя по имеющимся сейчас данным, японские политические лидеры, видимо, не ожидали со стороны Соединенных Штатов или Англии каких-либо энергичных контрмер против намеченного продвижения Японии на юг.

Итак, по мере разворачивания этой мировой драмы мы убеждаемся, что все эти три холодно расчетливые империи допустили в этот момент ошибки, пагубные как для их замыслов, так и для их безопасности. Гитлер решился на войну с Россией, сыгравшую главную роль в его гибели. Сталин остался в неведении или же недооценил удар, который должен был вот-вот обрушиться на него, за что России пришлось дорого расплачиваться. Япония, несомненно, упустила лучший шанс — чего бы он ни стоил — осуществить свои мечты¹.

¹ В решении Гитлера и его окружения начать войну против СССР сказался авантюризм, присущий всей политике третьего рейха. Несоответствие выдвигаемых целей возможностям и средствам Германии было характерной чертой как германского фашизма, так и японского милитаризма (в его войне с США).

Что касается Советского Союза, то трагедию лета 1941 г. обусловили просчеты сталинского руководства, которое, с одной стороны, принимало энергичные меры, чтобы повысить обороноспособность страны, но с другой — своей репрессивной политикой, ошибками в определении времени нападения, направлений главного удара врага и т. п. обесценило во многом усилия народа, направленные на надежную защиту социалистического Отечества.

Надо заметить, что, критикуя руководство СССР, Германии и Японии, Черчилль мог бы сказать и о правительстве Англии 1939—1940 гг., которое своей близорукой и эгоистической политикой привело страну на грань катастрофы летом 1940 г.

ФЛАНГ В ПУСТЫНЕ РОММЕЛЬ. ТОБРУК

Все наши усилия создать фронт на Балканах основывались на предположении, что нам удастся прочно удержать фланг в Пустыне Северной Африки. Его можно было бы укрепить в Тобруке, но быстрое продвижение генерала Уэйвелла на запад и захват Бенгази позволили нам завладеть всей Киренаикой. Воротами в Киренаику служил участок морского побережья в Эль-Агейле. Все представители власти в Лондоне и Каире сходились на том, что его следует удержать любой ценой, отдав этому предпочтение перед всеми прочими операциями.

Полный разгром итальянских сил в Киренаике и большие расстояния, которые пришлось бы покрыть врагу, чтобы собрать новую армию, убедили Уэйвелла в том, что в течение некоторого времени он может позволить себе удерживать этот важнейший западный фланг небольшими силами и заменить свои измученные войска другими, не столь опытными. Фланг в Пустыне был той осью, на которой держалось все остальное, и никто не мыслил о том, чтобы потерять его или рискнуть им ради Греции или чего бы то ни было на Балканах.

В конце февраля английская 7-я бронетанковая дивизия была отведена на отдых и укомплектование в Египет. Это славное соединение оказало нам величайшие услуги. Танки дивизии прошли большие расстояния и были в значительной степени изношены. Боевые операции и лишения сократили численность ее личного состава. Тем не менее там все еще сохранялось ядро весьма опытных, закаленных и привыкших к условиям Пустыни бойцов, равных которым мы не могли бы сыскать. Было жаль не сохранить ядро этого единственного в своем роде соединения, которое можно было затем укрепить, послав ему свежие обученные пополнения офицерского состава и рядовых из Англии и лучшие новые танки и запасные части, какие только можно было найти. Таким образом, 7-я бронетанковая дивизия была бы сохранена и силы ее были бы восстановлены.

Лишь через несколько недель, ознаменовавшихся серьезными решениями, я осознал, что 7-й бронетанковой дивизии не существует как фактора в защите нашего важнейшего фланга в Пустыне. Место 7-й бронетанковой дивизии заняла бронетанковая бригада и часть вспомогательного соединения 2-й бронетанковой дивизии, австралийская 6-я дивизия также была заменена 9-й. Ни одно из этих новых соединений не было как следует обучено, и в довершение всего у них отобрали много снаряжения и транспортных средств, потребовав-

шихся для полного укомплектования дивизий, которые должны были вскоре отправиться в Грецию. Нехватка транспортных средств остро давала себя знать и отражалась на дислокации войск и их подвижности. Из-за трудностей снабжения во время дальнейшего продвижения одна австралийская бригада была задержана в Тобруке, где находилась также недавно сформированная индийская моторизованная кавалерийская бригада, проходившая обучение.

* * *

Донесения нашей разведки начали внушать начальникам штабов некоторое беспокойство. 27 февраля они послали генералу Уэйвеллу предостерегающую телеграмму:

«Ввиду прибытия в Триполитанию германских танковых частей и авиации здесь был рассмотрен вопрос о планах обороны Египта и Киренаики. Были бы признательны, получив от Вас по телеграфу краткую оценку положения».

На это был получен обдуманый ответ, имевший весьма важное значение. В нем, в частности, говорилось:

2 марта 1941 года

«1. Судя по последним сведениям, подкрепления, прибывшие недавно в Триполитанию, включают две итальянские пехотные дивизии, два итальянских моторизованных артиллерийских полка и германские танковые войска, составляющие максимально одну танковую бригаду. Нет никаких признаков того, что выгружены дополнительные средства мототранспорта, и противник должен по-прежнему испытывать нехватку транспортных средств. Однако последние сведения авиаразведки говорят о значительном увеличении движения мототранспорта на дороге Триполи — Сирте.

2. От Триполи до Эль-Агейлы 71 миля, а до Бенгази — 646 миль. Там имеется лишь одна дорога, а на протяжении свыше 410 миль не хватает воды. Эти факторы наряду с нехваткой транспортных средств ограничивают в настоящий момент угрозу со стороны врага. Он, вероятно, сумеет примерно через три недели обеспечить снабжение по прибрежной дороге приблизительно одной пехотной дивизии и танковой бригады и, возможно, в то же время использовать против нашего фланга еще одну танковую бригаду, если она у него имеется, перебросив ее по Пустыне через Хон и Мараду.

3. Он может прощупывать нас в Эль-Агейле посредством действий отдельных разведывательных отрядов и, если обнаружит, что мы слабы, двинуться к Аджедабии, чтобы подтянуть свои передовые посадочные площадки. Не думаю, чтобы с такими силами он попытался вернуть Бенгази.

4. В конечном счете в крупном наступлении могут быть использованы две германские дивизии. Это плюс одна или две пехотных дивизии — максимум сил, которые можно снабжать через Триполи. Опасности, которым подвергаются суда, трудности коммуникаций и приближение жаркой погоды делают маловероятным, чтобы такое наступление развернулось до конца лета. Эффективные действия военных кораблей против караванов судов и воздушные налеты на Триполи могут продлить этот период.

5. Угроза налетов итальянской авиации на Киренаику сейчас почти ничтожна. С другой стороны, немцы прочно закрепились в центральной части Средиземноморского бассейна... В дополнение к танковым силам на наши линии коммуникаций могут быть высажены германские парашютные войска. Я не думаю, чтобы парашютисты использовались при наступлении такого масштаба, которое, вероятно, развернется в ближайшем будущем, но их использование, вполне возможно, будет сопровождать крупное наступление в дальнейшем».

* * *

Но теперь на мировой арене появилась новая фигура — германский воин, который займет свое место в военных анналах Германии. Эрвин Роммель родился в ноябре 1891 года в Гейденгейме (Вюртемберг). Он был хрупким ребенком и воспитывался сначала дома, а затем, девяти лет, поступил в местную государственную школу, которой заведовал его отец. В 1910 году он был юнкером в Вюртембергском полку. Когда он учился в военной школе в Данциге, инструкторы говорили о нем, что он мал, но крепок. В умственном отношении он ничем не выделялся. В Первую мировую войну он воевал в Румынии и Италии. Был дважды ранен и награжден Железным крестом и орденом «За заслуги» высших классов. В период между двумя войнами он служил строевым и штабным офицером. С началом Второй мировой войны был назначен начальником полевой ставки фюрера во время польской кампании, а затем получил под свое командование 7-ю танковую дивизию 15-го корпуса. Эта дивизия, прозванная «Фантомс», находилась в авангарде германских частей, осуществивших прорыв через Маас. 21 мая 1940 года, когда англичане предприняли контратаку под Аррасом, Роммель чуть было не попал в плен. После этого он повел свою дивизию через Ла-Бассе к Лиллю. Будь это наступление несколько более успешным или, быть может, не будь оно ограничено по приказу верховного командования, оно, возможно, отрезало бы значительную часть английской армии, включая 3-ю дивизию, которой командовал генерал Монтгомери. Дивизия

Роммеля была авангардом, который форсировал Сомму и продвинулся к Сене в направлении Руана, отбросив левое крыло французов и захватив в районе Сен-Валери много французских и английских солдат. Его дивизия первой достигла Ла-Манша и вступила тотчас после завершения нашей эвакуации в Шербур, где Роммель принял капитуляцию порта и 30 тысяч французских военнопленных.

Благодаря этим многочисленным заслугам и отличиям он был в начале 1941 года назначен командующим германскими войсками, посланными в Ливию. 12 февраля Роммель со своим штабом прибыл в Триполи, чтобы вести кампанию вместе с союзником, в войне против которого он некогда отличился. В то время надежды итальянцев не шли дальше сохранения Триполитании, и Роммель возглавил все увеличивавшийся контингент германских войск, находившихся под итальянским командованием. Он немедленно стал добиваться проведения наступательной кампании. Когда в начале апреля итальянский главнокомандующий попытался убедить его в том, что германский африканский корпус не должен наступать без его разрешения, Роммель заявил, что он, «как германский генерал, должен отдавать приказы в соответствии с требованиями обстановки». Всякие ссылки на проблему снабжения, заявил он, являются «необоснованными». Он потребовал и добился полной свободы действий.

На протяжении всей африканской кампании Роммель показал свое умение оперировать подвижными соединениями и в особенности быстро производить перегруппировку сил после операции, а также развивать успех. Он был блестящим военным игроком, без труда решавшим проблемы снабжения и презиравшим всякие помехи. Сперва германское верховное командование, дав ему волю, было удивлено его успехами и склонно было сдерживать его. Рвение и отвага Роммеля навлекли на нас тяжелые бедствия, но он заслуживает дани, которую я воздал ему — хотя это и вызвало некоторые упреки со стороны общественности — в палате общин в январе 1942 года, когда я сказал о нем: «Мы имеем дело с весьма отважным и искусным противником и, позвольте мне сказать это в разгар войны, с великим генералом». Он заслуживает нашего уважения и потому, что, будучи лояльным германским солдатом, он возненавидел Гитлера и все содеянное им и принял участие в заговоре 1944 года, чтобы, убрав маньяка и тирана, спасти Германию. За это он поплатился жизнью. В мрачных войнах современной демократии нет места рыцарству. Тупая бойня в гигантских масштабах и массовые эффекты подавляют все возвышенные чувства. Все же я не сожалею о своей похвале Роммелю и не отказываюсь от нее, хотя бы это и считалось неуместным.

* * *

В течение марта появлялось все больше данных о стягивании германских войск из Триполи в направлении Эль-Агейлы, а 20 марта Уэйвелл сообщил, что, по-видимому, готовится наступление ограниченных масштабов и что положение на границе Киренаики внушает ему некоторое беспокойство. Если наши передовые части будут вытеснены со своих нынешних позиций, то им негде удержаться южнее Бенгази, так как местность там совершенно ровная. Однако проблемы снабжения и командования, видимо, лишают врага возможности предпринять какое-либо продвижение, кроме самого ограниченного.

* * *

Наступление Роммеля на Эль-Агейлу началось 31 марта. Генералу Ниму было приказано в случае сильного давления вести сдерживающие бои, отступая в район Бенгази, и прикрывать этот порт как можно дольше. Ему было дано разрешение в случае необходимости эвакуировать порт, предварительно разрушив его. Поэтому в течение последующих двух дней наша бронетанковая дивизия в Эль-Агейле, состоявшая фактически лишь из одной бронетанковой бригады и поддерживающих ее частей, медленно отступала. В воздухе противник имел большое превосходство. Итальянская авиация по-прежнему мало чего стоила, но, кроме нее, имелось около 100 германских истребителей и 100 пикирующих бомбардировщиков.

2 апреля одна из частей нашей 2-й бронетанковой дивизии была вытеснена из Аджедабии 50 вражескими танками и отступила к району Антелата, в 35 милях к северо-востоку. Дивизия получила приказ отступать к окрестностям Бенгази. Под ударами немцев наши бронетанковые силы были дезорганизованы и понесли серьезные потери. 3 апреля генерал Уэйвелл вылетел на фронт, а по возвращении сообщил, что значительная часть бронетанковой бригады разгромлена и дезорганизована превосходящими танковыми силами немцев. Это оставляло открытым левый фланг австралийской 9-й дивизии восточнее и северо-восточнее Бенгази. *«Ее отступление может стать необходимым»*. Учитывая силы врага в Ливии, указывал он, австралийская 7-я дивизия не может отправиться в Грецию, а должна вместо этого двигаться к Западной пустыне. Английская 6-я дивизия, все еще не укомплектованная полностью, должна оставаться в резерве. *«Это приведет к отсрочке наступления на Родос»*. Так от одного удара и почти за один день рухнул фланг в Пустыне, от которого зависели все наши решения. И без того небольшие экспеди-

ционные силы, отправляемые в Грецию, были сильно сокращены. Захват Родоса, составлявший основную часть планов действий наших военно-воздушных сил в Эгейском море, стал невозможен.

Был отдан приказ эвакуировать Бенгази. На север была послана боевая группа, чтобы прикрыть отступление австралийской 9-й дивизии, начавшееся рано утром 4 апреля. В то же время 3-я бронетанковая бригада должна была продвигаться к Эль-Мекили, чтобы сорвать всякую попытку врага помешать отступлению. В помощь бригаде были вызваны из Тобрука два полка индийской моторизованной бригады.

* * *

Уэйвелл выехал на фронт в Пустыне с намерением поручить командование О'Коннору. Этот офицер, который был в то время нездоров, доложил главнокомандующему, что лучше будет, если он не станет принимать командование от Нима в разгар сражения, а будет у него всегда под рукой, чтобы помогать Ниму своим знанием местности. Уэйвелл согласился. Однако такой порядок не дал хороших результатов и не удержался надолго. Ночью 6 апреля отступление из Бенгази было в полном разгаре. Австралийская 9-я дивизия отходила на восток по прибрежной дороге, и, чтобы избежать заторов, генерал Ним взял генерала О'Коннора в свою машину, и они поехали без всякого сопровождения по боковой дороге. В темноте они были неожиданно остановлены, и под дулом пистолетов германского патруля, просунутых в окна автомобиля, им не оставалось ничего другого, как сдаться в плен. Потеря этих двух храбрых генерал-лейтенантов, один из которых — Ним — был награжден «Крестом Виктории», а другой — О'Коннор — был, в общем, нашим самым опытным и удачливым командующим в Пустыне, была для нас очень тяжела.

Днем 6 апреля на совещании в Каире, на котором присутствовали Уэйвелл, Иден, Дилл, Лонгмор и Кэннингхэм, обсуждался вопрос о том, где остановиться. Уэйвелл решил удержать, если возможно, Тобрук и вылетел туда утром 8 апреля в сопровождении австралийского генерала Лаверака, которого Уэйвелл временно назначил командующим. Иден и Дилл вылетели на родину, и военный кабинет с нетерпением ожидал их возвращения со всеми сведениями, которые они собрали в Афинах и Каире.

Уэйвелл сообщил, что отход австралийской 9-й дивизии, по-видимому, совершается беспрепятственно, хотя 2400 итальянских военнопленных пришлось оставить в Барче. Но позже в тот же день он телеграфировал, что положение в Западной пустыне значительно ухудшилось. Противник продвинулся по

дороге через Пустыню к Эль-Мекили, а 2-я бронетанковая дивизия потеряла много машин из-за поломок и воздушных налетов. 3-я бронетанковая бригада не представляла почти никакой ценности в боевом отношении.

В это время я послал генералу Уэйвеллу следующее письмо:

7 апреля 1941 года

«Вы наверняка должны быть в состоянии удержать Тобрук с его постоянными оборонительными сооружениями, возведенными итальянцами, по меньшей мере, пока (или если) противник не подтянет сильные артиллерийские части. Трудно поверить, что он сумеет это сделать в ближайшие несколько недель. Выставив заслон против Тобрука и продвинувшись к Египту, он подвергся бы большому риску, поскольку мы можем подвезти подкрепления морским путем и создать угрозу его коммуникациям. Поэтому Тобрук, видимо, такой пункт, который нужно удерживать до конца, не помышляя об отступлении. Буду рад узнать о Ваших намерениях».

8 апреля Уэйвелл вылетел в Тобрук и отдал приказ об обороне крепости. С наступлением ночи он вылетел в Каир. Мотор самолета отказал, и они совершили вынужденную посадку в темноте. Самолет был поврежден, и они вышли в открытую пустыню, совершенно не представляя, где находятся. Главнокомандующий решил сжечь свои секретные бумаги. После долгого ожидания показались огни автомобильных фар. К счастью, грозно приближавшийся к ним патруль оказался английским. В течение шести часов исчезновение Уэйвелла не без основания тревожило штаб в Каире.

10 апреля мы узнали об окончательном решении Уэйвелла удержать Тобрук.

«Я предлагаю, — указывал он, — удержать Тобрук, разместить в районе Бардия, Эс-Саллум отряд, обладающий возможно большей подвижностью, чтобы защищать коммуникации и действовать против фланга или тыла врага, штурмующего Тобрук, и воссоздать старый план обороны в Мерса-Матрухе. Точно распределить силы так, чтобы выиграть время, не рискуя быть разбитыми, будет трудной задачей. Мои ресурсы весьма ограничены, особенно в том, что касается моторизованных и бронетанковых войск и противотанкового и зенитного оружия. Все зависит от того, сколько у нас будет времени».

* * *

Отступление к Тобруку по прибрежной дороге было проведено успешно. В Эль-Мекили 6 апреля прибыл только штаб

2-й бронетанковой дивизии, потерявший всякую связь с подчиненными ему частями. 7 апреля этот штаб и два индийских моторизованных полка попали в окружение. Атаки были отбиты, а два ультиматума о сдаче, из них один подписанный Роммелем, отклонены. Некоторое число солдат пробилось, приведя с собой сотню немецких военнопленных, но значительное большинство было вынуждено отступить на территорию лагеря и там капитулировать. Пропавшая без вести 3-я бронетанковая бригада, у которой оставалось сейчас всего около дюжины танков, двинулась, по слухам, из-за нехватки бензина к Дерне и возле этого пункта вечером 6 апреля попала в засаду и была уничтожена. На протяжении всех этих операций германская авиация полностью господствовала в воздухе. Это в немалой степени способствовало успеху врага. 8 апреля ночью австралийцы достигли Тобрука, который к этому времени получил морем подкрепления в виде одной бригады австралийской 7-й дивизии из Египта. 12 апреля противник, среди передовых войск которого были части 5-й (легкой) танковой дивизии, одна итальянская танковая и одна пехотная дивизии, занял Бардию, но не сделал попытки прорвать оборонительные сооружения на египетской границе.

Тяжелые броневики и мотопехота противника очень быстро огибали Тобрук и двигались к Бардии и Эс-Саллуму. Другие войска атаковали оборонительные укрепления Тобрука. Гарнизон в составе австралийской 7-й дивизии и небольшого бронетанкового отряда отбил две атаки, уничтожив большое количество вражеских танков. В связи с изменившейся обстановкой и потерей генералов Уэйвелл был вынужден следующим образом реорганизовать систему командования: крепость Тобрук — генерал Морсхед; Западная пустыня — генерал Берсфорд-Пэйрс; войска в Египте — генерал Маршалл-Корнуолл; Палестина — генерал Годвин-Остен.

* * *

Рассмотрев положение в целом на данный момент, когда на египетской границе и в Тобруке была, казалось, достигнута временная стабилизация, я направил начальникам штабов следующую директиву:

Директива премьер-министра и министра обороны

Война на Средиземном море

14 апреля 1941 года

«1. Если немцы смогут по-прежнему снабжать свои войска, предназначенные для вторжения в Киренаику и Египет, через

порт Триполи и по прибрежной дороге, они, несомненно, сумеют бросить против нас превосходящие танковые силы, что будет иметь весьма серьезные последствия. Если, с другой стороны, их коммуникации с Триполи из Италии и Сицилии будут прерваны, а прибрежная дорога между Триполи и Эль-Агейлой будет находиться под постоянной угрозой, то не исключено, что они и сами потерпят серьезное поражение.

2. Отныне главная обязанность английского Средиземноморского флота под командованием адмирала Кэннингхэма — останавливать всякое движение по морю между Италией и Африкой, максимально используя для этого надводные корабли, поддерживаемые, насколько это возможно, авиацией и подводными лодками. Ради этой важнейшей цели придется в случае необходимости пойти на тяжелые потери в линкорах, крейсерах и эсминцах. Гавань в Триполи нужно сделать непригодной к использованию, для чего следует периодически подвергать ее обстрелу и (или) блокированию и минированию. При этом следует позаботиться, чтобы минирование не мешало блокированию и обстрелам. Вражеские транспорты, следующие в Африку и из Африки, должны подвергаться нападениям наших крейсеров, эсминцев и подводных лодок при поддержке морской авиации и военно-воздушных сил. Каждый прорвавшийся конвой следует рассматривать как серьезную неудачу наших военно-морских сил. От приостановки этого движения зависит репутация королевского морского флота.

3. Для означенных выше целей флот адмирала Кэннингхэма нужно укрепить настолько, насколько это понадобится. «Нельсон» и «Родней» с их покрытыми толстой броней палубами особенно пригодны для оказания сопротивления атакам германских пикирующих бомбардировщиков, которых не следует особенно опасаться. Как только представится возможность, с запада должны быть посланы дополнительные подкрепления крейсерами, минными заградителями и эсминцами. Нужно изучить вопрос об использовании «Центуриона» в качестве блокировочного судна, но для эффективного блокирования гавани Триполи стоило бы пожертвовать и линкором действующего флота.

4. Когда флот адмирала Кэннингхэма получит подкрепления, адмирал сумеет создать две эскадры, которые могут поочередно через определенные промежутки времени обстреливать порт Триполи, особенно когда будет известно, что в гавани находятся торговые суда или военные транспорты.

5. Чтобы контролировать морские коммуникации через Средиземное море, нужно базировать на Мальте достаточные военно-морские силы под прикрытием мальтийской авиации, которую следует полностью обеспечивать новейшими и лучшими истребителями, какие только в состоянии принять маль-

тийские аэродромы. Задача прикрытия истребительной авиацией военно-морских сил, удерживающих Мальту, должна считаться первоочередной по сравнению с использованием аэродромов бомбардировщиками, участвующими в налетах на Триполи.

6. Необходимо приложить все усилия, чтобы защитить гавань Мальты с помощью различных реактивных снарядов (ракет), особенно воздушных торпед большой скорости, стрельба которыми производится усовершенствованными методами.

7. Следующей по значению после порта Триполи является 400-мильная береговая дорога между Триполи и Эль-Агейлой. Надо, чтобы эта дорога подвергалась постоянным нападениям сил, высаженных с кораблей типа «Глен» специальными десантными средствами. Для этой цели следует широко использовать «коммандос» и другие войска, собранные в Египте. Нужно изучить вопрос о захвате с моря отдельных пунктов и выбрать лучшие из них для быстрых действий. Здесь опять-таки придется пойти на потери, но в этой войне, цель которой не давать противнику ни минуты покоя, можно использовать небольшие отряды, с тем чтобы, если это возможно, отводить их через некоторое время. Если удастся доставить на берег хотя бы несколько легких или средних танков, они смогут ринуться вдоль дороги, уничтожая очень быстро колонны, значительно превосходящие их по своей численности. Нужно испробовать все возможные методы постоянного нападения на этот участок дороги и пойти на неизбежные потери.

8. Все описанное выше носит крайне срочный характер, так как противник будет становиться все сильнее в воздухе, особенно если его нападение на Грецию и Югославию увенчается успехом, как этого можно опасаться. Поэтому адмирал Кэннингхэм не должен ждать прибытия дополнительных линкоров, точно так же как не следует воздерживаться от использования кораблей типа «Глен» ради операции против Родоса.

9. Тобрук решено оборонять всеми возможными силами. Но удержание Тобрука должно рассматриваться не как оборонительная операция. Тобрук нужно расценивать как не оцененное предместное укрепление или исходный район для рейдов против вражеских коммуникаций. Нужно послать туда все необходимые подкрепления, как пехоту, так и бронемашину, чтобы сделать возможными активные и непрерывные рейды во фланги и тыл врага. Если оборону плацдарма удастся частично возложить на войска, не имеющие транспорта, это позволит организовать подвижной отряд, который послужит как резервом крепости, так и в качестве ударной силы. Это было бы большим преимуществом в случае, если бы противник предпринял что-либо вроде осады Тобрука и был вынужден

подвезти для этой цели тяжелую артиллерию и обеспечить ее снабжение.

10. Главное же, генерал Уэйвелл должен вновь добиться превосходства над противником и уничтожать его небольшие отряды, вместо того чтобы подвергаться постоянным набегам с их стороны. Надо нападать при каждом удобном случае на вражеские патрули и смело использовать свои собственные. Небольшие английские отряды на броневиках, мотоциклах или, если представится такая возможность, пехотные части должны без колебаний нападать на отдельные танки, используя ручные гранаты. Важно завязывать даже небольшие перестрелки с врагом, чтобы заставить его расходовать свои боеприпасы, поставка которых должна быть очень трудным делом.

11. Необходимость использования английских военно-воздушных сил против коммуникаций врага или скоплений боевых машин достаточно очевидна, и о ней незачем упоминать».

* * *

Однако разгром нашего фланга в Пустыне именно тогда, когда мы были поглощены греческой операцией, был огромной катастрофой. В течение некоторого времени я оставался в полном недоумении относительно его причин и, как только наступило временное затишье, счел необходимым попросить у генерала Уэйвелла какого-то объяснения о том, что же произошло. Я побеспокоил его этой просьбой лишь 24 апреля.

Уэйвелл ответил 25 апреля. Он указал, что, поскольку все старшие офицеры фактически пропали без вести и не могут объяснить свои действия или доводы, нужно остерегаться, дабы не осудить их несправедливо. Что весьма характерно, он взял ответственность на себя. Его доклад последовал в тот же день. Как он указывал в докладе, ему было известно, что штабам 2-й бронетанковой дивизии и 3-й бронетанковой бригады потребуются некоторое время, чтобы освоиться с условиями в Пустыне и войной в этих условиях. Он надеялся, что, прежде чем развернется серьезное наступление, у них будет по меньшей мере месячный период небольших стычек, который даст им время освоиться. В действительности наступление было предпринято прежде, чем они освоились, и начато по крайней мере на две недели раньше, чем это полагал возможным его штаб, исходя из факторов времени и пространства, но примерно теми силами, какие он предвидел. Он ожидал ограниченного продвижения к Аждадабии, и захваченные документы

пришла в негодность, еще не добравшись до фронта, а многие другие вышли из строя из-за поломок в самом начале боя. То же самое, видимо, произошло с другим полком крейсерских танков 2-й бронетанковой дивизии, который отправился в Грецию. Наши легкие танки были бессильны против германских танков, вооруженных пушками. Полк, оснащенный (захваченными) итальянскими танками, не имел времени привыкнуть к ним.

Бронетанковой дивизии было приказано в случае нападения превосходящих сил постепенно отступать, чтобы сохранить свои силы, пока трудности снабжения не ослабят врага и не дадут возможности нанести контрудар. Это был мой приказ.

Как выяснилось, это была ошибочная тактика. Немедленный контрудар по меньшей мере нанес бы противнику более серьезные потери и значительно задержал бы его. Он мог бы и совсем остановить противника. На деле же 3-я бронетанковая бригада фактически растаяла почти без боев во время отступления из-за поломок и административных неурядиц, а штаб 2-й бронетанковой дивизии, видимо, потерял управление. Отчасти это было вызвано неопытностью связистов...

Посетив фронт после первого дня боев, я почувствовал необходимость в командующем, имеющем опыт войны в пустыне, и вызвал в помощь Ниму О'Коннора. К сожалению, оба эти генерала, как уже говорилось, во время отступления были взяты в плен патрулем вражеской колонны, проникшей к Дерне.

Такова в общих чертах история катастрофического эпизода, главная ответственность за который лежит на мне. Очевидно, штабами 2-й бронетанковой дивизии и 3-й бронетанковой бригады были допущены ошибки во время отступления, но я надеюсь, что от суждения по этому поводу можно воздержаться до тех пор, пока главные участники не сумеют дать полный отчет и изложить причины своих действий. Им пришлось столкнуться со значительными трудностями.

Боевой дух войск даже во время отступления и в условиях дезорганизации был, по-видимому, блестящим, и было много примеров кланнокровных и решительных действий».

Я ответил:

Премьер-министр — генералу Уэйвеллу

28 апреля 1941 года

«Весьма благодарен Вам за общее описание того, что произошло на западной границе. Нам, видимо, не повезло. Надеюсь, что впоследствии мы поправим дела. Желаю всего наилучшего».

ГРЕЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ

К концу марта стало очевидно, что в ближайшее время предстоит крупное передвижение итальянского флота, вероятно, к Эгейскому морю. Адмирал Кэннингхэм решил временно убрать с пути наши караваны, а сам с наступлением темноты 27 марта вышел из Александрии на «Уорспайте» в сопровождении линкоров «Вэлиант» и «Бархэм», авианосца «Формидебл» и девяти эсминцев. Легкие корабли в составе четырех крейсеров и четырех эсминцев под командованием вице-адмирала Придхэма-Уиппелла, находившегося тогда на Крите, получили приказ присоединиться к главнокомандующему на следующий день южнее острова. На заре 28 марта самолет с «Формидебла» сообщил о четырех вражеских крейсерах и шести эсминцах, шедших на юго-восток. В 7 часов 45 минут утра эти же корабли были замечены с флагманского крейсера «Орион». В состав итальянского соединения входило три крейсера, вооруженных 8-дюймовыми орудиями, тогда как на всех английских кораблях были установлены 6-дюймовые орудия. Но после полчасовой безрезультатной перестрелки противник отступил и английские крейсера пустились в погоню. Два часа спустя с «Ориона» заметили вражеский линкор «Витторио Венето», открывший огонь по «Ориону» с дистанции 16 миль. Роли снова переменялись, и «Орион» вместе со своими крейсерами опять отступил к английскому линейному флоту, приближавшемуся полным ходом и находившемуся примерно в 70 милях. В действие вступили самолеты с «Формидебла». Они атаковали итальянский линкор, который тотчас же отошел на северо-запад.

Тем временем наша авиационная разведка заметила на севере другой вражеский отряд из 5 крейсеров и 5 эсминцев, находившийся примерно в ста милях от приближавшегося английского флота. После воздушных налетов с «Формидебла», а также с береговых баз в Греции и на Крите стало ясно, что «Витторио Венето» поврежден и не может делать больше 15 узлов. Вечером во время третьей атаки самолетов с «Формидебла» было обнаружено, что все корабли противника защищают поврежденный линкор своими зенитными батареями. Наши самолеты не пытались прорваться сквозь полосу заградительного огня, но повредили тяжелый крейсер «Пола», который медленно отделился от других судов и остановился. С наступлением темноты адмирал Кэннингхэм решил предпринять атаку эсминцами и пойти на риск ночного морского боя с участием своего линейного флота в надежде уничтожить пострадавший линкор и крейсер, прежде чем они окажутся под прикрытием своих самолетов,

базирующихся на береговые аэродромы. По пути Кэннингхэм в темноте застиг врасплох два итальянских крейсера «Фиуме» и «Зара», вооруженные 8-дюймовыми орудиями. Они шли на помощь крейсеру «Пола». С ближней дистанции сопротивление «Фиуме» было немедленно подавлено, и он был потоплен бортовым огнем 15-дюймовых орудий «Уорспайта» и «Вэлианта». Крейсер «Зара», атакованный всеми тремя линкорами, вскоре превратился в пылающий остов.

Вслед за тем адмирал Кэннингхэм отвел свой флот, чтобы по ошибке не принять собственные корабли за корабли противника, и предоставил своим эсминцам расправляться с поврежденным судном и с двумя находившимися при нем эсминцами.

Наши корабли также нашли и потопили поврежденный крейсер «Пола». В этом удачном ночном бою, сопряженном со столь большим риском, английский флот не понес вообще никаких потерь. Утром, поскольку наши самолеты не смогли обнаружить «Витторио Венето», наш флот вернулся в Александрию. Эта своевременная и желанная победа у мыса Матапан положила конец всяким попыткам оспаривать господства английских морских сил в восточной части Средиземного моря в этот критический момент.

* * *

Экспедиционные войска, отправленные в Грецию, состояли, в порядке их погрузки на суда, из английской 1-й бронетанковой бригады, новозеландской дивизии и австралийской 6-й дивизии. Все эти части были полностью оснащены за счет других соединений на Среднем Востоке. За ними должны были последовать польская бригада и австралийская 7-я дивизия. переброска началась 5 марта. План заключался в том, чтобы удержать линию Алиакмона, проходившую от устья реки того же названия через Верию и Эдессу к югославской границе. Наши силы должны были присоединиться к греческим войскам, дислоцированным на этом фронте, а именно — к греческим 12-й и 20-й дивизиям, каждая из которых состояла из 6 батальонов и 3—4 батарей, 19-й (моторизованной) дивизии, недоукомплектованной и плохо обученной, и примерно 6 батальонам из Фракии. Эта армия, номинально равная 7 дивизиям, должна была поступить под командование генерала Вильсона.

Греческие войска были гораздо слабее 5 хороших дивизий, обещанных первоначально генералом Папагосом¹. Подавляющая часть греческой армии, около 15 дивизий, находилась в

¹ Впоследствии Папагос утверждал, что его первоначальное согласие удерживать линию Алиакмона зависело от уточнения позиции югославского правительства, что так и не было сделано. — *Примеч. авт.*

Албании, под Бератом и Валоной, которые она была не в состоянии взять. Греки отбили наступление итальянцев, принятое 9 марта. Остальная часть греческой армии — 3 дивизии и пограничные войска — находилась в Македонии, откуда Папагос отказался ее отвести и где после четырехдневных боев, последовавших за нападением немцев, она перестала существовать как военная сила. Греческая 19-я (моторизованная) дивизия, которая присоединилась к этим войскам, также была уничтожена или рассеяна.

Наши воздушные силы в Греции, насчитывавшие в марте всего 7 эскадрилий (80 боевых самолетов), сильно страдали из-за нехватки посадочных площадок и плохой связи. Несмотря на небольшие подкрепления, посланные в апреле, английские военно-воздушные силы в численном отношении были гораздо слабее противника. 2 наши эскадрильи сражались на Албанском фронте. Остальные 5, поддерживаемые в ночных операциях 2 эскадрильями «Веллингтонов» из Египта, должны были удовлетворять всем прочим нашим нуждам. Им противостояло свыше 800 германских боевых самолетов.

Наступление на Южную Югославию и Грецию было поручено германской 12-й армии, состоявшей из 15 дивизий, из которых 4 были танковые. Из этого числа 5 дивизий, включая 3 танковые, приняли участие в наступлении на юг, к Афинам. Слабым местом алиакмонской позиции был ее левый фланг, который немцы могли обойти, двигаясь через Южную Югославию. С югославским генеральным штабом поддерживалась очень слабая связь, и его план обороны и степень подготовленности не были известны ни грекам, ни нам. Однако имелась надежда, что в труднопроходимой местности, которую придется пересечь противнику, югославы сумеют по меньшей мере задержать его на значительное время. Эта надежда оказалась необоснованной. Генерал Папагос не считал отступление из Албании с целью противодействовать такому обходному движению осуществимой операцией. Это не только тяжело отразилось бы на моральном состоянии войск, но, поскольку греческой армии так не хватало транспортных средств, а коммуникации были столь плохими, общее отступление перед лицом врага оказывалось невозможным. Папагос, несомненно, откладывал решение, пока не стало слишком поздно. В такой обстановке наша 1-я бронетанковая бригада достигла 27 марта передового района, где через несколько дней к ней присоединилась новозеландская дивизия.

* * *

Ранним утром 6 апреля германские армии вторглись в Грецию и Югославию. Одновременно были совершены интенсив-

ные воздушные налеты на Пирей, где разгружались суда, доставившие наши экспедиционные войска. В эту ночь порт был почти полностью разрушен в результате взрыва английского корабля «Клан Фрезер», стоявшего у причала с грузом 200 тонн тола. Это было бедствие, из-за которого грузы пришлось направлять в другие, менее значительные порты. Один этот налет стоил нам и грекам 11 судов общим водоизмещением 43 тысячи тонн.

С этих пор снабжение союзных армий морским путем продолжалось в условиях все усиливавшихся воздушных налетов, которым нельзя было оказать сколько-нибудь эффективное противодействие. Ключом к решению морской проблемы был разгром авиационных баз противника на Родосе, но для выполнения этой задачи не было в наличии достаточных сил, а пока что тяжелые потери в тоннаже были неизбежны. Было большим счастьем, что недавнее сражение у Матапана, как выразился в своем донесении адмирал Кэннингхэм, дало итальянскому флоту урок, который удерживал его от новых выступлений до конца года. Его активное вмешательство в этот период сделало бы задачу нашего флота в Греции невыполнимой.

Одновременно с яростной бомбардировкой Белграда в Югославию вторглись с нескольких направлений германские армии, уже стоявшие наготове на границе. Югославский генеральный штаб не пытался нанести единственно возможный для него смертельный удар по итальянскому тылу. Он считал себя обязанным не покидать Хорватию и Словению и поэтому был вынужден попытаться оборонять всю пограничную линию. Четыре югославских армейских корпуса на севере были быстро и неумолимо отброшены в глубь страны германскими танковыми колоннами, поддерживаемыми венгерскими войсками, которые форсировали Дунай, и германскими и итальянскими силами, наступавшими на Загреб. Таким образом, главные югославские силы были в беспорядке отброшены на юг, и 13 апреля германские войска вступили в Белград. Тем временем германская 12-я армия генерала Листа, сосредоточенная в Болгарии, рванулась в Сербию и Македонию. 10 апреля она вступила в Монастир и Янину и тем самым предотвратила возможность контакта между югославами и греками и разгромила югославские силы на юге.

* * *

В связи с прекращением сопротивления Югославии английский посланник в Белграде Кэмпбелл был вынужден покинуть столицу. Он обратился за инструкциями, которые я и послал ему.

13 апреля 1941 года

«1. Мы никак не сможем послать в Адриатическое море к северу от Валоны английские надводные военные корабли или английские и американские торговые суда и транспорты. Причиной этому — авиация, не игравшая эффективной роли в прошлой войне. Эти корабли были бы лишь потоплены, что никому не помогло бы.

2. Мы не понимаем, зачем королю или правительству покидать обширную гористую страну, в которой полным-полно вооруженных людей. Германские танки смогут, несомненно, двигаться по дорогам и тропам, но, чтобы разгромить сербские армии, немцы должны подтянуть пехоту. Тут-то и появится возможность истребить их, и юный король и министры должны, разумеется, сыграть в этом свою роль. Однако, если в какой-то момент король и несколько человек из его личной свиты будут вынуждены покинуть страну и при этом не окажется самолетов, можно будет послать в Котор или какое-нибудь другое место по соседству английскую подводную лодку...

4. Вы должны и впредь всемерно поддерживать боевой дух югославского правительства и армии, напоминая им, с каким переменным успехом велась война в Сербии в прошлый раз».

Но время югославских партизан еще не наступило. 17 апреля Югославия капитулировала¹.

* * *

Этот внезапный крах уничтожил главную надежду греков. Это был еще один пример тактики «уничтожения противника поодиночке». Мы сделали все, что могли, чтобы добиться согласованных действий, и не наша вина, если это нам не уда-

¹ Король Петр был эвакуирован из Котора на английской «летающей лодке». Рональд Кэмпбелл добрался до побережья Адриатического моря. 18 апреля он и его сотрудники попали в руки итальянцев. Была предпринята попытка выручить его и персонал, для чего спустя неделю в Которский залив была послана английская подводная лодка «Риджент». Выяснилось, что местность находится в руках итальянцев. На борт был взят в качестве заложника итальянский офицер. Пока офицер с подводной лодки вел с итальянцами переговоры об освобождении группы английских дипломатов, появились три самолета, которые сбросили на «Риджент» бомбы и обстреляли ее из пулемета, ранив капитана и членов экипажа. Лодке пришлось выйти в море под огнем батарей береговой артиллерии и пробираться через минные поля. Английские дипломаты и обслуживающий персонал были перевезены в Италию и интернированы. В июне в соответствии с международным обычаем они были репатриированы в Англию после переговоров с итальянским правительством. —

Примеч. авт.

лось. Теперь все мы очутились перед весьма мрачной перспективой.

В момент вступления немцев в Грецию английская 1-я бронетанковая бригада занимала передовые позиции на реке Вардар. Новозеландская дивизия разместилась на реке Алиякмон. Слева от них стояли греческие 12-я и 20-я дивизии. Прибывали также головные части австралийской 6-й дивизии. К 8 апреля стало ясно, что сопротивление югославов на юге рухнет и что вскоре левый фланг алиякмонской позиции окажется под угрозой. Для отражения этой угрозы одну австралийскую бригаду, к которой позже присоединилась 1-я бронетанковая бригада, дислоцировали так, чтобы закрыть подступы со стороны Монастира. Продвижение противника было задержано благодаря разрушениям и эффективной бомбардировке, произведенным английскими военно-воздушными силами, но 10 апреля началась атака противника на левом фланге наших войск. Она была отбита в результате двухдневных упорных боев, которые велись в условиях суровой погоды.

Западнее находилась лишь одна греческая кавалерийская дивизия, поддерживавшая связь с силами в Албании, и генерал Вильсон решил отвести свой подвергавшийся сильному давлению левый фланг к Козани и Гревена. Этот маневр был завершен 13 апреля, но в ходе его греческие 12-я и 20-я дивизии начали распадаться и не могли больше играть существенной роли. Отныне наши экспедиционные войска остались одни. К 14 апреля новозеландская дивизия также отошла, чтобы защищать важный горный проход севернее горы Олимп. Одна из бригад этой дивизии прикрывала главную дорогу на Ларису. Противник предпринял сильные атаки, которые были отбиты. Но Вильсон, левый фланг которого все еще подвергался угрозе, решил отступить к Фермопилам. Он поделился своим планом с Папагосом, который одобрил его и при создавшихся обстоятельствах сам предложил эвакуировать англичан из Греции. Уэйвелл приказал Вильсону продолжать бои во взаимодействии с греками, пока они в состоянии оказывать сопротивление, но разрешил любое дальнейшее отступление, в случае если это будет сочтено необходимым. Всем кораблям, находившимся на пути в Грецию, было приказано вернуться. Были также отданы приказы не производить погрузку на новые суда и разгрузить те, которые уже грузились или были нагружены. Уэйвелл считал, что, прежде чем приступить к посадке наших войск на суда, следует получить от греческого правительства официальную просьбу на этот счет. Он полагал, что Крит будет удержан.

Я сразу же ответил на эти тяжелые, но не неожиданные известия.

17 апреля 1941 года

«1. Мы не получили от Вас известий о том, что произошло на нашем фронте в Греции.

2. Мы не можем остаться в Греции вопреки желанию греческого главнокомандующего и обречь тем самым страну на опустошение. Вильсон или Палайрет должны получить от греческого правительства одобрение просьбы Папагоса. Если такое согласие будет получено, следует приступить к эвакуации, однако не в ущерб отходу к фермопильской позиции, во взаимодействии с греческой армией. Вы, конечно, постараетесь спасти как можно больше техники.

3. Крит нужно удерживать большими силами, и при перераспределении Ваших сил Вам надлежит позаботиться об этом. Важно, чтобы на Крите разместились вместе с королем и правительством сильные части греческой армии. Мы окажем помощь и будем всемерно поддерживать оборону Крита».

17 апреля генерал Вильсон отправился из Фив во дворец в Татое, где встретился с королем, генералом Папагосом и нашим послом. Было признано, что отступление к линии Фермопил является единственно осуществимым планом. Генерал Вильсон был уверен, что некоторое время он сможет удерживать эту линию.

* * *

Отступление к Фермопилам было трудным маневром, ибо, пока противника сдерживали в ущелье Темпе, в Олимпийском проходе и в других пунктах, все наши силы должны были пройти через узкий проход у Ларисы. Самой серьезной угрозы Вильсон ожидал на своем западном фланге и, чтобы отразить ее, разместил в Калабаке одну бригадную группу. Но наиболее критическое положение создалось на востоке, в ущелье Темпе и Олимпийском проходе. Этот проход упорно обороняла в течение необходимых трех дней новозеландская 5-я бригада. Положение в ущелье Темпе было еще более угрожающим, так как для немцев оно служило кратчайшим подступом к Ларисе. Вначале его защищал только новозеландский 21-й батальон, позднее туда была направлена австралийская бригада. Его удерживали в течение трех дней, необходимых для того, чтобы все наши войска прошли через узкий проход у Ларисы.

Эти упорные и искусно проводившиеся арьергардные бои приостановили стремительное продвижение немцев во всех пунктах и причинили им тяжелые потери. К 20 апреля занятие фермопильской позиции было закончено. Фронтально это была

сильная позиция, но необходимость охранять прибрежную дорогу, следить за возможным вторжением из Эвбеи, а главное — предотвращать продвижение к Дельфам ставила наши войска в трудное положение. Однако немцы продвигались медленно, и эти позиции так и не подверглись особенно серьезным испытаниям.

В тот же день капитулировали греческие армии на Албанском фронте. 24 апреля Греция окончательно капитулировала перед превосходящей мощью немцев.

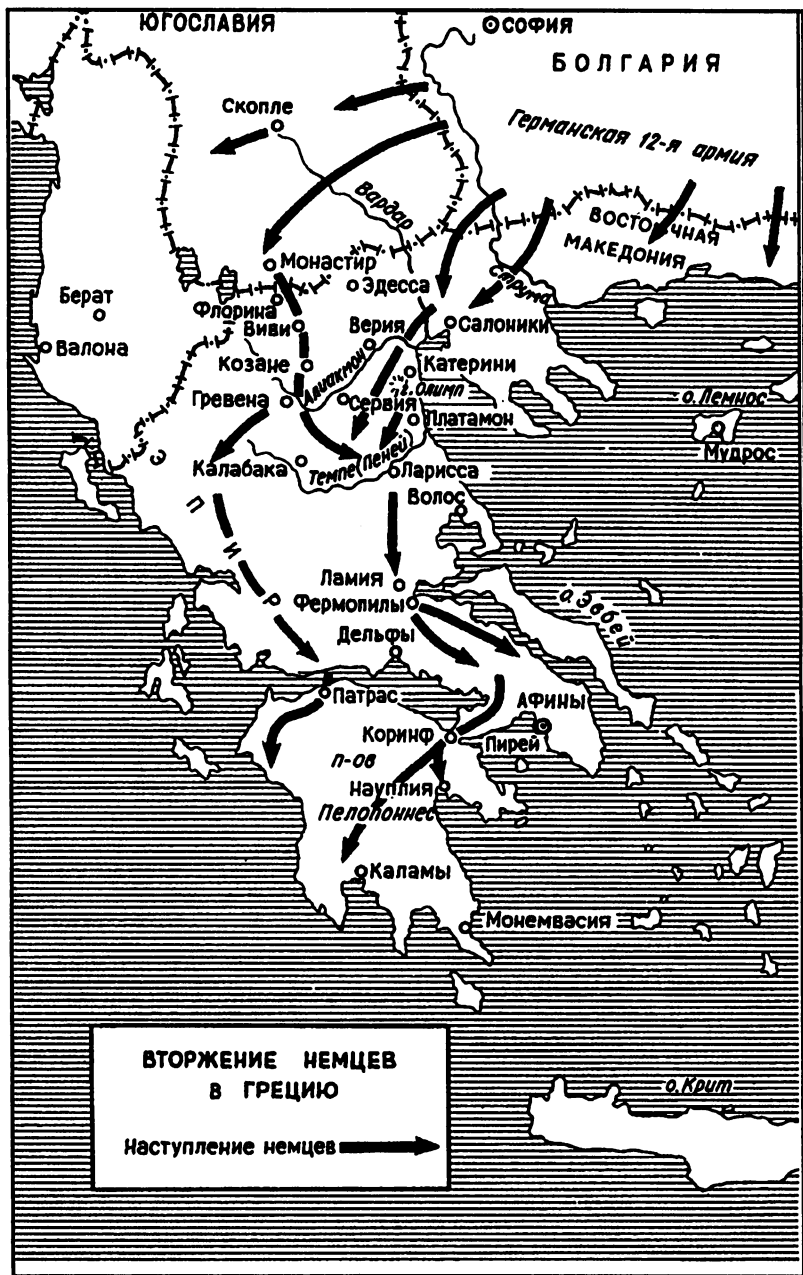
* * *

Теперь перед нами встала необходимость провести еще одну из тех эвакуаций морским путем, какие нам приходилось проводить в 1940 году. В тех условиях организованный вывод из Греции свыше 50 тысяч человек мог показаться почти безнадежной задачей. Однако она была выполнена королевским морским флотом. На море этими операциями руководил вице-адмирал Придхэм-Уиппелл, а на берегу — контр-адмирал Бейли-Громан и штаб армии. В Дюнкерке мы в целом обладали господством в воздухе. В Греции контроль в воздухе полностью и неоспоримо принадлежал немцам, они могли почти непрерывно атаковать порты и отступающую армию. Было очевидно, что посадку на суда можно производить лишь ночью и что, кроме того, нужно избегать появления войск близ прибрежной полосы в дневное время.

На выполнение этой задачи адмирал Кэннингхэм бросил почти все свои легкие корабли, включая 6 крейсеров и 19 эсминцев. Действуя из небольших портов и с прибрежной полосы Южной Греции, эти корабли вместе с 11 транспортом и штурмовыми судами и множеством более мелких судов начали ночью 24 апреля спасательные работы.

Эти работы продолжались пять ночей подряд. 26 апреля парашютисты противника захватили важный мост через Коринфский канал, и вслед за тем германские войска хлынули на Пелопоннес, тесня наших солдат, стремившихся достичь южной прибрежной полосы. Ночью 24 и 25 апреля было вывезено 17 тысяч человек. Мы потеряли 2 транспорта. На следующую ночь из пяти пунктов посадки было вывезено около 19 500 человек.

28 и 29 апреля 2 крейсера и 6 эсминцев сделали попытку спасти с прибрежной полосы близ Каламе 8 тысяч солдат и 1400 югославских беженцев. Эсминец, посланный вперед для организации посадки, обнаружил, что город находится в руках противника и охвачен огнем. Поэтому от главной операции пришлось отказаться. Хотя немцы были выбиты из города контратакой, только 450 человек были сняты с прибрежной

полосы к востоку от города четырьмя эсминцами, использовавшими собственные лодки. В ту же ночь крейсер «Аякс» и три эсминца спасли 4300 человек из Монемвасии.

Эти события ознаменовали окончание основной эвакуации. В последующие два дня небольшие изолированные группы были сняты с различных островов и мелких судов в море, а 1400 офицеров и солдат, которым, рискуя жизнью, помогали греки, самостоятельно добрались до Египта в последующие месяцы.

* * *

В следующей таблице приведены окончательные цифры эвакуации по армии:

Войска	Находились в Греции в момент нападения	Эвакуировано на Крит	Эвакуировано на Крит и позже в Египет	Эвакуировано непосредственно в Египет (включая раненых)
Соединенного Королевства	19 206	5299	3200	4101
Австралии	17 125	6451	2500	5206
Новой Зеландии	16 720	7100	1300	6054
Итого	53 051	18 850	7000	15 361

Потери составили:

Войска	Потери	Процент от общих потерь
Соединенного Королевства	6606	55,8
Австралии	2968	25,1
Новой Зеландии	2266	19,1
Итого	11 840	100

Всего было благополучно вывезено 50 662 человека, в том числе личный состав королевских военно-воздушных сил и несколько тысяч жителей Кипра, Палестины, греков и югославов. Это составляло около 80 процентов сил, первоначально направленных в Грецию.

Греческий военный флот, небольшой, но знающий свое дело, перешел теперь под контроль англичан. Один крейсер, шесть современных эсминцев и четыре подводные лодки бежали в Александрию, куда прибыли 25 апреля. Впоследствии греческий флот отличился во многих наших операциях в Средиземном море.

Катастрофа на нашем фланге в Пустыне привела к уже описанным выше последствиям в Африке. Она означала также отказ от захвата Родоса, угрожавшего нашим коммуникациям с Грецией. Тяжело сказалась она и на греческом предприятии, уже и без того рискованном, хотя это последнее все равно потерпело бы крах. К рассказу о том, что произошло в песках Пустыни, мы должны добавить теперь повествование о событиях, происходивших одновременно на море.

Еще 10 апреля адмирал Кэннингхэм почувствовал, как серьезно отразился на нем внезапный стремительный бросок победоносных танковых войск Роммеля. Он предупредил нас:

«Если в следующем месяце немцы сумеют переправить достаточно сил, они, вероятно, распространят свой контроль по меньшей мере до Мерса-Матруха, а если они это сделают, то сомнительно, сможет ли флот использовать Александрию под ударами бомбардировщиков, сопровождаемых эскортом истребителей.

У немцев хорошие шансы достичь этого, если мы не разрушим Триполи. Мне думается, что цель может быть достигнута с помощью непрерывных воздушных налетов... Поэтому я считаю, что для выполнения этой задачи в Египет должны немедленно вылететь бомбардировщики дальнего действия, и этому ничто не должно помешать».

К сожалению, не было никакой возможности создать в Египте за несколько недель отряд бомбардировщиков дальнего действия, способных причинить Триполи сколько-нибудь ощутимый ущерб. Обстрел с моря, помимо того что он являлся гораздо более эффективным и экономичным, был единственной практической мерой, которую мы были в состоянии осуществить, и я считал, что таким способом флот, несмотря на тяжелую нагрузку, которую он нес тогда в греческой кампании, возможно, сумел бы внести важный вклад в оборону Египта.

* * *

Необходимость нанести удар по Триполи вызвала горячую дискуссию между военно-морским министерством и адмиралом Кэннингхэмом: рисковать ли своим флотом, проводя обстрел в весьма опасном районе, или же принять другое весьма суверенное решение.

15 апреля 1941 года

«Для стабилизации положения на Среднем Востоке необходимо, очевидно, радикальные меры. После тщательного изучения было решено, что одни только действия нашей авиации против Триполи не прервут в достаточной степени поток подкреплений, которые прибывают в Ливию главным образом через этот порт. Поэтому необходимо в самое ближайшее время принять другие меры.

Имеются два решения: а) обстрел гавани, б) попытка блокировать ее.

Начальники управлений министерства согласны с Вами, что результат обстрела ненадежен и нельзя ожидать, чтобы он, хотя бы временно, значительно уменьшил приток подкреплений. Поэтому решено, что следует попытаться сочетать обстрел с блокированием так, чтобы обстрел производили в упор блокировочные суда по мере своего приближения к гавани».

Этот приказ был рассчитан на то, чтобы убедить отважного Кэннингхэма подходить к событиям с той меркой, с которой мы подходили к ним в Уайтхолле, и внушить ему, что в этот критический момент необходимо идти даже на отчаянный риск. На рассвете 21 апреля Кэннингхэм появился в виду Триполи с линкорами «Уорспайт», «Бархэм» и «Вэлиант», крейсером «Глостер» и эсминцами и в течение 40 минут обстреливал город. К общему удивлению, была достигнута полная внезапность. Батареи береговой артиллерии не отвечали в течение 20 минут. Никакого сопротивления не было оказано и с воздуха. Судам, стоявшим в гавани, а также набережным и портовым сооружениям были причинены повреждения. На складе горючего вспыхнул большой пожар, перекинувшийся на окружающие здания. Английский флот отошел без потерь. Ни один корабль не получил даже попадания.

Главной моей целью оставалась победа в Западной пустыне. Нужно было уничтожить армию Роммеля, пока он не стал слишком сильным и пока новая страшная танковая дивизия не прибыла к нему в полном составе. Такая победа во всяком случае спасла бы от краха наши позиции в Египте. Поэтому я должен рассказать об одном эпизоде, за который я нес более непосредственную ответственность, чем обычно.

Катастрофа на фланге сил Уэйвелла в Пустыне оставила его почти без танков. Воскресенье, 20 апреля, я проводил в Дитчли и работал в постели, когда пришла телеграмма генерала Уэйвелла начальнику имперского генерального штаба, вскрывавшая всю тяжесть его положения.

«Хотя положение в Киренаике улучшилось, еще некоторое время перспективы будут внушать беспокойство из-за нехватки у меня танков, особенно крейсерских. Как вы понимаете, исход этой войны в Пустыне зависит во многом от количества танков... Противник имеет на линии фронта в Киренаике, вероятно, по меньшей мере 150 танков, из которых около половины — средние танки. В течение мая я могу получить из ремонтных мастерских еще 30—40 крейсерских танков, что позволит сформировать еще одну слабую часть, и несколько пехотных танков, которые, вероятно, потребуются для непосредственной защиты Александрии от возможных рейдов».

В отдельной телеграмме, датированной тем же числом, генерал Уэйвелл подробно описал положение с танками.

«Как видно, к концу мая предполагается сформировать в Египте только два полка крейсерских танков, и нет никаких резервов для возмещения потерь, *между тем как в настоящее время в Египте имеется прекрасно подготовленный личный состав для шести бронетанковых полков.* Я считаю, что в дополнение к пехотным танкам, которые не обладают скоростью и радиусом действия, необходимыми для операций в Пустыне, крайне нужны также крейсерские танки. Прошу начальника имперского генерального штаба оказать личное содействие».

Прочитав эти тревожные послания, я решил, не считаясь больше с нежеланием военно-морского министерства, послать через Средиземное море непосредственно в Александрию конвой со всеми танками, необходимыми генералу Уэйвеллу. У нас имелся конвой с крупными танковыми подкреплениями, который должен был немедленно отправиться вокруг мыса Доброй Надежды. Я решил, что быстроходные танкодесантные баржи, входящие в состав этого конвоя, должны повернуть у Гибралтара и пойти кратчайшим путем, сэкономив таким образом почти 40 дней.

Адмирал Паунд согласился провести транспорт через Средиземное море. Начальник штаба военно-воздушных сил маршал авиации Портал сказал, что постарается выделить эскадрилью «бофайтеров», чтобы обеспечить дополнительное прикрытие с Мальты. Затем я попросил комитет рассмотреть вопрос об отправке с конвоем дополнительно 100 крейсерских танков. Я готов был пойти на двухдневную задержку. Генерал Дилл воспротивился отправке этих танков ввиду *нехватки танков для обороны метрополии.* Учитывая то, что он согласился 10 месяцев назад, когда в июле 1940 года мы послали на Средний Восток вокруг мыса Доброй Надежды половину нашего небольшого количества танков, я не мог в

то время признать этот довод веским. Как известно читателю, в апреле 1941 года я не считал вторжение серьезной опасностью, поскольку для отражения его были сделаны надлежащие приготовления. Теперь мы знаем, что эта точка зрения была правильной. Было решено приступить к выполнению этой операции, которую я назвал «Тайгер», и присоединить к конвою шестое судно с 67 (крейсерскими) танками «Марка VI». Однако, несмотря на все старания, это судно не удалось нагрузить вовремя и оно не смогло отплыть вместе с конвоем.

* * *

Пока все это происходило, мысли о Тобруке не переставали беспокоить нас. 24 апреля генерал Уэйвелл сообщил о серьезном положении с истребителями. Все «харрикейны», действовавшие в Греции, были потеряны, а в результате недавних налетов вражеской авиации на Тобрук была уничтожена или повреждена значительная часть «харрикейнов», имевшихся там. Маршал авиации Лонгмор считал, что всякая дальнейшая попытка держать в Тобруке эскадрилью истребителей приведет лишь к бесполезным тяжелым потерям. Таким образом, до тех пор пока не удалось бы создать новый отряд истребителей, противник безраздельно господствовал бы в воздухе над Тобруком. Однако в это утро гарнизон отбил атаку, причинив врагу тяжелые потери и взяв 150 пленных.

В это время ощущалось сильное беспокойство и замечался некоторый пессимизм. Я не мог удержаться от суровых замечаний.

Премьер-министр — начальнику имперского генерального штаба

22 апреля 1941 года

«Мы не должны забывать, что осажденных в четыре-пять раз больше, чем осаждающих. Никто не возражает против того, чтобы они устроились удобно, но они должны быть очень осторожны и не позволить меньшим силам окружить себя и потерять тем самым возможность вести наступательные действия на коммуникациях врага. Надо полагать, что 25 тысяч человек с сотней орудий и обильными запасами в состоянии удерживать сильно укрепленную зону против 4500 человек, коммуникации которых протянулись на 700 миль, даже если эти люди немцы. В данном случае некоторые из них не немцы. Цифры, которые я привел, получены мной от военного министерства. Мы не должны ставить себя слишком низко по сравнению с противником».

* * *

Вскоре генерал Уэйвелл прислал нам новую тревожную информацию о приближавшихся подкреплениях Роммеля. Высадка германской 15-й танковой дивизии, за вычетом потерь, понесенных ею при переезде через Средиземное море, должна была закончиться, вероятно, к 21 апреля. Надо было думать, что 15-я танковая дивизия, 5-я легкая моторизованная дивизия и дивизии «Ариете» и «Тренто» сумели бы выступить уже во второй половине июня, а не в июле, то есть на две недели раньше, нежели предполагалось.

* * *

В течение последующих двух недель мое внимание и заботы были прикованы к перипетиям операции «Тайгер». Я полностью отдавал себе отчет в том риске, на который готов был пойти начальник военно-морского штаба, и знал, что в военно-морском министерстве многих охватили дурные предчувствия. 6 мая караван, состоявший из пяти 15-узловых судов, эскортируемых соединением «Н» под командованием адмирала Сомервелла («Ринаун», «Малайя», «Арк Ройал» и «Шеффилд»), миновал Гибралтар. Вместе с караваном шли также подкрепления для Средиземноморского флота, состоявшие из «Куин Элизабет» и крейсеров «Найяд» и «Фиджи». Атаки самолетов 8 мая были отбиты без потерь, причем было уничтожено 7 вражеских машин. Однако ночью два судна, приближаясь к Проливам, подорвались на минах. Одно из них, «Эмпайр сонг», загорелось и после взрыва затонуло. Другое, «Нью-Зиленд стар», смогло продолжить путь с караваном. Достигнув входа в пролив Скерки, адмирал Сомервелл расстался с караваном и вернулся в Гибралтар. Чтобы укрепить эскорт каравана, он выделил шесть своих эсминцев и крейсер «Глостер». Днем 9 мая адмирал Кэннингхэм, воспользовавшись возможностью провести караван к Мальте, встретил со своим флотом караван «Тайгер» в 50 милях южнее Мальты. Затем все его корабли взяли курс на Александрию, куда прибыли без дальнейших потерь или повреждений. Во время этих операций также представилась возможность провести 7 и 10 мая силами легких военных кораблей два ночных обстрела Бенгази.

Глава четырнадцатая

МЯТЕЖ В ИРАКЕ

Англо-иракский договор 1930 года предоставлял нам, в частности, право держать в мирное время авиабазы близ Басры

и Хаббании и перевозить в любое время вооруженные силы и грузы. Договор предусматривал также предоставление нам во время войны всех условий для переброски наших вооруженных сил, включая использование железных дорог, рек, портов и аэродромов. Когда началась война, Ирак разорвал дипломатические отношения с Германией, но не объявил ей войны, а когда в войну вступила Италия, иракское правительство даже не порвало с нею отношений. Таким образом, итальянская миссия в Багдаде стала для держав оси главным центром пропаганды и разжигания антианглийских настроений. В этом ей помогал иерусалимский муфтий, бежавший из Палестины незадолго до начала войны, а затем получивший убежище в Багдаде.

С крушением Франции и прибытием в Сирию комиссии держав оси по перемирию престиж англичан упал очень низко, и это положение вызывало у нас сильнейшее беспокойство. Но поскольку мы были заняты другими делами, о военной акции не могло быть и речи и нам приходилось выпутываться из положения в меру своих сил. В марте 1941 года положение ухудшилось. Рашид Али, сотрудничавший с немцами, стал премьер-министром и начал вместе с тремя видными иракскими офицерами подготавливать заговор. Эту четверку прозвали «золотым квадратом». В конце марта регент Эмир Абдулла Иллах, сочувствовавший англичанам, бежал из Багдада.

В этот момент было особенно важно обеспечить безопасность Басры, главного порта Ирака на Персидском заливе, и я написал министру по делам Индии.

Премьер-министр — министру по делам Индии

8 апреля 1941 года

«Положение в Ираке обострилось. Мы должны обеспечить безопасность Басры, так как американцы все энергичнее настаивают на создании там большой авиасборочной базы, куда они могли бы непосредственно доставлять свои самолеты. Этот план представляется весьма важным, поскольку центр войны явно перемещается на Восток».

Главнокомандующий войсками на Среднем Востоке генерал Окинлек немедленно предложил направить в Басру пехотную бригаду и полк полевой артиллерии, большая часть которого уже находилась на борту судна, направлявшегося в Малайю. Другие войска должны были последовать за ними как можно скорее. 18 апреля бригада, не встретив никакого сопротивления, высадилась в Басре под прикрытием английского батальона, который накануне был доставлен в Шуайбу на самолетах. К правительству Индии обратились с просьбой как можно ско-

рее послать еще две бригады, также предназначавшиеся для Малайи.

Премьер-министр — министру иностранных дел

20 апреля 1941 года

«Сэру Кинэхэну Корнуоллису¹ следует разъяснить, что мы посылаем войска в Ирак главным образом для того, чтобы обеспечить прикрытие и создание в Басре большой сборочной базы, и что все происходящее в других районах страны, кроме Хаббании, имеет в настоящий момент абсолютно второстепенное значение. Мы воспользовались правами, предоставляемыми договором, чтобы обосновать эту высадку и избежать кровопролития, но в случае необходимости для обеспечения высадки была бы использована сила. Поэтому наше положение в Басре опирается не только на договор, но также на новые события, являющиеся следствием войны».

Когда в соответствии с этим наш посол уведомил Рашида Али, что 30 апреля в Басру придут новые транспорты, тот сказал, что не может разрешить никаких новых высадок, пока войска, уже находящиеся в Басре, не проследуют через порт. Генералу Окинлеку было сказано, что высадка должна тем не менее продолжаться, и Рашид Али, который рассчитывал на помощь германской авиации и даже германских авиадесантных войск, был вынужден действовать.

Его первый враждебный шаг был направлен против Хаббании, нашей учебной авиабазы в Иракской пустыне. 29 апреля 230 английских женщин и детей были переброшены на самолетах из Багдада в Хаббанию. Всего в полевом лагере находилось несколько больше 2200 военных и не менее 9 тысяч штатских лиц. Таким образом, летное училище стало весьма важным объектом. Вице-маршал авиации Смарт, командовавший этими частями, принял смелые и своевременные меры предосторожности, чтобы справиться с нарастающими осложнениями. Прежде летное училище имело в своем распоряжении самолеты лишь устарелых или учебных типов, но теперь из Египта прибыло несколько истребителей «глэдиэйтер» и 82 самолета всех типов были разбиты на четыре эскадрильи. 29 апреля из Индии прибыл на самолетах английский батальон. Сухопутная оборона 7-мильного плацдарма, обнесенного лишь одной проволочной изгородью, была весьма недостаточной. 30 апреля иракские войска из Багдада появились на плато, с которого просматривались и аэродром, и лагерь на расстоянии какой-нибудь мили. Вскоре они получили подкрепления из Багдада, так что их численность составила около

¹ Английский посол в Багдаде. — *Примеч. авт.*

9 тысяч человек. Они располагали 50 орудиями. Следующие два дня прошли в бесплодных переговорах, а на рассвете 2 мая началось сражение.

* * *

С момента возникновения этой новой опасности генерал Уэйвелл проявлял крайнее нежелание брать на себя добавочное бремя. Он заявил, что проведет подготовку и сделает все возможное, чтобы создать впечатление, будто из Палестины готовятся выступить крупные силы, что могло бы оказать некоторое влияние на иракское правительство. По его мнению, силы, которые он действительно мог бы выделить, были недостаточны и прибыли бы слишком поздно. Они не могли бы выступить раньше, чем через неделю. Их уход опасно ослабил бы Палестину, где уже делались попытки разжечь мятеж. «Я неоднократно предупреждал Вас, — писал он, — что при нынешних обстоятельствах Ираку нельзя оказать никакой помощи из Палестины, и всегда рекомендовал избегать действий в Ираке... Мои силы повсюду напряжены до предела, и я просто не могу позволить себе рисковать частью их ради предприятия, которое ничего не может дать».

* * *

При поддержке начальников штабов я поставил этот вопрос на заседании комитета обороны, собравшегося в полдень. Члены комитета были настроены решительно. По их указанию были разосланы следующие приказы:

Начальники штабов — генералу Уэйвеллу и другим заинтересованным лицам

6 мая 1941 года

«Комитет обороны предлагает поставить вице-маршала авиации Смарта в известность о том, что помощь ему будет оказана, а пока что его долг — защищать Хаббанию до последнего».

* * *

В это время в Хаббании эскадрильи летной школы вместе с бомбардировщиками «веллингтон» из Шуайбы на Персидском заливе атаковали иракские войска на плато. Те ответили обстрелом лагеря и налетами авиации, сбросившей бомбы и обстрелявшей лагерь из пулеметов. В этот день мы потеряли убитыми и ранеными свыше 40 солдат. 22 самолета было уничтожено или выведено из строя. Несмотря на трудность взлета

под артиллерийским огнем с ближней дистанции, наши летчики продолжали свои атаки. Противник не развернул наступления пехоты, и постепенно его батареи были подавлены. Было обнаружено, что вражеские артиллеристы не оставались у своих орудий во время воздушного налета или даже при появлении наших самолетов над их головой. Мы полностью воспользовались их нервозностью и на второй день сумели выделить часть авиации для ударов по иракским военно-воздушным силам и их базам. Ночью 3 и 4 мая подразделения наземных войск из Хаббании нанесли удар по противнику, а к 5 мая, после четырехдневных атак английской авиации, противник не выдержал. В эту ночь он отступил с плато. Его преследовали, и в результате весьма успешного боя было захвачено 400 пленных, 12 орудий, 60 пулеметов и 10 броневтомобилей. Неприятельская колонна, двигавшаяся на помощь из Эль-Фаллуджи, была перехвачена в пути и уничтожена 40 нашими самолетами, посланными с этой целью из Хаббании. Таким образом, к 7 мая осада Хаббании была снята. Защитники получили в помощь истребители из Египта; английские женщины и дети были вывезены на самолетах в Басру. Иракская авиация, насчитывавшая около 60 самолетов, была фактически уничтожена. Эти хорошие известия к нам поступали отрывочно и с опозданием.

18 мая в Хаббанию прибыл авангард хаббанийского отряда — моторизованной бригадной группы из Палестины, — чтобы возобновить наступление на противника, удерживавшего теперь в Эль-Фаллудже мост через Евфрат. К этому времени иракцы не были единственным нашим врагом. 13 мая на Мосульском аэродроме приземлились первые германские самолеты, и с этих пор главной задачей нашей авиации было атаковать их и мешать их снабжению по железной дороге из Сирии. Наступление на Эль-Фаллуджу авангарда «хаббанийского отряда» и сухопутных частей гарнизона Хаббании произошло 19 мая. Наводнение закрыло прямой подступ с запада, и поэтому небольшие колонны переправились через реку выше города на пароме, чтобы отрезать защитникам путь отступления. Другой отряд высадил авиадесант, чтобы перерезать дорогу на Багдад. Ожидалось, что это наряду с воздушной бомбардировкой заставит противника, силы которого составляли примерно одну бригаду, сдать или разбежаться. Но в конце концов понадобилось предпринять сухопутную атаку. Расположившийся на западном берегу небольшой отряд, задачей которого было помешать ружейным огнем разрушению важного моста, получил приказ взять мост. Он проделал это успешно и без потерь. Противник отступил. Было взято 300 пленных. Предпринятая через три дня контратака противника была отбита.

Несколько дней ушло на подготовку к окончательному наступлению на Багдад, в ходе которой наши самолеты, действуя против германской авиации на северных аэродромах Ирака, окончательно подавили ее. Позже появилась эскадрилья итальянских истребителей, но она ничего не добилась. Германский офицер, которому было поручено координировать действия эскадрилий держав оси с действиями иракских войск, сын фельдмаршала Бломберга, из-за ошибки своих же союзников приземлился в Багдаде с пулей в голове. Его преемник генерал Фельми, хотя и сел более удачно, ничего не мог сделать. Полученные им от Гитлера строжайшие инструкции были датированы 23 мая, а к этому времени все шансы на успешное вмешательство держав оси были уже упущены.

Наступление на Багдад, начавшееся ночью 27 мая, развивалось медленно из-за сильных разливов и взорванных мостов через многочисленные оросительные каналы. Однако 30 мая наши передовые части достигли окраины Багдада. Хотя они были малочисленны, а в городе находилась иракская дивизия, появление их настолько напугало Рашида Али и его компаньонов, что они в тот же день бежали в Персию в сопровождении других смутьянов — германского и итальянского посланников и бывшего иерусалимского муфтия. На следующий день, 31 мая, было подписано перемирие, регент Ирака был восстановлен на своем посту и к власти пришло новое правительство. Вскоре наши сухопутные и воздушные силы заняли все важные пункты в стране.

Так в самый последний момент был расстроен план Германии поднять восстание в Ираке и без большого труда овладеть этим обширным районом.

Глава пятнадцатая

КРИТ. ПРИБЫТИЕ

Стратегическое значение Крита во всех наших средиземноморских делах уже было доказано и доводами, и событиями. Английские военные корабли, базирующиеся на залив Суда или имеющие возможность пополнять там запас топлива, могли бы хорошо защищать Мальту, что имело бы исключительно важное значение. Будь наша база на Крите хорошо защищена от воздушных налетов, сразу сказалось бы все наше превосходство на море, которое позволило бы отразить любое нападение с моря. Но всего в 100 милях находилась итальянская крепость Родос с ее обширными аэродромами и прекрасными сооружениями. Захват и оккупация Родоса были нашей целью с начала года, и из Англии для операций против Родоса или

в заливе Суда — в зависимости от обстоятельств — была послана передвижная военно-морская база, замечательное соединение численностью в 5300 человек, прекрасно обученных и подобранных. Кроме того, в этот район, обогнув мыс Доброй Надежды, прибыл во главе с полковником Лейкоком отряд «коммандос» численностью более 2 тысяч человек, который вместе с сформировавшейся в Египте английской 6-й дивизией мог составить ударную силу, способную захватить Родос. События вынудили нас отложить эту операцию, а пока что появление на Родосе германской авиации сделало бы Крит весьма уязвимым. Передвижная военно-морская база, вместо того чтобы помочь захватить и удерживать Родос или строить и укомплектовывать оборонительные сооружения в заливе Суда, находилась на всякий случай в Александрии.

На самом Крите все шло ни шатко ни валко. Читатель видел, что я неоднократно предписывал укрепить залив Суда. Я даже употребил в отношении его выражение «второй Скапа-Флоу». Остров находился в нашем владении почти шесть месяцев, но снабдить гавань более мощными зенитными орудиями можно было бы лишь в ущерб удовлетворению других, еще более неотложных нужд. Командование на Среднем Востоке не смогло также изыскать на месте или где-либо еще рабочую силу для расширения аэродромов. Не могло быть и речи о том, чтобы послать на Крит крупный гарнизон или разместить на его аэродромах сильную авиацию, пока Греция еще находилась в руках союзников.

Однако все должно было находиться в состоянии готовности для принятия подкреплений в случае, если бы они оказались в наличии и если бы в этом возникла необходимость. При этом не существовало какого-либо плана и не было проявлено настойчивости. За шесть месяцев сменилось подряд шесть командующих. Средневосточному командованию следовало бы тщательнее изучить условия, в которых Крит можно было защитить от нападения с воздуха или с моря. Не была предусмотрена необходимость создать на южной стороне острова, в Сфакионе или Тимбакионе, если не гавань, то по меньшей мере места высадки и построить оттуда дорогу к заливу Суда и аэродромам, что позволило бы посылать на западное побережье Крита подкрепления из Египта. Ответственность за плохое изучение проблемы и за слабое выполнение данных указаний следует разделить между Каиром и Уайтхоллом.

Только после катастроф в Киренаике, на Крите и в Пустыне я осознал, какой перегруженной и непрочной была организация генерала Уэйвелла. Уэйвелл старался изо всех сил, но штабной аппарат, находившийся в его распоряжении, был слишком слаб, чтобы позволить ему справиться с массой дел, взваленных на него одновременно четырьмя или пятью кампаниями.

* * *

С завоеванием немцами Греции Крит стал последним оплотом греческого короля и правительства и важным пунктом сосредоточения эвакуированных войск. Мы могли быть уверены, что взоры немцев обращены на него. Нам он казался важнейшим аванпостом Египта и Мальты. Даже в этом водовороте неудач и крушений, в котором мы сейчас барахтались, между властями в метрополии и на месте не было никаких разногласий относительно необходимости удержать Крит. «Я полагаю, — телеграфировал Уайвелл 16 апреля, — что Крит будет удержан». И на следующий день: «Мы готовимся эвакуировать (Грецию) и удержать Крит».

* * *

Мы давно уже знали о стараниях Геринга создать мощные силы, способные провести крупный авиационный десант. Это импонировало горячей и фанатичной нацистской молодежи Германии. Германская парашютная дивизия была отборной частью, которую мы учитывали в своих планах обороны метрополии против вторжения. Однако любые планы вторжения требуют по меньшей мере временного господства в воздухе в дневное время. Во время наступления на Англию немцы этого не добились. Другое дело было на Крите. Большое и, как казалось, прочное превосходство в воздухе на Балканах и над Эгейским морем было теперь главным оружием противника.

Никогда за все время войны наша разведка не была так верно и точно осведомлена. Германские штабы в порыве ликования и сумятицы, охватившей их после захвата Афин, не соблюдали обычной секретности, а наши агенты в Греции действовали активно и отважно. В последнюю неделю апреля мы получили из заслуживающих доверия источников точную информацию о предстоящем ударе немцев. От настороженных ушей и глаз нельзя было скрыть передвижения германского 11-го авиакорпуса и охватившего его возбуждения, а также лихорадочного накапливания в греческих гаванях небольших судов.

Все указывало на предстоящее нападение на Крит с воздуха и с моря. Ни при одной операции я не затрачивал лично столько труда, чтобы изучить и взвесить факты или чтобы добиться понимания главнокомандующими и местным командованием размаха предстоящего наступления.

28 апреля наше Объединенное разведывательное управление в Лондоне представило свою оценку масштаба и характера замыслов врага против Крита. В этой оценке управление вы-

разило уверенность, что в самое ближайшее время на Крите будут одновременно высажены авиационный и морской десанты. Управление полагало, что противник может собрать на Балканах для всех целей 315 бомбардировщиков дальнего действия, 60 двухмоторных истребителей, 240 пикирующих бомбардировщиков и 270 одномоторных истребителей; что он может сбросить во время первого вылета 3—4 тысячи парашютистов или авиадесантников и что он в состоянии производить 2—3 вылета в день из Греции и 3—4 с Родоса, всякий раз в сопровождении истребителей. Высадке авиационного и морского десантов будут предшествовать налеты тяжелых бомбардировщиков, а в войсках или судах для морского десанта не будет недостатка.

Об этом было немедленно передано по телеграфу в каирский штаб.

Я предложил начальнику имперского генерального штаба поставить во главе командования войсками на Крите генерала Фрейберга, а начальник штаба предложил это Уэйвеллу, который немедленно дал свое согласие.

Фрейберг и Уэйвелл не питали никаких иллюзий.

Генерал Фрейберг — генералу Уэйвеллу 1 мая 1941 года

«Сил, находящихся в моем распоряжении, совершенно недостаточно, чтобы отразить предполагаемое нападение. Если только число истребителей не будет значительно увеличено и если не будут выделены военно-морские силы для борьбы с морским десантом, я не смогу надеяться удержаться с помощью одних только сухопутных войск, которые в результате кампании в Греции лишены сейчас всякой артиллерии, не имеют достаточно шанцевого инструмента, располагают очень небольшим количеством транспортных средств и недостаточными запасами военного снаряжения и боеприпасов. Войска, находящиеся здесь, могут и будут сражаться, но без всемерной поддержки со стороны флота и авиации они не могут надеяться отразить вторжение».

Фрейберг не хотел верить, что нападение с воздуха будет совершено в столь гигантских масштабах. Больше всего он опасался сильного организованного вторжения с моря. Мы же надеялись, что флот помешает этому, невзирая на слабость нашей авиации.

Генерал Фрейберг — премьер-министру, Англия

5 мая 1941 года

«Я нисколько не тревожусь насчет авиадесанта. Я принял свои меры и считаю, что смогу справиться с положением си-

лами, которые имеются в моем распоряжении. Совсем другое дело — сочетание атаки с моря и с воздуха. Если это произойдет прежде, чем я получу орудия и транспортные средства, положение будет трудным. Но я надеюсь, что даже и в этом случае все будет хорошо, если только флот сумеет прийти на помощь.

Когда мы получим снаряжение и транспорт и будем располагать некоторым дополнительным количеством истребителей, Крит можно будет удержать. Пока же в течение некоторого периода мы будем уязвимыми».

* * *

Географическое положение Крита осложняло проблему его обороны. Там была лишь одна дорога, идущая вдоль северного побережья, и на нее были нанизаны, как на нитку, все уязвимые пункты острова. Каждый из этих пунктов должен был сам обеспечивать себя всем необходимым.

Стоило врагу перерезать эту дорогу и прочно удерживать ее, как уже не могло быть никакого общего резерва, который можно было бы перебросить к угрожаемому пункту. С южного побережья к северному, от Сфакиона и Тимбакиона, вели лишь тропы, непроходимые для автотранспорта. Когда руководящие круги остро осознали грозящую опасность, были сделаны энергичные попытки доставить на остров подкрепления и вооружение, особенно артиллерию, но было уже слишком поздно. В течение второй недели мая германская авиация, действуя со своих баз в Греции и на островах Эгейского моря, установила, по существу, дневную блокаду Крита и наносила урон всем судам, особенно на северной стороне, где находились все гавани. Из 27 тысяч тонн жизненно важного вооружения, посланного на Крит в первые три недели мая, удалось выгрузить менее 3 тысяч тонн. Остальное пришлось вернуть обратно, причем было потеряно свыше 3 тысяч тонн. Наша противовоздушная оборона располагала 16 тяжелыми зенитными орудиями (калибр 3,7 дюйма), 36 легкими зенитными пушками («Бофорс») и 24 прожекторами. Там было только 9 частично уже изношенных пехотных танков, распределенных по аэродромам, и 16 легких танков. 9 мая прибыла часть передвижной военно-морской базы, в том числе тяжелая и легкая зенитная батареи, которые были размещены для лучшей защиты залива Суда. Всего на Крите высадилось около 2 тысяч солдат и офицеров этого отряда, и свыше 3 тысяч было задержано в Египте, хотя они и могли бы попасть на остров. 6 тысяч итальянских военнопленных были дополнительной обузой для обороны.

Наши оборонительные силы были распределены в основном таким образом, чтобы обеспечить защиту посадочных площа-

док. В Гераклионе находились 2 английских и 3 греческих батальона; в районе Ретимнона — австралийская 19-я бригада и 6 греческих батальонов; поблизости от Суды — 2 австралийских и 2 греческих батальона; в Малеме одна новозеландская бригада стояла близ аэродрома, а другая была размещена несколько восточнее. К этим гарнизонам было добавлено несколько стрелковых отрядов, состоявших из сводных частей, в которые вошли солдаты, эвакуированные из Греции. Греческие батальоны были малочисленны, вооружены винтовками разных систем и плохо обеспечены боеприпасами. Общая численность имперских войск, принимавших участие в обороне, составляла около 28 600 человек.

Но, конечно, только слабость нашей авиации сделала возможным нападение немцев. В начале мая силы английской авиации состояли из 12 «бленхеймов», 6 «харрикейнов», 12 «гледзиэтеров» и 6 «фулмаров» и «брюкстеров», принадлежавших авиации военно-морского флота, из которых лишь половина была исправной. Эти силы были распределены между посадочной площадкой в Ретимноне, аэродромом в Малеме, годным только для истребителей, и аэродромом в Гераклионе, который мог принимать самолеты всех типов. Это была капля в море по сравнению с колоссальными воздушными силами, которые вот-вот должны были обрушиться на остров. Все причастные к этому лица хорошо понимали нашу слабость в воздухе, и 19 мая, за день до нападения, все оставшиеся самолеты были вывезены в Египет. Военный кабинет, начальники штабов и главнокомандующие вооруженными силами на Среднем Востоке понимали, что они должны выбирать между борьбой в этих крайне неблагоприятных условиях и спешной эвакуацией острова, которая была еще возможна в первых числах мая. Но между нами не было расхождений во мнении относительно необходимости принять бой, и когда теперь, оглядываясь назад, мы видим, как близки мы были к победе, несмотря на все наши нехватки, и к каким далеко идущим положительным последствиям привело даже наше поражение, мы должны быть очень довольны тем риском, на который мы пошли, и ценой, которую мы уплатили.

* * *

Мы можем теперь изложить германский план нападения, который мы узнали после войны. Осуществление его было поручено 11-му авиационному корпусу, состоявшему из 7-й авиадивизии и 5-й горной дивизии, с 6-й горной дивизией в качестве поддерживающей части. Почти 16 тысяч человек, главным образом парашютистов, предполагалось перебросить по воздуху и 7 тысяч — по морю. Дополнительную поддержку

должен был оказать 8-й авиационный корпус. В распоряжение этих сил было предоставлено следующее количество самолетов: бомбардировщиков — 280, пикирующих бомбардировщиков — 150, истребителей («Мессершмитт-109» и «Мессершмитт-110») — 180, разведывательных самолетов — 40, планеров — 100, «Юнкерс-52» (транспортных самолетов) — 530. Всего — 1280 самолетов.

Морской десант и большое количество материалов предполагалось доставить двумя караванами греческих каюков¹. Они не имели никакой защиты, кроме той, которую оказывала им германская авиация.

Воздушной атаке должны были подвергнуться три района: на востоке — Гераклион, в центре — Ретимнон, Суда, Ханья и, конечно, на западе, самый важный объект — Малеме. Непосредственной подготовкой к нападению служила массированная бомбардировка в течение часа наземных и противовоздушных оборонительных сооружений бомбами весом до тысячи фунтов. За этим должно было последовать прибытие передовых частей на планерах и (или) парашютные десанты. За ними в свою очередь должны были прибыть подкрепления на транспортных самолетах. Для успеха всего плана важнейшее значение имел захват аэродрома в Малеме. Простая высадка парашютных войск на местности в нескольких милях от аэродрома не дала бы транспортным самолетам возможности высаживать 6-ю горную дивизию группами по 40—50 человек, а затем возвращаться за новыми партиями. Немецкой авиации необходимо было полностью и беспрепятственно овладеть аэродромом не только для посадки, но и для взлета. Только при условии повторных рейсов они могли доставить то количество войск, которое являлось основой всей их воздушно-десантной операции.

Глава шестнадцатая

КРИТ. БИТВА

Битва за Крит была во многих отношениях исключительной. Ничего подобного ей в прошлом не видывали. Это было первое в анналах войны крупное нападение авиадесантных войск. Германский авиационный корпус представлял самую активную часть гитлеровского молодежного движения и был олицетворением тевтонского духа реванша за поражение 1918 года. В этих храбрых, прекрасно обученных и абсолютно преданных нацистских парашютных войсках был представлен цвет мужского населения Германии. Они были полны страстной ре-

¹ Тип шхуны, обычно моторной. — *Примеч. авт.*

шимости принести свою жизнь на алтарь славы и мирового господства Германии. Им суждено было столкнуться с гордыми солдатами, многие из которых прибыли с другого конца земного шара, чтобы сражаться в качестве добровольцев за родину и за то, что они считали делом свободы и справедливости.

* * *

Битва началась утром 20 мая. Никогда еще немцы не предпринимали более отчаянной и яростной атаки. Их первой и главной целью был аэродром в Малеме. В течение часа окружающие позиции подвергались сильнейшей бомбардировке и пулеметному обстрелу, когда-либо производившимся с воздуха. Основная часть нашей зенитной артиллерии была фактически сразу же выведена из строя. Еще до окончания бомбардировки западнее аэродрома начали приземляться планеры. В 8 часов утра в районе между Малеме и Ханьей с высоты от 300 до 600 футов было сброшено много парашютистов. Утром и днем были брошены в бой два германских полка, по четыре батальона каждый, доставленные самолетами, которые прибывали непрерывным потоком, невзирая ни на какие потери в живой силе и самолетах. На аэродроме и поблизости от него они натолкнулись на решительное сопротивление батальона новозеландской 5-й бригады, а остальная часть бригады вела бои восточнее. Всюду, где были замечены наши войска, они подвергались ожесточенной бомбардировке. Противник в огромном количестве сбрасывал бомбы весом в 500 и даже 1000 фунтов. Днем никакие контратаки не были возможны. Контратака, предпринятая при поддержке всего двух пехотных танков, оказалась неудачной. Планеры и транспортные самолеты приземлялись или разбивались на побережье, в кустарнике или на охваченном огнем аэродроме. Всего в первый день вокруг Малеме и Ханьи и между ними высадилось свыше 5 тысяч немцев. Они понесли очень тяжелые потери от огня и в яростном рукопашном бою с новозеландцами. В обороняемом нами районе были выведены из строя фактически все приземлившиеся немцы, большинство их было убито. К концу дня аэродром все еще находился в наших руках, но в этот вечер остатки батальона отступили. Две роты, посланные на подмогу, прибыли слишком поздно, чтобы отбить аэродром, который, однако, еще обстреливался нашей артиллерией.

В это утро Ретимнон и Гераклион подверглись сильной бомбардировке, за которой последовали днем парашютные десанты, состоявшие соответственно из двух и четырех батальонов. Завязались тяжелые бои, но к ночи мы по-прежнему прочно удерживали оба аэродрома. В Ретимноне и Гераклионе были высажены десанты меньших размеров и развернулись упорные бои, в ходе которых немцы понесли тяжелые потери. Таким

образом, результаты первого дня боев были вполне удовлетворительными, если не считать Малеме; но повсюду действовали сейчас хорошо вооруженные отряды немцев. Сила атаки далеко превзошла все ожидания английского командования, а ожесточенность нашего сопротивления поразила противника.

Штурм продолжался и на второй день, когда вновь появились транспортные самолеты. Хотя наша артиллерия и минометы все еще держали под сосредоточенным огнем аэродром в Малеме, на нем и на неровной местности западнее продолжали приземляться транспортные самолеты. Германское верховное командование, видимо, безразлично относилось к потерям, и в этом районе разбилось при посадке по меньшей мере 100 самолетов. Тем не менее накапливание сил продолжалось. В эту ночь контратакующие достигли края аэродрома, но на рассвете вновь появились германские самолеты, и захваченные позиции не удалось удержать.

На третий день Малеме уже использовался противником как действующий аэродром. Транспортные самолеты продолжали прибывать. Еще более важным был тот факт, что они могли возвращаться за подкреплениями. По общим подсчетам, в эти и последующие дни на аэродроме приземлилось или более или менее удачно упало более 600 транспортных самолетов с войсками. Под усиливающимся нажимом этих растущих сил пришлось в конце концов отказаться от плана крупного контрнаступления, и новозеландская 5-я бригада постепенно отошла от Малеме почти на 10 миль. В Ханье и Суде перемен не было, а в Ретимноне мы прочно контролировали положение. В Гераклионе противник высаживался к востоку от аэродрома и начал все прочнее закрепляться там. После атак 20 мая германское верховное командование оставило в стороне Ретимнон и Гераклион и сосредоточило свое внимание главным образом на районе залива Суда.

* * *

20 мая, после того как авиаразведка донесла о появлении шхун в Эгейском море, адмирал Кэннингхэм послал в район к северо-западу от Крита отряд легких кораблей. Он состоял из крейсеров «Найяд» и «Перт» и эсминцев «Кандахар», «Ньюбиен», «Кингстон» и «Джюно» и находился под командованием контр-адмирала Кинга.

Мощное соединение под командованием контр-адмирала Роулингса, состоявшее из линкоров «Уорспайт» и «Вэлиант», прикрываемых восемью эсминцами, расположилось к западу от Крита, ожидая появления итальянского флота. В течение всего дня 21 мая наши корабли подвергались сильным атакам с воздуха. Эсминец «Джюно» получил попадание и затонул в

две минуты, причем было много жертв. Крейсера «Аякс» и «Орион» также были повреждены, но остались в строю.

В эту ночь наши утомленные войска увидели на севере вспышки огня на горизонте и поняли, что это действует наш морской флот.

Первый немецкий караван с десантными войсками вышел на выполнение своего отчаянного задания. Во второй половине дня были замечены группы небольших судов, приближавшиеся к Криту, и адмирал Кэннингхэм приказал своим легким кораблям выйти в Эгейское море, чтобы помешать высадке противника под покровом темноты. В 11 часов 30 минут вечера в 18 милях севернее Ханьи контр-адмирал Гленни с крейсерами «Дидо», «Орион» и «Аякс» и четырьмя эсминцами перехватил немецкий караван с войсками, состоявший преимущественно из шхун, сопровождаемых торпедными катерами. В течение двух с половиной часов английские корабли преследовали свою добычу, потопив не менее дюжины шхун и три парохода с германскими солдатами на борту. Считают, что в ту ночь утонуло около четырех тысяч человек.

* * *

Тем временем контр-адмирал Кинг с крейсерами «Найяд», «Перт», «Калькутта» и «Карлейл» и тремя эсминцами провел ночь 21-го, патрулируя воды у Гераклиона, а с рассветом 22 мая начал двигаться на север. Уничтожив одинокую шхуну с войсками, эскадра к 10 часам утра стала приближаться к острову Мелос. Через несколько минут на севере был замечен вражеский эсминец и пять небольших судов, с которыми был немедленно завязан бой. Затем появился другой эсминец, поднявший дымовую завесу, за которой скрывалось много шхун: мы перехватили еще один крупный караван судов, битком набитых солдатами. Наша авиаразведка донесла об этом адмиралу Кэннингхэму; но понадобилось больше часа, чтобы передать эти сведения контр-адмиралу Кингу.

С самого рассвета его корабли подвергались непрерывным воздушным атакам, и хотя до сих пор ни один из них не получил повреждения, у всех были на исходе боеприпасы для зенитных орудий. Общая скорость эскадры также уменьшилась, поскольку «Карлейл» мог идти со скоростью, не превышающей 21 узел. Контр-адмирал, не вполне сознавая, какая добыча находится чуть ли не у него в руках, решил, что двигаться дальше на север значило бы поставить под угрозу весь отряд, и приказал отойти на запад. Как только главнокомандующий прочитал этот сигнал, он послал следующий приказ:

«Держитесь. Поддерживайте связь визуальной сигнализацией. Нельзя бросать армию на Крите на произвол судьбы.

Необходимо не допустить высадки на Крите ни одного морского десанта».

Теперь было уже слишком поздно уничтожать караван, который повернул вспять и рассеялся по всем направлениям между многочисленными островами. Таким образом, самое меньшее пять тысяч немецких солдат избежало участи своих товарищей. Дерзость германского командования, пославшего эти фактически беззащитные караваны с войсками через воды, где немцы не имели господства ни на море, ни в воздухе, показывает, что могло бы произойти в гигантском масштабе в сентябре 1940 года на Северном море и в Ла-Манше. Это говорит о непонимании немцами того, что означает морское могущество в борьбе против сил вторжения, а также о том, какую цену человеческими жизнями приходится платить за такого рода неведение.

* * *

Отход контр-адмирала не спас его эскадру от атак авиации. Во время отступления он, вероятно, понес такие же потери, какие мог бы понести при уничтожении каравана. В течение трех с половиной часов его корабли подвергались непрерывной бомбардировке. Его флагманский корабль «Найяд», а также «Карлейл», командир которого капитан 1 ранга Гэмптон был убит, получили повреждения.

В 1 час 10 минут дня они были встречены линкорами «Уорспайт» и «Вэлиант» с крейсерами «Глостер» и «Фиджи» и семью эсминцами под командованием контр-адмирала Роулингса, которые спешили им на помощь с запада через пролив Китира. Почти в самый момент прибытия в «Уорспайт» попала бомба, повредившая башни 4- и 6-дюймовых орудий на правом борту. Это уменьшило его скорость, и, поскольку противнику удалось ускользнуть, объединенные английские эскадры отошли в юго-западном направлении. Полный непреклонной решимости уничтожить любой ценой все морские десанты, адмирал Кэннингхэм бросил на чашу весов все. Ясно, что на протяжении всех этих операций он без колебаний рисковал ради этой цели не только своими ценными кораблями, но и всем господством в восточной части Средиземного моря. Его поведение в этом вопросе было горячо одобрено военно-морским министерством. В этой тяжелой борьбе не только германское командование делало высшие ставки.

* * *

22 и 23 мая были тяжелыми днями для флота. Эсминец «Грейхаунд» из эскадры контр-адмирала Роулингса получил

попадание и затонул. Старший офицер объединившихся теперь сил контр-адмирал Кинг приказал двум другим эсминцам подобрать уцелевших, а крейсерам «Глостер» и «Фиджи» прикрывать эсминцы от непрерывных воздушных атак, становившихся все более интенсивными. Это задержало весь флот и значительно затянуло тот промежуток времени, в течение которого он подвергался воздушным атакам. 22 мая в 2 часа 57 минут дня контр-адмирал Кинг, узнав, что боеприпасы для зенитных орудий на исходе, приказал двум крейсерам отойти в любом желаемом направлении. В 3 часа 30 минут дня были получены сообщения, что «Глостер» и «Фиджи» под сильными ударами авиации догоняют на большой скорости остальной флот. 20 минут спустя пораженный несколькими бомбами «Глостер», охваченный огнем и с разрушенной верхней палубой, окончательно остановился. «Фиджи» не оставалось ничего другого, как покинуть «Глостер». Потеряв связь с флотом и почти исчерпав запасы топлива, он в сопровождении двух своих эсминцев направился к Александрии.

Через три часа, выдержав почти 20 атак соединений бомбардировщиков и расстреляв все снаряды своих тяжелых зенитных орудий, он пал жертвой «Мессершмитта-109», который незаметно приблизился под покровом облаков. Раздался сильный взрыв. Корабль накренился, но все еще делал 17 узлов, пока не началась новая атака и в него не попали еще три бомбы. В 8 часов 15 минут вечера он опрокинулся и затонул, но 523 человека из 780 членов его команды были подобраны двумя эсминцами, которые вернулись с наступлением темноты.

В течение ночи адмирал Кэннингхэм узнал об общем положении и о гибели «Глостера» и «Фиджи». Вследствие канцелярской ошибки, допущенной в распределительном пункте службы связи военно-морского флота в Александрии, ему показалось, что не только эти крейсера, но и линкоры израсходовали почти все свои боеприпасы к зенитным орудиям. Поэтому в 4 часа дня он приказал всем силам отойти на восток. В действительности же у линкоров было много боеприпасов, и позже адмирал Кэннингхэм заявил, что, зная об этом, он не отозвал бы их. Их присутствие на следующее утро, возможно, предотвратило бы другую катастрофу, о которой сейчас нужно рассказать.

На заре 23 мая «Келли» и «Кэшмир» полным ходом огибали Крит с запада. В 7 часов 55 минут, выдержав уже две сильные воздушные атаки, они были перехвачены соединением в составе 24 пикирующих бомбардировщиков. Оба корабля были быстро потоплены, и вместе с ними погибли 210 человек. К счастью, поблизости находился эсминец «Киплинг», который, несмотря на непрерывную бомбардировку, подобрал 279 офицеров и матросов, в том числе лорда Луиса Маунтбэттена,

не получив при этом и царапины. На следующее утро, находясь еще в 50 милях от Александрии и нагруженный до отказа, он исчерпал все свои запасы топлива, но был встречен и благополучно прибуксирован в порт.

* * *

Таким образом, в боях 22 и 23 мая флот потерял два крейсера и три эсминца, один линкор — «Уорспайт» — был надолго выведен из строя, а «Вэлиант» и многие другие корабли получили значительные повреждения. Тем не менее морская охрана Крита продолжалась. Флот не подвел. До конца битвы за остров ни один немец не высадился на Крите с моря.

* * *

На четвертый день сухопутных боев генерал Фрейберг образовал новую линию в секторе Малеме, Ханья. Беспрепятственное пользование аэродромом позволяло немцам непрерывно увеличивать свои силы. 26 мая было решающим днем. Наши войска, потесненные в окрестностях Кании, в течение шести дней испытывали непрерывно растущее давление. Наконец они не выдержали. Фронт со стороны суши был прорван, и противник достиг залива Суда. Связь со штабом Фрейберга была нарушена, и отступление на юг через остров к Сфакиону началось в соответствии с указаниями представителя командования. Поздно ночью было принято решение оставить Крит. Переход через горы происходил в беспорядке. К счастью, 26 мая ночью минный заградитель «Эбдиел» высадил два отряда «коммандос», насчитывавшие около 750 человек, под командованием полковника Лейкока. Эти сравнительно свежие силы вместе с остатками новозеландской 5-й бригады и австралийских 7-го и 8-го батальонов вели ожесточенные арьергардные бои, которые позволили почти всем еще уцелевшим войскам, сражавшимся в районе Суда, Ханья, Малеме, добраться до южного побережья.

Позиции в Ретимоне прочно удерживались, хотя войска были полностью окружены со стороны суши, а продовольствие и боеприпасы были на исходе. Кое-какое довольствие было доставлено им моторными катерами, но приказы пробиваться к южному побережью не могли достичь их. Противник неуклонно приближался, и 30 мая, исчерпав все запасы продовольствия и истребив по меньшей мере 300 немцев, оставшиеся в живых сдались. Около 140 человек сумело ускользнуть.

В Гераклионе силы немцев к востоку от аэродрома возрастали с каждым днем. Гарнизон был усилен подразделениями

Хайлендерского полка, которые высадились в Тимбакионе и пробились на соединение с гарнизоном. Теперь на выручку как раз вовремя подоспели корабли военно-морского флота.

* * *

Перед нами снова встала горькая и печальная задача эвакуации, сопряженной с неизбежными тяжелыми потерями. Потрепанный, переутомленный флот должен был погрузить на корабли около 99 тысяч человек, главным образом с открытого побережья в Сфакионе, и перевезти их на расстояние 350 миль в условиях господства вражеской авиации. Английские военно-воздушные силы, базирующиеся в Египте, сделали все возможное с тем небольшим количеством самолетов, которые обладали необходимым радиусом действия. Главным объектом был удерживаемый противником Малемский аэродром, который несколько раз бомбили ночью и днем. Эти операции, возлагая тяжелую нагрузку на экипажи самолетов, в то же время в силу своего небольшого масштаба не могли дать ощутимого эффекта. Маршал авиации Теддер обещал обеспечить кораблям некоторое прикрытие истребителями, но предупредил, что оно будет слабым и нерегулярным. Сфакион — небольшой рыбацкий поселок на южном побережье — лежит у подножия крутого утеса высотой 500 футов, через который ведет лишь обрывистая козья тропа. Солдатам приходилось прятаться у края утеса, пока их не вызывали на посадку. Вечером 28 мая прибыли четыре эсминца под командованием капитана 1 ранга Арлисса, которые взяли на борт 700 человек, а также привезли продукты для очень большого числа людей, собравшихся теперь на берегу. На обратном пути их прикрывали истребители, и лишь одному из эсминцев было причинено незначительное повреждение. По меньшей мере 15 тысяч человек скрывались в холмистой местности близ Сфакиона, а арьергард Фрейберга вел непрерывные бои.

Экспедицию контр-адмирала Роулингса, который с крейсерами «Орион», «Аякс» и «Дидо» и шестью эсминцами пришел на выручку гарнизону Гераклиона, ожидала трагедия. С 5 часов вечера и до наступления темноты его соединение подвергалось сильнейшим воздушным атакам с о-ва Скарпанто. В «Аякс» и эсминец «Импириал» едва не попали бомбы, и первый был вынужден вернуться. Прибыв в Гераклион около полуночи, эсминцы переправили войска на крейсера, ожидавшие за пределами гавани. К 3 часам 20 минутам утра работа была закончена. Было взято на борт корабля 4 тысячи человек, и начался обратный рейс. Спустя полчаса внезапно отказало рулевое управление поврежденного «Импириала», и едва удалось избежать столкновения с крейсерами. Все соединение нужно

было увести до рассвета как можно дальше на юг. Тем не менее контр-адмирал Роулинг решил приказать эсминцу «Хотспер» вернуться, снять с «Импириала» все войска и экипаж и потопить эсминец. Сам он уменьшил скорость эскадры до 15 узлов, и «Хотспер» с 900 солдатами на борту присоединился к нему перед самым рассветом. Теперь адмирал запаздывал на полтора часа против своего расписания и лишь с восходом солнца повернул на юг, чтобы пройти пролив Казо. Для защиты кораблей были выделены истребители, но отчасти из-за изменения во времени самолеты не нашли эскадру. Бомбардировка, которой опасались, началась в 6 часов утра и продолжалась до 3 часов дня, когда эскадра была уже в ста милях от Александрии.

Когда в 8 часов вечера 29 мая эскадра достигла Александрии, оказалось, что одна пятая часть гарнизона, спасенного из Гераклиона, была убита, ранена или захвачена в плен.

* * *

После событий 29 мая генералу Уэйвеллу и его коллегам предстояло принять решение, в какой мере следует продолжать усилия по эвакуации наших войск с Крита. Армия находилась в смертельной опасности, авиации мало что могла сделать, и вся задача снова падала на долю измотанного и истерзанного бомбардировками флота. Для адмирала Кэннингхэма покинуть армию в столь критический момент значило нарушить все традиции. Он заявил: «Флоту нужно три года, чтобы построить новый корабль. Чтобы создать новую традицию, понадобится триста лет. Эвакуация (то есть спасение) будет продолжаться». Но решение продолжать ее было принято скрепя сердце и лишь после консультации с военно-морским министерством и генералом Уэйвеллом. К утру 29 мая было вывезено почти пять тысяч человек, но очень много солдат скрывалось на всех подступах к Сфакиону. Они подвергались ожесточенной бомбардировке, особенно днем. Решение пойти на риск новых неограниченных потерь корабельного состава было оправданно не только в силу обусловивших его побуждений, но и достигнутыми результатами.

Вечером 28 мая контр-адмирал Кинг направился к Сфакиону вместе с кораблями «Феб», «Перт», «Калькутта», «Ковентри», штурмовым судном «Гленгайл» и тремя эсминцами. Ночью 29 мая в Сфакионе было погружено без помех около шести тысяч человек. Большую помощь в этом деле оказали десантные лодки «Гленгайла». К 3 часам 20 минутам утра все соединение вышло в обратный путь и, несмотря на три атаки, которым оно подверглось 30 мая, благополучно достигло Александрии. Утром 30 мая капитан 1 ранга Арлисс снова отплыл

к Сфакиону с четырьмя эсминцами. Двум из них пришлось вернуться, но он продолжал путь с «Нэпиром» и «Низамом» (эсминцем, подаренным нам князем и народом Хайдарабада) и успешно погрузил свыше 1500 человек. На обратном пути оба корабля были повреждены, но благополучно достигли Александрии. Греческий король, подвергшийся множеству опасностей, был благополучно вывезен вместе с английским посланником несколькими днями ранее. В эту ночь по распоряжению главнокомандующего был также эвакуирован на самолете генерал Фрейберг.

30 мая было приказано предпринять последнюю попытку вывезти оставшиеся войска. Предполагалось, что в Сфакионе оставалось не больше трех тысяч человек, но позднейшая информация показала, что их там было вдвое больше. Утром 31 мая контр-адмирал Кинг снова вышел в море с «Фебом», «Эбдиелом» и тремя эсминцами. Они не могли надеяться вывезти всех, но адмирал Кэннингхэм приказал нагрузить корабли до отказа. В то же время военно-морскому министерству было сообщено, что это будет последняя ночь эвакуации. Посадка прошла хорошо, и 1 июня, в 3 часа утра, корабли снова отплыли в Александрию, имея на борту свыше четырех тысяч солдат. Крейсер «Калькутта», посланный на помощь им, подвергся бомбардировке и затонул в 100 милях от Александрии.

На Крите оставалось свыше пяти тысяч солдат английских и имперских войск, и генерал Уэйвелл разрешил им капитулировать. Многие, однако, рассеялись по гористому острову, достигающему в длину 160 миль. Им и греческим солдатам помогали крестьяне, с которыми беспощадно расправлялись, если это обнаруживалось. Ни в чем не повинные храбрые крестьяне подверглись жестоким репрессиям. Их расстреливали группами по 20—30 человек. По этой причине три года спустя, в 1944 году, я предложил высшему военному совету, чтобы за местные преступления судили на месте и чтобы обвиняемых отсылали для суда туда, где совершено преступление. Этот принцип был принят, и несколько крупных долгов было уплачено.

* * *

16 500 человек были благополучно доставлены в Египет. Это были почти целиком имперские и английские войска. Еще примерно тысяче человек помогли впоследствии бежать отряды «коммандос», предпринявшие несколько рейдов. Наши потери убитыми, ранеными и пленными составили около 13 тысяч. Сюда следует добавить почти 2 тысячи потерь во флоте. После войны в районе Малеме и залива Суда насчитали свыше 4 тысяч немецких могил и еще тысячу — в Ретимноне и Ге-

раклионе. Кроме того, очень большое, но неизвестное число немцев утонуло в море или умерло впоследствии от ран в Греции. Всего противник, должно быть, потерял убитыми и ранеными свыше 15 тысяч человек. Около 170 транспортных самолетов было уничтожено или сильно повреждено. Однако цена, которую противник заплатил за свою победу, не может быть измерена кровопролитием.

* * *

Битва за Крит служит примером того, к каким решающим результатам могут привести упорные бои сами по себе, независимо от маневрирования для занятия стратегических позиций.

7-я авиадесантная дивизия была единственной, которой располагал Геринг. Эта дивизия была уничтожена в битве за Крит. Около 5 тысяч ее самых храбрых бойцов было убито, а вся структура этой организации непоправимо сломана.

Потери немцами первоклассных солдат лишила грозные воздушные силы и парашютные войска всякой возможности играть в ближайшее время какую-нибудь роль в событиях на Среднем Востоке. Геринг одержал на Крите лишь пиррову победу, ибо силы, которые он израсходовал там, легко могли бы обеспечить ему захват Кипра, Ирака, Сирии и, может быть, даже Персии. Такие именно войска и были нужны для захвата обширных неустойчивых районов, где они не встретили бы никакого серьезного сопротивления. С его стороны было глупо пренебречь этими почти неизмеримыми возможностями и погубить незаменимые войска в смертельной, зачастую рукопашной схватке с воинами Британской империи.

В германском сообщении о допросе наших военнопленных имеется следующее замечание, которое я позволю себе процитировать из благодарности к неизвестным друзьям:

«Что касается духа и морального состояния английских войск, то стоит упомянуть, что, несмотря на множество неудач в ведении войны, вера в Черчилля остается, как правило, непоколебимой».

* * *

Наши потери в бою и во время эвакуации Крита серьезно отразились (по крайней мере, на бумаге) на положении в Средиземном море. Битва у Матапана 28 марта загнала на время итальянский флот в его гавани. Но теперь наш флот понес новые тяжелые потери. На следующий день после эвакуации Крита адмирал Кэннингхэм имел в состоянии боевой готовности только 2 линкора, 3 крейсера и 17 эсминцев. 9 других

крейсеров и эсминцев ремонтировались в Египте, но линкорам «Уорспайт» и «Бархэм» и его единственному авианосцу «Формидебл», а также нескольким другим кораблям пришлось покинуть Александрию для ремонта в другом месте. 3 крейсера и 6 эсминцев погибли. Чтобы восстановить равновесие, нужно было незамедлительно послать подкрепления. Но, как сейчас будет рассказано, нас ожидали новые несчастья. Период, в который мы сейчас вступали, давал итальянцам прекрасный шанс оспаривать наш сомнительный контроль в восточной части Средиземного моря со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы не могли быть уверены, что они не воспользуются этим шансом.

Глава семнадцатая

СУДЬБА «БИСМАРКА»

После крушения Греции, когда положение в Западной пустыне еще не определилось, а отчаянная битва на Крите складывалась далеко не в нашу пользу, на Атлантическом океане произошел эпизод огромной важности.

Нам приходилось вести постоянную борьбу не с одними подводными лодками. Нападения надводных рейдеров уже стоили нам гибели судов водоизмещением свыше 750 тысяч тонн. Два вражеских линейных крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау» и крейсер «Хиппер» стояли в Бресте под охраной мощных зенитных батарей, и никто не мог сказать, когда они вновь начнут нападать на наши торговые суда. К середине мая появились признаки того, что вскоре в бой будет брошен новый линкор «Бисмарк», возможно, в сопровождении нового крейсера «Принц Евгений», вооруженного 8-дюймовыми орудиями. Одновременное появление на просторах Атлантического океана всех этих мощных быстроходных кораблей явилось бы чрезвычайно тяжелым испытанием для наших военно-морских сил. «Бисмарк», имевший восемь 15-дюймовых орудий и построенный в нарушение договорных ограничений, имел самую тяжелую в мире броню по сравнению с любыми действовавшими тогда кораблями. Его водоизмещение почти на 10 тысяч тонн превышало водоизмещение наших новейших линкоров, и он по меньшей мере не уступал им в скорости. «Вы — гордость флота», — заявил Гитлер, посетив линкор в мае.

Для отражения этой нависшей угрозы главнокомандующий военно-морскими силами метрополии адмирал Тови держал в Скапа-Флоу наши новые линкоры «Кинг Джордж V» и «Принс ов Уэлс» и линейный крейсер «Худ». В Гибралтаре находился адмирал Сомервелл с кораблями «Ринаун» и «Арк Ройал». «Ри-

палс» и новый авианосец «Викториес» готовились в этот момент отплыть на Средний Восток с конвоем судов, на борту которых находилось более 20 тысяч человек. «Родней» и «Рэмиллис», которых «Бисмарк» мог бы, вероятно, потопить, встретить он их поодиночке, сопровождали конвой судов в Атлантическом океане, а «Ривендж» готовился к отплытию из Галифакса. Всего в это время находились в море или готовились к отплытию 11 конвоев, включая ценный конвой военных транспортов, прохождение которого было сопряжено со страшным риском гибели людей. Крейсера патрулировали выходы из Северного моря, а бдительная авиаразведка наблюдала за норвежским побережьем.

Рано утром 21 мая мы узнали, что два крупных военных корабля в сопровождении сильного эскорта были замечены при выходе из Каттегата, и в тот же день «Бисмарк» и «Принц Евгений» были опознаны в Бергенском фиорде. Было ясно, что готовится какая-то важная операция, и мгновенно командование нашего атлантического флота развило бурную деятельность. Военно-морское министерство придерживалось разумного и ортодоксального принципа, сосредоточивая свое внимание на рейдерах и рискуя караванами и даже транспортами с войсками. Вскоре после полуночи 22 мая «Худ», «Принс ов Уэлс» и шесть эсминцев покинули Скапа-Флоу, чтобы прикрывать крейсера «Норфолк» и «Саффолк», уже патрулировавшие в утрюмом, покрытом льдами водном пространстве между Гренландией и Исландией, именуемом Датским проливом. Крейсера «Манчестер» и «Бирмингэм» получили приказ охранять пролив между Исландией и Фарерскими островами. «Рипалс» и «Викториес» были предоставлены в распоряжение главнокомандующего, а каравану транспортов с войсками было позволено отплыть из Клайда без всякого прикрытия, кроме конвойных эсминцев.

Четверг 22 мая был днем неуверенности и напряженного ожидания. Небо над Северным морем затянули тучи, шел непрерывный дождь. Невзирая на эти условия, самолет морской авиации из Хэтстона (Оркнейские острова) проник в Бергенский фиорд и, несмотря на открытый по нему сильный огонь, произвел энергичную разведку. Двух вражеских военных кораблей уже не было там! Когда в 8 часов вечера эти известия дошли до адмирала Тови, он тут же вышел на «Кинг Джордж V» в сопровождении «Викториес», четырех крейсеров и семи эсминцев, чтобы занять западнее центральную позицию и поддержать свои патрулирующие крейсера, с какой бы стороны Исландии ни решил пройти противник. «Рипалс» присоединился к нему на следующее утро. Военно-морское министерство считало вероятным, что противник пройдет через Датский пролив. «Бисмарк» и «Принц Евгений» покинули Берген почти сутки назад и находились теперь северо-восточнее

Исландии, направляясь к Датскому проливу. Паковый лед сузил пролив всего до 80 миль, окутанных по большей части густым туманом. К вечеру 23 мая сперва «Саффолк», а затем «Норфолк» заметили два приближавшихся с севера корабля, огибавших при ясной погоде кромку льда. Сигналы «Норфолка» были получены в военно-морском министерстве и немедленно переданы шифром всем заинтересованным. Охота началась. Добыча была на виду, и все наши силы двинулись в соответствующем направлении. Главнокомандующий повернул на запад и увеличил скорость своей эскадры. «Худ» и «Принс ов Уэлс» взяли курс с расчетом перехватить врага на следующее утро к западу от Исландии. Командование флота направило адмирала Сомервелла с соединением «Н» («Ринаун», «Арк Ройал» и крейсер «Шеффилд») полным ходом на север, чтобы защитить караван транспортов с войсками, уже проделавший более половины пути вдоль побережья Ирландии, или принять участие в бою. Корабли адмирала Сомервелла, уже стоявшие под парами, покинули Гибралтар в 2 часа ночи 24 мая. Как оказалось, они везли с собой судьбу «Бисмарка».

* * *

Всю ночь на 24 мая под пронизывающим дождем и снегом «Норфолк» и «Саффолк» весьма искусно выслеживали врага, несмотря на погоду и все его усилия оторваться от них, и всю ночь их сигналы показывали точное местоположение наших и вражеских кораблей. Когда полярные предрассветные сумерки сменились днем, «Бисмарк» можно было видеть в 12 милях южнее. Он держал курс на юг. Вскоре на носовой части левого борта «Норфолка» показался дымок. «Худ» и «Принс ов Уэлс» были в пределах видимости, и смертельная схватка близилась. С рассветом на «Худе» заметили противника в 17 милях к северо-западу. Английские корабли повернули, чтобы завязать бой, и в 5 часов 52 минуты утра «Худ» открыл огонь с дистанции примерно 25 тысяч ярдов. «Бисмарк» ответил, и почти тотчас «Худ» получил попадание, от которого вспыхнул пожар на батарее четырехдюймовых орудий. Огонь распространялся с тревожной быстротой и вскоре охватил всю центральную часть корабля. Все корабли вели сейчас бой в полную силу, и «Бисмарк» также получил попадание. Внезапно произошла катастрофа. В 6 часов, после того как «Бисмарк» дал пятый залп, «Худ» был расколот надвое мощным взрывом. Спустя несколько минут он исчез в волнах, окутанный высоким столбом дыма.

За исключением трех человек, погиб весь его доблестный экипаж, более 1500 человек, в том числе вице-адмирал Ланселот Холланд и капитан 1 ранга Ральф Керр.

«Принс ов Уэлс» быстро изменил курс, чтобы не наткнуться на обломки «Худа», и продолжал борьбу, ставшую теперь неравной. Очень скоро он почувствовал силу огня «Бисмарка». За несколько минут он получил четыре попадания 15-дюймовых снарядов, один из которых разрушил мостик, убив и ранив почти всех находившихся на нем. В то же время корабль получил пробоину в подводной части кормы. Капитан 1 ранга Лич, один из немногих оставшихся в живых на мостике, решил выйти на время из боя и повернул под прикрытием дымовой завесы. Ему удалось причинить повреждение «Бисмарку», который уменьшил скорость. В подводную часть «Бисмарка» угодили два тяжелых снаряда, один из которых пробил нефтяной бак, что вызвало серьезную и непрерывную утечку нефти, имевшую позднее важные последствия. По приказу командира «Бисмарк» продолжал идти на юго-запад, оставляя за кормой заметный нефтяной след.

Командование перешло теперь к контр-адмиралу Уэйк-Уокеру, находившемуся на мостике крейсера «Норфолк». Ему предстояло решить, возобновлять ли немедленно сражение, или идти следом за противником, пока не подоспеет главнокомандующий с линкором «Кинг Джордж V» и авианосцем «Викториес». Решающим фактором было состояние линкора «Принс ов Уэлс».

Этот корабль лишь недавно вступил в строй, и прошла едва неделя с тех пор, как капитан 1 ранга Лич смог объявить его «боеспособным». Корабль тяжело пострадал, и два из его десяти 14-дюймовых орудий пришли в негодность. В таком состоянии он вряд ли мог тягаться с «Бисмарком». Поэтому адмирал Уэйк-Уокер решил не возобновлять боя, а держать врага под наблюдением. В этом он был, бесспорно, прав.

* * *

На «Бисмарке» поступили бы разумно, удовлетвоваввшись достигнутыми результатами, которые уже можно было считать блестящей победой. За несколько минут «Бисмарк» уничтожил один из лучших кораблей английского флота и мог вернуться в Германию с большими успехами. Его престиж и потенциальная боевая мощь колоссально возросли бы в условиях, которые нам трудно было бы определить или предвидеть.

Кроме того, как мы сейчас знаем, он был серьезно поврежден кораблем «Принс ов Уэлс» и терял много нефти. Мог ли он в таком случае выполнить свою задачу уничтожения торговых судов в Атлантическом океане? Ему предстояло или вернуться с победой на родину, сохранив за собой все возможности для дальнейших операций, или пойти на почти неизбежную гибель. Отчаянное решение, принятое адмиралом,

командовавшим кораблем, можно объяснить только крайней экзальтацией самого адмирала или властными приказами, которыми он был связан. Около 10 часов я уже знал, что «Бисмарк» держит курс на юг.

Весь день 24 мая английские крейсера и «Принс ов Уэлс» продолжали гнаться за «Бисмарком» и его спутником. Адмирал Тови на корабле «Кинг Джордж V» был еще далеко, но сигнализировал, что надеется вступить в бой к 9 часам утра 25 мая. Военно-морское министерство вызвало все силы. «Роднею», находившемуся в 500 милях к юго-востоку, было приказано идти на сближение. «Рэмиллис» получил приказание покинуть свой направлявшийся на родину караван и занять позицию западнее кораблей противника. «Ривендж» из Галифакса также получил указание направиться к месту действия. Крейсера были поставлены на страже, чтобы помешать врагу прорваться назад, на северо-восток, а соединение Сомервелла двигалось все это время на север от Гибралтара. Сеть затягивалась ту же, хотя надо было считаться с возможными на море случайностями.

Около 6 часов 40 минут вечера «Бисмарк» внезапно повернул навстречу своим преследователям и произошла короткая схватка. Мы знаем теперь, что этот маневр был совершен, чтобы прикрыть бегство «Принца Евгения», который затем на большой скорости направился на юг и, заправившись горючим в море, спустя 10 дней беспрепятственно достиг Бреста. Адмирал Тови послал «Викториес» вперед, чтобы предпринять воздушную атаку в надежде уменьшить скорость противника. «Викториес» был только недавно спущен на воду, и часть его летного состава еще не имела большого боевого опыта. В 10 часов вечера, прикрываемый четырьмя крейсерами, он выпустил девять своих самолетов-торпедоносцев «суордфиш», которым предстояло покрыть расстояние 120 миль в условиях сильного встречного ветра, дождя и низкой облачности. Через два часа самолеты под командованием капитан-лейтенанта Эсмонда, направляемые радиостанцией «Норфолка», нашли «Бисмарк» и мужественно атаковали его, несмотря на сильный орудийный огонь. Одна из выпущенных ими торпед угодила ниже мостика.

Снова все, казалось, было готово к развязке на следующее утро, и снова военно-морское министерство обманулось в своих надеждах. Вскоре после 3 часов утра 25 мая «Саффолк» неожиданно потерял «Бисмарка» из виду. Может быть, тот повернул на запад или направился назад, на северо-восток? В военно-морском министерстве все решительнее высказывали мнение, что «Бисмарк» идет к Бресту, но лишь в 6 часов оно укрепилось окончательно. Тотчас военно-морское министерство приказало всем кораблям взять южнее. Но за это время смятение и задержка, вызванные потерей контакта, позволили

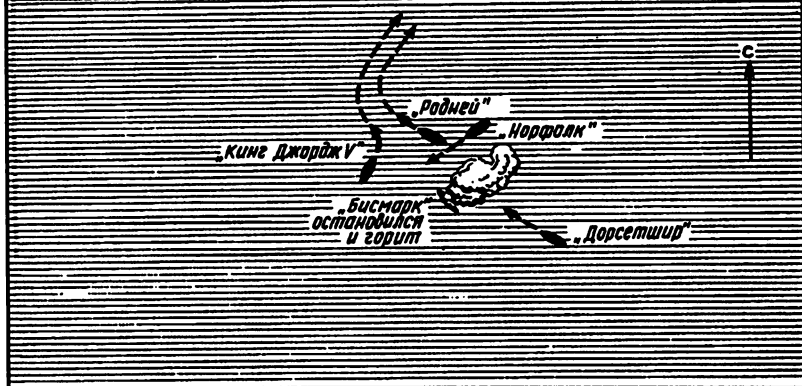
«Бисмарку» проскользнуть через кордон и выиграть значительное расстояние. К 11 часам вечера он уже был далеко к востоку от английского флагманского корабля. Из-за повреждений «Бисмарк» испытывал нехватку нефти. Между «Бисмарком» и его родиной все еще находился «Родней» с его 16-дюймовыми орудиями, но и он шел на северо-восток и днем пересек путь «Бисмарка». С юга, разрезая бурные воды Атлантического океана, неуклонно шли ему навстречу «Ринаун», «Арк Ройал» и крейсер «Шеффилд».

К утру 26 мая остро встала проблема топлива для всех наших широко разбросанных кораблей, шедших на большой скорости уже в течение четырех дней. В 10 часов 30 минут утра, когда надежды уже начали таять, «Бисмарк» был обнаружен снова. Военно-морское министерство и командование береговой авиации искало его с помощью самолетов «каталина», действовавших из Лох-Эрн в Ирландии. Один из этих самолетов отыскал беглеца, направлявшегося к Бресту и все еще находившегося в 700 милях от дома. «Бисмарк» повредил самолет, и контакт был потерян. Но через час два самолета «суордфиш» с авианосца «Арк Ройал» снова выследили его. «Бисмарк» был по-прежнему значительно западнее «Ринауна», но еще не находился под прикрытием мощной германской авиации, базирующейся на Брест. Однако «Ринаун» не мог схватиться с ним один на один. Приходилось ждать прибытия далеко отставших линкоров «Кинг Джордж V» и «Родней». Капитан 1 ранга Вайан, теперь шедший на «Коссаке» с четырьмя другими эсминцами, которым было приказано покинуть эскортируемый ими караван транспортов с войсками, получил сигнал с самолета «каталина», сообщившего о местонахождении «Бисмарка». Не дожидаясь дальнейших приказов, Вайан тут же повернул навстречу врагу. Около 7 часов вечера 15 самолетов «суордфиш» поднялись с палубы авианосца «Арк Ройал». Противник находился теперь менее чем в 40 милях. Направленные на добычу «Шеффилдом», они решительно повели атаку. К 9 часам 30 минутам их дело было сделано. Две торпеды определенно попали в цель, а возможно, также третья. Разведывательный самолет сообщил, что «Бисмарк» описал два полных круга и, казалось, потерял управление. К этому времени подошли эсминцы капитана Вайана. В течение ночи они окружили поврежденный корабль, атакуя его при каждой возможности торпедами.

Германский командир адмирал Лютьенс не питал никаких иллюзий. Незадолго до полуночи он сообщил: «Корабль потерял способность управляться. Мы будем драться до последнего снаряда. Да здравствует фюрер!» «Бисмарк» находился еще в 400 милях от Бреста и не был даже в состоянии направиться туда. На выручку ему были посланы сильные отряды герман-

Положение на 10ч.30м. утра 27 мая
„Кинг Джордж V” прекращает
огонь.
Крейсера приближаются.
„Бисмарк” потоплен в 10ч.40м. утра

ОХОТА НА „БИСМАРКА” план 3

ских бомбардировщиков, к месту действия поспешили также подводные лодки, одна из которых, уже израсходовав свои торпеды, сообщила, что «Арк Ройал» прошел от нее в пределах досягаемости. Между тем приближались «Кинг Джордж V» и «Родней».

Положение с топливом внушало большую тревогу, и адмирал Тови решил, что, если скорость «Бисмарка» не удастся значительно уменьшить, ему придется в полночь отказаться от погони. По моему предложению начальник штаба военно-морских сил приказал адмиралу продолжать преследование, даже если потом его эскадру придется привести домой на буксире. Но к этому времени стало известно, что «Бисмарк» движется в неверном направлении. Его основное вооружение осталось неповрежденным, и адмирал Тови решил завязать утром бой.

На рассвете 27 мая дул северо-западный ветер. В 8 часов 47 минут утра «Родней» открыл огонь. Через минуту его подбил «Кинг Джордж V». Английские корабли быстро начали попадать в цель, и после паузы «Бисмарк» также открыл огонь. Некоторое время его стрельба была меткой, хотя после четырех тяжелых дней экипаж корабля был крайне измучен и просто засыпал на своих постах.

Третьим залпом «Бисмарк» накрыл «Родней», но затем английские корабли взяли верх, и через полчаса большинство орудий «Бисмарка» было подавлено. В центральной части ко-

рабля вспыхнул пожар, и «Бисмарк» сильно накренился на левый борт. Теперь «Родней» поместился против носовой части «Бисмарка», ведя огонь с дистанции не более 4 тысяч ярдов. К 10 часам 15 минутам все орудия «Бисмарка» замолчали, а его мачта была сбита. Корабль лежал пылающей и дымящейся развалиной в бурном море и все-таки еще не затонул.

Последний удар нанес своими торпедами крейсер «Дорсетшир», и в 10 часов 45 минут огромный корабль перевернулся и пошел ко дну. Вместе с ним погибли почти 2 тысячи немцев и его командир адмирал Лютьенс. 110 уцелевших моряков, измученных и мрачных, были подобраны нами. Дело милосердия было прервано появлением подводной лодки, и английские корабли были вынуждены отойти. Еще 5 немцев были подобраны подводной лодкой и метеорологическим судном, но прибывший позже на место действия испанский крейсер «Канариас» застал лишь трупы, плавающие на поверхности воды.

* * *

Этот эпизод подчеркивает многие важные моменты, связанные с войной на море, и показывает как прочность конструкции германского корабля, так и те огромные трудности и опасности, перед которыми очутились наши весьма многочисленные силы в связи с его выходом в море. Если бы он ускользнул, моральное действие самого факта его существования, а также материальный ущерб, который он мог бы причинить нашему судоходству, были бы катастрофическими. Возникло бы много сомнений относительно нашей способности контролировать океаны, и об этом раструбили бы по всему свету к большому ущербу для нас.

Все виды военно-морских сил законно претендовали на свою долю в успешном результате поединка с «Бисмарком». Хотя заслуга принадлежит всем, не следует забывать, что исход затянувшегося сражения был предопределен первым ударом, нанесенным «Бисмарку» орудиями линкора «Принс ов Уэлс». Таким образом, именно линкоры сыграли решающую роль как в начале, так и в конце боя.

Движение наших судов в Атлантическом океане продолжалось беспрепятственно.

Глава восемнадцатая

СИРИЯ

Сирия была одной из многих заморских территорий Французской империи, которые после краха Франции сочли себя связанными капитуляцией французского правительства. Вла-

сти Виши всячески мешали бойцам французской армии в Леванте уйти в Палестину и присоединиться к нам. Польская бригада перешла к нам, но из французов это сделали очень немногие. В августе 1940 года появилась итальянская комиссия по перемирию. Интернированные в начале войны германские агенты были освобождены и активизировали свою деятельность. К концу года прибыло еще много немцев которые, располагая большими средствами, принялись разжигать среди арабских народов Леванта антианглийские и антиссионистские чувства. К концу марта 1941 года Сирия приковала к себе наше внимание. Германская авиация уже атаковала Суэцкий канал с баз на Додеканезских островах, и при желании немцы могли бы действовать и против Сирии, особенно с помощью авиадесантов. Хозяйничанье немцев в Сирии поставило бы под угрозу непрерывных воздушных налетов Египет, жизненно важную зону Суэцкого канала и абаданские нефтепромыслы. Наши сухопутные коммуникации между Палестиной и Ираком оказались бы в опасности. Это могло бы повлечь за собой политические последствия в Египте, а наши дипломатические позиции в Турции и на всем Среднем Востоке были бы серьезно ослаблены.

2 мая Рашид Али обратился к фюреру с просьбой о вооруженной поддержке против нас в Ираке, и на следующий день германскому посольству в Париже было поручено получить от французского правительства разрешение на переброску через Сирию самолетов и военных материалов для сил Рашида Али. 5 и 6 мая адмирал Дарлан заключил с немцами предварительное соглашение, по которому три четверти военной техники, собранной в Сирии под контролем итальянской комиссии по перемирию, переправлялось в Ирак, а германская авиация получала возможность пользоваться взлетно-посадочными площадками в Сирии. Вишистскому верховному комиссару и главнокомандующему генералу Денцу были даны соответствующие инструкции, и с 9 мая до конца месяца на сирийских аэродромах приземлилось около 100 немецких и 20 итальянских самолетов.

Как мы видели, в это время командованию на Среднем Востоке приходилось весьма туго. На первом месте стояла оборона Египта. Греция была эвакуирована. Надо было защищать Крит; Мальта просила подкреплений; завоевание Абиссинии еще не было закончено, и надо было выделить войска для Ирака. Для защиты Палестины с севера имелась в наличии лишь 1-я кавалерийская дивизия, превосходная по качеству, но лишенная ради удовлетворения других нужд своей артиллерии и спецчастей и служб. Генерал де Голль настаивал на быстрых военных действиях сил Свободной Франции, в случае необходимости даже без поддержки со стороны английских

войск. Но под влиянием дакарского опыта как генерал Уэйвелл на месте, так и все мы в Лондоне считали, что силы Свободной Франции нецелесообразно использовать самостоятельно даже для того, чтобы оказать сопротивление продвижению немцев через Сирию. Это, однако, могло стать неизбежным.

Мы все же не могли упустить Сирию, не попытавшись сделать все возможное с теми силами, которые можно было наскрести.

14 мая английским военно-воздушным силам было приказано действовать против германских самолетов в Сирии и на французских аэродромах. 17 мая генерал Уэйвелл телеграфировал, что, ввиду отправки войск из Палестины в Ирак, для сирийского дела придется либо использовать одни только силы Свободной Франции, либо доставить войска из Египта. Он решительно считал, что силы Свободной Франции не добьются эффективных результатов и что их появление может обострить положение. В заключение он выразил надежду, что его не обременят военными действиями в Сирии, если это не окажется абсолютно необходимым. Начальники штабов ответили, что не остается ничего другого, как сформировать крупные силы, какие он только может выделить без ущерба для безопасности Западной пустыни, и что он должен быть готов двинуться в Сирию возможно быстрее. Решение вопроса о составе этих сил предоставляется на его усмотрение.

21 мая, в день нападения немцев на Крит, Уэйвелл приказал австралийской 7-й дивизии, за исключением одной бригады, находившейся в Тобруке, быть готовой к выступлению в Палестину и поручил генералу Мэйтленду Вильсону, который по возвращении из Греции принял в начале месяца командование в Палестине и Трансиордании, подготовить план продвижения в Сирию.

По мере того как ослабевали надежды удержать Крит, возможная германская угроза Сирии приковывала все большее внимание. Генерал Вильсон готовился выступить на север с силами, состоявшими из австралийской 7-й дивизии, войск Свободной Франции, части 1-й кавалерийской дивизии, теперь моторизованной, и некоторых других частей. Уэйвелл считал, что он сможет выступить самое раннее в первую неделю июня.

* * *

Силы, которые Уэйвеллу удалось собрать для наступления, состояли всего лишь из австралийской 7-й дивизии, части 1-й кавалерийской дивизии, индийской 5-й пехотной бригады, недавно вернувшейся из Эритреи, и войск Свободной Франции под командованием генерала Ле Жантийома, состоявших из 6 батальонов, батареи и танковой роты. Авиаподдержка была

вначале ограничена примерно 70 самолетами. Обе стороны по-прежнему придавали основное значение битве за Крит. Для операций в Сирии были выделены, помимо мелких судов, 2 крейсера и 10 эсминцев. Силы Виши под командованием генерала Денца состояли из 18 батальонов со 120 орудиями и 90 танками — в общей сложности 35 тысяч человек, авиации, насчитывавшей 90 самолетов, и военно-морских сил в составе двух эсминцев и трех подводных лодок, базировавшихся на Бейрут.

Перед союзной армией была поставлена задача захватить Дамаск, Райяк и Бейрут в качестве предварительного шага к оккупации всей страны. Наступление началось 8 июня и вначале не встретило большого сопротивления. Никто не мог сказать, насколько упорно станет сражаться Виши. Хотя наше нападение вряд ли могло быть неожиданным, некоторые считали, что противник окажет лишь символическое сопротивление. Но когда противник понял, насколько мы слабы, он воспрянул духом и оказал сильное сопротивление, хотя бы для того, чтобы не уронить чести своего оружия. Войска Свободной Франции были задержаны в 10 милях от Дамаска, а встречное движение в обход их восточного фланга угрожало их линии коммуникаций. Австралийцы на береговой дороге медленно продвигались по труднопроходимой местности. Один английский батальон был смет в Эль-Кунейтре контратакой двух батальонов с танками. На море произошла встреча с вишистскими эсминцами, но они бежали, развив превосходящую скорость. 9 июня завязался короткий морской бой, в ходе которого был сильно поврежден эсминец «Джэнес». 15 июня во время обстрела Сидона два английских эсминца получили повреждение в результате воздушной атаки, но вишистский эсминец, приблизившийся к побережью с запада, был потоплен самолетами морской авиации.

В результате первой недели боев генералу Уэйвеллу стало ясно, что необходимо послать подкрепления. Он сумел собрать транспортные средства для одной бригады английской 6-й дивизии, которая была к этому времени частично сформирована, а за ней в конце июня последовала вторая бригада. Он также распорядился, чтобы одна бригадная группа 1-й кавалерийской дивизии — Хаббанийский отряд, принимавший участие в занятии Багдада, — двинулась с юга, через пустыню, на Пальмиру, а двум бригадам индийской 10-й дивизии в Ираке было приказано направиться вверх по Евфрату к Алеппо. Это расширение кампании началось с 20 июня. 21 июня, после трехдневных ожесточенных боев, австралийцы захватили Дамаск. Их наступлению помог смелый рейд отряда «коммандос» номер 11, высадившегося с моря в тылу врага.

Уже в ходе операций, развернувшихся в первую неделю июля, стало ясно, что крах вишистского режима в Сирии бли-

зок. Генерал Денц понимал, что его силы на пределе. У него было, правда, еще около 24 тысяч человек, но он не мог надеяться, что ему удастся оказывать продолжительное сопротивление. Уцелела едва ли одна пятая часть его авиации. 12 июля в 8 часов 30 минут утра вишистские посланцы явились просить перемирия. Оно было заключено, и после подписания соглашения Сирия перешла под оккупацию союзников. Наши потери убитыми и ранеными составляли свыше 4600 человек. Потери противника — около 6500.

* * *

Успешная кампания в Сирии значительно улучшила наше стратегическое положение на Среднем Востоке. Она закрыла дверь для всяких дальнейших попыток проникновения врага на Восток из района Средиземного моря, отодвинула на 250 миль к северу нашу оборону Суэцкого канала и избавила Турцию от тревоги за ее южную границу. Теперь в случае нападения на нее Турция могла быть уверенной в помощи дружественной державы. Хотя в этом повествовании операции в Ираке, на Крите, в Сирии и Западной пустыне пришлось

описывать отдельно, однако не следует забывать, что все они велись одновременно и влияли друг на друга, создавая в своей совокупности ощущение кризиса и осложнений. Тем не менее можно утверждать, что конечным результатом была, в сущности, хотя и не по виду, несомненная и важная победа английских и имперских армий на Среднем Востоке. Заслуга в этом принадлежит нашим властям в Лондоне и Каире.

Битва на Крите, которая обошлась нам так дорого, уничтожила ударную силу германского авиадесантного корпуса. Мятеж в Ираке был в конце концов подавлен, и с помощью небольших импровизированных сил мы вернули себе господство в обширных районах. Оккупация Сирии, предпринятая под влиянием отчаянной необходимости, положила и, как оказалось навсегда, конец продвижению немцев к Персидскому заливу и Индии.

Теперь нам предстоит описать еще одну операцию — битву в Западной пустыне, которой я и начальники штабов придавали первостепенное значение. Эта битва, хотя и не увенчавшаяся успехом, остановила Роммеля почти на пять месяцев.

Глава девятнадцатая

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ ГЕНЕРАЛА УЭЙВЕЛЛА. «БЭТТЛ-ЭКС»

Все мы в метрополии были полны решимости разбить Роммеля в Западной пустыне. Военные и штатские — все придавали этому одинаково большое значение. Трагедия эвакуации Греции, отвлекающие операции в Ираке и Сирии, тяжелая борьба на Крите — все бледнело в ярких лучах надежды, которую мы справедливо возлагали на победу в Западной пустыне. Наша общая стратегическая концепция могла считаться правильной. В это время у нас был в непосредственной близости к штабу Роммеля шпион, дававший нам точные сведения о страшных трудностях ненадежного, несмотря на всю его напористость, положения Роммеля. Мы знали, какой узкой была та база, на которой он надеялся удержаться, и нам было известно о строгих внушениях германского верховного командования, что он не должен пускать на ветер свои победы, слишком искушая судьбу.

Уэйвелл, располагавший всей нашей информацией, попытался по собственной инициативе, даже перед лицом неизбежного нападения на Крит, зажать Роммеля в клещи, прежде чем из Триполи прибудет в полном составе страшная 15-я танковая дивизия и прежде чем Бенгази будет эффективно использоваться в качестве кратчайшего пути для доставки

снабжения противнику. Поэтому он захотел нанести удар по силам Роммеля еще до введения в действие танков, доставленных «Тайгером»¹, «тигрят», как называли мы их с Уэйвеллом в своей переписке.

В начале мая бронетанковые силы в Западной пустыне состояли только из двух эскадронов крейсерских танков и двух эскадронов пехотных танков, размещенных юго-восточнее Мерса-Матруха. К началу июня Уэйвелл надеялся создать на этой основе достаточный ударный кулак. Он полагал, что у него имеется возможность нанести удар, прежде чем «тигрята» будут готовы. Он надеялся застигнуть врага врасплох до того, как тот получит в качестве подкрепления 15-ю танковую дивизию.

* * *

Войска под командованием генерала Готта, состоявшие из 7-й бронетанковой бригады, которая располагала примерно 55 танками, и 22-й гвардейской бригады, двинулись на северо-запад вдоль эскарпа и 15 мая захватили Эс-Саллум и Капуццо, а бронетанковая бригада на левом фланге продолжала продвигаться к Сиди-Азейзу.

Противник быстро предпринял контратаку и в тот же день отбил Капуццо, нанеся тяжелые потери дурхэмской легкой пехоте, захватившей этот пункт. Это заставило 7-ю бронетанковую бригаду отступить от Сиди-Азейза. Противник, используя около 70 танков, показал себя более сильным, чем ожидалось. Хотя в тот вечер мы все еще удерживали Эс-Саллум, было решено отвести на следующий день, 16 мая, все силы, оставив гарнизоны на проходах через эскарп в Халфайе и Сиди-Сулеймане.

20 мая Уэйвелл сообщил, что в район сосредоточения прибыл, по-видимому, батальон 15-й танковой дивизии. Таким образом, возможность разгромить Роммеля до получения им подкреплений отпала. Несмотря на проведенную заранее подготовку, выгрузка, сборка и приспособление «тигрят» к операциям в Пустыне сильно затянулись. Техническое состояние многих пехотных танков оказалось по прибытии неважным.

Из документов, захваченных впоследствии, стало известно, что Роммель ожидал серьезного наступления с целью облегчить положение Тобрука и, чтобы затруднить такую попытку, намеревался отбить и удержать Халфайю. Он развернул большую часть только что прибывшей 15-й танковой дивизии, за исключением небольшого разведывательного отряда, брошенного на юг, и сосредоточил ее на границе между Капуццо и

¹ В переводе на русский язык «тайгер» означает «тигр». — *Примеч. ред.*

Сиди-Омаром. Халфайю удерживала группа 3-го батальона Колдстримского гвардейского полка, полк полевой артиллерии и два бронетанковых эскадрона. Остальная часть наших пограничных войск, за исключением наблюдательных патрулей на юге, была отведена на значительные расстояния в тыл. 26 мая противник двинулся к Халфайе и в этот же вечер захватил высоту к северу от перевала, откуда хорошо было наблюдать за всей позицией, удерживаемой колдстримцами. Контратака, предпринятая с целью отбить ее, успеха не имела, а начатая противником на следующее утро после сильной артиллерийской подготовки атака силами по меньшей мере 2 батальонов и 60 танков поставила наш небольшой отряд в весьма опасное положение. Резервы находились слишком далеко, чтобы иметь возможность вмешаться, и нам оставалось лишь одно — отвести свой отряд без дальнейших проволочек. Это было сделано, но потери были тяжелыми. В действии остались только два наших танка, и колдстримская гвардия потеряла 8 офицеров и 165 солдат. Противник достиг своей цели и начал закрепляться в Халфайе. Как он и надеялся, занятие им этой позиции оказалось для нас три недели спустя значительной помехой.

* * *

31 мая генерал Уэйвелл сообщил о технических трудностях, на которые он наталкивался при переформировании 7-й бронетанковой дивизии. Он мог начать операцию «Бэтл-экс» самое раннее 15 июня.

Сознавая опасность задержки, за время которой могли прийти вражеские авиационные подкрепления, а Тобрук рисковал подвергнуться сильной атаке, он все же считал, что, поскольку предстоящая битва будет преимущественно танковым сражением, он должен создать для бронетанковой дивизии все условия и лишние дни, выигранные выжиданием, должны «удвоить возможности успеха».

По данным нашей разведки, в это время в Восточной Киренаике находились или приближались к ней германские 5-я (легкая) и 15-я танковые дивизии, а также итальянская бронетанковая дивизия «Ариете», моторизованная дивизия «Тренто» и пехотная дивизия «Брешия». Еще одна итальянская пехотная дивизия находилась в резерве в Дэрне.

В своем донесении Уэйвелл указывал, что основные силы противника находятся перед Тобруком. Они располагают примерно 130 средними и 70 легкими танками. По подсчетам, в районе сосредоточения имелось лишь около 100 средних танков и силы, равные 7 германским и 9 итальянским батальонам. Поэтому предполагалось, что две трети танковых сил против-

ника находятся в 70 милях от границы. Если бы Тобрук смог, совершив вылазку, сдержать врага на некоторое время, мы вначале могли бы иметь на границе превосходство танковых сил в соотношении 180:100. Уэйвелл замечает, что эти подсчеты оказались ошибочными. Насколько сейчас можно установить, итальянские танки вообще не использовались в сражении на границе. Немцам удалось сосредоточить незаметно для нас в передовом районе значительную часть своих собственных танков. Фактически они ввели в действие несколько больше 200 танков против наших 180.

* * *

Операция «Бэттл-экс» началась рано утром 15 июня. Нашими бронетанковыми силами командовал генерал Криг, индийской 4-й дивизией и 22-й гвардейской бригадой — генерал Мессерви. Все силы, насчитывавшие около 25 тысяч человек, находились под командованием генерала Бересфорда-Пэйрса. Вначале дела шли довольно хорошо. Хотя оборона противника вокруг Халфайи выдержала комбинированную атаку с севера и юга, днем наша гвардейская бригада заняла Капуццо и захватила несколько сот пленных. Часть этой бригады также двинулась против западных оборонительных сооружений Эс-Саллума, но была там остановлена. 7-я бронетанковая бригада, выдвинувшаяся для прикрытия внешнего фланга, достигла позиции западнее Капуццо, не встретив вражеских танков. 16 июня не было достигнуто никаких результатов.

На следующий день, 17 июня, все шло плохо. Утром части гвардейской бригады были еще в Капуццо и под Эс-Саллумом. Капуццо был отбит у нее значительными силами противника, располагавшими, по сообщениям, 100 танками. 7-я бронетанковая бригада, имевшая теперь в действии всего около 20 крейсерских танков, провела ночь поблизости от Сиди-Сулеймана. Вражеские силы, накануне вынудившие ее отступить от Сиди-Омара, двинулись к Халфайе и угрожали отрезать гвардейскую бригаду. Для отражения этой угрозы генерал Криг предложил предпринять силами 7-й бронетанковой бригады атаку с юга, в то время как 4-я бронетанковая бригада, освобожденная от задачи взаимодействовать с гвардейской бригадой, атаковала бы с севера. Но стоило 4-й бригаде выступить, как флангу гвардейцев начала угрожать еще одна танковая колонна противника, подходившая с запада. Бронетанковая бригада отбила эту атаку, но давление противника продолжалось. Наше наступление провалилось. Все войска были отведены в полном порядке под защитой наших истребителей. Противник не преследовал отчасти, несомненно, из-за того, что его танки подверглись сильным атакам английских

бомбардировщиков. Однако была, вероятно, и другая причина. Как мы теперь знаем, Роммель имел приказ вести чисто оборонительные бои и накапливать силы для осенних операций. Повести преследование большими силами через границу и понести при этом потери значило бы прямо нарушить приказы.

Наши потери за три дня боев составили несколько больше тысячи человек, из которых 150 были убиты и 250 пропали без вести. Было потеряно 29 крейсерских и 58 пехотных танков. Крейсерские танки погибли главным образом в боях с врагом. Значительная часть потерь в пехотных танках была вызвана механическими поломками, так как у нас не было транспортеров, чтобы доставить их обратно. Из 100 вражеских танков значительная часть была, согласно донесениям, уничтожена. Было взято 570 пленных и похоронено много трупов вражеских солдат.

* * *

Хотя эта операция по сравнению с масштабом различных кампаний средиземноморской войны может показаться небольшой, провал ее был для меня страшно тяжелым ударом. Успех в Пустыне означал бы уничтожение дерзких сил Роммеля. Осада Тобрука была бы снята, а противник мог бы оказаться вынужденным отступить за Бенгази так же быстро, как пришел.

* * *

Читатель, следивший за обменом телеграммами между генералом Уэйвеллом, с одной стороны, и мною и начальниками штабов — с другой, уже подготовлен к решению, которое я принял в последние десять дней июня 1941 года. У нас, в Лондоне, создалось впечатление, что Уэйвелл устал. Вполне можно сказать, что мы загнали послушную лошадь. На плечи одного главнокомандующего было возложено исключительно тяжелое бремя — руководство пятью или шестью различными театрами военных действий с их успехами и неудачами, особенно неудачами. Мало кому из военных приходилось нести такую нагрузку. Я был недоволен тем, как Уэйвелл подготовился к обороне Крита, и особенно тем, что туда не было послано еще несколько танков. Начальники штабов отменили его распоряжение, решив пойти на небольшую, но оказавшуюся весьма успешной операцией в Ираке, которая завершилась освобождением Хаббании и полным местным успехом. Одна из их телеграмм побудила его подать просьбу об отставке, на которой он не настаивал, но в которой я ему не отказывал. Наконец, последовала операция «Бэтл-экс». Но, как уже было

описано, операция была, видимо, плохо согласована, тем более что из Тобрука не была сделана вылазка в качестве необходимого предварительного и сопутствующего условия.

А над всем этим стоял факт разгрома Роммелем фланга в Пустыне — разгрома, подорвавшего и опрокинувшего все планы, к исполнению которых мы приступили в Греции, со всеми их грозными опасностями и манящими результатами в важнейшем для нас деле — балканской войне. После операции «Бэттл-экс» я пришел к выводу, что необходима смена.

Генерал Окинлек был в это время главнокомандующим в Индии. Мне не совсем нравилась его позиция в норвежской кампании в Нарвике. Он как будто был склонен придавать слишком большое значение безопасности и надежности, хотя ни того, ни другого на войне не существует, и довольствоваться удовлетворением того, что он считал минимальными требованиями. На меня, однако, производили сильное впечатление его личные качества, присутствие духа и прекрасная репутация. Я был убежден, что в его лице я обрету нового, свежего человека, на которого можно будет возложить многообразные тяготы Среднего Востока, и что, с другой стороны, Уэйвелл, заняв важный пост командующего в Индии, будет иметь время восстановить свои силы, прежде чем возникнут новые и неизбежные задачи и возможности. Я обнаружил, что эта точка зрения не встречает возражений в министерских и военных кругах Лондона.

Уэйвелл встретил это решение спокойно и с достоинством. В это время он собирался совершить полет в Абиссинию, который оказался крайне опасным. Его биограф отмечает, что, прочитав мое послание, он сказал: «Премьер-министр совершенно прав. На этом театре нужны свежий глаз и свежая рука». Что касается его нового назначения, то он полностью предоставил себя в распоряжение правительства его величества.

* * *

К 4 июня я назначил генерала Хэйнинга на созданный мною необычный пост «генерал-интенданта». Я хотел, чтобы он перестроил весь административный аппарат тыла, уделив особое внимание крупным танковым и авиационным ремонтным мастерским, а также происходившему в то время расширению шоссе и железных дорог и портов. Таким образом, командование было бы избавлено от массы деталей и получило бы возможность думать только о военных действиях.

В октябре 1940 года я ввел в правительство в качестве министра торговли капитана Оливера Литтлтона. Он был с головы до пят человеком действия, и сейчас я чувствовал, что он во всех отношениях подходит для учреждаемого нами но-

вого поста министра — резидента военного кабинета на Среднем Востоке. Его назначение еще больше разгрузило бы военных руководителей. Мои коллеги от всех партий с большой готовностью поддержали эту идею.

* * *

Все эти новые мероприятия с вытекающими из них административными перемещениями соответствовали изменениям в командовании на Среднем Востоке.

Глава двадцатая

СОВЕТЫ И НЕМЕЗИДА

Немезида олицетворяет собой «богиню возмездия, которая разрушает всякое неумеренное счастье, обуздывает сопутствующую ему самонадеянность... и карает особо тяжкие преступления»¹. Сейчас нам предстоит вскрыть ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов Советского правительства и колоссальной коммунистической машины и их поразительное незнание собственного положения. Они проявили полное безразличие к участи западных держав, хотя это означало уничтожение того самого второго фронта, открытия которого им суждено было вскоре требовать. Они, казалось, и не подозревали, что Гитлер уже более шести месяцев назад принял решение уничтожить их. Если же их разведка поставила их в известность о переброске на Восток огромных германских сил, усиливавшейся с каждым днем, то они упустили многие необходимые шаги, которые следовало предпринять при этих обстоятельствах. Так, они дали Германии захватить все Балканы. Они ненавидели и презирали западные демократии; но в январе Советское правительство еще могло при активной помощи Англии объединить четыре страны — Турцию, Румынию, Болгарию и Югославию, имевшие жизненное значение для него самого и его безопасности, и создать балканский фронт против Гитлера. Советский Союз ничего не сделал, чтобы помешать разброду между ними, и в результате все эти страны, кроме Турции, были поглощены одна за другой. Война — это по преимуществу список ошибок, но история вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они отбросили все возможности на Балканах и лениво выжидали надвигавшегося на Россию страшного нападения или были неспособны понять, что их ждет. До тех

¹ Оксфордский словарь английского языка. — *Примеч. авт.*

пор мы считали их расчетливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками. Сила, масса, мужество и выносливость матушки России еще должны были быть брошены на весы. Но если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент Второй мировой войны совершенно недалекими¹.

* * *

До конца марта я не был убежден, что Гитлер решил на смертельную войну с Россией, и не знал, насколько она близка. Донесения нашей разведки очень подробно показывали усиленные переброски германских войск к Балканским государствам и на их территорию, которыми ознаменовались первые три месяца 1941 года. В этих псевдонейтральных государствах наши агенты могли передвигаться довольно свободно и были в состоянии сообщать нам точные сведения о крупных германских силах, двигавшихся по железным и шоссейным дорогам на юго-восток. Однако ни одно из таких передвижений не означало обязательно вторжение в Россию, и все они легко могли быть объяснены германскими интересами и политикой в Румынии и Болгарии, замыслами Германии в отношении Греции и ее соглашениями с Югославией и Венгрией. Гораздо труднее было получить сведения о колоссальной переброске сил через Германию на главный русский фронт, простиравшийся от Румынии до Балтики. Чтобы Германия на этом этапе, даже не очистив Балканы, начала новую большую войну с Россией — это, казалось мне, слишком хорошо, чтобы быть истиной.

Мы не знали содержания переговоров, происходивших в ноябре 1940 года между Молотовым, Гитлером и Риббентропом в Берлине, а равно и содержания переговоров и предполагаемых пактов, которые последовали за ними. Не было никаких признаков уменьшения германских сил, расположенных про-

¹ В тот период Советский Союз принимал энергичные меры по укреплению обороноспособности страны и повышению боевой готовности своих Вооруженных Сил. Сталин полагал, что СССР будет готов к войне с Германией в 1942 г., и рассчитывал (как показала история, ошибочно), что Гитлер не нападет на нашу страну до тех пор, пока не закончит каким-то путем войну с Англией. Поэтому он стремился не дать повода Германии развязать войну на Востоке по крайней мере до 1942 г., продлить как можно дольше мирную паузу для СССР.

Сталин и его окружение пропустили момент, когда надо было принимать интенсивные меры к отражению готовившейся агрессии и обеспечить себя союзниками. На письмо Черчилля от 25 июня 1940 г. с предложением улучшить англо-советские отношения Сталин не ответил. Уверенный в правильности своей оценки обстановки, он отвергал предупреждения разведки как провокационные. Эти роковые ошибки Сталина обусловили трагедию 1941 г.

тив нас на другом берегу Ла-Манша. Германская авиация продолжала совершать сильные налеты на Англию. То, как Советское правительство истолковало концентрацию германских войск в Румынии и Болгарии, явно примирившись с ней, сведения, которыми мы располагали относительно отправки в Германию из России больших и ценных грузов, очевидная общая заинтересованность обеих стран в завоевании и разделе Британской империи на Востоке — все это делало более вероятным, что Гитлер и Сталин скорее заключат сделку за наш счет, чем будут воевать друг с другом.

Наше объединенное разведывательное управление разделяло это мнение. 7 апреля оно заявило, что в Европе распространяются слухи о намерении немцев напасть на Россию. Хотя Германия, указывало управление, располагает на Востоке значительными силами и можно ожидать, что рано или поздно она будет воевать с Россией, представляется невероятным, чтобы она решила открыть сейчас еще один большой фронт. По мнению объединенного разведывательного управления, ее главной целью в 1941 году оставался разгром Соединенного Королевства. Еще 23 мая это управление, в которое входили представители всех трех видов вооруженных сил, сообщало, что слухи о предстоящем нападении на Россию утихли и имеются сведения, что эти страны намерены заключить новое соглашение. Управление считало это вероятным, поскольку нужды затяжной войны требовали укрепления германской экономики. Германия могла получить от России необходимую помощь либо силой, либо в результате соглашения. Управление считало, что Германия предпочтет последнее, хотя, чтобы облегчить достижение этого, будет пущена в ход угроза применения силы. Сейчас эта сила накапливалась. Имелось множество данных о строительстве на оккупированной немцами территории Польши шоссейных дорог и железнодорожных веток, о подготовке аэродромов и усиленной концентрации войск, включая войска и авиационные части с Балкан.

Наши начальники штабов были проницательнее своих советников и имели более определенное мнение. «У нас имеются ясные указания, — предупреждали они 31 мая командование на Среднем Востоке, — что немцы сосредоточивают сейчас против России огромные сухопутные и военно-воздушные силы. Используя их в качестве угрозы, они, вероятно, потребуют уступок, могущих оказаться весьма опасными для нас. Если русские откажут, немцы выступят».

Только 5 июня объединенное разведывательное управление сообщило, что, судя по масштабам германских военных приготовлений в Восточной Европе, на карту поставлен, видимо, более важный вопрос, чем экономическое соглашение. Возможно, что Германия желает устранить со своей восточной гра-

ницы потенциальную угрозу становящихся все более мощными советских вооруженных сил. Управление не считало пока возможным сказать, будет ли результатом этого война или соглашение. 10 июня оно заявило: «Во второй половине июня мы станем свидетелями либо войны, либо соглашения». И наконец, 12 июня оно сообщило: «Сейчас имеются новые данные, свидетельствующие о том, что Гитлер решил покончить с по-мехами, чинимыми Советами, и напасть».

* * *

Я не довольствовался этой формой коллективной мудрости и предпочитал лично видеть оригиналы. Поэтому еще летом 1940 года я поручил майору Десмонду Мортону делать ежедневно подборку наиболее интересных сообщений, которые я всегда читал, составляя таким образом, иногда значительно раньше других, собственное мнение¹.

Так, в конце марта 1941 года я с чувством облегчения и волнения прочитал сообщение, полученное от одного из наших самых надежных осведомителей, о переброске германских танковых сил по железной дороге из Бухареста в Краков и обратно. В этом сообщении говорилось, во-первых, что, как только югославские министры подчинились диктату в Вене (это произошло 18 марта), три из пяти танковых дивизий, которые двигались через Румынию на юг, к Греции и Югославии, были посланы на север, к Кракову, и во-вторых, что вся эта переброска была отменена после революции в Белграде и три танковые дивизии были отправлены обратно в Румынию. Эту отправку и возвращение назад около 60 составов нельзя было скрыть от наших местных агентов.

Для меня это было вспышкой молнии, осветившей все положение на Востоке. Внезапная переброска к Кракову столь больших танковых сил, нужных в районе Балкан, могла означать лишь намерение Гитлера вторгнуться в мае в Россию. Отныне это казалось мне его несомненной основной целью. Тот факт, что революция в Белграде потребовала их возвращения в Румынию, мог означать, что сроки будут передвинуты с мая на июнь. Я немедленно сообщил эти важные известия Идену в Афины.

Я также изыскивал средства предостеречь Сталина, чтобы, обратив его внимание на угрожающую ему опасность, устано-

¹ *Премьер-министр — генералу Исмею 5 августа 1940 года:*

«Я не хочу, чтобы получаемые сообщения отбирались и обрабатывались различными сотрудниками разведки. Майор Мортон будет пока это делать для меня и представлять на мое рассмотрение то, что он считает особенно важным. Он должен получить доступ ко всей информации и представлять мне подлинные документы в их первоначальном виде». — *Примеч. авт.*

вить с ним связи наподобие тех, которые я поддерживал с президентом Рузвельтом. Я написал краткое и загадочное письмо, надеясь, что сам этот факт и то, что это было первое письмо, которое я посылал ему после моей официальной телеграммы от 25 июня 1940 года, рекомендовавшей сэра Стаффорда Криппса как посла, привлекут его внимание и заставят призадуматься.

Премьер-министр — Стаффорду Криппсу

3 апреля 1941 года

«Передайте от меня Сталину следующее письмо *при условии, что оно может быть вручено лично вами.*

Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов».

Министр иностранных дел, вернувшийся к этому времени из Каира, добавил несколько замечаний:

«1. Если оказанный Вам прием даст Вам возможность развить доводы, Вы можете указать, что это изменение в дислокации германских войск говорит, несомненно, о том, что Гитлер из-за выступления Югославии отложил теперь свои прежние планы создания угрозы Советскому правительству. Если это так, то Советское правительство сможет воспользоваться этим, чтобы укрепить свое собственное положение. Эта отсрочка показывает, что силы противника не являются неограниченными, и иллюстрирует преимущества, которые даст создание чего-либо похожего на единый фронт.

2. Совершенно очевидно, что Советское правительство может укрепить свое положение, оказав материальную помощь Турции и Греции и через последнюю — Югославии. Эта помощь могла бы настолько увеличить трудности немцев на Балканах, что им пришлось бы еще отложить свое нападение на Советский Союз, о подготовке которого свидетельствует столь много признаков. Если, однако, сейчас не будут использованы все возможности вставлять немцам палки в колеса, то через несколько месяцев опасность может возродиться.

3. Вы, конечно, не станете намекать, что мы сами просим у Советского правительства какой-то помощи или что оно будет действовать в чьих-либо интересах, кроме своих собствен-

ных. Но мы хотим, чтобы оно поняло, что Гитлер намерен рано или поздно напасть на Советский Союз, если сможет; что одного его конфликта с нами еще недостаточно, чтобы помешать ему это сделать, если он не окажется одновременно перед особыми трудностями вроде тех, с которыми он сталкивается сейчас на Балканах, и что поэтому в интересах Советского Союза предпринять все возможные шаги, дабы помешать ему разрешить балканскую проблему так, как ему этого хочется».

Английский посол ответил лишь 12 апреля. Он сообщил, что перед самым получением моей телеграммы он сам направил Вышинскому пространное личное письмо, в котором перечислялся ряд случаев, когда Советское правительство не противодействовало посягательствам немцев на Балканах. В письме содержался также настойчивый призыв, чтобы СССР в своих собственных интересах решил немедленно проводить энергичную политику сотрудничества со странами, все еще сопротивляющимися державам оси в этом районе, если только он не хочет упустить последний шанс защитить свои собственные границы в союзе с другими.

«Если бы теперь, — писал он, — я передал через Молотова послание премьер-министра, выражающее ту же мысль в гораздо более краткой и менее энергичной форме, то я опасаюсь, что единственным результатом было бы ослабление впечатления, уже произведенного моим письмом на Вышинского. Советское правительство, я уверен, не поняло бы, зачем понадобилось вручать столь официально такой краткий и отрывочный комментарий по поводу фактов, о которых оно, несомненно, уже осведомлено, и притом без какой-либо определенной просьбы объяснить позицию Советского правительства или предложений насчет действий с его стороны.

Я считал необходимым изложить Вам эти соображения, ибо я сильно опасаюсь, что вручение послания премьер-министра не только ничего не дало бы, но и явилось бы серьезной тактической ошибкой. Если, однако, Вы не разделяете этой точки зрения, я, конечно, постараюсь в срочном порядке добиться свидания с Молотовым».

По этому поводу министр иностранных дел написал мне:

«В этой новой ситуации доводы сэра Стаффорда Криппса против вручения Вашего послания приобретают, мне думается, известную силу. Если Вы согласитесь, я предложил бы сообщить ему, что ему незачем вручать сейчас послание, но если Вышинский благожелательно отнесется к его письму, он должен изложить ему факты, содержащиеся в Вашем послании.

Пока же я попрошу его как можно скорее передать нам по телеграфу содержание письма, которое он послал Вышинскому, и переслать нам текст при первой возможности».

Я был раздражен этим и происшедшей задержкой. Это было единственное послание перед нападением Германии, которое я направил непосредственно Сталину. Его краткость, исключительный характер сообщения, тот факт, что оно исходило от главы правительства и должно было быть вручено послом лично главе русского правительства, — все это должно было придать ему особое значение и привлечь внимание Сталина.

Премьер-министр — министру иностранных дел

16 апреля 1941 года

«Я придаю особое значение вручению этого личного послания Сталину. Я не могу понять, почему этому противятся. Посол не сознает военной значимости фактов. Прошу Вас выполнить мою просьбу».

И снова:

Премьер-министр — министру иностранных дел

18 апреля 1941 года

«Вручил ли сэр Стаффорд Криппс Сталину мое личное письмо с предостережением насчет германской опасности? Меня весьма удивляет такая задержка, учитывая значение, которое я придаю этой крайне важной информации».

Ввиду этого 18 апреля министр иностранных дел телеграфировал послу, велев ему вручить мое послание. Так как от сэра Стаффорда Криппса не было получено никакого ответа, я спросил, что же произошло.

Премьер-министр — министру иностранных дел

30 апреля 1941 года

«Когда сэр Стаффорд Криппс вручил мое послание Сталину? Не будете ли Вы так добры запросить его».

Министр иностранных дел — премьер-министру

30 апреля 1941 года

«Сэр Стаффорд Криппс направил послание Вышинскому 19 апреля, а Вышинский уведомил его письменно 23 апреля, что оно вручено Сталину.

Весьма сожалею, что по ошибке телеграммы, сообщающие об этом, не были посланы Вам вовремя. Прилагаю копии».

Вот что содержалось в этих приложениях:

Стаффорд Криппс, Москва — министру иностранных дел

19 апреля 1941 года

«Сегодня я отправил текст послания Вышинскому, попросив передать его Сталину. Из Вашей телеграммы не было ясно, следовало ли включить комментарии в послание или же добавить от себя лично, и поэтому, ввиду моего письма Вышинскому от 11 апреля и моего вчерашнего свидания с ним, я предпочел воздержаться от добавления каких-либо комментариев, которые могли быть только повторением».

Стаффорд Криппс, Москва — министру иностранных дел

22 апреля 1941 года

«Сегодня Вышинский письменно уведомил меня, что послание вручено Сталину».

Я не могу составить окончательного суждения о том, могло ли мое послание, будь оно вручено с надлежащей быстротой и церемониями, изменить ход событий. Тем не менее я все еще сожалею, что мои инструкции не были выполнены должным образом. Если бы у меня была прямая связь со Сталиным, я, возможно, сумел бы предотвратить уничтожение столь большой части его авиации на земле.

* * *

Мы знаем теперь, что в своей директиве от 18 декабря Гитлер назначил вторжение в Россию на 15 мая и что в ярости, вызванной революцией в Белграде, он 27 марта отодвинул эту дату на месяц, а затем — до 22 июня. До середины марта переброска войск на севере на главный русский фронт не носила такого характера, чтобы для сокрытия ее немцам нужно было принимать какие-либо особые меры. Однако 13 марта Берлин издал распоряжение закончить работу русских комиссий, действовавших на германской территории, и отослать их домой. Пребывание русских в этой части Германии могло быть разрешено только до 25 марта. В северном секторе уже сосредоточивались германские соединения. С 20 марта должна была начаться еще более крупная концентрация сил¹.

22 апреля Советы пожаловались германскому министерству иностранных дел на продолжающиеся и усиливающиеся нарушения границы СССР германскими самолетами. С 27 марта по 18 апреля было зарегистрировано 80 таких случаев. «Вполне вероятно, — говорилось в русской ноте, — что следует ожи-

¹ См.: Nazi-Soviet Relations. P. 279.

дать серьезных инцидентов, если германские самолеты будут и впредь перелетать через советскую границу».

В ответ немцы выдвинули ряд встречных жалоб на советские самолеты.

* * *

13 апреля из Москвы в Берлин прибыл Шуленбург. 28 апреля его принял Гитлер, который произнес перед своим послем тираду по поводу жеста русских в отношении Югославии. Шуленбург, судя по его записи этого разговора, пытался оправдать поведение Советов. Он сказал, что Россия встревожена слухами о предстоящем нападении Германии. Он не может поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию. Гитлер заявил, что события в Сербии послужили ему предостережением. То, что произошло там, является для него показателем политической ненадежности государств. Но Шуленбург придерживался тезиса, лежавшего в основе всех его сообщений из Москвы. «Я убежден, что Сталин готов пойти на еще большие уступки нам. Нашим экономическим представителям уже указали, что (если мы сделаем своевременно заявку) Россия сможет поставлять нам до 5 миллионов тонн зерна в год»¹.

30 апреля Шуленбург вернулся в Москву, глубоко разочарованный свиданием с Гитлером. У него создалось ясное впечатление, что Гитлер склоняется к войне. Видимо, Шуленбург даже пытался предупредить на этот счет русского посла в Берлине Деканозова и вел упорную борьбу в эти последние часы своей политики, направленной к русско-германскому взаимопониманию.

Официальный глава германского министерства иностранных дел Вайцзекер, несомненно, дал своему начальству хороший совет, и мы можем только радоваться, что оно не последовало этому совету. Вот что написал он по поводу этого свидания:

Вайцзекер, Берлин — Риббентропу 28 апреля 1941 года

«Я могу выразить одной фразой свои взгляды на русско-германский конфликт. Если бы каждый русский город, обращенный в пепел, имел для нас такую же ценность, как потопленный английский военный корабль, я предложил бы начать германо-русскую войну этим летом. Но я считаю, что мы победили бы Россию лишь в военном отношении и, с другой стороны, проиграли бы в экономическом отношении.

Может быть, и соблазнительно нанести коммунистической системе смертельный удар, и можно также сказать, что логика

¹ Nazi-Soviet Relations. P. 332.

вещей требует, чтобы Евразийский континент был противопоставлен англосаксам и их сторонникам. Но единственное решающее соображение заключается в том, ускорит ли это падение Англии.

Мы должны различать две возможности:

а) Англия близка к краху. Если мы примем эту посылку, то, создав себе нового противника, мы лишь ободрим Англию. Россия не является потенциальным союзником англичан. Англия не может ожидать от России ничего хорошего. В России не связывают никаких надежд с отсрочкой краха Англии, так же как вместе с Россией мы не уничтожаем никаких надежд Англии.

б) Если мы не верим в близкий крах Англии, тогда напрашивается мысль, что, применив силу, мы должны будем снабжать себя за счет советской территории. Я считаю само собой разумеющимся, что мы успешно продвинемся до Москвы и дальше. Однако я весьма сомневаюсь, будем ли мы в состоянии воспользоваться завоеванным ввиду известного пассивного сопротивления славян. Я не вижу в русском государстве какой-либо действенной оппозиции, способной заменить коммунистическую систему, войти в союз с нами и быть нам полезной. Поэтому нам, вероятно, пришлось бы считаться с сохранением сталинской системы в Восточной России и в Сибири и с возобновлением военных действий весной 1942 года. Окно в Тихий океан осталось бы закрытым.

Нападение Германии на Россию послужило бы лишь источником моральной силы для англичан. Оно было бы истолковано ими как неуверенность Германии в успехе ее борьбы против Англии. Тем самым мы не только признали бы, что война продлится еще долго, но и могли бы действительно затянуть ее, вместо того чтобы сократить».

7 мая Шуленбург с надеждой сообщил, что Сталин стал председателем Совета Народных Комиссаров вместо Молотова и тем самым — главой правительства Советского Союза.

«Причину этого можно искать в допущенных за последнее время ошибках во внешней политике, приведших к охлаждению сердечных германо-советских отношений, к установлению и сохранению которых реально стремился Сталин.

На своем новом посту Сталин берет на себя ответственность за все акты правительства как во внутренней, так и во внешней областях... Я убежден, что Сталин использует свое новое положение, чтобы лично принять участие в поддержании и развитии хороших отношений между Советами и Германией».

Германский военно-морской атташе в сообщении из Москвы следующим образом выразил ту же точку зрения: «Ста-

лин — оплот германо-советского сотрудничества». Примеры умиротворения русскими Германии множилось. 3 мая Россия официально признала прогерманское правительство Рашида Али в Ираке. 7 мая из России были высланы дипломатические представители Бельгии и Норвегии. Был вышвырнут даже югославский посланник. В начале июня из Москвы была изгнана греческая миссия. Как писал впоследствии в своем докладе о военной экономике рейха заведующий экономическим отделом германского военного министерства генерал Томас, «русские выполняли свои поставки до самого кануна нападения, и в последние дни доставка каучука с Дальнего Востока производилась курьерскими поездами».

Мы, конечно, не располагали полной информацией о настроениях в Москве, но цели Германии казались ясными и понятными. 16 мая я телеграфировал генералу Смэтсу: «Похоже на то, что Гитлер накапливает силы против России. На север с Балкан и на восток из Германии и Франции идет непрерывное движение войск, танковых сил и самолетов». Сталин, должно быть, старался изо всех сил сохранить свои иллюзии в отношении политики Гитлера. 13 июня, после еще одного месяца усиленной переброски и развертывания германских войск, Шуленбург смог телеграфировать германскому министерству иностранных дел:

«Народный комиссар Молотов только что вручил мне текст следующего сообщения ТАСС, которое будет передано сегодня вечером по радио и опубликовано завтра в газетах:

«Еще до приезда английского посла в СССР Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам:

1. Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового соглашения между ними.

2. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР.

3. Советский Союз в свою очередь будто бы стал усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым заявить, что эти слухи являются неуклюжей пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны».

Гитлер имел все основания быть довольным успехом своих мер, принятых им в целях обмана и сокрытия своих истинных намерений, а также настроениями своей жертвы¹.

Последний просчет Молотова стоит того, чтобы рассказать о нем.

Шуленбург, Москва — германскому министерству иностранных дел

22 июня 1941 года
1 час 17 минут утра

«Сегодня в 9 часов 30 минут вечера Молотов вызвал меня к себе в кабинет. Упомянув о сообщениях относительно неоднократных нарушений границы германскими самолетами и заметив, что Деканозову поручено в связи с этим посетить министра иностранных дел Германии, Молотов заявил следующее:

Имеется ряд указаний на то, что германское правительство недовольно Советским правительством. Ходят даже слухи о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом. Они подкрепляются тем фактом, что Германия никак не реагировала на сообщение ТАСС от 15 июня и что это сообщение не было даже опубликовано в Германии. Советское правительство не в состоянии понять причин недовольства Германии. Если такое недовольство вызвал в свое время югославский вопрос, то он (Молотов) считает, что он разъяснил этот вопрос в своих прежних сообщениях, и к тому же это дело прошлое. Он был бы признателен, если бы я мог сказать ему, чем вызвано нынешнее положение в отношениях между Германией и Советской Россией.

Я сказал, что не могу ответить на его вопрос, так как не располагаю нужной информацией, но что я передам его заявление в Берлин».

* * *

Но час пробил.

¹ 14 июня 1941 г. было опубликовано сообщение ТАСС с содержанием, аналогичным приведенному донесению Шуленбурга. По замыслу Советского правительства, оно имело целью показать немцам, что СССР строго соблюдает верность пакту о ненападении с Германией, и привлечь немцев к переговорам по разрешению спорных проблем. Расчет был на то, что переговоры затянутся до осени и благоприятное для нападения летнее время будет упущено. Это позволило бы оттянуть начало войны до 1942 г., когда, по убеждению Сталина, СССР был бы готов к войне.

Однако на деле все получилось по-другому. Германское правительство не отреагировало на заявление ТАСС, тогда как советский народ и (что особенно пагубно) его Вооруженные Силы были дезориентированы за неделю до начала войны: вместо повышения бдительности их призывали к благодушию.

«1. По получении этой телеграммы весь шифрованный материал, еще находящийся там, подлежит уничтожению. Радиостанцию надо привести в негодность.

2. Уведомите, пожалуйста, тотчас же Молотова, что вы должны сделать ему срочное сообщение и поэтому хотели бы немедленно посетить его. Затем сделайте ему следующее заявление:

«...Правительство Германии заявляет, что Советское правительство, вопреки взятым на себя обязательствам, 1) не только продолжало, но даже усилило свои подрывные действия в отношении Германии и Европы; 2) проводит все более антигерманскую внешнюю политику; 3) сосредоточило все свои силы в состоянии готовности на германской границе.

Тем самым Советское правительство нарушило свои договоры с Германией и собирается напасть с тыла на Германию, ведущую борьбу за существование. Поэтому фюрер приказал германским вооруженным силам отразить эту угрозу всеми средствами, имеющимися в их распоряжении».

Прошу не вступать ни в какое обсуждение данного заявления. Правительство Советской России обязано обеспечить безопасность сотрудников посольства».

В 4 часа утра 22 июня Риббентроп передал русскому послу в Берлине официальный документ об объявлении войны. На рассвете Шуленбург явился в Кремль к Молотову. Последний молча выслушал заявление, зачитанное германским послом, и затем заметил: «Это война. Ваши самолеты только что подвергли бомбардировке около 10 беззащитных деревень. Вы считаете, что мы заслужили это?»¹

Ввиду сообщения ТАСС нам было бесполезно прибавлять что-либо к различным предостережениям, которые Иден делал советскому послу в Лондоне. Точно так же мне незачем было возобновлять личные попытки открыть глаза Сталину на угрожавшую ему опасность. Еще более точную информацию постоянно посылали Советскому правительству Соединенные Штаты, но, что бы мы ни делали, мы не были в состоянии пробить стену слепой предубежденности и предвзятых мнений, которую Сталин воздвиг между собой и

¹ Это был последний акт дипломатической карьеры графа Шуленбурга. В конце 1943 г. его имя называют в кругах участников тайного заговора против Гитлера в Германии в качестве кандидата на пост министра иностранных дел в правительстве, которое должно было сменить нацистский режим. Это объяснялось тем, что он считался особенно подходящей фигурой для заключения сепаратного мира со Сталиным. После покушения на Гитлера в июле 1944 г. Шуленбург был арестован нацистами и заключен в тюрьму. 10 ноября он был казнен. — *Примеч. авт.*

страшной истиной. Хотя, по подсчетам немцев, на советских границах было сосредоточено 186 русских дивизий, из которых 119 находились на германском фронте, русские армии были в значительной степени застигнуты врасплох. Немцы не обнаружили никаких признаков наступательных приготовлений в передовой полосе, и русские войска прикрития были быстро смяты. На русских аэродромах повторилось в гораздо больших масштабах нечто вроде той катастрофы, которая постигла 1 сентября 1939 года польскую авиацию. На рассвете много сотен русских самолетов было застигнуто врасплох и уничтожено, прежде чем они успели подняться в воздух. Злобный бред, распространявшийся советской пропагандистской машиной в ночном эфире по адресу Англии и Соединенных Штатов, был заглушен на заре германской канонадой. Злые не всегда умны — так же как диктаторы не всегда правы.

* * *

Нельзя закончить этот рассказ, не упомянув об ужасной политике, принятой Гитлером по отношению к его новым врагам и проводившейся в обстановке смертельной борьбы на обширных бесплодных или опустошенных землях и в условиях ужасной зимы. На совещании 14 июня 1941 года он отдал устные приказы, которые в значительной степени определили поведение германской армии по отношению к русским войскам и населению и привели к множеству жестоких и варварских поступков. Согласно документам Нюрнбергского процесса, генерал Гальдер показал:

«Перед нападением на Россию фюрер созвал совещание всех командующих и лиц, связанных с верховным командованием, по вопросу о предстоящем нападении на Россию. Я не могу припомнить точной даты этого совещания... На этом совещании фюрер заявил, что методы, используемые в войне против русских, должны отличаться от методов, применяемых против Запада... Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это русская борьба. Он заявил, что, поскольку русские не подписали Гаагской конвенции, в обращении с их военнопленными не следует придерживаться статей этой конвенции... Он также сказал, что так называемые комиссары не должны рассматриваться как военнопленные»¹.

Кейтель в свою очередь заявил:

«Гитлер упирал главным образом на то, что это решающая битва между двумя идеологиями и что этот факт иск-

¹ Nuremberg Documents. Part VI. P. 310.

лючает возможность применения в этой войне (с Россией) методов, которые были известны нам, военным, и которые считались единственно правильными согласно международному праву»¹.

* * *

В пятницу вечером, 20 июня, я выехал один в Чекерс. Я знал, что нападение Германии на Россию является вопросом дней, а может быть, и часов. Я намеревался выступить в субботу вечером по радио с заявлением по этому вопросу. Разумеется, мое выступление должно было быть составлено в осторожных выражениях, тем более что в этот момент Советское правительство, в одно и то же время высокомерное и слепое, рассматривало каждое наше предостережение просто как попытку потерпевших поражение увлечь за собой к гибели и других. Поразмыслив в машине, я отложил свое выступление до вечера воскресенья, когда, как я думал, все станет ясным. Таким образом, суббота прошла в обычных трудах.

За пять дней до этого, 15 июня, я послал президенту Рузвельту следующую телеграмму:

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

15 июня 1941 года

«Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию. Главные германские армии дислоцированы на всем протяжении от Финляндии до Румынии, и заканчивается сосредоточение последних авиационных и танковых сил. Карманный линкор «Лютцов», высунувший вчера свой нос из Скагеррака и моментально торпедированный самолетами нашей береговой авиации, вероятно, направлялся на север, чтобы укрепить военно-морские силы на арктическом фланге. Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, — это Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для Вас никаких затруднений».

Американский посол, проводивший уик-энд у меня, привез ответ президента на мое послание. Президент обещал, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-

¹ Nuremberg Documents. Part XI. P. 16.

министр, приветствуя Россию как союзника». Уайнант передал устно это важное заверение.

* * *

Когда я проснулся утром 22 июня, мне сообщили о вторжении Гитлера в Россию. Уверенность стала фактом. У меня не было ни тени сомнения, в чем заключаются наш долг и наша политика. Не сомневался я и в том, что именно мне следует сказать. Оставалось лишь составить заявление. Я попросил немедленно известить, что в 9 часов вечера я выступлю по радио. В этот момент ко мне в спальню вошел с подробными известиями генерал Дилл, поспешивший ко мне из Лондона. Немцы вторглись в Россию на широчайшем фронте, застigli на аэродромах врасплох значительную часть советской авиации и, по-видимому, двигались вперед с огромной быстротой и стремительностью. Начальник имперского генерального штаба добавил: «Я полагаю, что они огромными массами будут попадать в окружение».

Весь день я работал над своим заявлением. Я не имел времени проконсультироваться с военным кабинетом, да в этом и не было необходимости. Я знал, что в этом вопросе мы все мыслим одинаково. Иден, лорд Бивербрук и сэр Стаффорд Криппс — он покинул Москву 10 июня — также находились со мной в течение всего дня.

* * *

В данной связи может представить интерес рассказ моего личного секретаря Колвилла, дежурившего эту субботу и воскресенье в Чекерсе.

«1. В субботу, 21 июня, я приехал в Чекерс перед самым обедом. Там гостили г-н и г-жа Уайнант, г-н и г-жа Иден и Эдуард Бриджес. За обедом Черчилль сказал, что нападение Германии на Россию является теперь неизбежным и что, по его мнению, Гитлер рассчитывает заручиться сочувствием капиталистов и правых в Англии и в США. Гитлер, однако, ошибается в своих расчетах. Мы окажем России всемерную помощь. Уайнант сказал, что то же самое относится и к США.

После обеда, когда я прогуливался с Черчиллем по крокетной площадке, он вернулся к этой теме, и я спросил, не будет ли это для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа. Черчилль ответил: «Нисколько. У меня лишь одна цель — уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин».

2. На следующее утро я был разбужен в 4 часа телефонным звонком из министерства иностранных дел, откуда сообщили, что Германия напала на Россию. Премьер-министр всегда говорил, чтобы его не будили ни в коем случае, разве только если начнется вторжение (в Англию). Поэтому я отложил сообщение до 8 часов утра. Единственным его замечанием было: «Передайте на радиостанцию БРК, что я выступлю сегодня в 9 часов вечера». Он начал готовить свою речь в 11 часов утра и, если не считать завтрака, на котором присутствовали сэр Стаффорд Криппс, лорд Крэнборн и лорд Бивербрук, посвятил ей весь день... Речь была готова лишь без двадцати девять».

В своем выступлении я сказал:

«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем¹. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все, — о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десятков стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

¹ Известно, что Черчилль был убежденным противником коммунизма и одним из организаторов интервенции против Советской России в годы гражданской войны. Однако здесь, сравнивая нацистский режим с коммунизмом, Черчилль имеет в виду под понятием «коммунизм» сталинскую репрессивную систему, использовавшую средства подавления инакомыслящих.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий...

Я должен заявить о решении правительства его величества, и я уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я скажу, что если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается. Напротив, это еще больше укрепит и поощрит наши усилия спасти человечество от его тирании. Это укрепит, а не ослабит нашу решимость и наши возможности.

Сейчас не время морализировать по поводу безумия стран и правительств, которые позволили разбить себя поодиночке, когда совместными действиями они могли бы спасти себя и мир от этой катастрофы. Но когда несколько минут назад я говорил о кровожадности и алчности Гитлера, соблаздивших и толкнувших его на авантюру в России, я сказал, что за его преступлением скрывается один более глубокий мотив. Он хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров, который, как ему известно, он должен завоевать, или же ему придется понести кару за свои преступления. Его вторжение в Россию — это лишь пре-

люди к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что сможет снова повторить в большем масштабе, чем когда-либо, тот процесс уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому он так долго преуспевал и процветал, и что затем будет расчищена сцена для последнего акта, без которого были бы тщетны все его завоевания, а именно для покорения своей воле и подчинения своей системе Западного полушария.

Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни».

Часть вторая ВОЙНА ПРИХОДИТ В АМЕРИКУ

Глава первая

НАШ СОВЕТСКИЙ СОЮЗНИК

Вторжение Гитлера в Россию вызвало переоценку ценностей и изменило отношение военного времени. Советские руководители были настолько ослеплены своими предрассудками, что не предприняли многих из тех шагов, которые диктовались соображениями их же собственной безопасности. С другой стороны, благодаря тому, что они проявили равнодушие к судьбе других, они выиграли время, и, когда 22 июня 1941 года пробило час их испытаний, они оказались гораздо сильнее, чем воображал Гитлер. Возможно, что не только он, но и его генералы были введены в заблуждение неудачными действиями русских против финнов. Тем не менее именно русские были застигнуты врасплох и на них с самого начала обрушились огромные несчастья.

До того момента, пока Россия не подверглась нападению Германии, ее правительство, по-видимому, ни о ком не заботилось, кроме как о себе. Впоследствии это настроение, естественно, стало проявляться еще ярче. До сих пор советские руководители с каменным спокойствием наблюдали крушение фронта во Франции в 1940 году и наши безуспешные попытки создать в 1941 году фронт на Балканах. Они оказывали нацистской Германии значительную экономическую, а также и другую, менее существенную помощь. Теперь, когда они были обмануты и застигнуты врасплох, они сами оказались под пламенеющим немецким мечом. Их первым порывом было — затем это стало их постоянной политикой — потребовать всевозможной помощи от Великобритании и ее империи, той самой империи, планы возможного раздела которой между Сталиным и Гитлером в течение последних восьми месяцев отвлекали внимание советских руководителей от сосредоточения немецких сил на Востоке¹. Не колеблясь, они стали в настоятельных и резких выражениях требовать от измученной и сражающейся Ан-

¹ Говоря о советском участии в планах германского фашизма по разделу Британской империи, Черчилль отходит от исторической правды. Предложение гитлеровского правительства Молотову во время его визита в Берлин в ноябре 1940 г. о передаче Индии в сферу интересов СССР было отвергнуто Советским правительством. В дальнейшем к этому вопросу стороны не возвращались. Так что говорить о «восьми месяцах» неправомерно.

глии отправки им военных материалов, которых так не хватало ее собственной армии. Они настаивали, чтобы Соединенные Штаты переадресовали им максимальное количество различных материалов, на которые рассчитывали мы, и, более того, уже летом 1941 года они требовали высадки англичан в Европе, любой ценой и невзирая на риск, с целью создания второго фронта.

Мы не позволяли этим довольно печальным и постыдным фактам влиять на наш образ мыслей и старались видеть только героические жертвы русского народа, которые ему приходилось нести в результате бедствий, навлеченных на него его правительством, и его самоотверженную борьбу за родную землю. Это, пока война продолжалась, компенсировало все.

* * *

Русские никогда ни в малейшей степени не понимали характера десантной операции, необходимой для того, чтобы высадить и удержать огромную армию на хорошо защищенном вражеском побережье. Даже американцы в это время в значительной мере не сознавали этих трудностей. В месте высадки необходимо было обеспечить не только господство на море, но и господство в воздухе. Надо было также учитывать еще и третий жизненно важный фактор. Основой успешной высадки любого десанта при наличии сильного сопротивления неприятеля должно быть наличие огромной армады специально сконструированных десантных судов, прежде всего различных самоходных танковых барж. Для создания этой армады, как это было и будет показано, я давно прилагал все свои усилия. Даже небольшая армада не могла быть готова ранее лета 1943 года, а достаточно мощная армада, как это теперь уже общепризнанно, не могла быть создана ранее 1944 года. В описываемый период, осенью 1941 года, мы не обладали господством в воздухе над оккупированной противником территорией Европы, за исключением Па-де-Кале, где находились самые сильные немецкие укрепления. Десантные суда еще только строились. У нас в Англии еще даже не было армии столь же крупной, столь же хорошо обученной и столь же хорошо оснащенной, как та, с которой мы должны были столкнуться во Франции. И все же до сих пор по вопросу о втором фронте извергаются целые потоки глупостей и лжи. Убедить Советское правительство не было, разумеется, ни малейшей надежды ни тогда, ни в любое другое время. Впоследствии Сталин даже как-то заявил мне, что, если англичане боятся, он готов послать три-четыре русских армейских кор-

пуса, которые справятся с этим делом. Из-за недостатка судов и других материальных факторов я был лишен возможности поймать его на слове¹.

* * *

Советское правительство никак не откликнулось на мое обращение по радио к России и ко всему миру в день нападения Германии, если не считать того, что выдержки из него были напечатаны в «Правде» и в других русских правительственных органах и что нас попросили принять русскую военную миссию. Молчание в высших сферах было тягостным, и я считал своей обязанностью сломать лед.

Я вполне понимал, что они, возможно, испытывают неловкость, учитывая все, что произошло между Советским Союзом и западными союзниками после начала войны, и помня о том, что было 20 лет назад между мной и большевистским революционным правительством. Поэтому я обратился лично к Сталину и сообщил о нашем намерении помочь русскому народу всем, чем только мы можем.

¹ В 1941 г. Советское правительство не ставило вопрос о сроках открытия второго фронта. Оно лишь указывало стратегически наиболее целесообразный район высадки союзного десанта — Северо-Западную или Северную Францию. Целесообразность высадки именно в этом месте подчеркивали и американские военные специалисты в 1942 г. и позднее. Решение открыть второй фронт в Западной Европе в 1942 г. с целью сковать 30—40 дивизий противника во Франции было принято в ходе советско-английских и советско-американских переговоров весной и летом 1942 г.

При этом речь шла не о победоносном наступлении, как в 1944 г., а лишь об образовании плацдарма, отвлекающего на себя незначительную часть вражеских войск. Однако горячим противником этой идеи был именно Черчилль, ратовавший за «средиземноморскую стратегию» союзников и оставшийся верным этой идее вплоть до конца войны. Что касается материальных средств, в том числе транспортных и танкодесантных судов, то они либо имелись, либо могли быть созданы к концу 1942 — началу 1943 г. Сам же Черчилль в главе «Аппарат контрабанды» (том 1) пишет, что уже в 1940 г. в Англии было налажено производство танкодесантных плоскодонных барж, способных перевозить тяжелую технику через Ла-Манш. Однако эти суда не годились для длительных морских переходов. Поэтому, когда было принято решение высадиться не во Франции, а в Северной Африке, они были сняты с производства. Таким образом, проблема заключалась не в недостатке материальных средств (возможности для их быстрого создания имелись), а в политическом решении. Поскольку руководство союзников приняло решение высадиться в Африке, то и все приготовления исходили из нужд этого театра военных действий. Высадка в Африке в 1942 г. predetermined и отказ от создания второго фронта в 1943 г., поскольку главные силы союзников к весне этого года находились в Средиземноморье. Известный американский дипломат А. Гарриман писал, что высадка в Африке «показала, что западные союзники могли развернуть подобное наступление на побережье Нормандии или Бретани. Им не хватало лишь желания нанести удар на Западе» (Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941—1946. N. Y., 1975. P. 175).

8 июля 1941 года

«Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение. Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы. Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить. Английские воздушные силы производят как днем, так и ночью большие налеты на все оккупированные Германией территории и на саму Германию в пределах досягаемости. Около 400 самолетов совершали вчера дневные налеты по ту сторону моря. В субботу вечером более 200 тяжелых бомбардировщиков совершили налет на германские города. Некоторые из них несли бомбы по три тонны весом, а прошлой ночью в операциях участвовало около 250 тяжелых бомбардировщиков. Так будет и впредь. Мы надеемся таким путем заставить Гитлера вернуть часть своих военно-воздушных сил на запад и постепенно ослабить бремя, лежащее на Вашей стране. Кроме того, по моему желанию Адмиралтейство подготовило серьезную операцию, которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике, после чего, я надеюсь, будет установлен контакт между британскими и русскими военно-морскими силами. Тем временем в операциях у норвежских берегов мы перехватили различные транспортные пароходы, направлявшиеся на север против Вашей страны.

Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласования будущих планов.

Нам нужно лишь продолжать прилагать все усилия, чтобы вышибить дух из злодеев».

Первым шагом, который следовало сделать, очевидно, было установление допускаемого советскими властями контакта с русским военным командованием. В соответствии с этим тотчас же после получения необходимого согласия наших новых союзников в Москву была послана авторитетная военная миссия. Настоятельно необходимо было также установить контакт между двумя флотами. 10 июля я отправил следующее отношение морскому министерству:

*Премьер-министр — военно-морскому министру
и начальнику военно-морского штаба*

10 июля 1941 года

«Представляется совершенно необходимым отправить небольшую смешанную английскую эскадру в Арктику для ус-

тановления контакта и для совместных действий с русскими военно-морскими силами. Это должно быть сделано до проведения подготавливаемой нами операции. Впечатление, которое произведет на русский военно-морской флот и вообще на сражающуюся русскую армию прибытие в Арктику этих кораблей, которые будут именоваться английским флотом, может иметь огромное значение. Прибытие кораблей в Арктику позволит нам также сэкономить большое количество крови англичан.

Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключенный Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства, — что я вполне сознаю, — ради того, чтобы поддержать их дух... Эскадра, несомненно, должна будет отправиться в Архангельск.

Сообщите мне, пожалуйста, об этом, как только сможете».

* * *

На этой ранней стадии мы также надеялись, что нам удастся заложить основы военного союза между двумя странами.

Премьер-министр — премьеру Сталину

10 июля 1941 года

«Тотчас же по получении от сэра Стаффорда Криппса донесения о его беседе с Вами и о сделанном при этом предложении об англо-советской согласованной декларации, включающей два пункта, а именно:

а) взаимопомощь без точного обозначения ее размеров или характера и

б) обязательство каждой стороны не заключать сепаратного мира,

мною было созвано заседание британского Военного кабинета с участием Премьера доминиона Новая Зеландия г-на Фрезера, находящегося в настоящее время в Лондоне. Как Вы поймете, нам будет необходимо запросить мнение доминионов — Канады, Австралии и Южной Африки. Мне хотелось бы, однако, тем временем заверить Вас, что мы всецело одобряем предложение, сделанное Вами о согласованной англо-советской декларации. Мы считаем, что подписание декларации должно было бы состояться тотчас же по получении ответов

от правительств доминионов и что немедленно вслед за этим следовало бы предать ее гласности».

Премьер Сталин — премьер-министру

18 июля 1941 года

«Разрешите поблагодарить Вас за оба личных послания.

Ваши послания положили начало соглашению между нашими правительствами. Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией. Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага.

Может быть, не лишне будет сообщить Вам, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным. Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск. Можно предположить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было

бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев».

Премьер-министр — премьеру Сталину

21 июля 1941 года

«Я был весьма рад получить Ваше послание и узнать из многих источников о доблестной борьбе и многочисленных сильных контратаках, при помощи которых русские военные силы защищают свою родную землю. Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара.

Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано. Я прошу Вас, однако, иметь в виду ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением. С первого дня германского нападения на Россию мы рассматривали возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды. Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу. Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием и ошетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами. Единственный участок, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить прикрытие самолетами-истребителями, — это участок от Дюнкерка до Булони. Здесь имеется сплошная цепь укреплений, причем десятки тяжелых орудий господствуют над подходами с моря, многие из них могут вести огонь через пролив. Ночное время длится менее пяти часов, причем даже в этот период вся местность освещается прожекторами. Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение, а небольшие набеги повели бы лишь к неудачам и причинили бы гораздо больше вреда, чем пользы, нам обоим. Все кончилось бы так, что им не пришлось бы перебрасывать ни одной из частей с Ваших фронтов, или это кончилось бы раньше, чем они могли бы это сделать.

Вы должны иметь в виду, что более года мы вели борьбу совершенно одни и что, хотя наши ресурсы растут и огненные будут расти быстро, наши силы напряжены до крайности как в метрополии, так и на Среднем Востоке, на суше и в воздухе, а также что в связи с битвой за Атлантику, от исхода которой зависит наша жизнь, и в связи с проводкой всех наших конвоев, за которыми охотятся подводные лодки и самолеты «фок-

ке-вульф», наши военно-морские силы, хотя они и велики, напряжены до крайнего предела.

Однако если говорить о какой-либо помощи, которую мы могли бы оказать быстро, то нам следует обратить наши взоры на Север. Военно-морской штаб в течение прошедших трех недель подготавливал операцию, которую должны провести самолеты, базирующиеся на авианосцы, против германских судов в Северной Норвегии и Финляндии, надеясь таким образом лишить врага возможности перевозить войска морем для нападения на Ваш фланг в Арктике. Мы обратились к Вашему Генеральному Штабу с просьбой удержать русские суда от плавания в известном районе между 28 июля и 2 августа, когда мы надеемся нанести удар. Во-вторых, мы направляем теперь же некоторое число крейсеров и эсминцев к Шпицбергену, откуда они будут иметь возможность совершать нападения на неприятельские пароходы сообща с Вашими военно-морскими силами. В-третьих, мы посылаем подводные лодки для перехвата германских транспортов вдоль арктического побережья, хотя при постоянном дневном свете такие операции особенно опасны. В-четвертых, мы посылаем минный заградитель с различными грузами в Архангельск. Это самое большое, что мы в силах сделать в настоящее время. Я хотел бы, чтобы можно было сделать больше. Умоляю Вас сохранить это в строжайшей тайне до того момента, когда мы сообщим Вам, что огласка не принесет вреда.

Норвежской легкой дивизии не существует, и было бы невозможно при постоянном дневном свете, не обеспечив заранее достаточного прикрытия со стороны самолетов-истребителей, высадить войска, будь то британские или русские, на занятую немцами территорию. Мы познали горечь неудач в Намсосе в прошлом году и на Крите в этом году, пытаюсь осуществить подобные операции.

Мы также изучаем в качестве дальнейшего шага возможность базирования на Мурманск нескольких эскадрилий британских самолетов-истребителей. Для этого понадобилось бы на первых порах партия зенитных орудий, кроме наземного личного состава и оборудования, а вслед за тем прибыли бы самолеты, причем некоторые из них могли бы подняться с авианосцев, а другие доставлялись бы в ящиках. Когда они обоснуются, наша эскадра из Шпицбергена могла бы, возможно, прибыть в Мурманск. Мы уверены, что, как только станет известно о присутствии наших военно-морских сил на Севере, немцы немедленно прибегнут к своему неизменному методу противопоставления нашим вооруженным силам крупных сил пикирующих бомбардировщиков, и поэтому необходимо действовать постепенно. На все это, однако, потребуется несколько недель.

Прошу предложить не колеблясь что-либо другое, о чем Вам придет мысль. Мы же в свою очередь будем тщательно искать другие способы нанести удар по нашему общему врагу».

* * *

С первого же момента я делал все, что мог, для оказания помощи вооружением и различными материалами, соглашаясь на отправку в Россию из Соединенных Штатов значительной части того, что предназначалось нам, а также идя на прямые жертвы за счет Англии. В начале сентября на корабле «Аргус» было отправлено в Мурманск примерно две эскадрильи «харрикейнов» для оказания помощи в обороне военно-морской базы и для взаимодействия с русскими силами в этом районе. К 11 сентября эти эскадрильи уже начали боевые действия. Они доблестно сражались на протяжении трех месяцев. Я прекрасно понимал, что в эти первые дни нашего союза мы могли сделать очень мало.

Премьер-министр — Сталину

26 июля 1941 года

«Я очень рад сообщить Вам, что Военный кабинет, несмотря на то что это серьезно уменьшит наши ресурсы истребителей, единодушно решил послать в возможно короткий срок в Россию двести истребителей «Томагавк». 140 из этих самолетов будут отправлены в Архангельск отсюда, а 60 — из числа заказанных нами в Соединенных Штатах. Подробности, связанные со снабжением запасными частями и с американским обслуживающим персоналом, необходимым для сборки машин, еще должны быть согласованы с Правительством Соединенных Штатов.

От двух до трех миллионов пар ботинок скоро будут готовы здесь к отправке. Мы также принимаем меры к поставке в течение этого года большого количества каучука, олова, шерсти и шерстяной одежды, джута, свинца и шеллака. Все другие Ваши запросы на сырье подвергаются тщательному рассмотрению. В случаях, когда мы не располагаем запасами, или в случаях, когда здешние запасы оказываются ограниченными, мы обсуждаем вопрос с США. Детали, конечно, будут сообщены через обычные официальные органы.

Мы наблюдаем с восхищением и волнением за всей замечательной борьбой Ваших армий. Все сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, указывают на тяжелые потери и тревогу противника. Наши воздушные налеты на Германию будут продолжаться с возрастающей мощью».

Каучук был дефицитным и драгоценным, а русские требовали его в самых больших количествах. Мне даже пришлось позаимствовать его из наших скромных запасов.

Премьер-министр — Сталину

28 июля 1941 года

«Что касается Вашей просьбы о поставке каучука, то мы отправим грузы отсюда или из США наилучшим и наиболее быстрым путем. Просим точно сообщить, какого сорта должен быть каучук и каким путем Вы желаете его получить. Уже отданы предварительные распоряжения...

Великолепное сопротивление русских армий в защите родной земли объединяет всех нас. Предстоящей зимой Германии придется испытать ужасную бомбардировку. Еще никто не испытал того, что им предстоит.

Военно-морские операции, упомянутые в моей прошлой телеграмме на Ваше имя, ныне осуществляются.

Искренне благодарю Вас за понимание, с которым Вы, будучи всецело занятым Вашей великой борьбой, относитесь к нашим трудностям, которые мешают нам сделать больше. Мы сделаем все, что в наших силах».

Премьер-министр — Сталину

1 августа 1941 года

«После моего личного вмешательства сделаны все необходимые приготовления для отправки отсюда десяти тысяч тонн каучука в один из Ваших северных портов. Ввиду крайней срочности Ваших требований мы принимаем на себя риск уменьшения на это количество наших запасов в метрополии, которые далеко не велики и на пополнение которых потребуется время.

Британские пароходы, которые повезут этот каучук и некоторые другие материалы, закончат погрузку в течение одной недели или максимум через десять дней и отправятся в один из Ваших северных портов, как только Адмиралтейство сможет сформировать конвой.

Это новое количество в 10 000 тонн является дополнительным к 10 000 тонн каучука, уже выделенным Вам из Малайи...»

* * *

Я всячески старался путем частого обмена личными телеграммами создать такие же дружественные отношения, какие сложились у меня с президентом Рузвельтом. За время этой длительной переписки с Москвой меня не раз осаживали и только изредка удостаивали добрым словом. Во многих случаях на мои телеграммы вовсе не отвечали или же ответ задерживался на много дней.

Советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную услугу, сражаясь в своей собственной стране за свою собственную жизнь. И чем дольше они сражались, тем

в большем долгу они нас считали. Это была не беспристрастная точка зрения. Два или три раза за время этой длительной переписки мне приходилось протестовать в резких выражениях, в особенности против скверного обращения с нашими моряками, которые подвергались стольким опасностям, доставляя предметы снабжения войск в Мурманск и в Архангельск.

Однако почти неизменно в ответ на запугивание и упреки я «пожимал плечами терпеливо: терпение — девиз»¹ всех, кому приходится иметь дело с Кремлем. Кроме того, я всегда делал скидку на те тяжелые условия, в которых находились Сталин и его неустранимый русский народ.

* * *

Позиция России в отношении Польши определяла на первой стадии наши взаимоотношения с Советами.

Нападение немцев на Россию не явилось неожиданностью для польских кругов за границей. Начиная с марта 1941 года польское правительство в Лондоне получало сведения от польского подполья о сосредоточении германских войск на западных границах России. В случае войны неизбежно должны были произойти коренные перемены в отношениях между Советской Россией и польским правительством в эмиграции. Прежде всего встал бы вопрос о том, в какой мере могли бы быть пересмотрены относящиеся к Польше статьи нацистско-советского пакта, заключенного в августе 1939 года, так, чтобы при этом не было нарушено единство англо-русского военного союза. Когда миру стало известно о нападении немцев на Россию, восстановление польско-русских отношений, прерванных в 1939 году, приобрело большое значение. 5 июля в Лондоне при посредничестве Англии начались переговоры между двумя правительствами.

Польшу представлял премьер-министр ее правительства в эмиграции генерал Сикорский, Россию — советский посол Майский. У поляков было две цели — добиться признания Советским правительством, что раздел Польши, учиненный Германией и Россией в 1939 году, является теперь недействительным, а также освобождения Россией всех польских военнопленных и гражданских лиц, вывезенных в Советский Союз после оккупации Россией восточных районов Польши.

Эти переговоры продолжались весь июль и происходили в атмосфере холодности. Русские упорно отказывались взять на себя какое-либо определенное обязательство, которое отвечало бы пожеланиям поляков. Россия считала, что вопрос о ее за-

¹ Слова Шейлока из пьесы Шекспира «Венецианский купец». Акт 1, сц. 3. — *Примеч. ред.*

падных границах не подлежит обсуждению. Можно ли было положиться на то, что она честно поступит в этом вопросе, когда закончатся военные действия в Европе, — что произойдет, быть может, в отдаленном будущем? Английское правительство с самого начала было поставлено перед дилеммой. Наше вступление в войну с Германией явилось прямым результатом наших гарантий Польше. Мы были обязаны поддерживать интересы нашего первого союзника. На этой стадии борьбы мы не могли признать законной оккупацию русскими польской территории в 1939 году. В это лето 1941 года, менее чем через две недели, после того как Россия оказалась на нашей стороне в борьбе против Германии, мы не могли заставить нашего нового союзника, очутившегося в большой опасности, отказаться хотя бы на бумаге от пограничных областей, которые он на протяжении ряда поколений считал жизненно важными для своей безопасности. Положение было безвыходным. Вопрос о будущей судьбе польских территорий необходимо было отложить до лучших времен. На нас лежала неприятная обязанность рекомендовать генералу Сикорскому положиться на добросовестность Советского Союза при будущем урегулировании русско-польских отношений и не настаивать в данный момент на каких-либо письменных гарантиях относительно будущего. Я, со своей стороны, искренне надеялся, что, став в борьбе против Гитлера товарищами по оружию, союзные державы в конце концов окажутся в состоянии разрешить территориальные вопросы путем дружеского обсуждения за столом конференции. А в разгар битвы, в этот важный момент войны, все должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий. В этой борьбе воскресшая польская армия, сформированная из многих тысяч поляков, находящихся сейчас в плену в России, должна была сыграть благородную роль. По этому вопросу русские, хотя и с осторожностью, выражали готовность пойти на соглашение.

30 июля, после многих ожесточенных споров, между польским и русским правительствами было достигнуто соглашение. Дипломатические отношения были восстановлены, и на русской территории должна была быть создана польская армия, подчиненная советскому Верховному Командованию. О границах не было упомянуто, если не считать общего заявления о том, что советско-германские договоры от 1939 года относительно территориальных изменений в Польше «утратили свою силу». В официальной ноте польскому правительству от 30 июля министр иностранных дел изложил нашу точку зрения:

«В связи с подписанием сегодня советско-польского соглашения я хочу воспользоваться случаем, чтобы поставить вас

в известность, что в соответствии с условиями соглашения о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей от 25 августа 1939 года правительство его величества в Соединенном Королевстве не брало на себя никаких обязательств в отношении Союза Советских Социалистических Республик, которые затрагивали бы отношения между СССР и Польшей. Я хочу также заверить вас, что правительство его величества не признает никаких территориальных изменений, произведенных в Польше после августа 1939 года».

Иден процитировал эту ноту в тот же день в палате общин и добавил:

«В параграфе 1 советско-польского соглашения говорится, что Советское правительство признает утратившими силу советско-германские договоры 1939 года о территориальных изменениях в Польше. Позиция правительства его величества в этом вопросе была уже в общих чертах изложена премьер-министром в палате общин 5 сентября 1940 года, когда он заявил, что правительство его величества не намерено признавать какие-либо территориальные изменения, происшедшие без добровольного согласия заинтересованных сторон. Это относится и к тем территориальным изменениям, которые были произведены в Польше после августа 1939 года, о чем я соответственно уведомил польское правительство в своей официальной ноте».

Отвечая на вопрос, Иден в заключение сказал:

«Обмен нотами, которые я только что огласил для сведения палаты, не влечет за собой каких-либо гарантий границ со стороны правительства его величества».

Этим дело и кончилось. В течение осени поляки были заняты тяжелой задачей — собрать тех своих соплеменников, которым удалось выжить в концентрационных лагерях Советского Союза.

* * *

Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной пользы нам оно не принесло. Немецкие армии были столь сильны, что казалось, они могут в течение многих месяцев по-прежнему угрожать вторжением в Англию, ведя одновременно наступление в глубь России. Почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены. То обстоятельство, что Советское правительство допустило, чтобы его авиация была застигнута врасплох на своих аэродромах, и что подготовка русских к войне была

далеко не совершенной, с самого начала поставило их в невыгодное положение. Сила Советского правительства, стойкость русского народа, неистощимые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии. Но ни один из этих факторов еще не сказался в 1941 году. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения.

Действительно, вступление русских в войну отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно значительно облегчило наше положение на Средиземном море. Однако, с другой стороны, мы были вынуждены пойти на тяжелые жертвы и лишения. Мы только-только начали как следует вооружаться. Наши военные заводы наконец-то стали в больших количествах производить всевозможные виды вооружения. Наши армии в Египте и Ливии вели тяжелые бои и требовали вооружения самых последних образцов, прежде всего танков и самолетов. Английские армии, находившиеся в метрополии, с нетерпением ожидали давно обещанного современного, непрерывно усложнявшегося вооружения, и оно наконец-то стало поступать к ним в большом количестве. И вот в этот самый момент мы были вынуждены поступиться очень значительным количеством нашего вооружения и жизненно важных материалов всевозможного рода, включая каучук и нефть. На нас пало бремя организации конвоев судов для перевозки английских и в еще большей степени американских поставок и доставки этих конвоев в Мурманск и Архангельск, несмотря на все опасности и тяготы плавания в этих арктических водах.

Все американские поставки фактически выделялись из того, что уже было успешно доставлено или должно было быть доставлено нам самим через Атлантический океан. Для того чтобы выделить такое огромное количество материалов и обойтись без возрастающего потока американской помощи, не поставив тем самым под угрозу наши операции в Западной пустыне, нам пришлось свернуть все диктовавшиеся благоразумием приготовления к обороне Малаккского полуострова и нашей восточной империи и владений от непрерывно возраставшей угрозы со стороны Японии.

Отнюдь не желая хотя бы в малейшей степени оспаривать вывод, который подтвердит история, а именно, что сопротивление русских сломало хребет германских армий и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации, справедливо указать на то, что более года после вступления

России в войну она нам казалась обузой, а не подспорьем¹. Тем не менее мы были рады иметь во время войны эту могущественную нацию на нашей стороне, и все мы считали, что, даже если советским армиям придется отойти к Уральским горам, Россия все еще будет представлять огромную, а если она будет стойко продолжать войну, то в конечном счете и решающую силу.

Глава вторая

АФРИКАНСКАЯ ПАУЗА. ТОБРУК

Генерал Окинлек принял командование на Среднем Востоке фактически 2 июля, а официально — 5 июля. Вступая в деловые отношения с новым командующим, я питал радужные надежды.

Премьер-министр — генералу Окинлеку

1 июля 1941 года

«Вы вступаете на свой ответственный командный пост в период кризиса. После того как Вы ознакомитесь со всеми фактами, от Вас будет зависеть решение о том, следует ли возобновить наступление в Западной пустыне, и если следует, то когда. При этом Вам нужно в особенности учитывать положение в Тобруке, переброску противником подкреплений в Ливию, а также тот факт, что немцы временно поглощены

¹ Здесь автор явно допускает политическую бестактность и отступает от исторической правды. С началом подготовки гитлеровской Германией войны против СССР наша страна стала важным фактором облегчения положения в Англии. В ходе битвы за Англию в 1940—1941 гг. интенсивность бомбардировок британских городов все более ослабевала по мере переброски главных сил люфтваффе на Восток. Это во многом помогло англичанам в борьбе с немецкой авиацией и в конечном счете позволило выиграть битву за Англию. Известный английский историк Дж. Батлер писал, что воздушное наступление на Англию «прекратилось в мае 1941 г. из-за того, что основные силы немецкой авиации необходимо было бросить на Россию» (Батлер Дж. Большая стратегия. М. 1959. С. 367).

Необходимость сосредоточения возможно большей группировки войск на советских границах не позволила Германии после захвата Крита (май 1941 г.) направить свои войска в Ирак и Сирию, создать угрозу Египту. В этом случае Англия, не имевшая там достаточно сил, была бы отрезана от источников нефтеснабжения, что, безусловно, еще более ухудшило бы ее положение.

С началом агрессии Германии против СССР советско-германский фронт стал главным фронтом Второй мировой войны и оставался им до победы над фашизмом. Здесь было уничтожено 73 процента войск и 75 процентов техники противника. Важность этого фронта для союзников неоднократно признавал и Черчилль. В период, о котором пишет автор, 70 процентов вермахта действовало против СССР и только 3 — против Англии. Вряд ли можно это квалифицировать как «обузу».

своим вторжением в Россию. Вам также следует принять во внимание неприятные и опасные последствия замедления операций в Сирии и необходимость добиться определенных результатов на одном или на обоих этих фронтах. Вы должны решить, можно ли сочетать эти операции, и если да, то каким образом. Вам, разумеется, ясна вся неотложность этих вопросов. Мы будем рады получить от Вас ответ как можно раньше».

4 июля генерал Окинлек ответил на мое послание. Он согласился с тем, что, как только будет обеспечена безопасность Сирии, а вместе с этим восстановлено и наше положение в Ираке, можно будет рассмотреть вопрос о наступлении в Западной пустыне. Однако для достижения успеха потребуется соответствующее количество бронетанковых войск. Он полагал, что понадобится две, а возможно и три бронетанковые дивизии и одна моторизованная. По соображениям, связанным со снабжением и управлением войсками, наступление с целью изгнать противника из Северной Африки придется вести по этапам. Первой задачей должно явиться отвоевание Киренаики, которое также придется осуществлять по этапам. В заключение генерал указывал, что одновременные действия в Западной пустыне и в Сирии «привели бы к неудаче на обоих фронтах».

Я решил, что следует полностью изложить нашу точку зрения.

Премьер-министр — генералу Окинлеку

6 июля 1941 года

«1. Я согласен, что надо раньше покончить с Сирией. Мы, в Лондоне, всегда считали, что, для того чтобы удержать или отвоевать Кипр, нам совершенно необходимо удерживать Сирию. Можно надеяться, что завершение операции в Сирии теперь не за горами и что Вас не опередят на Кипре. Мы полностью согласны, что обе эти операции должны быть предприняты до проведения наступательных действий в Западной пустыне. Это совершенно ясно после того, что произошло.

2. Тем не менее Западная пустыня остается этой осенью решающим театром военных действий для обороны долины Нила. Только после того как будут отвоеваны потерянные нами аэродромы в Восточной Киренаике, наши авиация и флот смогут возобновить успешные действия против судов, доставляющих снабжение противнику.

3. Генерал Уэйвелл указывал в своем письме от 18 апреля, что у него имеются обученные кадры танкистов для шести бронетанковых полков, ожидающие танков. Это сыграло ос-

новную роль в нашем решении о посылке «Тайгера». Кроме того, в настоящее время находится в пути вокруг мыса Доброй Надежды личный состав еще для трех бронетанковых полков. Таким образом, Ваша потребность в бронемашине полностью нами сознается, хотя и Вы, и Уэйвелл подчеркиваете необходимость дополнительного обучения этих уже подготовленных бронетанковых частей. Мы считаем, что, если Ваши мастерские будут функционировать соответствующим образом, к концу июля Вы будете иметь 500 крейсерских, пехотных и американских крейсерских танков, не считая значительного количества различных легких танков и бронемашин».

На это послание генерал ответил 15 июля, что он предполагает, как только будет возможно, отправить в качестве подкреплений на Кипр одну дивизию; что он вполне понимает необходимость отвоевать Киренаику, но что он не может быть уверен в том, удастся ли удержать Тобрук после сентября. Относительно обученного личного состава для шести бронетанковых полков он писал, что особенности и вооружение новых американских танков требуют изменения в их тактическом использовании и что потребуются время для их освоения. Он соглашался с тем, что к концу июля у него будет около 500 крейсерских, пехотных и американских танков. Однако для любой операции необходим резерв, равный половине общего числа наличных танков: 25 процентов резервных танков необходимы для замены тех, что будут ремонтироваться в мастерских, и 25 процентов — для немедленного возмещения понесенных в бою потерь. Это было совершенно немыслимое условие. Подобный комфорт генералы могут иметь только на небесах. Но те, кто стремится к подобному комфорту, не всегда туда попадают. Окинлек подчеркивал, что потребуются значительное время как для индивидуальной и коллективной подготовки, так и для того, чтобы войска научились слаженно действовать, без чего невозможно достигнуть надлежащих результатов. Он полагал, что Север (имелось в виду немецкое наступление через Турцию, Сирию и Палестину) может скорее стать решающим фронтом, чем Западная пустыня.

Из приведенных выше телеграмм совершенно ясно, что у нас имелись серьезные расхождения во взглядах и в оценках. Это причинило мне жестокое разочарование. Первые принятые генералом решения также вызвали у меня недоумение. Благодаря упорным настояниям мне наконец удалось добиться отправки в Египет английской 50-й дивизии. Я болезненно реагировал на неприятельскую пропаганду, утверждавшую, что английская политика заключается в том, чтобы бросать в бой любые войска, кроме своих собственных, и таким образом избегать пролития крови подданных Соединенного Королевства. В действительности потери, понесенные англичанами на

Среднем Востоке, включая Грецию и Крит, превосходили потери всех остальных наших войск, вместе взятых. Но принятая у нас номенклатура представляла факты в ложном свете. Индийские дивизии, в которых треть пехоты и вся артиллерия состояли из англичан, не именовались англо-индийскими дивизиями.

Бронетанковые дивизии, несшие на себе основную тяжесть боев, были целиком английскими, но это не явствовало из их названий. Многочисленные предписания о прибавлении слова «английский» не смогли преодолеть существующую практику, которая стала привычной. Многие батальоны английской 6-й дивизии приняли значительное участие в боях, но сформировать дивизию как единое целое в тогдашних напряженных условиях было невозможно. Это не было пустяком. Тот факт, что «английские» войска редко упоминались в боевых сводках, придавал оттенок правдоподобия вымыслам противника и вызывал неблагоприятные отклики не только в Соединенных Штатах, но и в Австралии. Я с нетерпением ожидал прибытия 50-й дивизии, так как считал это эффективным средством опровергнуть такие клеветнические слухи. Решение генерала Окинлека, который выбрал именно эту дивизию для отправки на Кипр, явно казалось неудачным и давало пищу для упреков, которым мы незаслуженно подвергались. Начальники штабов в Англии были равным образом удивлены, исходя из военных соображений, что это великолепное соединение было использовано столь странным образом. Действительно, это трудно было согласовать с какими-либо стратегическими концепциями, доступными нашему пониманию.

Еще более серьезным было решение генерала Окинлека отложить все действия против Роммеля в Западной пустыне сначала на три, а в конечном счете более чем на четыре с половиной месяца. Проведенная Уэйвеллом 15 июня операция «Бэтл-экс» была оправдана тем, что, хотя нас несколько потрепали и мы отошли на свои исходные позиции, немцы оказались совершенно не в состоянии наступать в течение всего этого длительного периода. Роммель мог держаться лишь благодаря своей силе воли и престижу. Он не мог сделать что-либо большее, так как немецкие коммуникации, которым угрожал Тобрук, были недостаточны для доставки необходимых танковых подкреплений и даже боеприпасов для артиллерии. снабжение его войск требовало от него такого напряжения, что численность их могла возрастать лишь постепенно. Учитывая эти обстоятельства, английская армия должна была бы непрерывно вынуждать его вести боевые действия. У нее имелись многочисленные шоссе, железнодорожные и морские коммуникации, и она систематически и в гораздо больших мас-

штабах, чем противник, получала подкрепления людьми и материалами.

Третьим его заблуждением мне казалась преувеличенная забота о нашем северном фланге. Этот фланг действительно требовал сугубой бдительности, и там необходимо было провести различные оборонительные мероприятия и соорудить сильные укрепленные линии в Палестине и Сирии. Однако положение в этом районе вскоре стало гораздо лучше, чем оно было в июне. Сирия была завоевана. Восстание в Ираке было подавлено. Все ключевые позиции в Западной пустыне удерживались нашими войсками. И самое главное, война между Германией и Россией вселила новую уверенность в Турцию. Пока исход этой войны был неясен, можно было не опасаться того, что немцы потребуют пропуска своих армий через турецкую территорию. Усилиями англичан и русских Персия вскоре должна была быть привлечена на сторону союзников. Этого было достаточно, чтобы мы смогли продержаться зиму. А пока что вся обстановка говорила в пользу решительных действий в Западной пустыне.

* * *

Я не мог в это время не чувствовать некоторой натянутости со стороны генерала Окинлека, не способствовавшей интересам того дела, которому мы все служили. В книгах, написанных после войны, рассказывается о том, как нижестоящие, но влиятельные сотрудники оперативного штаба в Каире сожалели о решении отправить армию в Грецию. Им не было известно, что генерал Уэйвелл с готовностью дал свое полное согласие на это предприятие, и еще в меньшей степени было им известно, в какой осторожной форме военный кабинет и начальники штабов поставили перед ним этот вопрос, почти вызывая его на отрицательный ответ. Считалось, что Уэйвелл был сбит с толку политиками и что все последовавшие затем несчастья были результатом того, что он их послушался. Теперь же в награду за свою покладистость он после всех своих побед был смещен в момент поражения. Я не сомневаюсь, что в этих кругах штаба придерживались того мнения, что новый командующий не должен допустить, чтобы его вовлекли в рискованные авантюры, что ему следует не торопиться и действовать наверняка. Подобные настроения вполне могли передаться генералу Окинлеку. Стало уже ясно, что посредством переписки многого не добьешься.

Премьер-министр — генералу Окинлеку

23 июля 1941 года

«Все Ваши телеграммы, адресованные нам, и наши, посланные Вам, показывают, что мы должны переговорить лич-

но. Начальники штабов очень этого желают. Если какие-либо неожиданные события на фронте не помешают Вам выехать, то мы надеемся, что Вы прибудете немедленно в сопровождении одного или двух офицеров штаба. Во время Вашего отсутствия, которое должно держаться в секрете, Вас будет заменять Блэми».

Окинлек охотно согласился приехать. Его непродолжительное пребывание в Лондоне оказалось во многом полезным. Он установил хорошие отношения с членами военного кабинета, с начальниками штабов и с военным министерством. Однако нам не удалось убедить его отказаться от решения устроить длительный перерыв, с тем чтобы подготовить образцовое наступление, назначенное на 1 ноября. Эта операция, которой было присвоено название «Крусейдер», должна была явиться самой крупной из всех, предпринимавшихся нами до сих пор. Он прямо-таки потряс моих военных советников представленной им подробной аргументацией. Сам же я не был убежден. Однако неоспоримые способности генерала Окинлека, его умение убеждать, а также высокие личные качества этого человека, умеющего держаться с достоинством и внушить к себе уважение, создали у меня впечатление, что в конце концов он, возможно, и прав, а если даже и не прав, то все равно лучше него мы никого не найдем. Поэтому я согласился назначить наступление на ноябрь и приложил всю свою энергию, чтобы обеспечить успех этого наступления. Мы все крайне сожалели, что нам не удалось убедить его доверить руководство предстоящим сражением генералу Мэйтленду Вильсону. Он предпочел генерала Алана Кэннингхэма, который пользовался весьма высокой репутацией после недавних побед, одержанных им в Абиссинии. Нам ничего не оставалось, как примириться, а в этих случаях половинчатость не рекомендуется. Таким образом, одоббив принятое им решение, мы разделили с ним ответственность.

* * *

В настоящее время мы располагаем очень подробными сведениями о том, как высшее германское командование оценивало положение Роммеля. Оно чрезвычайно восхищалось его смелостью и невероятными успехами, которыми эта смелость была вознаграждена, но в то же время считало, что ему угрожает серьезная опасность. Ему было строжайшим образом запрещено идти на какой-либо дальнейший риск до того, как он получит значительные подкрепления. Его коммуникации растянулись на тысячу миль, до Триполи. Правда, по крайней мере часть его подкреплений и предметов снабжения могла доставляться более коротким путем, через Бенгази, но на пути

к обеим этим базам приходилось нести все возрастающие потери в морском транспорте. Численность английских войск, и без того уже значительно превосходившая численность войск противника, возрастала со дня на день. Превосходство танковых сил немцев сводилось только к качеству и организации. В воздухе они были слабее нас. Они испытывали большой недостаток в артиллерийских боеприпасах и очень боялись расстрелять весь свой запас. Тобрук представлялся им смертельной угрозой для тыла Роммеля: оттуда в любую минуту могла быть предпринята вылазка, в результате которой могли оказаться нарушенными его коммуникации. В конце августа в ставке Гитлера на русском фронте состоялось совещание, в котором участвовали Кейтель и генерал Каваллеро. На этом совещании Кейтель заявил, что положение в Северной Африке нельзя считать устойчивым до тех пор, пока не будет взят Тобрук. Если транспортная связь с Африкой будет поддерживаться нормально, то германские войска, выделенные для этого наступления, будут готовы в середине сентября. Генерал Каваллеро ответил, что дуче приказал ускорить подготовку к наступлению на Тобрук. Было совершенно ясно, что итальянцы не сумеют подготовить наступление к середине сентября и что они, вероятно, будут готовы не ранее конца месяца.

На самом деле они не были готовы и в конце сентября. Ни немцы, ни итальянцы не были готовы и в октябре; не были они готовы и в ноябре.

Я описал те споры, которые велись по вопросу об отсрочке наступления, и в настоящих мемуарах хочу зафиксировать свое убеждение, что промедление продолжительностью в четыре с половиной месяца, которое допустил генерал Окинлек в своих действиях против неприятеля в Западной пустыне, было не только ошибкой, но и несчастьем.

В течение всей осады Тобрука его поддерживал морской флот, несмотря на постоянные и становившиеся все более мощными атаки авиации. Мы не могли обеспечить прикрытие порта истребителями, так как наши аэродромы находились теперь слишком далеко к востоку. Плавание по морю из Египта вскоре стало невозможным для обычных торговых судов, и все приходилось доставлять в безлунные ночи на эсминцах и на небольших кораблях. Начиная с июля, этот тобрукский «мост» получил большую поддержку в виде двух быстроходных минных заградителей «Эбдиел» и «Лейтона». Помимо непрерывной доставки боеприпасов и снабжения приходилось производить массовые перевозки войск в осажденную крепость и из нее, а также доставку различного нового вооружения, включая танки. Морской флот доставил гарнизону в общей сложности 34 тысячи человек, 72 танка, 92 орудия и 34 тысячи тонн различных материалов. Кроме того, им было эвакуировано почти

такое же количество войск, не считая раненых и военнопленных. Выполняя эту тяжелую, но необходимую работу, морской флот понес следующие потери: были потоплены минный заградитель и 2 эсминца, а 22 других военных корабля и 18 судов были серьезно повреждены. Были также потоплены или получили повреждения 9 торговых судов и 2 госпитальных. Эти жертвы дали возможность гарнизону Тобрука выдерживать непрерывные атаки в течение 242 дней. В течение всего этого периода крепость играла видную и активную роль в осуществлении стратегического плана всей кампании, и в особенности приближавшегося наступления.

Глава третья

МОЯ ВСТРЕЧА С РУЗВЕЛЬТОМ

В середине июля в Англию вторично прибыл Гарри Гопкинс с новой миссией от президента. Первое, о чем он со мной заговорил, было новое положение, создавшееся в результате вторжения Гитлера в Россию, и вопрос о том, как оно повлияет на все поставки по ленд-лизу из Соединенных Штатов, на которые мы рассчитывали. Во-вторых, беспокойство президента, вызванное докладом одного американского генерала, которому были даны все возможности для ознакомления с положением и который выразил сомнение в нашей способности отразить вторжение. В-третьих, вследствие этого усилились опасения президента, о которых уже говорилось, относительно разумности наших попыток оборонять Египет и Средний Восток. Не рискуем ли мы потерять все, пытаясь достичь слишком многого? И наконец, он затронул вопрос об организации тем или иным путем встречи между мной и Рузвельтом в том или ином месте в скором времени.

На этот раз Гопкинс был не один. В Лондоне находилось большое число высокопоставленных офицеров армии и флота Соединенных Штатов, якобы занимавшихся вопросами ленд-лиза, и, в частности, адмирал Гормли, который ежедневно вместе с сотрудниками военно-морского министерства трудился над проблемой Атлантики, определяя, какой вклад может внести в ее разрешение Америка. Вечером 24 июля я устроил совещание с группой Гопкинса и с начальниками штабов в моей резиденции на Даунинг-стрит, 10. Кроме адмирала Гормли, Гопкинса сопровождали генерал-майор Чэни, именованный «специальным наблюдателем», и американский военный атташе бригадный генерал Ли. Присутствовал также Аверелл Гарриман, только что вернувшийся из поездки в Египет, где по моему распоряжению ему было показано все.

Гопкинс сказал, что «люди, занимающие руководящие посты в Соединенных Штатах и выносящие решения по вопросам обороны», считают, что Средний Восток является для Британской империи необороняемой позицией и что для удержания его приносятся огромные жертвы. По их мнению, окончательным и решающим сражением войны явится битва за Атлантику, и все внимание должно быть сосредоточено на ней. Президент, сказал он, более склонен оказать поддержку военным действиям на Среднем Востоке, потому что противника необходимо бить везде, где он будет обнаружен. Затем генерал Чэни изложил четыре проблемы, стоящие перед Британской империей, перечислив их в следующем порядке: оборона Соединенного Королевства и атлантических коммуникаций; оборона Сингапура и морских коммуникаций с Австралией и Новой Зеландией; оборона океанских коммуникаций вообще; и наконец, четвертое — оборона Среднего Востока. Все эти проблемы были важны, но он расположил их именно в этой последовательности. Генерал Ли согласился с генералом Чэни. Адмирал Гормли беспокоился о путях подвоза на Средний Восток на случай, если туда будет в большом количестве направляться американское вооружение. Не ослабит ли это битву за Атлантику?

Затем я попросил английских начальников штабов высказать их точку зрения. Начальник военно-морского штаба объяснил, почему в этом году он гораздо больше, чем в прошлом, уверен, что можно будет уничтожить вторгнувшуюся армию противника. Начальник штаба военно-воздушных сил показал, насколько сейчас английская авиация в сравнении с немецкой сильнее, чем в сентябре прошлого года, и рассказал о наших возросших за последнее время возможностях для нанесения ударов по портам вторжения. Начальник имперского генерального штаба также высказался в ободряющем духе, заявив, что армия несравненно сильнее сейчас, чем в сентябре прошлого года. Я взял слово для того, чтобы рассказать о специальных мерах, которые мы приняли для защиты аэродромов, учтя уроки Крита. Затем я попросил Дилла рассказать о Среднем Востоке. Он ярко изложил некоторые из тех причин, по которым нам необходимо было там оставаться.

По окончании заседания я почувствовал, что эти высказывания убедили наших американских друзей и что на них произвело сильное впечатление наше единодушие.

* * *

Хотя мы и были спокойны за оборону метрополии, тем не менее нельзя было сказать, что мы испытывали то же чувство в отношении Дальнего Востока, где на нас могла напасть Япония. Сэр Джон Дилл также был этим встревожен. У меня

создалось впечатление, что для него Сингапур был важнее Каира. Это поистине трагическое положение, как если бы вам приходилось выбирать, кто должен быть убит — ваш сын или ваша дочь. Что касается меня, то я не мог поверить, чтобы какие-либо потери в Малайе могли составить хотя бы одну пятую того ущерба, который нанесла бы нам утрата Египта, Суэцкого канала и Среднего Востока. Я не мог допустить и мысли об отказе от борьбы за Египет и был готов заплатить за это любой ценой в Малайе. Этот взгляд разделяли и мои коллеги.

Я считал необходимым учредить также и на Дальнем Востоке пост государственного министра, который, находясь в тесном контакте с военным кабинетом, смог бы в какой-то степени облегчить бремя, лежащее на командующих и губернаторах, и помогать им в решении быстро накапливавшихся серьезных политических проблем. Дафф Купер, бывший тогда министром информации, 21 июля был назначен канцлером герцогства Ланкастерского и смнен на посту министра информации Бренданом Брэкенем. В начале августа Дафф Купер в сопровождении своей супруги леди Дианы отправился на Дальний Восток через Соединенные Штаты. Только в конце октября он представил свой доклад из Сингапура, куда наконец он прибыл.

* * *

В течение нескольких месяцев английское и американское правительства действовали в отношении Японии в полном согласии. В конце июля японцы завершили военную оккупацию Индокитая. Благодаря этому неприкрытому акту агрессии их войска заняли позиции, которые позволяли им ударить по англичанам в Малайе, по американцам на Филиппинах и по голландцам в Голландской Индии. 24 июля президент Рузвельт предложил японскому правительству в качестве первого шага по пути к общему урегулированию провести нейтрализацию Индокитая и вывести японские войска. Для того чтобы придать вес этим предложениям, президент издал указ заморозить все японские авуары в Соединенных Штатах. Это положило конец всякой торговле. Английское правительство предприняло подобные же меры, а через два дня их примеру последовала Голландия. Присоединение Голландии означало, что Япония одним ударом была лишена жизненно важных для нее поставок нефти.

* * *

Как-то днем в конце июля в сад на Даунинг-стрит пришел Гарри Гопкинс, и мы вместе сидели на солнышке. В разговоре

он сказал, что президенту очень хотелось бы со мной встретиться в какой-либо уединенной бухте. Я сразу же ответил, что я убежден, что кабинет меня отпустит. Таким образом, вскоре обо всем была достигнута договоренность. В качестве места встречи была выбрана бухта Пласеншия на Ньюфаундленде. Встреча была назначена на 9 августа, и для этой цели был выделен наш новейший линкор «Принс ов Уэлс». Мне очень хотелось встретиться с Рузвельтом, с которым я вел уже в течение двух лет переписку, становившуюся все более и более дружественной. Кроме того, наше личное совещание еще больше подчеркнуло бы крепнущее сотрудничество Англии и Соединенных Штатов, встревожило бы наших врагов, заставило бы призадуматься Японию и ободрило бы наших друзей. Необходимо было также решить много вопросов относительно американского вмешательства в битву за Атлантику, о помощи России, о нашем собственном снабжении и прежде всего о возраставшей угрозе со стороны Японии.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

25 июля 1941 года

«Кабинет согласился на мой отпуск. Я собираюсь, если это Вам удобно, отплыть 4 августа, чтобы встретиться с Вами 8, 9 или 10-го числа. Нет необходимости сейчас точно устанавливать место встречи, которое должно оставаться в секрете. Военно-морское министерство сообщит о подробностях обычным путем. Со мной придут начальник морского штаба адмирал Паунд, начальник имперского генерального штаба Дилл и заместитель начальника штаба военно-воздушных сил Фримэн. С огромным нетерпением ожидаю наших переговоров, которые могут принести пользу будущему».

Я заявил Исмею: «Вы и Портал должны оставаться здесь и следить за ходом дел».

Со мной также отправились: сэр Александр Кадоган из министерства иностранных дел, лорд Черуэлл, полковники Холлис и Джейкоб из министерства обороны и мой личный штат. Кроме того, нас сопровождал ряд высших офицеров технической и административной службы и планового управления. Президент сказал, что с ним вместе придут командующие вооруженными силами Соединенных Штатов и Сэмнер Уэллес из государственного департамента. Необходимо было сохранять строжайшую секретность, так как в то время в северной части Атлантического океана действовало множество немецких подводных лодок. Для обеспечения секретности президент, делавший вид, будто он совершает увеселительную прогулку на яхте, пересел в море на крейсер «Огаста», а его яхта для отвода глаз продолжала свое путешествие. Между тем Гарри

Гопкинс, хотя он еще себя плохо чувствовал, получил разрешение Рузвельта полететь в Москву. Он совершил длительное, утомительное и опасное путешествие через Норвегию, Швецию и Финляндию, чтобы получить непосредственно от Сталина самые подробные сведения о положении и нуждах Советского Союза. Гопкинс должен был сесть на «Принс ов Уэлс» в Скапа-Флоу.

Целый специальный поезд потребовался для того, чтобы доставить всю нашу делегацию, в которую входила и большая группа шифровальщиков. Я присоединился к ним на станции близ Чекерса. В Скапа-Флоу мы пересели с эсминца на «Принс ов Уэлс».

4 августа, перед наступлением темноты, «Принс ов Уэлс», сопровождаемый эскортом эсминцев, вышел на широкие просторы Атлантики. Гарри Гопкинс выглядел совершенно измученным после своих длительных путешествий по воздуху и утомительных совещаний в Москве. Все же он был весел, как обычно, понемногу набирался сил во время нашего плавания и рассказывал мне о своей миссии.

* * *

Перед тем как отправиться в это путешествие, я решил, что лучше всего поручить лорду Бивербруку быть нашим представителем при разрешении всех вопросов, связанных с американскими поставками России. Я очень опасался потерять то, на что мы рассчитывали.

Мы прибыли к месту встречи в бухте Пласеншия на Ньюфаундленде в субботу 9 августа, в 9 часов утра.

Как только обе стороны обменялись обычным морским салютом, я отправился на борт «Огасты» и приветствовал президента Рузвельта, который принял меня со всеми почестями. Он стоял, опираясь на руку своего сына Эллиота, в то время как оркестр исполнял государственные гимны. Затем он приветствовал меня самым радушным образом. Я передал ему послание короля и представил членов своей группы. Затем начались переговоры между президентом и мной, Сэмнером Уэллесом и сэром Александром Кадоганом, а также между штабными офицерами. Эти переговоры продолжались почти непрерывно до конца нашего визита. Иногда они происходили с глазу на глаз, а иногда в более широком кругу.

В воскресенье утром 10 августа Рузвельт прибыл на линкор «Принс ов Уэлс» в сопровождении своих штабных офицеров и нескольких сот представителей личного состава военно-морского флота и морской пехоты Соединенных Штатов, чтобы присутствовать при богослужении на шканцах. Мы все восприняли это богослужение как чрезвычайно трогательное вы-

ражение единства веры двух наших народов, и никто из присутствовавших не забудет того зрелища, которое представляли собой этим солнечным утром переполненные людьми шканцы: кафедра символически задрапирована английским и американским флагами; американский и английский капелланы по очереди читают молитвы; высшие офицеры военно-морского флота, сухопутных войск и авиации Англии и Соединенных Штатов все выстроились позади президента и меня, тесные ряды английских и американских моряков совершенно смешались, те и другие пользуются одними молитвенниками и вместе горячо молятся и поют гимны, так хорошо знакомые всем им.

Это было великое мгновение. Но почти половине из певших моряков суждено было вскоре погибнуть.

Глава четвертая

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ

Во время одной из наших первых бесед президент Рузвельт сказал мне, что, по его мнению, было бы хорошо, если бы мы составили совместную декларацию, излагающую некоторые общие принципы, которые должны направлять нашу политику по общему пути. Ухватившись за это полезное предложение, я на следующий день, 10 августа, представил ему набросок такой декларации. Текст ее был следующим:

Совместная англо-американская декларация о принципах

«Президент Соединенных Штатов Америки и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство его величества в Соединенном Королевстве, после совместного обсуждения и согласования мер по обеспечению безопасности своих стран от нацистско-германской агрессии и по устранению связанной с этим угрозы для всех народов сочли целесообразным обозначить некоторые принципы, которые оба они принимают к руководству в определении своей политики и на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира.

Во-первых, их страны не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

Во-вторых, они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

В-третьих, они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить. Они заинтере-

ресованы только в защите свободы слова и свободы мысли, без которых такой выбор будет лишь фикцией.

В-четвертых, они будут стремиться осуществить справедливое и равномерное распределение важнейших продуктов не только в пределах своих территориальных границ, но и между всеми странами мира.

В-пятых, они стремятся к такому миру, который не только навеки покончит с нацистской тиранией, но и при помощи эффективной международной организации даст возможность всем государствам и народам жить в безопасности в своих собственных границах и путешествовать по морям и океанам, не боясь незаконного нападения и не испытывая необходимости содержать обременительные вооружения».

Учитывая все рассказы о моих реакционных взглядах деятеля Старого Света и об огорчениях, якобы причиненных этим президенту, я рад возможности показать здесь, что первый набросок документа, который стал впоследствии называться «Атлантической хартией», по своему содержанию и духу был английским произведением, изложенным моими собственными словами.

11 августа обещало быть днем напряженной деятельности.

Во время нашей утренней встречи президент дал мне пересмотренный проект, который мы приняли за основу при обсуждении. Единственное серьезное изменение было внесено в четвертый пункт написанного мною текста (доступ к сырью). Президент хотел вставить слова: «без какой-либо дискриминации и на равных основаниях». Президент также предложил добавить еще два параграфа:

«В-шестых, они желают, чтобы такой мир обеспечил для всех безопасность на морях и океанах.

В-седьмых, они считают, что необходимо побудить все государства мира отказаться от применения силы. Поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать применением силы за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими или воздушными вооружениями, они считают, что такие страны должны быть разоружены. Они будут поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам невыносимое бремя вооружений».

Прежде чем мы приступили к обсуждению этого документа, президент заявил, что, по его мнению, примерно 14 августа, одновременно в Вашингтоне и в Лондоне, должно быть

опубликовано краткое заявление о том, что президент и премьер-министр совещались в открытом море; что их сопровождали сотрудники их штабов, которые разрабатывали планы оказания помощи демократическим странам в соответствии с законом о ленд-лизе; и что эти совещания военных руководителей отнюдь не были связаны с принятием каких-либо новых обязательств на будущее, помимо тех, что санкционированы актом конгресса. Далее в заявлении должно было говориться, что премьер-министр и президент обсудили некоторые принципы, касающиеся мировой цивилизации, и разработали согласованное заявление по этому поводу. Я возражал против того, чтобы в этом заявлении подчеркивалось отсутствие каких-либо обязательств. Германия сейчас же за это ухватится, и это явится источником глубокого разочарования для нейтральных стран и для побежденных. Нам это также не понравится. Поэтому я очень надеялся, что президент ограничит заявление положительной его частью, в которой говорилось об оказании помощи демократическим странам, тем более что он застраховал себя ссылкой на закон о ленд-лизе. Президент согласился с этим.

Затем последовало подробное обсуждение пересмотренного текста декларации. Мы быстро пришли к соглашению по поводу некоторых незначительных изменений. Основные трудности представляли пункты 4 и 7, в особенности первый из них. В отношении этого пункта я сразу же указал, что слова «без какой-либо дискриминации» могут быть истолкованы как ставящие под сомнение Оттавские соглашения, а я ни в коем случае не мог на это пойти. Этот текст придется, конечно, согласовать с английским правительством, а если представлялось желательным сохранить существующую формулировку, то и с правительствами доминионов. Я питал мало надежд на то, что он будет принят. Сэмнер Уэллес указал, что в этом вся суть дела и что этот параграф является воплощением того идеала, к которому государственный департамент стремился в течение последних девяти лет. Тут я не мог не сказать об опыте англичан, которые в течение 80 лет придерживались принципа свободы торговли в условиях непрерывного повышения американских тарифов. Мы разрешили максимальный импорт во все наши колонии. Даже каботажное плавание вокруг Великобритании было открыто для конкуренции всех стран мира. Все, что мы получили взамен, это последовательное повышение американских протекционистских тарифов. Уэллес был, по-видимому, несколько озадачен. Затем я сказал, что если можно будет вставить слова «соблюдая должным образом свои существующие обязательства», слова «без какой-либо дискриминации» убрать, а слово «торговля» заменить словом «рынки», то я смогу представить

этот текст правительству его величества с некоторой надеждой на то, что он может быть принят. На президента это явно произвело впечатление. Он больше ни разу не настаивал на этом пункте.

Что касается общих фраз в пункте 7, то я указал, что, хотя я принимаю этот текст, общественное мнение Англии будет разочаровано отсутствием какого-либо намерения учредить международную организацию для поддержания мира после войны. Я пообещал попробовать найти подходящую формулировку и в конце дня предложил президенту дополнить вторую фразу словами: «впредь до установления более широкой надежной системы всеобщей безопасности».

* * *

Между руководителями военно-морского флота и армии также происходили непрерывные совещания, и во многом они пришли к соглашению. Я обрисовал президенту опасность немецкого вторжения на Пиренейский полуостров и рассказал о наших планах противодействия этому путем оккупации Канарских островов. Мы называли это операцией «Пилигрим».

* * *

Затем мы в тот же день занялись Дальним Востоком. Введение экономических санкций 26 июля вызвало смятение в Токио. Никто из нас, пожалуй, не сознавал силы их действия. Принц Коноэ сразу же попытался возобновить дипломатические переговоры, и 6 августа адмирал Номура, специальный японский посол в Вашингтоне, представил государственному департаменту проект общего урегулирования. Япония брала на себя обязательство не продвигаться дальше в Юго-Восточной Азии и предложила эвакуировать Индокитай по урегулированию «китайского инцидента» (так японцы называли свою шестилетнюю войну против Китая). В свою очередь Соединенные Штаты должны были восстановить торговые отношения с Японией и помочь ей получить все необходимое ей сырье из стран юго-западной части Тихого океана. Было совершенно ясно, что это лишь красивые слова, посредством которых Япония рассчитывала получить все что можно в настоящий момент и не дать ничего в будущем. Несомненно, это были самые лучшие предложения, которые Коноэ мог получить от своего кабинета. Нам не было смысла за столом совещания на «Огасте» обсуждать общие вопросы. В моей телеграмме, отправленной с совещания Идену, все это подробно излагается.

11 августа 1941 года

«С Японией дело обстоит следующим образом:

1. Президент не так давно предложил Японии провести нейтрализацию Индокитая и Сиам при совместных гарантиях Соединенных Штатов, Японии, Англии, Китая и других. Японцы в своем ответе, который будет вам передан, как только будут отправлены более срочные телеграммы, соглашаются в принципе воздержаться от каких-либо посягательств на Сиама и вывести войска из Индокитая, но они добавляют ряд условий, которые являются совершенно неприемлемыми. Например, отвод войск должен произойти после урегулирования китайского инцидента, то есть после удушения Чан Кайши. Затем они требуют признания доминирующего положения Японии в этих районах; они также требуют, чтобы Соединенные Штаты отказались от всяких дальнейших военных приготовлений в этих районах, и стремятся добиться отмены экономических санкций.

2. Президент считает, что нужно вступить в переговоры по поводу этих неприемлемых условий и, таким образом, добиться отсрочки примерно на 30 дней, в течение которых мы могли бы улучшить свои позиции в районе Сингапура, а японцы были бы обречены на бездействие. Но он хочет выдвинуть условие, чтобы японцы за это время не продвигались дальше и не использовали Индокитай в качестве базы для нападения на Китай. Он также полностью сохранит в силе экономические меры, направленные против Японии. Мало надежд на успех этих переговоров, но президент считает, что выиграть месяц будет полезно. Я, разумеется, указал, что японцы обманут его и попытаются перерезать коммуникации в Бирме. Однако вы можете быть уверены, что они считают целесообразным начать переговоры на основе этих принципов и ввиду того, что произошло между Соединенными Штатами и Японией, придется примириться с этим.

3. В ходе этих переговоров президент возобновит свои предложения о нейтрализации Сиам и Индокитая.

4. В конце ноты, которую президент вручит японскому послу по возвращении из своего путешествия, то есть примерно через неделю, он добавит следующий абзац, взятый из моего наброска: «Любое дальнейшее продвижение Японии в юго-западной части Тихого океана вызовет ситуацию, при которой правительство Соединенных Штатов будет вынуждено принять ответные меры, даже если это может привести к войне между Соединенными Штатами и Японией». Он также добавит кое-что о том, что, поскольку Советский Союз, как это совершенно ясно, является дружественной державой, правительство Сое-

диненных Штатов не останется безразличным и к любому подобному конфликту в северо-западной части Тихого океана.

5. Я считаю, что это вполне приемлемо и что мы к этому должны присоединиться и постараться заручиться также полной поддержкой Голландии, ибо японцы либо не примут условий, поставленных президентом, а именно, продолжение экономических санкций и никакого дальнейшего продвижения с японской стороны и никакого вторжения в Сиам, или же, наоборот, они будут продолжать свои военные действия, но их дипломатия будет лгать на этот счет.

В этом случае условия, упомянутые в последнем абзаце, который только что цитировался (в параграфе 4), вступят в действие с огромной силой, и параллельные декларации дадут себя знать в полной мере. Советское правительство следует также держать в курсе событий. Возможно, опасно сообщать китайцам, что мы для них делаем, но их можно заверить в общих выражениях, что мы всегда помним об их безопасности, что бы мы ни делали.

6. Ввиду всего этого я считаю, что мы должны поддержать предлагаемый курс и что об этом следует сообщить доминионам и разъяснить им, что это очень большой шаг по пути к пресечению японской агрессии совместными усилиями».

* * *

12 августа, примерно в полдень, я отправился к президенту, чтобы согласовать с ним окончательный текст декларации. Я ознакомил президента с новой редакцией пункта 4, предложенной кабинетом, но он предпочел формулировку, о которой мы уже договорились, и я не стал больше настаивать на этом вопросе. Он охотно согласился вставить дополнительный пункт о социальном обеспечении, которого желал кабинет. Была достигнута договоренность о замене некоторых слов, и, наконец, декларация приобрела свою окончательную форму.

Совместная декларация президента и премьер-министра

12 августа 1941 года

«Президент Соединенных Штатов Америки и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство его величества в Соединенном Королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать некоторые общие принципы национальной политики их стран — принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира:

1) их страны не стремятся к территориальным или другим приобретениям;

2) они не соглашались ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов;

3) они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем;

4) соблюдая должным образом свои существующие обязательства, они будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны, великие или малые, победители или побежденные, имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран;

5) они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение;

6) после окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды;

7) такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам;

8) они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы. Поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями, они считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Они будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам избавление от бремени вооружения».

Важное и далеко идущее значение этой совместной декларации было совершенно очевидно. Уже один тот факт, что Соединенные Штаты, остававшиеся еще формально нейтральными, опубликовали подобную декларацию совместно с воюющей державой, был поразителен. Включение в нее упоминания об «окончательном уничтожении нацистской тирании» (это было заимствовано из фразы, имевшейся в моем первоначальном проекте) было равносильно вызову, который в обычное время повлек

бы за собой военные действия. Наконец, не менее поразительной особенностью был реализм последнего параграфа, содержащего ясный и недвусмысленный намек на то, что после войны Соединенные Штаты будут разделять с нами управление миром до установления лучшего порядка.

* * *

Мы с президентом составили также совместное послание Сталину.

У. Черчилль и Ф. Рузвельт — И. В. Сталину

15 августа 1941 года

«Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем.

Мы должны теперь обратить наше внимание на рассмотренные политики, рассчитанной на более длительное время, ибо предстоит еще пройти большой и трудный путь до того, как будет достигнута та полная победа, без которой наши усилия и жертвы были бы напрасными.

Война идет на многих фронтах, и, до того как она окончится, могут возникнуть еще новые боевые фронты. Наши ресурсы хотя и огромны, тем не менее они ограничены, и речь должна идти о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом использованы в целях максимального содействия нашим общим усилиям. Это относится равным образом как к военному снаряжению, так и к сырью.

Потребности и нужды Ваших и наших вооруженных сил могут быть определены лишь в свете полной осведомленности о многих фактах, которые должны быть учтены в принимаемых нами решениях. Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами. Если предложение о таком совещании встретит Ваше одобрение, то мы хотим поставить Вас в известность, что впредь до принятия этим совещанием решений мы будем про-

должать по возможности быстрее отправлять Вам снабжение и материалы.

Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления».

Плавание до Исландии прошло без каких-либо происшествий, хотя в одном месте нам пришлось изменить курс ввиду сообщения о том, что поблизости находятся немецкие подводные лодки. На этом участке пути наш эскорт состоял из двух американских эсминцев, на одном из которых был лейтенант Франклин Д. Рузвельт-младший, сын президента.

«Принс ов Уэлс» прибыл в Исландию утром в субботу 16 августа и бросил якорь в Хвальс-фиорде, откуда мы на эсминце отправились в Рейкьявик. Когда я прибыл в порт, большая толпа собравшихся оказала мне удивительно теплый и шумный прием, и дружеские приветствия повторялись повсюду, как только люди узнавали о нашем присутствии. Наивысшего подъема это изъяснение чувств достигло при нашем отъезде во второй половине дня. Нас провожали такими криками и рукоплесканиями, какие, я уверен, редко слышались на улицах Рейкьявика.

Когда наступила темнота, мы отплыли, направляясь в Скапа-Флоу. На следующий день, 17 августа, мы встретились со смешанным караваном из 73 судов, направлявшимся в Англию. Все суда находились в полном порядке и в прекрасном состоянии после успешного плавания через Атлантический океан. Это было приятное зрелище. Мы прибыли в Скапа-Флоу без дальнейших происшествий рано утром 18 августа, а на следующий день я уже снова был в Лондоне.

Глава пятая

НАША ПОМОЩЬ РОССИИ

Прошло два месяца с начала боев на русском фронте. Немецкие армии нанесли ужасные удары, но теперь проявилась и другая сторона медали. Несмотря на понесенные страшные потери, русские продолжали упорно и стойко сопротивляться. Их солдаты стояли насмерть, а их армии обретали опыт и мастерство. За линиями немецких фронтов появились партизаны, которые повели жестокую войну против немцев, нарушая их коммуникации. Захваченная противником русская железнодорожная сеть оказалась непригодной; шоссевые дороги не выдерживали ин-

тенсивного движения немецкого транспорта, а двигаться без дорог после дождя было часто невозможно. Транспортные средства уже начинали изнашиваться. Оставалось едва три месяца до прихода страшной русской зимы. Может ли за это время быть взята Москва? А если она будет взята, то окажется ли этого достаточно? Вот в чем была роковой вопрос. Хотя Гитлер все еще находился в приподнятом настроении после победы под Киевом, немецкие генералы уже ясно могли ощущать, что их прежние дурные предчувствия оправдываются. В ходе операций на фронте, который сейчас стал решающим, произошла четырехнедельная задержка. Задача «уничтожения войск противника в Белоруссии», которая была поставлена перед центральной группой армий, все еще не была выполнена.

Но по мере того как наступала осень и приближался решающий кризис на русском фронте, советские требования к нам делались все более настойчивыми.

* * *

Лорд Бивербрук вернулся из Соединенных Штатов, где ему удалось еще больше стимулировать и без того уже мощные силы, содействовавшие огромному увеличению промышленного производства. Теперь он стал в военном кабинете поборником помощи России. Он оказал ценные услуги в этой области. Когда мы вспоминаем, каких трудов стоило нам подготовить сражение в Ливийской пустыне, наше глубокое беспокойство относительно Японии, которое бросало свою тень на все наши действия в Малайе и на Дальнем Востоке, а также о том, что все посылавшееся в Россию урывалось из того, что было жизненно необходимо Англии, становится ясно, как важно было, что кто-то столь ревностно отстаивал русские требования в наших высших военных кругах. Я старался сохранять в уме представление о надлежащих пропорциях и разделял свои тяготы с моими коллегами. Нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар свою собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника — угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет¹.

¹ Здесь наглядно проявляется свойственное для политиков и стратегов 40-х годов эгоистическое понимание национальных интересов. Попытки добиться для Англии односторонних преимуществ в ущерб общему делу наносили вред коалиционной стратегии и в конечном счете затягивали войну, увеличивали число жертв и разрушений. В данном случае помощь СССР, который вел борьбу с главными силами общего врага, со стороны Англии соответствовала интересам всей антигитлеровской коалиции. Нелестные эпитеты, которыми Черчилль характеризует «нового союзника», больше, видимо, относятся к личностям, с которыми ему приходилось иметь дело, например с Молотовым или Сталиным (хотя в этой книге он дает им весьма высокие оценки), чем к советскому народу, что было бы несправедливо и бестактно.

Возвращаясь на родину из Исландии, я решил, что, после того как Бивербрук и Аверелл Гарриман вернутся из Вашингтона и мы сможем изучить все перспективы нашего вооружения и снабжения, им следует отправиться в Москву и предложить там все, что мы можем выделить. Происходили длительные и мучительные обсуждения подробностей нашего совместного предложения от 16 августа. Военное, военно-морское министерства и министерство авиации восприняли это так, как будто бы с них живьем сдирали шкуру. Тем не менее мы собрали сообща максимум того, что было в наших силах, и согласились на переадресование очень значительной доли необходимых нам самим американских поставок ради того, чтобы внести эффективный вклад в дело обороны Советов. 28 августа я предложил своим коллегам направить в Москву лорда Бивербрука. Члены кабинета охотно согласились, чтобы он обсудил этот вопрос со Сталиным, а президент Рузвельт считал, что его хорошо сможет представлять Гарриман.

Поэтому я информировал лорда Бивербрука:

Премьер-министр — лорду Бивербруку

30 августа 1941 года

«Я хочу, чтобы вы отправились в Москву вместе с Гарриманом, чтобы договориться о долгосрочных поставках русским армиям. Это можно осуществить почти исключительно за счет американских ресурсов, хотя у нас имеется каучук, сапоги и т. д. Необходимо сделать большой новый заказ в Соединенных Штатах. Темпы поставок, разумеется, лимитируются портами и недостатком судов. Когда весной будут проложены вторые пути узкоколейной дороги от Басры к Каспийскому морю, эта дорога станет важным путем подвоза. Наш долг и наши интересы требуют оказания всей возможной помощи русским, даже ценой серьезных жертв с нашей стороны. Однако мы не сможем ее предоставить в большом масштабе до середины или до конца 1942 года, а основные планы придется отнести к 1943 году. Ваша задача будет состоять в том, чтобы не только содействовать разработке планов оказания помощи России, но также обеспечить, чтобы мы сами не были при этом обескровлены; и даже если вы окажетесь под влиянием атмосферы в России, то я здесь, в Англии, буду совершенно непреклонен. Я, однако, уверен, что вы самый подходящий человек для этого дела, а чутье широкой публики уже это санкционировало».

В качестве предварительного сообщения об этой миссии я обрисовал положение в общих чертах в письме к Сталину».

30 августа 1941 года

«Я стремился найти какой-либо путь для оказания помощи Вашей стране в ее великолепном сопротивлении впредь до осуществления рассчитанных на более длительный период мероприятий, по поводу которых мы ведем переговоры с Соединенными Штатами Америки и которые послужат предметом Московского совещания. Г-н Майский заявил, что испытывается сильная нужда в самолетах-истребителях ввиду Ваших тяжелых потерь. Мы ускоряем отправку 200 самолетов «Томагавк», о которых я телеграфировал в своем последнем послании. Наши две эскадрильи в составе 40 «харрикейнов» должны прибыть в Мурманск около 6 сентября. Вы понимаете, я уверен, что самолеты-истребители составляют основу обороны метрополии. Кроме того, мы стремимся достичь преобладания в воздухе в Ливии, а также снабдить Турцию, с тем чтобы привлечь ее на нашу сторону. Тем не менее я мог отправить еще 200 «харрикейнов», что составило бы в общей сложности 440 истребителей, если бы ваши пилоты могли эффективно их использовать. Речь идет о самолетах «харрикейн», вооруженных восемью-двенадцатью пулеметами. Мы нашли, что эти самолеты весьма смертоносны в действии. Мы могли бы послать в Архангельск 100 штук теперь и вскоре вслед за тем две партии по 50 штук вместе с механиками, инструкторами, запасными частями и оборудованием. Тем временем могли бы быть приняты меры, чтобы начать ознакомление Ваших пилотов и механиков с новыми моделями, если Вы их прикомандируете к нашим эскадрильям в Мурманске. Если Вы сочтете, что это принесет пользу, соответственные распоряжения будут даны отсюда; исчерпывающая объяснительная записка по техническим вопросам передается по телеграфу через нашу авиационную миссию.

Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно. При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить ее бесперебойную работу, используя дополнительное железнодорожное оборудование, доставляемое из Индии. Министр иностранных дел передал г-ну Майскому для представления Вам примерные условия, на которых мы хотели бы заключить соглашение с Персидским Правительством, с тем чтобы иметь дело с дружественным народом и не быть вынужденными тратить несколько дивизий только на охрану железной дороги.

Продовольствие посылается из Индии, и если персы подчинятся, то мы возобновим платежи за нефть, причитающиеся в настоящее время Шаху. Мы приказали нашему авангарду двигаться вперед, с тем чтобы наши силы встретились с Вашими в месте, которое будет установлено командующими где-либо между Хамаданом и Казвином. Было бы хорошо, чтобы весь мир знал, что британские и советские вооруженные силы действительно подали друг другу руки. По нашему мнению, было бы лучше, чтобы ни мы, ни Вы не вступали в Тегеран в настоящее время, ибо нам нужен лишь сквозной путь. Мы устраиваем крупный базисный склад в Басре и надеемся построить там хорошо оборудованный тепловодный порт для приема грузов из Америки, которые таким путем наверняка достигнут районов Каспийского моря и Волги.

Не могу не выразить вновь восхищения британского народа великолепной борьбой русских армий и русского народа против нацистских преступников. На генерала Макфарлана произвело чрезвычайно большое впечатление все, что он видел на фронте. Нам предстоят очень тяжелые дни, но и Гитлер не проведет приятной зимы при нашей все более увеличивающейся бомбардировке с воздуха. Мне доставило удовольствие весьма твердое предупреждение, сделанное Японией Вашим Превосходительством относительно товаров, прибывающих через Владивосток. Президент Рузвельт при встрече со мной был как будто расположен к тому, чтобы занять твердую позицию в случае дальнейших агрессивных действий со стороны Японии, будь то на юге или в северо-западной части Тихого океана, и я поспешил заявить, что он может рассчитывать на нашу поддержку в случае войны. Мне очень хотелось бы оказать большую поддержку генералу Чан Кайши, чем мы были в силах оказать до сих пор. Мы не хотим войны с Японией, и я уверен, что ее можно предотвратить тем, что мы поставим этих людей, которых разделяют разногласия и которые далеко не уверены в самих себе, перед перспективой образования самой мощной коалиции».

Вечером 4 сентября меня посетил Майский, чтобы передать ответ Сталина. Это было его первое личное послание после июля.

Премьер Сталин — премьеру Черчиллю

3 сентября 1941 года

«Приношу благодарность за обещание, кроме обещанных раньше 200 самолетов-истребителей, продать Советскому Союзу еще 200 истребителей. Не сомневаюсь, что советским летчикам удастся освоить их и пустить в дело.

Должен, однако, сказать, что эти самолеты, которые, как видно, могут быть пущены в дело не скоро и не сразу, а в

разное время и отдельными группами, не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте. Они не смогут внести серьезных изменений не только вследствие больших масштабов войны, требующих непрерывной подачи большого количества самолетов, но главным образом потому, что за последние три недели положение советских войск значительно ухудшилось в таких важных районах, как Украина и Ленинград.

Дело в том, что относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на восточный фронт свежих 30—34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активизации 20 финских дивизий и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда.

Эти обстоятельства привели к тому, что мы потеряли Криворожский железорудный бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминиевый завод на Днестре и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода на Украине, два моторных и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев.

Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой.

Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом.

Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была не-

приятной, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной.

Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране.

Советский Союз, так же как и Англия, не хочет войны с Японией. Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск.

Наконец, разрешите принести благодарность за выраженное Вами чувство восхищения действиями советских войск, ведущих кровопролитную войну с разбойничьими ордами гитлеровцев за наше общее освободительное дело».

* * *

Советский посол, которого сопровождал Иден, беседовал со мной полтора часа. Он с горечью подчеркнул, что в течение последних одиннадцати недель Россия фактически одна выносит на своих плечах всю тяжесть немецкого натиска. Русские армии отражают нападение невиданных масштабов. Он сказал, что не хотел бы прибегать к драматическим выражениям, но это может явиться поворотным пунктом истории. Если Советская Россия будет побеждена, каким образом мы сможем выиграть войну? Майский в волнующих выражениях подчеркнул исключительную тяжесть кризиса, создавшегося на русском фронте, и его слова вызвали у меня сочувствие. Но когда я вдруг почувствовал в его призыве о помощи скрытую угрозу, я рассердился. Я сказал послу, которого знал много лет: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы, на нашем острове, не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас». Так как я разгорячился, говоря об этом, то посол воскликнул: «Пожалуйста, спокойнее, мой дорогой господин Черчилль!» Но после этого его тон заметно изменился.

Дальнейшая часть нашей беседы была посвящена вопросам, уже затрагивавшимся в телеграфной переписке. Посол просил о немедленной высадке на побережье Франции или Нидерландов. Я изложил те военные соображения, по которым это

было невозможно, а также объяснил, что это не принесло бы облегчения России. Я сказал, что провел сегодня пять часов, изучая вместе с нашими специалистами способы значительного увеличения пропускной способности Трансперсидской железной дороги. Я говорил о миссии Бивербрука — Гарримана и о нашем решении предоставить все материалы, которые мы сможем выделить или доставить. Наконец, мы с Иденом сказали ему, что мы со своей стороны готовы дать финнам ясно понять, что мы объявим им войну, если они продвинулись в Россию далее своих границ 1918 года.

Майский не мог, разумеется, отказаться от своего призыва о немедленном открытии второго фронта, и дальнейшие споры по этому поводу были бесполезны.

* * *

Я немедленно проконсультировался с кабинетом по поводу вопросов, затронутых в этой беседе, и в тот же вечер отправил ответ Сталину:

Премьер-министр Черчилль — премьеру Сталину

6 сентября 1941 года

«1. Я сразу же отвечаю в духе Вашего послания. Хотя мы не остановились бы ни перед какими усилиями, в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции. Я хочу, если Ваше Превосходительство того пожелает, изложить Вам все те основания, которые привели начальников штабов к такому заключению. Эти основания уже были обсуждены сегодня с Вашим Послом на особом совещании, в котором приняли участие я и начальники штабов. Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче, — как бы похвальны ни были ее мотивы — может быть полезна только Гитлеру.

2. Информация, имеющаяся в моем распоряжении, создает у меня впечатление, что германское вторжение уже миновало высшую точку своего напряжения, ибо зима принесет Вашим героическим армиям передышку (это, однако, мое личное мнение).

3. По вопросу о снабжении. Мы прекрасно сознаем тяжелые потери, понесенные русской промышленностью, и приложим все усилия к тому, чтобы Вам помочь. Я телеграфирую Президенту Рузвельту с целью ускорить прибытие сюда, в Лондон, миссии Гарримана, и мы попытаемся еще до Московской кон-

ференции сообщить Вам о количестве самолетов и танков, которые мы совместно обещаем Вам посылать ежемесячно вместе с поставками резины, алюминия, сукна и прочего. Со своей стороны, мы готовы посылать Вам из британской продукции половину того ежемесячного количества самолетов и танков, которые Вы просите. Мы надеемся, что США будут удовлетворять вторую половину Ваших потребностей. Мы приложим все усилия к тому, чтобы начать Вам отправку снабжения немедленно.

4. Мы уже отдали приказы о снабжении персидской железной дороги подвижным составом, с тем чтобы поднять ее нынешнюю пропускную способность с двух поездов в каждую сторону в сутки до ее полной пропускной способности, а именно до 12 поездов в каждую сторону в сутки. Это будет достигнуто к весне 1942 года, до какого срока пропускная способность будет постепенно увеличиваться. Паровозы и вагоны из Англии будут посылаться вокруг мыса Доброй Надежды после переоборудования их на нефтяное топливо. Вдоль железной дороги будет развита система водоснабжения. Первые 48 паровозов и 400 вагонов вот-вот должны быть отправлены.

5. Мы готовы выработать с Вами совместные планы. Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на Европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть. По всей вероятности, можно будет оказать Вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь. Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 года. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться в фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлиять на Турцию в смысле соблюдения ею по крайней мере честного нейтралитета. Тем временем мы будем продолжать бомбардировать Германию с воздуха с возрастающей силой, будем также держать моря открытыми и бороться за свою жизнь.

6. В первом абзаце Вашего послания Вы употребили слово «продать». Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали об уплате. Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе-аренде, то есть без формальных денежных расчетов. Мы охотно готовы оказать в полную меру наших сил всяческое давление на Финляндию, включая немедленное официальное уведомление ее, что мы объявим ей войну, если она пойдет дальше своих старых границ. Мы просим также США предпринять все возможные шаги, чтобы повлиять на Финляндию».

Я считал все это настолько важным, что одновременно, находясь еще под свежим впечатлением, отправил следующую телеграмму президенту:

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

5 сентября 1941 года

«Советский посол вручил вчера вечером мне и Идену прилагаемое послание и в туманных выражениях говорил о серьезности положения и о том переломном значении, которое будет иметь наш ответ. Хотя ничто из сказанного им не дает повода для такого предложения, мы не могли избавиться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире. Кабинет счел целесообразным послать прилагаемый ответ. Надеюсь, Вы не будете возражать против нашего упоминания о возможной американской помощи. Я чувствую, что этот момент может оказаться решающим. Мы можем сделать только то, что в наших силах.

С наилучшими пожеланиями...»

Наш посол в Москве, вполне естественно, в самых сильных выражениях поддержал советский призыв. Ему я также послал ответ, который, как я полагал, должен был вооружить его аргументами на будущее.

Премьер-министр — Стаффорду Криппсу

5 сентября 1941 года

«1. Если бы было возможно произвести какую-либо успешную диверсию на французском или на нидерландском побережье, которая вынудила бы немцев отозвать войска из России, то мы отдали бы об этом приказ, не считаясь с самыми тяжелыми потерями. Все наши генералы убеждены в том, что это кончится только кровопролитными боями, в результате которых мы будем отброшены, а если нам удастся закрепиться на небольших плацдармах, то через несколько дней их все равно придется оставить. Побережье Франции укреплено до предела, и у немцев до сих пор еще больше дивизий на Западе, чем у нас в Великобритании¹, причем они располагают сильной поддержкой с воздуха. У нас нет такого количества судов, которое необходимо для переброски большой армии на Европейский континент, если только мы не растянем эту переброску на много месяцев. Отвлечение наших флотилий для выполнения подобной операции парализовало бы поддержку армий на Среднем Востоке и полностью прекратило бы

¹ Курсив мой. — Авт.

наше судоходство в Атлантическом океане. Это могло бы привести к проигрышу битвы за Атлантику, а также к голоду и гибели Британских островов. Ничто из того, что мы можем сделать сейчас или могли бы сделать в прошлом, не могло бы повлиять на борьбу, ведущуюся на Восточном фронте. Начиная с первого дня германского нападения на Россию я непрестанно требовал от начальников штабов, чтобы они изучили все возможные виды операций. Они единодушно придерживаются тех взглядов, которые я изложил здесь.

2. Когда Сталин говорит о фронте на Балканах, Вы должны помнить о том, что даже при имевшемся у нас тогда на Средиземном море количестве судов нам потребовалось семь недель для переброски в Грецию двух дивизий и одной бронетанковой бригады и что с тех пор, как нас вытеснили оттуда, все греческие, а также многие из островных аэродромов были заняты немецкой и итальянской авиацией и совершенно недосыгаемы для наших истребителей прикрытия. Я удивлен, что забыты потери, понесенные нашим торговым и военным флотом при эвакуации из Греции и с Крита. Сейчас мы находимся в гораздо худших условиях, чем тогда, а наши военно-морские силы уменьшились.

3. Когда Вы говорите о «сверхчеловеческих усилиях», то Вы подразумеваете, как я полагаю, такие усилия, которые преодолевают пространство, время и географию. К сожалению, мы всем этим не располагаем.

4. Положение на Западе было бы совершенно иным, если бы существовал французский фронт, так как я не сомневаюсь, что в этом случае вторжение в Россию было бы невозможно ввиду тех мощных контратак, которые могли бы быть немедленно предприняты. Не хочется отвечать упреками на упреки, но ведь не мы виноваты, что Гитлер получил возможность разбить Польшу, прежде чем бросить свои войска на Францию, и разбить Францию, прежде чем бросить их на Россию.

5. 440 самолетов-истребителей, которые мы взяли из наших серьезно уменьшившихся резервов, конечно, не много в сравнении с потерями, понесенными русской авиацией. Однако для нас это мучительная и опасная жертва. Налеты английской авиации продолжают днем и ночью с максимальным для нас напряжением, а тот факт, что воздушные бои над побережьем Франции не дают перевеса ни той, ни другой стороне, свидетельствует о том, что немцы еще располагают на Западе значительными военно-воздушными силами.

6. Ничто из того, что мы могли бы сделать сейчас или в прошлом, не могло бы повлиять на ужасное сражение, происходящее на русском фронте. Еще можно договориться о подготовке к кампании 1942 года. Путь, который удалось установить через Персию, будет использоваться до предела, и

все, что можно взять и отправить из английских ресурсов и из тех американских ресурсов, которые в противном случае попали бы в Англию, будет отправлено как можно скорее. Я настоятельно прошу президента Рузвельта прислать сюда Гарримана как можно раньше, с тем чтобы русские знали, на какую помощь они могут рассчитывать в 1942 году для возмещения потерь, понесенных их военной промышленностью, и соответственно могли составить свои планы. Я отправляю сегодня ответ на телеграмму Сталина, а настоящее послание предназначается исключительно для вашего собственного руководства. Я вполне понимаю чувства, которые вы испытываете, наблюдая вблизи агонию России, но ни сочувствие, ни эмоции не могут опровергнуть те факты, которым нам приходится смотреть в лицо».

В ответ на один из вопросов Сталина я послал следующую телеграмму нашему послу в Москве:

Премьер-министр — Стаффорду Криппсу, Москва

15 сентября 1941 года

«Прошу Вас сообщить Сталину от имени премьер-министра, что мы собираемся поставить 5 тысяч тонн алюминия из Канады, как только будет закончена подготовка к отправке, а затем будем отправлять ежемесячно 2 тысячи тонн. Первые партии придут через Владивосток, если только русское правительство не предпочтет отправку через Персию».

15 сентября я получил еще одну телеграмму от Сталина:

Премьер Сталин — премьер-министру

13 сентября 1941 года

«Я изложил в своем последнем послании мнение Правительства СССР о создании второго фронта как основного средства улучшения нашего общего дела. В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов.

Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению Английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25—30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того,

как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии.

Приношу благодарность за обещание ежемесячной помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

Я могу лишь приветствовать, что Английское Правительство думает оказать эту помощь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества.

Надеюсь, что Английское Правительство получит немало случаев убедиться в том, что Правительство СССР умеет достойным образом оценить помощь своего союзника.

Два слова о записке посла Великобритании в Москве г-на Криппса, переданной В. М. Молотову 12 сентября 1941 года. В этой записке сказано: «В случае, если Советское Правительство будет вынуждено уничтожить свои военно-морские суда в Ленинграде, чтобы предотвратить переход этих судов в руки неприятеля, Правительство Его Величества признает требование Советского Правительства после войны об участии Правительства Его Величества в замене уничтоженных таким образом судов».

Советское Правительство понимает и ценит готовность Английского Правительства возместить частично ущерб, который будет нанесен Советскому Союзу в случае уничтожения советских кораблей в Ленинграде. Не может быть сомнения, что в случае необходимости советские корабли в Ленинграде действительно будут уничтожены советскими людьми. Но за этот ущерб несет ответственность не Англия, а Германия. Я думаю поэтому, что ущерб должен быть возмещен после войны за счет Германии».

Я отправил на это послание самый лучший ответ, какой только мог.

Премьер-министр — премьеру Сталину

19 сентября 1941 года

«1. Очень благодарен за Ваше послание. Миссия Гарримана прибыла в полном составе и занята работой с утра до вечера с лордом Бивербруком и его сотрудниками. Целью является изучение всего вопроса о ресурсах, с тем чтобы можно было выработать сообща с Вами конкретную программу месячных поставок по всем имеющимся маршрутам и тем самым оказать Вам по возможности помощь в возмещении ущерба, причиненного Вашей военной промышленности. По идее Президента Рузвельта этот первый план должен охватить период до конца июня, но мы, естественно, будем продолжать оказывать Вам помощь до достижения победы. Я надеюсь, что совещание мо-

жет открыться в Москве 25-го сего месяца, но это не должно предаваться гласности до тех пор, пока все участники не придут благополучно к месту назначения. О маршрутах и средствах передвижения будет сообщено позже.

2. Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями. Лорд Бивербрук сможет объяснить весь план снабжения и перевозок: он находится в самых дружественных отношениях с г-ном Гарриманом.

3. Все возможные театры войны, на которых мы бы могли осуществить военное сотрудничество с Вами, были подвергнуты рассмотрению со стороны штабов. Наиболее благоприятные возможности представляются, несомненно, на обоих флангах — на северном и южном. Если бы мы могли действовать с успехом в Норвегии, то это оказало бы сильное влияние на позицию Швеции, но в настоящее время мы не располагаем ни военными силами, ни судовым тоннажем для осуществления этого проекта. Что касается Юга, то значение Турции чрезвычайно велико: если можно заручиться помощью Турции, то в нашем распоряжении окажется добавочная мощная армия. Турция хотела бы присоединиться к нам, но боится, и не без основания. Возможно, что, обещая ей помощь значительными британскими вооруженными силами и поставку технических средств, в которых Турция испытывает недостаток, можно оказать на нее решающее влияние. Мы изучим с Вами любую другую форму действительной поддержки, ибо единственная цель заключается в том, чтобы привести в действие против общего врага максимальные силы.

4. Я вполне согласен, что возмещение ущерба русскому флоту должно последовать в первую очередь за счет Германии. Победа, несомненно, предоставит в наше распоряжение крупные германские и итальянские военные суда, и, по нашему мнению, таковые явились бы наиболее подходящими для возмещения потерь русского флота».

* * *

Тем временем в Лондоне закончились переговоры между Бивербруком и Гарриманом, и 22 сентября англо-американская миссия по снабжению отправилась на крейсере «Лондон» из Скапа-Флоу через Северный Ледовитый океан в Архангельск, откуда она должна была вылететь в Москву. От этой миссии зависело многое. Я снабдил лорда Бивербрука общими инструкциями, которые были одобрены моими коллегами по военному кабинету, входившими в комитет обороны. Кроме того,

я дал лорду Бивербруку следующее письмо для личной передачи Сталину:

Премьер-министр — премьеру Сталину

21 сентября 1941 года

«Уважаемый Премьер Сталин,

Британская и Американская миссии уже выехали, и это письмо будет вручено Вам лордом Бивербруком. Лорд Бивербрук пользуется полнейшим доверием кабинета и является одним из моих самых старых и близких друзей. Он установил самые тесные отношения с г-ном Гарриманом, который является замечательным американцем, преданным всем своим сердцем победе общего дела. Они изложат Вам все, что нам удалось выработать в результате весьма тщательной консультации между Великобританией и Соединенными Штатами.

Президент Рузвельт решил, что наши предложения должны в первую очередь касаться месячных квот материалов, которые мы отправим Вам в течение девяти месяцев в период от октября 1941 года до июня 1942 года включительно. Вы имеете право знать точно, что мы можем поставлять из месяца в месяц, чтобы Вы могли наиболее выгодно распределить Ваши резервы.

Американские предложения ограничены пока концом июня 1942 года, но я не сомневаюсь, что впоследствии обе страны смогут поставить значительно большее количество, и Вы можете быть уверены, что мы приложим все усилия, чтобы компенсировать, насколько возможно, тяжелые потери, которые потерпела Ваша военная промышленность в результате нацистского вторжения. Я не хочу предвосхищать того, что лорд Бивербрук должен будет сказать по этому вопросу.

Вы увидите, что до конца июня 1942 года поставки идут почти полностью за счет британской продукции или продукции, которую Соединенные Штаты предоставят нам в качестве наших собственных закупок или согласно закону о передаче займы или в аренду. Соединенные Штаты были исполнены решимости предоставить нам фактически все свои экспортные излишки, и для них нелегко обеспечить в течение этого времени новые эффективные источники снабжения. Я надеюсь, что производство Соединенных Штатов получит дальнейший значительный импульс и что к 1943 году мощная промышленность Америки полностью развернется в соответствии с нуждами войны. Что касается нашего участия, то мы не только значительно увеличим свой вклад из нашей существующей, заранее спланированной продукции, но также попытаемся добиться от нашего народа дальнейших усилий для удовлетворения наших общих потребностей. Вы, однако, согласитесь,

что наша армия и ее снабжение, которое было спланировано, составляют, может быть, только одну пятую или одну шестую Вашей или германской армий. Наш первый долг и потребность заключаются в том, чтобы держать моря открытыми, а наш второй долг — достигнуть решительного превосходства в воздухе. Это основные требования, предъявляемые к людским ресурсам, составляющим на Британских островах 44 000 000. Мы никогда не можем надеяться иметь армию или военную промышленность, которые можно было бы сравнить с армией и военной промышленностью великих континентальных военных держав. Тем не менее мы сделаем все возможное, чтобы помочь Вам.

Генерал Исмей, который является моим личным представителем в Комитете начальников штабов и полностью осведомлен о всей нашей военной политике, уполномочен изучить с Вашими командующими любые планы практического сотрудничества, о которых может возникнуть мысль.

Если мы сможем очистить от врага наш западный фланг в Ливии, мы будем иметь значительные силы, как воздушные, так и сухопутные, для совместных действий на южном фланге русского фронта.

Мне кажется, что если бы удалось побудить Турцию к сопротивлению германским требованиям о пропуске войск или, еще лучше, если бы она вступила в войну на нашей стороне, то это было бы наиболее быстрой и эффективной помощью нам. Я уверен, что Вы придадите этому должное значение.

Я всегда разделял Ваши симпатии к китайскому народу в его борьбе за защиту своей родной земли от японской агрессии. Разумеется, мы не хотим добавлять Японию к числу наших врагов, но позиция Соединенных Штатов, как она выяснилась из моего совещания с Президентом Рузвельтом, уже заставила Японское Правительство придерживаться более трезвых взглядов. Я поспешил заявить от имени Правительства Его Величества, что если Соединенные Штаты будут втянуты в войну с Японией, то Великобритания немедленно выступит на их стороне. Я думаю, что все наши три страны должны, насколько возможно, продолжать оказывать помощь Китаю и что эта помощь может принять значительные размеры, не вызывая объявления войны со стороны Японии.

Нет сомнения, что нашим народам предстоит длительный период борьбы и страданий, но я питаю большие надежды на то, что Соединенные Штаты вступят в войну в качестве воюющей стороны, и если так, то я уверен, что нам надо будет только проявить выдержку, для того чтобы победить.

Я надеюсь, что в ходе войны огромные массы народов Британской Империи, Советского Союза, Соединенных Штатов и Китая, которые вместе составляют две трети всего челове-

ства, выступают против своих врагов; и я уверен, что путь, по которому они пойдут, приведет к победе.

Шлю искренние пожелания успехов русским армиям и уничтожения нацистских тиранов...»

* * *

28 сентября наша миссия прибыла в Москву. Ее приняли холодно, и совещания проходили отнюдь не в дружественной атмосфере. Можно было подумать, что мы были виноваты в том тяжелом положении, в котором сейчас очутился Советский Союз. Советские генералы и должностные лица не давали никакой информации своим американским и английским коллегам. Они даже не сообщили им, на какой основе были исчислены потребности русских в наших драгоценных военных материалах. Членам миссии не было оказано никакого официального приема почти до последнего вечера, когда их пригласили на обед в Кремль. Не следует думать, что подобные встречи между людьми, занятыми самыми серьезными делами, не могут помочь ходу дела. Наоборот, неофициальный обмен мнениями создает ту атмосферу, которая позволяет достичь соглашения. Но сейчас подобного настроения почти не чувствовалось и можно было подумать, что это мы приехали просить об одолжении.

2 октября президент сообщил мне об американских планах дальнейшего производства танков и самолетов. С июля 1942 года по январь 1943 года Соединенные Штаты будут выделять ежемесячно 1200 танков для Англии и России, а в течение следующих шести месяцев — 2 тысячи ежемесячно. Американская миссия в Москве получила указание обещать русским 400 танков в месяц с 1 июля, а по прошествии этого срока, после обсуждения с нашими представителями, — большее количество.

Соединенные Штаты будут в состоянии выполнить эти увеличившиеся обязательства, так как они удваивают производство танков и будут выпускать свыше 2500 танков в месяц.

Президент также сообщил мне, что он принял меры для поставки России в период между 1 июля 1942 года и 1 июля 1943 года 3600 самолетов первой линии, помимо и сверх того количества, о котором уже была достигнута договоренность.

* * *

В конце концов в Москве было достигнуто дружественное соглашение. Был подписан протокол, устанавливающий разме-

ры поставок, которые Великобритания и Соединенные Штаты смогут выделить России в период с октября 1941 года по июль 1942 года. Это влекло за собой значительное нарушение наших военных планов, осуществление которых и без того уже было значительно затруднено из-за мучительного недостатка вооружения. Вся тяжесть пала на нас, потому что мы должны были не только отдавать свою собственную продукцию, но также обходиться без наиболее важного вооружения, которое американцы при других обстоятельствах послали бы нам. Ни американцы, ни мы не давали никаких обещаний относительно транспортировки этих поставок по трудным и опасным океанским и арктическим путям. Ввиду оскорбительных упреков, которые сделал Сталин, когда мы сказали, что конвоям не следует отплывать до тех пор, пока не сойдет лед, надо отметить, что мы гарантировали только то, что материалы будут «предоставлены Англией и Соединенными Штатами в местах их производства». Преамбула протокола заканчивалась словами: «Великобритания и Соединенные Штаты окажут помощь в перевозке этих материалов в Советский Союз и помогут осуществить их доставку».

Премьер-министр — премьеру Сталину

6 октября 1941 года

«Я был рад узнать от лорда Бивербрука об успехе трехсторонней конференции, состоявшейся в Москве. «*Bis dat qui cito dat*»¹. Мы намерены обеспечить непрерывный цикл конвоев, которые будут отправляться с промежутками в десять дней. Следующие грузы находятся уже в пути и придут в Архангельск 12 октября: 20 тяжелых танков, 193 истребителя (предоктябрьской квоты). Следующие грузы отправляются 12 октября и намечены к доставке 29-го: 140 тяжелых танков, 100 самолетов типа «харрикейн», 200 транспортеров для пулеметов типа «Брен», 200 противотанковых ружей с патронами, 50 пушек калибром в 42 мм со снарядами. Следующие грузы отправляются 22-го: 200 истребителей, 120 тяжелых танков. Из этого следует, что вся октябрьская квота самолетов и 280 танков придут в Россию к 6 ноября. Октябрьская квота транспортеров для пулеметов типа «Брен», противотанковых ружей и пушек калибром в 42 мм для танков придет в октябре. 20 танков были погружены для провоза через Персию и 15 будут немедленно отправлены из Канады через Владивосток.

Таким образом, общее число отправленных танков составит 315, то есть на 19 штук меньше нашей полной квоты. Это

¹ «Вдвойне дает тот, кто дает скоро» (латинское изречение). — *Примеч. ред.*

количество будет восполнено в ноябре. Вышеупомянутая программа не включает снабжения из Соединенных Штатов.

При организации этого регулярного цикла конвоев мы считываем, что Архангельск будет принимать главную часть поставок. Я предполагаю, что эта часть работы уже производится».

Хотя генерал Исмей имел все полномочия и был достаточно компетентен для обсуждения и разъяснения советским руководителям военного положения во всех его вариантах, Бивербрук и Гарриман решили не усложнять своей задачи вопросами, по которым не могло быть достигнуто соглашения. Поэтому переговоры на эту тему в Москве не велись. Неофициально русские продолжали требовать немедленного открытия второго фронта и, казалось, оставались совершенно глухи ко всем доводам, доказывавшим его невозможность. Оправданием их являлись страдания, которые они переживали. В основном все это приходилось выносить нашему послу.

* * *

Я продолжал поддерживать нашего посла в тех многочисленных испытаниях и трудностях, которые ему приходилось выносить, выполняя в одиночестве свою тяжелую задачу.

Премьер-министр — Стаффорду Криппсу, Куйбышев

28 октября 1941 года

«1. Я вполне сочувствую Вашему трудному положению, а также России в ее страданиях. Они, несомненно, не имеют права упрекать нас. Они сами подписали свой приговор, когда, заключив пакт с Риббентропом, дали возможность Гитлеру наброситься на Польшу и этим развязали войну. Они лишили себя эффективного второго фронта, когда допустили уничтожение французской армии. Если бы до 22 июня они заранее проконсультировались с нами, можно было бы принять ряд мер для того, чтобы раньше оказать ту огромную помощь вооружением, которую мы сейчас предоставляем им. Однако до нападения на них Гитлера мы не знали, будут ли они сражаться, и если будут, то на чьей стороне. Мы оставались в одиночестве в течение целого года. Если бы мы подверглись вторжению и были уничтожены в июле или августе 1941 года или умерли от голода в этом году во время битвы за Атлантику, они отнеслись бы к этому совершенно безразлично. Если бы они выступили, когда немцы напали на Балканы, многое можно было бы сделать, но они предоставили Гитлеру выбирать по своему усмотрению время и противников. То, что пра-

вительство с подобным прошлым обвиняет нас в попытке завоевания территорий в Африке или в том, что мы стараемся получить преимущества в Персии за их счет или что мы готовы «сражаться до последнего русского солдата», на меня совершенно не действует. Если они пытаются какие-либо подозрения в отношении нас, то только потому, что в душе они сознают свою вину и упрекают себя».

Моя жена очень переживала, видя, что невозможность оказания нами военной помощи России все больше и больше беспокоила и огорчала народ по мере того, как проходил месяц за месяцем, а немецкие армии лавиной катились через степи. Я сказал ей, что о втором фронте не может быть и речи, и единственное, что мы будем в состоянии сделать в течение долгого времени, — это посылать в большом количестве все виды снабжения. Мы с Иденом поддержали ее попытку выяснить, не удастся ли собрать путем добровольной подписки средства на оказание медицинской помощи. Это уже было начато английским Красным Крестом и обществом Сент Джонс, и эта объединенная организация предложила моей жене возглавить кампанию «Помощи России». В конце октября она по их поручению выпустила свое первое обращение:

«В нашей стране нет ни одного человека, который не был бы взволнован до глубины души ужасной драмой, происходящей сейчас в России. Мы поражены мощью русского сопротивления и искусством, с которым оно ведется. Мы искренне восхищаемся доблестью, стойкостью и патриотическим самопожертвованием русского народа. Но, пожалуй, больше всего нас потрясли муки огромного количества людей, внушившие нам ужас и сострадание.

.....

Среди материалов, которые мы уже послали в Россию, имеются 53 комплекта хирургических инструментов для неотложных операций, 30 комплектов аппаратуры для переливания крови, 70 тысяч различных хирургических игл и один миллион таблеток нового лекарства. Это лекарство является чудесным антисептическим средством, которое революционизировало лечение многих болезней, вызываемых микробами. Кроме того, мы отправили полтонны фенацетина и около 7 тонн гигроскопической ваты. Но это, разумеется, только начало.

.....

Мы объявили, что ставим своей целью собрать один миллион фунтов стерлингов. Сделаны первые успешные шаги. На-

ши фонды уже достигают 370 тысяч фунтов стерлингов, а сбор денег проводится всего 12 дней. Наши всемилостивейшие и любимые король и королева, послав на прошлой неделе еще 3 тысячи фунтов стерлингов Красному Кресту, выразили желание, чтобы тысяча фунтов из этого их совместного дара была направлена в фонд помощи России. Они дали нам достойный пример.

Многое зависит от предпринимателей, и я хотела бы сказать следующее: всюду, где предприниматель находит возможность организовать сбор средств, рабочие охотно вносят свои еженедельные пенсы. Таким образом, все мы, от короля и королевы до самого скромного трудящегося и земледельца, можем принять участие в этом деле доброй воли и милосердия. Среди обитателей хижин и дворцов, среди тех, кто может выделить всего несколько пенсов, и таких богатых и щедрых жертвователей, как лорд Наффилд, который имеет возможность прислать чек на 50 тысяч фунтов стерлингов, есть миллионы людей, которые пожелают внести свою лепту в эту дань русскому народу».

Сейчас же последовали великодушные отклики. В течение следующих четырех лет моя жена с энтузиазмом и ответственностью посвящала себя этой задаче. В общей сложности из взносов как богатых, так и бедных было собрано около 8 миллионов фунтов стерлингов. Многие состоятельные люди делали щедрые взносы, но основная часть денег поступала за счет еженедельных отчислений народных масс. Таким образом, благодаря мощной организации Красного Креста и Сент Джонс медикаменты, хирургический инструментарий, различные предметы ухода за больными и всевозможное специальное оборудование, несмотря на тяжелые потери, которые несли во время плавания в Арктике конвой, доставлялись непрерывным потоком через опасные ледяные моря доблестным русским армиям и народу.

Глава шестая

ПЕРСИЯ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Лето и осень 1941 года

Необходимость доставлять Советскому правительству вооружение и различного рода материалы, исключительные трудности арктического пути наряду с будущими стратегическими возможностями сделали весьма желательным открытие широ-

чайших коммуникаций с Россией через Персию. Персидские нефтепромыслы являлись важнейшим военным фактором. В Тегеране обострялась активная и многочисленная германская миссия, и престиж Германии был высок. Подавление мятежа в Ираке и англо-французская оккупация Сирии, осуществленные с большим трудом, сорвали выполнение восточного плана Гитлера. Мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию. Я не без некоторой тревоги решался на персидскую войну, но доводы в ее пользу были неотразимы. Я был очень рад тому, что генерал Уэйвелл находится в Индии и сможет руководить отсюда военными операциями.

11 июля 1941 года кабинет поручил начальникам штабов рассмотреть вопрос о желательности действий в Персии совместно с русскими в случае, если персидское правительство откажется выслать германскую колонию, подвизавшуюся в этой стране. 18 июля они рекомендовали занять твердую позицию по отношению к персидскому правительству. Этой же точки зрения решительно придерживался генерал Уэйвелл.

Начальники штабов считали, что операцию следует ограничить югом и что для захвата нефтепромыслов нам понадобится по меньшей мере одна дивизия, поддержанная небольшой авиационной частью. Эти силы пришлось бы перебросить из Ирака, где у нас и без того не хватало войск даже для поддержания внутренней безопасности. В заключение они указывали, что, если войска придется послать в Персию в ближайшие три месяца, их нужно будет заменить силами со Среднего Востока.

Я не был уверен в том, что этой персидской операции было обеспечено координированное планирование, необходимое для ее конечного успеха. Поэтому 31 июля я распорядился создать для этой цели специальный комитет при лорде — председателе Совета.

Этот комитет сообщал мне о результатах своей работы, одобренной военным кабинетом. Из послания комитета от 6 августа явствовало, что персы не пойдут навстречу нашим пожеланиям относительно изгнания из страны германских агентов и резидентов и что нам придется прибегнуть к силе. Следующим этапом должна была стать координация наших дипломатических и военных планов с планами русских. 13 августа Иден принял в министерстве иностранных дел Майского, и был согласован текст наших соответственных нот Тегерану. Этот дипломатический шаг должен был явиться нашим

последним словом. Майский заявил министру иностранных дел, что «после представления меморандумов Советское правительство будет готово предпринять военные действия, но оно делает это лишь вместе с нами». По получении этих известий 19 августа я написал: «Я считаю точку зрения русских разумной, и нам следовало бы выступить вместе с ними, пока еще есть время».

Теперь мы обязались действовать. Если бы сопротивление персов оказалось более сильным, чем предполагалось, мы должны были изучить возможность отправки дополнительных подкреплений в район Среднего Востока.

Ввиду упорства персидского правительства генерал Куинэн, командовавший силами в Ираке, получил 22 июля приказ быть готовым к занятию Абаданского нефтеочистительного завода и нефтепромыслов, а также промыслов, расположенных в 250 милях к северу, близ Ханакина. На совместную англо-советскую ноту от 17 августа был получен неудовлетворительный ответ, и вступление английских и русских войск в Персию было назначено на 25 июля. Имперские войска в секторе Абадана под командованием генерала Гарвея состояли из индийской 8-й пехотной дивизии; в секторе Ханакина, где командовал генерал Слим, — из 9-й бронетанковой бригады, одного индийского бронетанкового полка, четырех английских батальонов и одного полка английской артиллерии. В состав поддерживающих авиационных сил входили одна отдельная эскадрилья войсковой авиации, эскадрилья истребителей и эскадрилья бомбардировщиков. Первой целью был захват нефтепромыслов; второй — продвижение в Персию и, в сотрудничестве с русскими, установление контроля над персидскими коммуникациями и обеспечение сквозного пути к Каспийскому морю. На Южном фронте можно было ожидать сопротивления двух персидских дивизий, располагавших 16 легкими танками, а на Северном — трех дивизий.

Абаданский нефтеочистительный завод был занят пехотной бригадой, которая погрузилась на суда в Басре и на рассвете 25 августа высадилась в месте своего назначения. Большая часть персидских войск была застигнута врасплох, но сумела бежать на грузовиках. Завязались уличные бои; было захвачено несколько персидских судов. В то же время другие части 8-й дивизии заняли со стороны суши порт Хорремшехр, а одна часть была послана на север, к Ахвазу. Когда наши войска подходили к Ахвазу, стало известно, что шах отдал приказ «прекратить огонь» и персидский генерал приказал своим войскам вернуться в казармы. Нефтепромыслы на севере были

захвачены без труда, и войска генерала Слима продвинулись на 30 миль по дороге к Керманшаху. Однако теперь они подошли к грозному проходу Пай-Так, который стойкие войска могли бы превратить в серьезное препятствие. Ввиду этого одна колонна была послана в обход позиции с юга. Преодолев некоторое сопротивление, эти войска 27 августа достигли Шахабада в тылу персидской линии обороны. Защитники прохода не устояли перед этим маневром и перед бомбардировкой и поспешно покинули свои позиции. Продвижение к Керманшаху возобновилось, и 28 августа было обнаружено, что противник вновь стянул силы на позицию, преграждающую дорогу. Но перед самым началом атаки появился персидский офицер с белым флагом, и кампания была закончена. Наши потери составили 22 человека убитыми и 42 ранеными.

Так закончилась эта короткая и плодотворная операция превосходящих сил против слабого и древнего государства. Англия и Россия боролись за свою жизнь. *Inter arma silent leges*¹. Мы можем радоваться тому, что благодаря нашей победе была сохранена независимость Персии.

¹ «Когда говорит оружие, законы молчат» (латинская поговорка). — Примеч. ред.

Спротивление персов рухнуло так быстро, что наше сотрудничество с Кремлем снова приобрело почти исключительно политический характер. Предлагая провести совместную англо-русскую кампанию в Персии, мы добивались главным образом открытия коммуникации от Персидского залива до Каспийского моря. Мы надеялись также, что это непосредственное сотрудничество английских и советских сил позволит установить более тесные и дружественные отношения с нашим новым союзником. И мы, и они, конечно, были согласны, что всех немцев необходимо изгнать из Персии или захватить в плен, чтобы положить конец германскому влиянию и интригам в Тегеране и других местах. На втором плане стояли глубокие и щекотливые вопросы о нефти, коммунизме и послевоенном будущем Персии, но мне казалось, что это не должно было служить помехой товариществу и доброжелательности.

Премьер-министр — премьеру Сталину

16 сентября 1941 года

«Я очень хотел бы наладить окончательно наш союз с Персией и достичь тесного, эффективного, практического сотрудничества с Вашими вооруженными силами в Персии. В Персии имеются признаки серьезных беспорядков среди племен и резкого падения авторитета персидских властей. Распространение таких беспорядков означало бы, что мы были бы вынуждены тратить наши войска на усмирение этих людей, а это в свою очередь означало бы загрузку автомобильных и железнодорожных путей сообщения переброской тех же самых войск и перевозкой их снабжения, тогда как нам необходимо освободить путь и улучшить его по возможности, с тем чтобы обеспечить провоз снабжения в Вашу страну. Мы должны стремиться к тому, чтобы заставить персов самих поддерживать у себя порядок, пока мы заняты ведением войны. Решительное указание со стороны Вашего Превосходительства в этом смысле ускорит имеющееся уже благоприятное развитие наших дел на этом второстепенном театре войны».

Премьер-министр — премьеру Сталину

12 октября 1941 года

«...По вопросу о Персии. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну. Если Вам желательно отозвать имеющиеся там пять или шесть русских дивизий, с тем чтобы использовать их на боевом фронте,

мы примем на себя полную ответственность по поддержанию порядка и содержанию в исправности и улучшению путей снабжения. Я обещаю именем Британии, что мы не будем стремиться к каким-либо выгодам для себя за счет каких-либо справедливых русских интересов как во время войны, так и по ее окончании. Во всяком случае, подписание трехстороннего договора срочно необходимо во избежание нарастания внутренних беспорядков, что повлекло бы опасность прекращения движения грузов по путям снабжения. Генерал Уэйвелл будет в Тифлисе 16 октября и обсудит с Вашими генералами любые вопросы, которые Вы, может быть, уполномочите их решить с ним.

Словами не выразить наших чувств по поводу Вашей колоссальной героической борьбы — мы надеемся скоро засвидетельствовать это делами».

* * *

Договоренность с русскими по всем вопросам была достигнута легко и быстро. Условия, предъявленные персидскому правительству, заключались в основном в прекращении всякого сопротивления, высылке немцев, сохранении нейтралитета в войне и предоставлении союзникам права пользоваться персидскими коммуникациями для транзитных перевозок военных грузов в Россию. Дальнейшая оккупация Персии была осуществлена мирно. Английские и русские войска встретились дружески, и 17 сентября ими совместно был занят Тегеран. За день до этого шах отрекся в пользу своего одаренного 22-летнего сына. 20 сентября новый шах восстановил по совету союзников конституционную монархию, а его отец вскоре после этого отправился в изгнание, где он жил с полным комфортом, и в июле 1944 года умер в Йоганнесбурге. Основная часть наших сил была отозвана из Персии, где остались лишь войска для охраны коммуникаций, а 18 октября как русские, так и английские войска эвакуировались из Тегерана. После этого наши войска под командованием генерала Куинэна были заняты на строительстве оборонительных сооружений для защиты от возможного вторжения германских армий из Турции или с Кавказа и готовились к принятию крупных подкреплений, которые должны были прибыть в случае, если бы такое вторжение оказалось неминуемым.

Нашей главной целью стало создание важнейшего пути снабжения в Россию через Персидский залив. Благодаря наличию в Тегеране дружественного правительства мы смогли расширить порты, улучшить речные коммуникации, построить шоссе и реконструировать железные дороги. Начатые английской армией в сентябре 1941 года, эти мероприятия, которые

должны были теперь взять на себя и довести до конца Соединенные Штаты, позволили нам послать в Россию за четыре с половиной года пять миллионов тонн грузов.

* * *

Теперь мы можем вернуться к основному, Средиземноморскому театру.

Обе стороны использовали лето, чтобы укрепить свои армии в Ливийской пустыне. Для нас было крайне важно пополнить силы на Мальте. Потеря Крита лишила флот адмирала Кэннингхэма заправочной базы, расположенной достаточно близко, чтобы ею могли пользоваться наши морские силы для прикрытия Мальты. Возможность высадки на Мальте морского десанта из Италии или Сицилии возросла, хотя, как нам теперь известно, Гитлер и Муссолини одобрили такой план лишь в 1942 году. Авиационные базы противника на Крите и в Киренаике представляли настолько серьезную угрозу для конвоев, следовавших из Александрии на Мальту, что нам приходилось всецело полагаться на доставку грузов с запада. Огромную услугу в выполнении этой задачи оказал адмирал Сомервелл со своим соединением «Н» из Гибралтара. Маршрут, который военно-морское министерство считало самым опасным, стал единственным открытым для нас путем. К счастью, в это время вторжение в Россию вынудило Гитлера отозвать с Сицилии свою авиацию, что обеспечило передышку Мальте и позволило нам вернуть себе господство в воздухе над Мальтийским проливом. Это не только облегчило подход караванам с запада, но и дало нам возможность наносить более сильные удары по транспортам и грузовым судам, доставлявшим подкрепления Роммелю.

Были успешно проведены два довольно больших каравана. Переход каждого из них явился трудной морской операцией. В июле на Мальту прибыл конвой из 6 грузовых судов и было выведено 7 порожних судов. Через двое суток итальянцы предприняли свое единственное серьезное нападение на гавань Валлетта, в котором приняли участие около 20 торпедных катеров и 8 подводных лодок-малюток. Части портовой обороны, состоявшие главным образом из мальтийцев, почти полностью уничтожили нападавших, несмотря на всю дерзость их нападения. В сентябре прошел еще один караван из 9 транспортов, потерявший при прохождении всего одно судно. Его сопровождал очень сильный эскорт, состоявший из линкоров «Принс ов Уэлс», «Родней», «Арк Ройал», 5 крейсеров и 18 эсминцев. Кроме этих основных караванов до острова добралось также большое количество других грузовых судов. В общей сложности благополучно прибыло 32 судна из 34. В пути они испы-

тали много опасностей и доблестно проявили себя. Эти поставки позволили крепости не только существовать, но и наносить удары. В течение трех месяцев, по сентябрь включительно, английские самолеты, подводные лодки и эсминцы, действуя с Мальты, потопили 43 направлявшихся в Африку судна держав оси общим водоизмещением 150 тысяч тонн, а также 64 судна меньшего тоннажа. В октябре было потоплено в пути свыше 60 процентов грузов, предназначавшихся для Роммеля. Вполне возможно, что это сыграло решающую роль в борьбе в Западной пустыне в 1941 году.

* * *

В сентябре, как мы сейчас знаем, германский адмирал, находившийся при итальянском верховном командовании, сообщил:

«Сейчас, как и всегда, на Средиземном море господствует английский флот... Итальянский флот не смог воспрепятствовать операциям военно-морских сил противника, но во взаимодействии с итальянской авиацией он все же помешал английским конвоям регулярно использовать средиземноморский маршрут...

Самым опасным оружием англичан являются подводные лодки, особенно те, которые действуют с Мальты. За освещаемый период отмечено 36 атак подводных лодок, из них 19 успешных... Из-за слабости итальянской авиации на Сицилии за последние несколько недель возросла угроза с Мальты германо-итальянскому морскому пути в Северную Африку... Кроме того, с Мальты почти ежедневно совершаются налеты на Триполи. За последнее время участились налеты английской авиации на итальянские морские порты на Сицилии... Соединения итальянской авиации, размещенные сейчас на Сицилии и в Северной Африке, недостаточны, чтобы воспрепятствовать операциям английских военно-воздушных и морских сил... Я еще раз серьезно предостерегаю против недооценки опасностей, порождаемых положением на Средиземном море».

* * *

Успех описанных выше мер не рассеял моей тревоги по поводу промедления в Пустыне и прибытия подкреплений к Роммелю, и я требовал от военно-морского министерства, чтобы были приложены еще большие усилия. Особенно мне хотелось, чтобы на Мальте базировалось новое соединение надводных кораблей.

Этот курс был принят, хотя для претворения его в жизнь требовалось время. В октябре на Мальте был создан ударный

отряд, известный под названием соединения «К», состоявший из крейсеров «Орор» и «Пинелопи» и эсминцев «Лэнс» и «Лайвли». Это соединение оказало важные и своевременные услуги.

* * *

В это время я преследовал более широкие цели. В войне всегда желательно, хотя и не всегда возможно, составлять планы на будущее. Затишье, последовавшее за решением Окинлека отложить наступление, и успешная Персидская кампания создали для этого благоприятную обстановку. Со всех точек зрения я считал в то время желательным доставить на Восток максимальные подкрепления, какие только позволял тоннаж наших судов. Я не мог знать, как обернется предстоящая битва в Пустыне или как долго продержится русский фронт на Кавказе. Кроме того, всегда существовала японская угроза со всеми вытекавшими из нее потенциальными опасностями для Австралии и Новой Зеландии. Мне хотелось перебросить на Восток еще две английские дивизии. Если бы они могли обогнуть мыс Доброй Надежды примерно к концу этого года, у нас было бы в наличии кое-что существенное на случай непредвиденных обстоятельств. В сущности, это был бы тот подвижной резерв, тот «маневренный кулак», который один только мог обеспечить свободу выбора в час нужды. Я постиг это в суровой школе, где уроки даются зачастую лишь однажды.

Поэтому я стремился создать двойную гарантию, перебросив еще две дивизии для армии, действующей в Пустыне, а также иметь подвижной резерв для других нужд или непредвиденных событий на Среднем Востоке. Однако для этого у нас не было судов. Все суда, без которых можно было обойтись на Атлантическом океане, были использованы в составе конвоев, совершавших путь вокруг мыса Доброй Надежды, а также из Австралии и Индии. Но растущая сердечность моей переписки с президентом Рузвельтом внушала мне уверенность, что он одолжит мне несколько быстроходных американских транспортов.

Я обратился к президенту Рузвельту.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

1 сентября 1941 года

«1. Благодаря хорошим результатам, так легко достигнутым в Персии, мы оказываемся в соприкосновении с русскими. Мы собираемся проложить вторую колею или, по меньшей мере, значительно улучшить железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря, открыв, таким образом, надежный путь,

по которому можно будет доставлять долгосрочные грузы к тыловым рубежам русских в Волжском бассейне. Кроме этого, крайне важно, чтобы Турция ни в коем случае не пропускала немцев в Сирию и Палестину. Учитывая обе эти важные цели, я хочу укрепить армии на Среднем Востоке еще двумя английскими кадровыми дивизиями общей численностью 40 тысяч бойцов в дополнение к тем 150 тысячам текущих пополнений, которые мы перевезем сами до Рождества. Мы, однако, не сумеем выделить все необходимое для этого количество судов. Не сможете ли Вы ссудить нам на срок с начала октября по февраль 12 американских пароходов и 20 грузовых судов, укомплектованных американскими экипажами? Они доставили бы грузы в порты Соединенного Королевства под любым флагом, который будет найден удобным. Если они смогут прибыть сюда в начале октября, мы пошлем их на Средний Восток в дополнение к нашим октябрьским и ноябрьским караванам».

На это был получен в высшей степени великодушный ответ.

«Я уверен, — писал президент 6 сентября, — что мы можем способствовать Вашему проекту укрепления армии на Среднем Востоке. Во всяком случае, я в состоянии сейчас заверить Вас, что мы сможем предоставить транспорт для 20 тысяч человек». Он указал, что это будут американские военные транспорты, укомплектованные военными моряками, и что американский закон о нейтралитете разрешает кораблям военно-морского флота заходить в любой порт. Помимо этого, морская комиссия Соединенных Штатов распорядится направить в Северную Атлантику дополнительно 10—12 судов, которые будут совершать рейсы между американскими портами и портами Великобритании, так что мы сможем высвободить для Среднего Востока 10—12 английских грузовых судов. «Я предоставляю вам, — писал он, — наши лучшие транспорты. Кстати, я очень рад, что вы намерены перебросить подкрепления на Средний Восток».

* * *

Все наши мысли в то время были обращены к Пустыне. Я могу привести записку о предстоящих операциях в Пустыне, которую я написал в первую неделю августа. Я показал свой проект начальнику имперского генерального штаба и главнокомандующему войсками митрополии генералу Бруку. Оба они выразили свое полное согласие и внесли лишь несколько второстепенных непринципиальных изменений.

7 октября 1941 года я разослал этот документ различным представителям верховного командования. Правило, изложенное в пункте 4, относительно командующих армией и авиа-

цией было введено в силу соответствующими телеграммами на имя генерала Окинлека и маршала авиации Теддера. В этих телеграммах определялись их взаимоотношения и подтверждалось, что командующему сухопутными силами принадлежит верховное право распоряжаться авиацией как во время боя, так и на подготовительной стадии. С тех пор это правило стало господствующим в английских вооруженных силах, а впоследствии было самостоятельно разработано Соединенными Штатами.

Записка министра обороны

«1. Слава ждет того командира, который первым в этой войне вернет артиллерии ее решающую роль на поле боя, роль, которой она лишилась в результате появления танков с тяжелой броней. Для этой цели необходимо соблюдение трех правил:

а) Каждое полевое орудие или подвижная зенитная пушка должны иметь при себе большой запас бронебойных трассирующих болванок. Таким образом, каждое подвижное орудие станет противотанковым орудием и каждая батарея будет иметь свою собственную противотанковую защиту.

б) Танковую атаку на пушки следует только приветствовать. Орудия должны вести огонь даже в упор. Пока приближающиеся танки не подойдут на ближнюю дистанцию, батареи должны вести по ним скорострельный огонь бризантными снарядами. На этом этапе самой уязвимой частью танков являются гусеницы. На ближней дистанции нужно открыть стрельбу бронебойными снарядами. Эта стрельба должна продолжаться, пока остаются в живых бойцы хотя бы одного орудийного расчета. Последний залп следует дать с дистанции не свыше 10 ярдов. Быть может, отдельным орудийным расчетам удастся делать вид, будто они выведены из строя, или воздерживаться от обстрела, с тем чтобы получить великолепную возможность открыть огонь бронебойными снарядами с самой ближней дистанции.

в) Вышеуказанная тактика может зачастую привести, особенно когда артиллерия сталкивается с танками, к захвату и потере орудий. При условии, если дело дойдет до стрельбы в упор, такая потеря пушек должна рассматриваться не как катастрофа, а, напротив, как величайшая честь для данной батареи. Уничтожение танков более чем компенсирует потерю полевых орудий или подвижных зенитных пушек. Немцы не используют захваченные у нас пушки, так как у них вдоволь орудий собственных типов, которые они предпочитают всем другим. Наши собственные запасы достаточны, чтобы возместить потери.

Английская артиллерия должна установить принцип, что танкам невыгодно атаковать группу правильно размещенных английских батарей и что эти батареи всегда будут ждать их атаки, чтобы уничтожить значительную часть танков. Наши орудия также не должны отступать перед танками, как веллингтоновские каре не отступали под Ватерлоо перед вражеской кавалерией.

2. С начала вторжения во Францию немцы ввели практику, которую они с тех пор неуклонно развивали, — придавать своим самым передовым отрядам зенитную артиллерию и включать ее во все свои танковые и транспортные колонны. Мы должны делать то же самое. Нужно взять себе за правило, что всем соединениям, находящимся в колоннах либо развернутым, должно придаваться для защиты определенное количество зенитных пушек. Этот принцип применим к колоннам всех видов, которые должны быть в избытке обеспечены пулеметами и пушками «Бофорс», поскольку производство этих видов вооружения возрастает.

3. В настоящий момент генералу Окинлеку посылается 250 пушек «Бофорс», которые надлежит использовать наилучшим образом при следовании войск в колоннах и на всех пунктах сбора, а также и на заправочных станциях, столь необходимых во время проведения наступательных операций.

Армия никогда больше не должна полагаться на авиацию как на свое единственное прикрытие от нападения с воздуха. Прежде всего следует отказаться от постоянного авиационного патрулирования над движущимися колоннами. Неразумно «распределять» самолеты подобным образом, и никакое превосходство в воздухе не выдержит сколько-нибудь широкого применения такой порочной практики.

4. Как только главнокомандующий сухопутными силами на Среднем Востоке объявит о предстоящем сражении, военно-воздушные силы предоставят ему всевозможную помощь независимо от наличия других объектов, какими бы соблазнительными они ни были. Победа в таком сражении улучшает все положение в целом и создает новые благоприятные ситуации решающего характера. Главнокомандующий сухопутными силами укажет военно-воздушным силам цели и задачи, выполнения которых он требует как во время предварительной атаки на тыловые сооружения противника, так и в ходе самого сражения. Задача главнокомандующего военно-воздушными силами — использовать в этих целях самым эффективным образом максимум своих средств. Это относится не только к эскадрильям, выделенным для постоянного взаимодействия с армией, но и ко всей авиации, имеющейся на этом театре.

5. В случае необходимости бомбардировщики могут быть использованы для доставки людей и грузов для сильно растянув-

шихся или дальних колонн, причем единственной целью должен быть успех военной операции. Поскольку интересы обоих главнокомандующих совпадают, не приходится опасаться возникновения каких-либо трудностей. Главнокомандующий военно-воздушными силами, естественно, отложит выполнение всех повседневных задач и сосредоточит свое внимание в подготовительный период на бомбардировке тыловых объектов противника. Он будет делать это не только по ночам, но и посредством дневных атак под прикрытием истребителей. Это даст возможность помериться силами с вражескими истребителями и предоставит наилучшую возможность обеспечить себе местное господство в воздухе. То, что справедливо в отношении подготовительного периода, в еще большей степени относится к боевым операциям. Бомбардировщики, сопровождаемые сильным эскортом истребителей, должны атаковать днем всякое скопление вражеских войск, заправочные станции и колонны на марше, завязывая таким образом воздушные бои, не только имеющие важное значение сами по себе, но и прямо способствующие достижению общего успеха».

Генерала Монтгомери не было в числе тех, кому был послан этот документ, и мне представился случай показать ему копию лишь в 1943 году, спустя полтора года, когда я встретил его в Триполи, после победы 8-й армии при Эль-Аламейне. «Сейчас это так же справедливо, — писал он, — как и тогда, когда это было написано». К этому времени он, несомненно, покрыл себя славой, вернув артиллерии подобающее ей положение на поле боя.

Глава седьмая

РАСТУЩАЯ МОЩЬ АНГЛИИ

Осень 1941 года

С приближением зимы необходимо было пересмотреть в свете новой обстановки численность и организацию армии на 1942 год. Мы не могли питать уверенности, что Германия не построила к этому времени для целей вторжения множество различных десантных судов и танковых барж. Мы сами строили все больше таких судов. Потребности Германии были, разумеется, даже больше наших. В октябре мы не могли быть уверены, что Гитлер, разбив и отбросив на первой стадии своего наступления русские армии, не последует затем первоначальному совету своего генералитета и не остановится внезапно, чтобы занять зимние рубежи. Не мог ли он, заблаговременно подготовившись, перебросить

кружным путем 20—30 дивизий, чтобы предпринять весной вторжение в Англию? Не было даже известно, не осталось ли у него на Западном театре достаточного количества хороших войск. Казалось также, что германская авиация может очень быстро перенести центр тяжести своих операций с Востока на Запад. Во всяком случае, нам нужно было быть готовыми к такой внезапной перемене. На эту важнейшую необходимость нам указал главнокомандующий войсками метрополии сэр Алан Брук. Он был совершенно прав, отстаивая нужды обороны метрополии, и надо сказать, что он и его энергичный штаб сделали это самым решительным образом. Они потребовали большое число солдат, предрекая в противном случае ужасающее сокращение количества боевых подразделений.

* * *

Главным источником, откуда можно было черпать силы для пополнения наших подвижных частей, были, конечно, зенитные батареи и другие части противовоздушной обороны. Я противился этим тенденциям и снова начал развивать доводы против реальности угрозы вторжения, мысль о которой тем не менее никогда не покидала меня.

Противовоздушная оборона Великобритании

Директива премьер-министра

*Премьер-министр — полковнику Холлису
для комитета начальников штабов*

8 октября 1941 года

«Мы не можем сказать, насколько сильными будут воздушные налеты этой зимой или насколько серьезной будет этой весной угроза вторжения. Эти два хищника будут парить над нами до конца войны. Мы должны позаботиться о том, чтобы наши меры предосторожности против них не ослабили чрезмерно нашу подвижную полевую армию, а также формы наших наступательных усилий.

Было бы целесообразно установить общую численность личного состава частей противовоздушной обороны Великобритании на ее нынешнем уровне — 280 тысяч человек плюс любое дополнительное число женщин, которых они смогут завербовать.

Учитывая равенство, существующее сейчас между английскими и германскими военно-воздушными силами, а также русский фактор, надо думать, что противник вряд ли примет сильные и непрерывные воздушные атаки на Англию

в сочетании с вторжением или в качестве прелюдии к нему. Для этого ему пришлось бы накопить силы...

Поэтому противовоздушная оборона Великобритании должна быть как можно более гибкой, а жесткую оборону нужно свести к минимуму. В этих целях возможно большая часть сил противовоздушной обороны должна обладать подвижностью. Генералу Пайлу надлежит подготовить планы максимального укрепления войск генерала Брука подвижной зенитной артиллерией.

Нужно оказать генералу Пайлу всемерную помощь в разработке планов увеличения армейской подвижной зенитной артиллерии и укрепления батарей береговой артиллерии, сохраняя в то же время без всякого дополнительного увеличения (за исключением женщин) сил, имеющихся в его распоряжении (280 тысяч), необходимый минимум, который так хорошо служил нам в прошлом году».

* * *

К этому времени сильно возросла мощь нашей истребительной авиации, которая не только обеспечивала теперь большую безопасность против вторжения, но и открывала новые перспективы стратегического планирования.

*Премьер-министр — начальнику штаба
военно-воздушных сил*

1 сентября 1941 года

«Я был в восторге, узнав из последней сводки, что военно-воздушные силы метрополии насчитывают фактически сто эскадрилий истребительной авиации. Огромные изменения в военной обстановке, явившиеся следствием присоединения России к числу воюющих держав, и улучшение нашего положения на Среднем Востоке, включая Персию, склоняют меня к мысли послать на Средний Восток новые крупные подкрепления, чтобы повлиять на Турцию и (или) поддержать Россию на ее южном фланге. Я думаю отправить на театр Ирак — Персия — Сирия до 20 полных эскадрилий истребительной авиации».

Все это время я всемерно добивался увеличения и ускорения производства бомбардировщиков, которое далеко отставало даже от самых умеренных требований сторонников этого вида оружия.

Премьер-министр — лорду — председателю Совета

7 сентября 1941 года

«Меня сильно тревожит медленное расширение производства тяжелых и средних бомбардировщиков. Для того чтобы английский воздушный флот располагал 4 тысячами средних и тяжелых бомбардировщиков первой линии, в период с июля

1941 года по июль 1943 года должно быть выпущено 22 тысячи самолетов, из которых 5500 мы можем, вероятно, получить из Америки. Новейшие прогнозы показывают, что из оставшихся 16 500 самолетов наши заводы смогут дать только 11 тысяч. Если мы хотим выиграть войну, мы не можем мириться с таким положением. Поэтому, обсудив этот вопрос с министром авиационной промышленности и сэром Чарлзом Крейвеном, я распорядился подготовить план расширения нашего производства с тем, чтобы выпустить за этот период не 11 тысяч, а 14 500 самолетов. Этого можно добиться, лишь приложив много труда и урезав другие наши потребности. В это время мне приходилось воевать сразу на всех административных фронтах и, разбираясь во множестве самых противоречивых нужд, рекомендовать кабинету правильные решения».

*Премьер-министр — начальнику штаба
военно-воздушных сил*

7 октября 1941 года

«Мы все надеемся, что наше воздушное наступление на Германию оправдает надежды штаба военно-воздушных сил. Сейчас делается все, чтобы создать желаемую бомбардировочную авиацию возможно большей численности, и у нас нет намерения менять эту политику. Я возражаю, однако, против неограниченного доверия к этому средству нападения, а еще больше — против того, чтобы выражать это доверие в арифметических величинах. Это самый сильный способ подрыва морального состояния противника, каким мы располагаем в настоящее время. Если Соединенные Штаты вступят в войну, тогда в 1943 году к этому придется добавить одновременные атаки бронетанковых сил во многих завоеванных немцами странах, в которых созрели условия для восстания. Только таким путем можно было бы наверняка достичь решающего результата. Даже если бы в результате наших бомбардировок все города Германии стали необитаемыми, отсюда вовсе не следовало бы, что военный контроль был бы ослаблен или даже что военная промышленность не смогла бы продолжать свою работу».

* * *

К этому времени я уже пришел к определенным заключениям относительно численности и характера армии, к созданию которой мы должны были стремиться в 1942 году, а также относительно мер по обеспечению людских резервов, необходимых для осуществления этого плана. Я получил согласие соответствующих инстанций на следующую программу и вы-

текающие из нее мероприятия, которые были проведены в жизнь.

Численность армии

Директива министра обороны

9 октября 1941 года

«1. В настоящее время в Соединенном Королевстве (включая Северную Ирландию) имеется 26 типовых дивизий моторизованной пехоты и одна польская дивизия, то есть всего 27 дивизий, хорошо обеспеченных артиллерией и транспортом, средней численностью по 15 500 человек, а также 10 корпусов и корпусных частей (61 тысяча). Для действий на побережье имеется 8 территориальных дивизий средней численностью около 10 тысяч человек. Каждая такая дивизия располагает лишь береговой артиллерией и небольшим количеством транспортных средств. У нас имеется 5 бронетанковых дивизий и 4 армейские бронетанковые бригады, или в общей сложности 14 бронетанковых бригад (с 5 дивизионными частями), 4 бригадные группы с артиллерией и транспортом, 7 пехотных бригад и 12 отдельных батальонов и, кроме того, 8 батальонов защиты аэродромов и 100 тысяч человек в отрядах местной обороны.

2. Эту организацию предлагается преобразовать в 27 типовых дивизий (именуемых ниже полевыми дивизиями) плюс польская дивизия (которая будет иметь одну бронетанковую часть), всего 28 дивизий, и увеличить бронетанковые силы до 7 бронетанковых дивизий и 8 армейских бронетанковых бригад, что составит в общей сложности 22 бронетанковые бригады (с 7 дивизионными частями). 4 бригадные группы остаются без изменений. Вместо 8 территориальных дивизий и других упомянутых выше частей будет создано 13 бригад плюс союзные войска, равные 2 бригадам, и 8 отдельных батальонов. Все это, вместе взятое, образует полевую армию метрополии, которая может, таким образом, считаться равной 45 дивизиям. Кроме того, остаются 8 батальонов защиты аэродромов, а также войска местной обороны».

Затем я подробно описал наши силы в метрополии и за границей. Итог показывает численность наших вооруженных сил и их размещение перед важнейшими событиями, которые вовлекли в войну Соединенные Штаты. Далее в директиве говорится:

«10. Если мы будем исчислять силу нашей армии в дивизиях или их эквивалентах, тогда общее распределение войск в 1942 году будет выглядеть следующим образом:

Соединенное Королевство	45
Дивизии противовоздушной обороны	12
Нильская армия	16
Индийская армия в Ираке и Персии	9
Индийская армия у себя в стране	8
Гарнизоны крепостей	7
Туземные африканские дивизии	2
Итого	99

11. Наш долг развернуть, оснастить и снабжать все эти части в течение 1942 года».

* * *

По мере того как 1941 год подходил к концу, ознаменовавшемуся неожиданными критическими событиями, мы могли также с достаточной долей уверенности подвести итог ходу смертельной подводной войны. Благоприятные тенденции, о которых я доложил на закрытом заседании парламента в конце июня, становились все яснее с каждой неделей. Наши силы росли. К июлю мы уже могли обеспечивать наши конвои, шедшие через северную часть Атлантического океана и во Фритаун, постоянным, хотя и небольшим, эскортом. Пока Германия прилагала все силы, чтобы умножить количество своих подводных лодок, активное сотрудничество Соединенных Штатов становилось реальностью. Наши новые виды оружия, хотя и находившиеся еще в зачаточном виде, а также тактическое взаимодействие наших морских и воздушных сил в борьбе с подводными лодками непрерывно улучшались. Радарное оборудование для кораблей, от которого так много зависело, было не без риска провала пущено в производство непосредственно из проектного бюро. Нашим главным средством защиты на море все еще было уклонение от встречи с противником. День, когда мы могли бы позволить себе спровоцировать противника на нападение, еще не наступил.

4 сентября германская подводная лодка безуспешно атаковала американский эсминец «Грир», направлявшийся в Исландию. Через неделю, 11 сентября, президент издал свой приказ «стрелять первыми». Он заявил по радио: «Отныне, если германские или итальянские военные корабли вступят в воды, охрана которых необходима для американской обороны, они тем самым подвергнут себя опасности. Я, как главнокомандующий, отдал американской армии и военно-морскому флоту приказ немедленно приступить к осуществлению этой политики». 16 сентября американские эскортные суда впервые обеспечили непосредственное охранение нашим галифакским

караванам. Это сразу же облегчило положение наших флотилий. Но прошло еще два месяца, прежде чем президенту удалось освободиться от американских законов о нейтралитете, в силу которых американские суда не могли перевозить товары в Англию и даже вооружаться для самозащиты.

* * *

Хотя по сравнению с 1940 годом число действующих германских подводных лодок возросло сейчас в 5 раз, наши потери в судах значительно сократились. В период с июля по ноябрь наши быстроходные галифакские караваны не потеряли ни одного торгового судна. Тихоходные караваны, отплывавшие из Сиднея и с острова Кейп-Бретон под эскортом только английских и канадских кораблей, также не подвергались нападениям в июле и августе. Однако в сентябре нашим конвоям пришлось выдержать семидневный бой в районе между Гренландией и Исландией более чем с дюжиной подводных лодок. Было потоплено 16 судов из 64 входивших в конвой и 2 подводные лодки. 31 октября была наконец нарушена неприкосновенность галифакских конвоев, и американский эсминец «Рейбен Джеймс» был торпедирован и потоплен, причем имелось много жертв. Это была первая потеря, понесенная американским военно-морским флотом во все еще необъявленной войне. В августе были отмечены ограничения количества судов, отплывающих с одним конвоем. Быстроходные и тихоходные конвои нередко объединялись на часть своего пути, и 9 августа такой комбинированный конвой, состоявший из 100 судов, благополучно добрался до места назначения. В течение трех месяцев, по сентябрь включительно, еженедельный импорт составлял в среднем около одного миллиона тонн, то есть возрос примерно на 80 тысяч тонн в неделю.

Наши авиационные патрули, следившие за германскими крейсерами в Бресте, заметили, что германские подводные лодки, базировавшиеся на порты Бискайского залива, обычно пересекали залив на поверхности и довольно определенными маршрутами. Это открывало благоприятные возможности перед нашей береговой авиацией, но для полного их использования нужно было выполнить два условия. Первым из них была проблема опознавания. Хотя наше радарное оборудование, установленное на самолетах, и давало теперь скромные результаты, мы не могли опознавать объекты ночью, пока наконец несколько позже эта проблема не была решена созданием авиационного прожектора. Вторым условием было оснащение самолетов оружием, которое могло бы потопить подводную лодку. При представлявшихся нам мимолетных возможностях для атак авиабомбы и глубинные бомбы, которыми были вооружены наши

самолеты, были недостаточно точными и недостаточно разрушительными. Тем не менее в течение трех месяцев, закончившихся ноябрем, было совершено 28 атак. К декабрю противник был вынужден пересекать опасный район залива либо в темноте, либо под водой. Таким образом, время, в течение которого подводная лодка могла охотиться, было сокращено примерно на пять дней.

* * *

В этот момент на английский военно-морской флот легло новое бремя. Необходимость помочь России привлекла наше внимание к морским путям в Архангельск и Мурманск. К концу июля Вайан, ныне адмирал, получил приказ произвести разведку на Шпицбергене. Он высадил отряд, чтобы уничтожить угольные склады и спасти нескольких норвежцев, которых немцы принудили служить им. Во время этой четко выполненной операции было также захвачено 3 груженных немецких угольщика. Примерно в это же время 56 самолетов с авианосцев «Фьюриес» и «Викториес» отважно атаковали германские суда в портах Петсамо и Киркенес на оконечности Нордкапа. Были причинены некоторые повреждения, но при этом погибло 16 наших самолетов, и операция больше не повторялась.

12 августа из Ливерпуля в Архангельск с заходом в Исландию отплыл первый конвой «PQ» из 6 судов, предназначенных для России. С этих пор конвой регулярно отправлялись в Северную Россию один-два раза в месяц. Они шли под сильным эскортом и пока что не встречали помех со стороны противника. Когда Архангельск замерз, был использован в тех же целях Мурманск. Успешная доставка грузов для русской армии вызвала слишком много ликования и чересчур широко рекламировалась, и следующий год ознаменовался серьезными неудачами.

* * *

Со вступлением России в войну атаки германской авиации на суда близ нашего побережья несколько уменьшились. «Фокке-вульфы» имели большой радиус действия, но теперь на сцене появились специально сконструированные для отражения этой опасности суда, оборудованные катапультами для самолетов-истребителей. Вскоре они добились успеха. Объектом атак германских самолетов и подводных лодок стали сходящиеся в одну точку пути из Гибралтара и Сьерра-Леоне. В течение августа и сентября мы потеряли в результате этих атак 31 судно и 3 эскортных корабля. Среди них был эсминец «Коссак», отличившийся при захвате «Альтмарка» и потоплении «Бисмарка». В сентябре вступил в строй первый настоя-

ший эскортный авианосец «Одэсити», выпускавший с взлетной палубы 6 самолетов и сразу же доказавший ценность кораблей такого типа. Он мог не только уничтожить или отгонять «фокке-вульфы», но и с помощью авиаразведки в дневное время не давать немецким подводным лодкам подниматься на поверхность и своевременно предупреждать об их появлении. «Одэсити» послужил образцом, по которому в последующие годы в Соединенных Штатах было построено большое количество кораблей, сыгравших важнейшую роль в борьбе с подводными лодками, а затем и в десантных операциях.

Решение Германии послать подводные лодки в Средиземное море еще больше облегчило наше положение на Атлантическом океане. 5 из этих лодок были уничтожены в Гибралтарском проливе, а 6 других повреждены и вынуждены повернуть обратно. Но 24 лодки успешно прошли и, как будет видно в одной из последующих глав, создали там серьезную угрозу.

В 1941 году у нас имелись веские основания быть довольными общим ходом океанской войны против наших торговых судов. В ноябре 1941 года наши потери от подводных лодок упали до самого низкого уровня начиная с мая 1940 года. Несмотря на все хвастовство Гитлера и увеличение количества его подводных лодок и самолетов, а также рост числа наших морских конвоев, потери английского и союзного судоходства в 1941 году вряд ли были большими, чем в 1940 году. Конечно, с обеих сторон возросло число объектов для нападения, но так или иначе количество подводных лодок, потопленных нами (включая итальянские), увеличилось с 42 в 1940 году до 53 в 1941 году.

* * *

Общие потери (в английских тоннах), нанесенные противником английским, союзным и нейтральным торговым и рыболовным судам

(В скобках указано количество судов)

3 сентября — 31 декабря 1939 г.

От подводных лодок	423 769	(116)
От мин	262 697	(79)
От надводных кораблей	61 337	(15)
От самолетов	2 949	(10)
От других и неизвестных причин	7 253	(4)
<hr/>		
Итого	758 005	(224)

1940 год

От подводных лодок	2 186 158	(471)
От мин	509 889	(201)
От надводных кораблей	511 615	(94)
От самолетов	580 074	(192)
От других и неизвестных причин	202 806	(100)
Итого	3 990 542	(1058)

1941 год

От подводных лодок	2 162 168	(429)
От мин	229 838	(108)
От надводных кораблей	495 077	(113)
От самолетов	970 481	(324)
От других и неизвестных причин	332 717	(167)
Итого	4 190 281	(1141)

Таким образом, накануне важнейшего поворота в войне мы добились колоссального увеличения нашей военной мощи и неуклонно продолжали идти вперед как по пути накопления своих сил, так и по пути разрешения наших многочисленных проблем. Мы чувствовали себя достаточно сильными, чтобы защищать метрополию и в то же время посылать войска за границу, насколько это позволял тоннаж наших судов. Мы задумывались над будущим, но после всего, что мы преодолели, не могли страшиться его. Вторжение не пугало нас, и в то же время наши коммуникации через океан становились все более безопасными, широкими, многочисленными и эффективными. Наш контроль над подступами к метрополии улучшался с каждым месяцем. Опасность, что германская авиация и подводные лодки задушат нас, была устранена, а противник был отогнан далеко от наших берегов. Продовольствие, вооружение и другие грузы прибывали непрерывно нарастающим потоком. Продукция наших собственных заводов росла из месяца в месяц. Средиземное море, Западная пустыня и Средний Восток все еще были в опасности, но к концу ноября у нас уже не было оснований сетовать на то, как пока развивалась война на суше, море и в воздухе.

БОЛЕЕ ТЕСНЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ

Осень и зима 1941 года

Два обстоятельства определяли теперь наши отношения с Советским Союзом. Первым был неопределенный, неудовлетворительный ход наших консультаций по военным вопросам, вторым — требование русских о разрыве наших отношений с сателлитами держав оси — Финляндией, Венгрией и Румынией. Как мы видели, во время совещаний, состоявшихся незадолго перед тем в Москве, в первом направлении было мало что сделано.

Я считал, что если только удастся наладить военные консультации, проблему совместных операций можно будет обсудить трезво, избежав при этом каких-либо недоразумений.

* * *

Вопрос о разрыве нами отношений с Финляндией был впервые поднят Майским в его беседе со мной 4 сентября. Я знал, что русские придерживаются совершенно определенной точки зрения на этот счет. Финны воспользовались нападением Германии на Россию, чтобы возобновить в июле 1941 года военные действия на Карельском фронте. Они надеялись вернуть территории, которых они лишились по Московскому договору в предыдущем году. Их военные операции осенью 1941 года представляли серьезную угрозу не только для Ленинграда, но также и для линий снабжения из Мурманска и Архангельска к русско-германскому фронту. Начиная с августа и американское правительство, и мы сами в суровых выражениях предостерегали финнов насчет возможных последствий такого положения. Финны заявляли, что нуждаются в спорной провинции Восточной Карелии для обеспечения своей собственной безопасности от России, и события двух предыдущих лет подкрепляли их точку зрения. Однако теперь, когда Россия вела с Германией войну не на жизнь, а на смерть, союзники явно не могли допустить, чтобы Финляндия, действуя как сателлит Германии, перерезала главные северные линии коммуникаций России с Западом.

Положение Румынии было аналогично положению Финляндии. В июне 1940 года русские оккупировали румынскую провинцию Бессарабия, приобретя тем самым контроль над устьем Дуная¹. Теперь под руководством маршала Антонеску и в со-

¹ Советский Союз не «оккупировал румынскую провинцию Бессарабия», поскольку с 1812 г. эта территория входила в состав Российской империи. В конце 1917 — начале 1918 г. Бессарабия была отторгнута Румынией у Советского государства. СССР никогда не признавал этого захвата.

юз с Германией румынские армии не только снова заняли Бессарабию, но и глубоко вклинились в черноморские области России, подобно тому как финны делали это в Восточной Карелии. Венгры, занимавшие ключевую позицию на коммуникациях Центральной и Юго-Восточной Европы, также оказывали прямую помощь военным усилиям Германии.

Но я отнюдь не был уверен в том, что объявление войны будет правильным выходом из положения. Оставалась еще возможность, что под нажимом Соединенных Штатов и Великобритании Финляндия согласится на справедливые и разумные мирные условия. Во всяком случае, что касается Румынии, были все основания считать, что диктаторский режим Антонеску не вечен. Поэтому я решил снова поставить перед маршалом Сталиным вопрос о военном планировании и сотрудничестве и о том, чтобы избежать объявления войны этим сателлитам держав оси.

Премьер-министр — премьеру Сталину

12 октября 1941 года

«Чтобы внести в дела ясность и составить планы на будущее, я готов командировать генерала Уэйвелла, главнокомандующего в Индии, Персии и Ираке, для встречи с Вами в Москве, Куйбышеве, Тифлисе или в любом другом месте, где Вы будете находиться. Кроме этого, генерал Пэйджет, наш новый главнокомандующий, назначенный на Дальний Восток, прибудет вместе с генералом Уэйвеллом. Генерал Пэйджет руководил делами здесь, и он знаком с новейшими и авторитетными взглядами нашего верховного командования. Эти два офицера смогут точно обрисовать Вам наше положение, наши возможности и то, что мы считаем благоразумным. Они могут прибыть к Вам приблизительно через две недели. Хотите ли Вы встретиться с ними?»

Мы сообщали Вам в моем послании от 6 сентября, что мы готовы объявить войну Финляндии. Прошу Вас, однако, обсудить, будет ли действительно целесообразно объявление Великобританией войны Финляндии, Венгрии и Румынии в настоящий момент. Это было бы лишь формальностью, ибо наша широкая блокада уже действует против них. Мои соображения говорят против этого потому, что, во-первых, у Финляндии много друзей в Соединенных Штатах, и было бы более благоразумным принять во внимание этот факт. Во-вторых, что касается Румынии и Венгрии, то эти страны полны наших друзей; Гитлер подавил их и воспользовался ими как слепым орудием. Но если счастье обратится против этого головореза, то они легко смогут снова перейти на нашу сторону. Объявление войны Великобританией оттолкнуло бы их и вызвало

бы впечатление, как будто Гитлер является главой грандиозного европейского союза, сплоченно противостоящего нам. Прошу не подумать, что мы сомневаемся в пользе этого шага из-за недостатка рвения или товарищеского отношения. Наши доминионы, за исключением Австралии, против этого. Тем не менее, если Вы сочтете, что это было бы действительной помощью для Вас и имело бы смысл, я снова поставлю этот вопрос перед кабинетом.

Я надеюсь, что наши поставки вывозятся из Архангельска с такой же быстротой, как они туда поступают. Небольшой грузопоток начинает теперь также идти через Персию. Мы будем перекачивать наши поставки по обоим путям, напрягая до предела все свои усилия. Прошу Вас обеспечить, чтобы наши техники, следующие с танками и самолетами, имели бы полную возможность передать это вооружение Вашим людям при наилучших условиях. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве оторвана от этих дел. Она хочет лишь помочь. Мы отправляем это вооружение с риском для себя, и мы весьма желали бы, чтобы оно использовалось самым лучшим образом. Вероятно, необходимо Ваше распоряжение.

Я не в состоянии сообщить Вам о наших ближайших военных планах более того, что Вы в состоянии сообщить мне о Ваших, но прошу Вас быть уверенным, что мы не будем бездействовать.

С целью удержать Японию в спокойном состоянии мы отправляем в Индийский океан свой новейший линейный корабль «Принц Уэльский», который может настигнуть и уничтожить любой японский корабль, и создаем там мощную эскадру линейных кораблей. Я настоятельно прошу Президента Рузвельта увеличить свое давление на японцев и держать их в страхе, с тем чтобы не был блокирован владивостокский маршрут.

Я не стану тратить слов на комплименты, ибо Вы уже знаете от лорда Бивербрука и г-на Гарримана то, что мы думаем о Вашей борьбе. Будьте уверенным в нашей неустанной поддержке.

Я был бы рад получить непосредственно от Вас сообщение о том, что Вы получили эту телеграмму».

Премьер Сталин — премьер-министру

8 ноября 1941 года

«Ваше послание я получил 7 ноября.

1. Я согласен с Вами, что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией. Эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое — не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела

мира после войны; и второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие. Конечно, имеющаяся договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет большое положительное значение, но это не решает дела и далеко не исчерпывает вопроса о взаимоотношениях между нашими странами.

Если генерал Уэйвелл и генерал Пэйджет, о которых говорится в Вашем послании, приедут в Москву для заключения соглашений по указанным основным вопросам, то, разумеется, я готов с ними встретиться и рассмотреть эти вопросы. Если же миссия названных генералов ограничивается делом информации и рассмотрения второстепенных вопросов, то я не вижу необходимости отрывать генералов от их дел и сам не смогу выделить время для таких бесед.

2. Относительно объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии со стороны Великобритании создатель, мне кажется, нетерпимое положение. Советское Правительство поставило этот вопрос перед Правительством Великобритании в секретном дипломатическом порядке. Неожиданно для СССР весь этот вопрос, начиная от обращения Советского Правительства к Правительству Великобритании вплоть до рассмотрения этого вопроса Правительством США, вынесен в печать и обсуждается в печати, дружественной и вражеской, вкривь и вкось. И после всего этого Правительство Великобритании заявляет о своем отрицательном отношении к нашему предложению. Для чего все это делается? Неужели для того, чтобы демонстрировать разлад между СССР и Великобританией?

3. Можете не сомневаться, что нами принимаются все меры к тому, чтобы поступающее из Англии в Архангельск вооружение своевременно доставлялось по месту назначения. То же будет сделано и в отношении Ирана. Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде».

* * *

Даже Сталин, видимо, почувствовал через некоторое время, что он зашел слишком далеко в тоне этого письма, на которое я не пытался отвечать. Молчание было красноречивым. 20 ноября советский посол в Лондоне посетил Идена в министерстве иностранных дел. Ниже приводится запись Иде-

ном этой беседы, воспроизведенная им в телеграмме сэру Стаффорду Криппсу, находившемуся в то время в Куйбышеве.

Министр иностранных дел — Стаффорду Криппсу

20 ноября 1941 года

«Сегодня днем советский посол попросил разрешения посетить меня. Он сказал, что получил инструкции от Сталина, который просил его передать мне, что, посылая свое последнее письмо премьер-министру, он имел в виду лишь практические и деловые вопросы. В намерение Сталина, конечно, не входило оскорбить кого-либо из членов правительства, а тем более премьер-министра.

Сталин был очень занят делами на фронте и фактически не имел возможности думать о чем-либо, кроме этих дел. Он поднял важные практические вопросы о взаимной военной помощи в Европе против Гитлера и о послевоенной организации мира. Эти вопросы являются весьма важными, и крайне нежелательно осложнять их какими бы то ни было личными недоразумениями и чувствами. Сталин также подавил некоторые личные чувства, проводя линию, которую он избрал, ибо финский вопрос глубоко задел его и весь Советский Союз. «Моя родина, — заявил Сталин, — оказывается в унижительном положении. Наша просьба была сделана в секретном порядке. Затем все это было предано огласке, в том числе и тот факт, что правительство его величества не считает возможным удовлетворить просьбу Советского Союза. Это поставило мою страну в унижительное положение и произвело гнетущее впечатление на наш народ». Лично Сталин чувствовал себя задетым этим, но тем не менее он по-прежнему преследовал только одну цель: достичь соглашения о взаимной военной помощи против Гитлера в Европе и о послевоенной организации мира».

Ответ Сталина свидетельствовал о том, что при нынешних настроениях русских лидеров чисто военные переговоры дали бы мало конкретных результатов. Почти истерический тон послания Сталина о Финляндии указывал на отсутствие взаимопонимания между нашими двумя странами. Поэтому я решил сделать еще одну попытку наладить отношения, предложив послать с миссией в Россию самого Идена. С этой целью я телеграфировал 22 ноября Сталину:

Премьер-министр — премьеру Сталину

22 ноября 1941 года

«Весьма благодарен Вам за Ваше только что полученное послание. В самом начале войны я вступил с Президентом

Рузвельтом в личную переписку, которая привела к установлению между нами весьма основательного взаимопонимания и часто помогала решать дела быстро. Моим единственным желанием является сотрудничество с Вами на таких же условиях дружбы и доверия.

О Финляндии: я был вполне готов посоветовать кабинету обсудить вопрос об объявлении войны Финляндии, когда послал Вам телеграмму от 5 сентября. В результате полученных позже сведений у меня сложилось мнение, что можно оказать большую помощь России и общему делу, если можно будет добиться от финнов прекращения военных действий и остановить их на месте или отправить по домам, чем если бы мы посадили их на скамью подсудимых вместе с виновниками — державами оси путем формального объявления войны и заставили бы их сражаться до конца. Однако если они не прекратят войны в течение ближайших пятнадцати дней и Вы все еще будете желать объявления нами войны, то мы непременно сделаем это. Я согласен с Вами, что разглашение этого вопроса было совершенно неправильным. Мы отнюдь не были виновны в этом.

Если наше наступление в Ливии приведет, как мы надеемся, к уничтожению германских и итальянских армий там, то окажется возможным произвести широкое рассмотрение проблем войны в целом с большей свободой, нежели это удалось Правительству Его Величества до сего времени.

С этой целью мы готовы командировать в ближайшем будущем Министра Иностранных Дел Идена, с которым Вы знакомы. Он направится через Средиземное море для встречи с Вами в Москве или в другом месте. Его будут сопровождать высокопоставленные военные и другие эксперты, и он сможет обсудить любой вопрос, касающийся войны, включая посылку войск не только на Кавказ, но и на линию фронта Ваших армий на Юге. Ни наши судовые ресурсы, ни наши коммуникации не позволят ввести в действие значительные силы, и даже при этом Вам придется выбирать между войсками и поставками через Персию.

Я вижу, что Вы желаете также обсудить послевоенную организацию мира. Наше намерение состоит в том, чтобы вести войну в союзе и в постоянной консультации с Вами при максимальном напряжении наших сил и сколько бы она ни продлилась. Когда война будет выиграна, в чем я уверен, мы ожидаем, что Советская Россия, Великобритания и США встретятся за столом конференции победы как три главных участника и как те, чьими действиями будет уничтожен нацизм. Естественно, первая задача будет состоять в том, чтобы помешать Германии и в особенности Пруссии напасть на нас в третий раз. Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть, не является каким-

либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов. Министр Иностранных Дел сможет обсудить с Вами все эти вопросы.

Вполне возможно, что оборона Москвы и Ленинграда, так же как и блестящее сопротивление, оказываемое захватчику на всем русском фронте, нанесет смертельные раны внутренней структуре нацистского режима. Но мы не должны рассчитывать на такой очень счастливый исход, а должны просто продолжать наносить им удары изо всех сил».

Сталин ответил два дня спустя, на этот раз в более спокойном тоне:

Премьер Сталин — премьер-министру

23 ноября 1941 года

«Благодарю Вас за послание.

Выраженное в Вашем послании желание сотрудничать со мной путем личной переписки на основе содружества и доверия я искренне приветствую и надеюсь, что это будет во многом содействовать успеху нашего общего дела.

Что касается Финляндии, то СССР, по крайней мере на первое время, ничего другого и не предлагал, как прекращение военных действий и фактический выход Финляндии из войны. Если же Финляндия не сделает и этого в указанный Вами короткий срок, то я считаю объявление Великобританией состояния войны с Финляндией целесообразным и необходимым. В противном случае может создаться впечатление, что в вопросе о войне против Гитлера и его наиболее рьяных соучастников у нас нет единства и соучастники агрессии Гитлера могут безнаказанно творить свое гнусное дело. Насчет Венгрии и Румынии, по-видимому, можно подождать.

Ваше предложение направить в ближайшее время в СССР Министра Иностранных Дел г. Идена я всемерно поддерживаю. Обсуждение вместе с ним и принятие соглашения о совместных действиях советских и английских войск на нашем фронте и осуществление этого дела в срочном порядке имели бы большое положительное значение. Совершенно правильно, что обсуждение и принятие плана послевоенной организации мира должно исходить из того, чтобы помешать Германии и прежде всего Пруссии снова нарушить мир и ввергнуть снова народы в кровавую бойню.

Я согласен с Вами также в том, что различие в характере государственного строя СССР, с одной стороны, и Великобритании и США, с другой стороны, не должно и не может мешать нам в благоприятном решении коренных вопросов об обеспечении нашей взаимной безопасности и законных инте-

ресов. Я надеюсь, что, если есть в этой области какие-либо недомолвки и сомнения, они будут рассеяны в результате переговоров с г. Иденом.

Прошу принять мое поздравление по случаю успешно начавшегося наступления великобританских войск в Ливии.

Борьба советских войск с войсками Гитлера продолжает оставаться весьма напряженной. Но, несмотря на все трудности, сопротивление наших войск растет и будет расти. Наша воля к победе над врагом непоколебима».

* * *

Ввиду настойчивой просьбы Сталина было решено принять меры к вручению финнам, а также Румынии и Венгрии ультиматума, ограниченного определенным сроком.

В то же время я счел нужным обратиться с ведома и согласия Советского правительства с последним личным воззванием к финляндскому вождю фельдмаршалу Маннергейму.

Премьер-министр — фельдмаршалу Маннергейму

29 ноября 1941 года

«Я глубоко огорчен надвигающимися событиями, а именно тем, что через несколько дней мы будем вынуждены из чувства лояльности по отношению к нашему союзнику России объявить войну Финляндии. А уж если мы это сделаем, мы будем вести эту войну, насколько позволят обстоятельства. Ваши войска, несомненно, продвинулись достаточно далеко для обеспечения безопасности страны и могли бы теперь остановиться. Совершенно незачем делать какое-либо публичное заявление. Можно просто выйти из боя, прекратить военные операции, что будет вполне оправдано суровой зимой, и выйти из войны де-факто. Я был бы рад, если бы мне удалось убедить Ваше превосходительство, что мы разобьем нацистов. Я чувствую себя гораздо более уверенным, чем в 1917 или 1918 году. Многочисленным друзьям Вашей страны в Англии было бы очень тяжело, если бы Финляндия оказалась в одном лагере с побежденными нацистскими преступниками. Мои воспоминания о наших приятных беседах и переписке относительно прошлой войны побуждают меня послать, пока еще не поздно, для Вашего рассмотрения это сугубо личное и частное послание».

2 декабря я получил ответ фельдмаршала Маннергейма:

Фельдмаршал Маннергейм — премьер-министру Черчиллю

2 декабря 1941 года

«Я имел честь получить вчера через американского посланника в Хельсинки Ваше письмо от 29 ноября 1941 года, и я

благодарю Вас за любезность, которую Вы проявили, послав это личное письмо. Вы, несомненно, поймете, что я не могу прекратить свои нынешние военные операции, пока мои войска не достигнут позиций, которые, по моему мнению, обеспечат нам требуемую безопасность. Было бы жаль, если бы эти операции, проводимые для того, чтобы оградить Финляндию, вовлекли мою страну в конфликт с Англией, и я буду глубоко огорчен, если Вы сочтете себя вынужденным объявить войну Финляндии. С Вашей стороны было очень любезно послать мне в эти тяжелые дни личное письмо, и я вполне оценил это».

Этот ответ показал, что Финляндия не собиралась отводить свои войска к границам 1939 года, и поэтому английское правительство начало готовиться к объявлению войны. Аналогичные меры были приняты в отношении Румынии и Венгрии.

* * *

В такой обстановке шли приготовления к поездке Идена в Москву. Идена должен был сопровождать заместитель начальника имперского генерального штаба генерал Най. Целью московских переговоров было обсуждение чисто военных, а также общих аспектов войны и, если возможно, оформление союза в виде официального письменного договора.

5 декабря я составил для министра иностранных дел общую директиву, в которой излагалась наша точка зрения на некоторые моменты военного положения. Битва в Пустыне, которая будет описана ниже, была в это время уже в полном разгаре.

Премьер-министр — министру иностранных дел

5 декабря 1941 года

«1. Затягивание военных действий в Ливии, отвлекающих столь большие силы держав оси, вероятно, потребует от нас использования как 50-й, так и 18-й английских дивизий, которые мы надеялись выделить для обороны Кавказа или для действий на русском фронте. Поэтому в ближайшем будущем эти дивизии нельзя будет выделить. Лучший способ, каким мы можем помочь (не считая поставок), — это разместить на южном фланге русских армий сильное авиационное соединение, скажем 10 эскадрилий, которые могли бы, в частности, помогать защите русских военно-морских баз на Черном море. Эти эскадрильи будут переброшены из Ливии, как только там будет достигнут успех. Переброска аэродромного личного состава и материалов не вызовет такой загрузки Трансперсидской железной дороги, как переброска пехотных дивизий. Верховному командованию вооруженными силами на Среднем

Востоке приказано разработать планы этой переброски, завершение которых будет, конечно, зависеть от того, будут ли предоставлены возможности для детальной разведки.

2. Все большее значение как для России, так и для Англии приобретает позиция Турции. Турецкая армия, состоящая из 50 дивизий, нуждается в поддержке авиации. Мы обещали, что предоставим Турции, если она подвергнется нападению, минимум 4 и максимум 12 эскадрилий истребителей. В этом случае мы могли бы потребовать отзыва части эскадрилий, которые предполагается послать на Южный фронт русских. Вопрос о том, как лучше всего использовать наши самолеты на обоих берегах Черного моря, и о типах этих машин должен решаться в зависимости от обстановки путем консультаций между английским и русским правительствами и штабами».

* * *

Наши переговоры с Советским Союзом, протекавшие на дальнейших стадиях как будто благоприятно, начались перед самым наступлением генерала Окинлека в Пустыне, которое нам предстоит теперь описать. Но и переговоры, и наступление были отодвинуты на задний план нападением японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря. Мы вернемся к этим вопросам в свое время при совершенно ином соотношении мировых сил.

Глава девятая

ПРЕДСТОЯЩИЙ ПУТЬ

Политические соображения и личная склонность в равной мере побудили меня поддерживать самую оживленную переписку с президентом Рузвельтом. Ежедневно, а часто почти ежедневно я самым подробным образом сообщал ему обо всем, что знал о мыслях и намерениях англичан и об общем военном положении. Нет никакого сомнения, что он с большим вниманием относился к этой переписке, возбуждавшей у него живой интерес и сочувствие. Его ответы были, конечно, более сдержанными, но к этому времени я уже очень хорошо знал, какова была его позиция и чего он хотел. На мне лежала забота о борющейся стране, осажденной смертельными врагами. Он, величественный и далекий, возглавлял могущественную нейтральную державу, которую он больше всего хотел вовлечь в борьбу за свободу. Но пока что он не знал, как это сделать. Между тем Англии приходилось составлять свои собственные планы войны: как вести борьбу с Гитлером, используя для этого все наши силы в максимально возможных

масштабах; как помочь русским поставками и отвлекающими операциями, которые могли быть лишь незначительными, а главное — как уцелеть!

Я все же составил на остаток 1941 и на 1942 год план, в основном принятый начальниками штабов. В то время в основе этого плана лежало, разумеется, предположение, что Соединенные Штаты будут по-прежнему оставаться вне войны, оказывая нам всю помощь, какую разрешит конгресс. Из своей переписки с президентом я узнал, что он с особенным вниманием относится ко всем военно-морским операциям и что Французская Северная Африка, включая Дакар, а также атлантические острова Испании и Португалии вызывают у него особый интерес не только с общеамериканской, но и с его личной точки зрения. Эта точка зрения согласовалась также с моими взглядами и отвечала (как, я надеюсь, это будет признано) стратегическому плану, который отражал максимум того, что мы могли сделать одни, а также вместе с Соединенными Штатами, если бы они стали воюющей державой.

Я надеюсь, что нам удастся одержать решающую победу в Западной пустыне и прогнать Роммеля обратно через Ливию и Триполитанию. Если бы все пошло хорошо, это могло бы привести к отпадению от Виши Туниса, Алжира и Марокко, а может быть, и к присоединению к нам самого Виши. Эта цель была всего лишь надеждой, в основе которой лежала другая надежда. Но пока германская авиация была занята в России, мы держали наготове в Соединенном Королевстве одну бронетанковую и три полевые дивизии с достаточным количеством кораблей, чтобы перебросить эти силы в любой пункт западного Средиземноморья. Если бы мы захватили Триполи и Франция при этом не выступила, обладание Мальтой позволило бы нам напасть на Сицилию и тем самым открыть единственно возможный для нас, пока мы были одни на Западе, второй фронт в Европе. Я не видел, что еще, если не считать операций в Норвегии, мы могли бы осуществить самостоятельно в 1942 году, как бы нам ни везло на поле боя. План вторжения на Сицилию был тщательно подготовлен начальниками штабов и плановым комитетом. Мы назвали его «Уипкорд».

Как только Роммель был разгромлен, его небольшая храбрая армия уничтожена, а Триполи оказался бы в наших руках, четыре дивизии наших отборных войск, то есть около 80 тысяч человек, вероятно, смогли бы высадиться на Сицилии и захватить ее. Германская авиация, причинившая нам столько вреда своими действиями с аэродромов на Сицилии, была отозвана в Россию, и теперь на острове не было германских войск. Наша экспедиция, вышедшая в Средиземное море, была бы, конечно, выслежена, но противник не мог знать, куда мы

направляемся: к Французской Северной Африке — Бизерте, Алжиру, Орану, или же к Сицилии, или Сардинии. Такие выгодные перспективы открывались перед нашими военно-морскими силами. Какой другой план активной наступательной войны могли бы принять в течение 1942 года Англия и империя? Как могли бы мы вести с немцами бои в широком масштабе? Какой другой план предоставлял нам возможность такого широкого выбора, столь желательного среди превратностей войны? Такая операция могла оказаться не под силу нам одним. Она могла бы оказаться неудачной. Но, во всяком случае, она не ставила под угрозу наши коммуникации через Атлантический океан или нашу способность защищаться против вторжения в метрополию.

Одно дело видеть путь, лежащий впереди, а другое — быть в состоянии вступить на него. Но лучше иметь честолюбивый план, чем не иметь вообще никакого. Все зависело в первую очередь от успеха давно подготавливавшегося наступления войск Окинлека в Западной пустыне. Необходимо было рассматривать все в свете неведомых опасностей, которые навлекло бы на нас проникновение немцев к Каспийскому морю, или их возможное продвижение через Турцию в том же направлении, или на Средний Восток — в Сирию, Палестину, Персию и Ирак. Но я всегда считал это сравнительно мало вероятным. В данном случае такая точка зрения оказалась правильной. Все эти мои проекты пользовались на всех стадиях поддержкой начальников штабов и моих коллег по комитету обороны и военному кабинету. В конце концов все они были выполнены точно в намеченном порядке, но это произошло лишь в 1942 и 1943 годах, в совершенно иной, гораздо более благоприятной обстановке, чем мы могли предвидеть в октябре 1941 года.

* * *

Я полностью изложил эти планы через министра-резидента на Среднем Востоке главнокомандующим нашими вооруженными силами в этом районе, чтобы они поняли, что «Крусейдер», то есть битва, которую им предстояло вести, может открыть перед нами непрерывный путь вперед, а также чтобы подчеркнуть срочность их наступления.

Премьер-министр — министру-резиденту на Среднем Востоке

25 октября 1941 года

«1. Нельзя полагать, что Германия будет в течение всей зимы вести в России непрерывные бои. Гораздо вероятнее, что примерно через месяц фронт в России, за исключением Юга,

стабилизируется. Из-за потери военных заводов Россия превратится (временно) во второразрядную военную державу, даже если Москва и Ленинград будут удержаны. Гитлер может в любой момент оставить в России, скажем, треть своих армий, и все же у него будет вполне достаточно сил, чтобы угрожать Англии, оказывать нажим на Испанию и посылать подкрепления, дабы держать в узде Италию и продвигаться на восток.

2. Поэтому не следует ожидать, что в будущем году или весной наше положение улучшится. Напротив, вероятнее всего, операцию «Уипкорд» можно предпринять либо сейчас, либо никогда. По-моему, к концу декабря возможности будут уже упущены, и неизвестно, на какой срок.

3. Слабым местом Гитлера является авиация. Английские военно-воздушные силы уже сейчас сильнее авиации Гитлера и благодаря американской помощи растут быстрее. Русская авиация составляет, вероятно, две трети германской; она хорошо эшелонирована в глубину и по качеству вполне хороша. Даже если учитывать итальянскую авиацию, памятуя, чего она стоит, то и тогда у Гитлера не хватит самолетов, чтобы оказывать одновременную поддержку операциям, которые могли бы осуществить его армии. Однако основную часть английских военно-воздушных сил приходится держать в Англии на случай вторжения, и они в основном бездействуют.

4. Поэтому нам важно изыскивать возможности для того, чтобы вести бои с авиацией противника в благоприятных условиях одновременно на различных театрах. Такую возможность предоставляет в большой степени «Уипкорд».

5. Если мы сумеем до января заполучить комбинацию аэродромов (Триполи, Мальта, Сицилия, Сардиния) и сможем укрепиться там, бомбардировщики из Англии, базирующиеся на упомянутые аэродромы, смогут предпринять сильное и, возможно, решающее наступление на слабейшего партнера держав оси — Италию. Отсутствие аэродромов в Италии севернее Сицилии должно сделать это возможным. Всякие воздушные бои на этом новом театре непосредственно приведут к ослаблению обычных действий вражеской авиации против Великобритании и долины Нила и поддержки ею войск, продвигающихся на юго-восток.

6. Господство английской авиации в центральной части Средиземного моря дало бы и другие преимущества. С учетом того, что говорится в параграфе 9, караваны, охраняемые сильным конвоем, смогут пользоваться морским путем, ведущим из Средиземного моря, а это позволило бы сэкономить тоннаж и оказать более сильную поддержку операциям на Востоке.

7. Впечатление, которое произвели бы на Францию и Французскую Северную Африку эти достижения и, в частности, появление войск на тунисской границе, могло бы толкнуть

Вейгана на выступление со всеми вытекающими отсюда преимуществами.

8. В основе всего этого лежит, конечно, успешное осуществление операции «Крусейдер». Вы должны быть рады тому большому отвлечению сил противника, особенно его военно-воздушных сил, которое вызвала бы операция «Уипкорд», при условии, что она будет происходить одновременно с операцией «Акробат» (захват англичанами Триполитании). Ничто не обеспечивает нам большую безопасность и не обескураживает так врага, как внезапное одновременное появление целого ряда объектов нападения. Это относится в особенности к тем немногим неделям, когда противник отводит с русского театра свои излишние военно-воздушные силы и переоснащает их для операций на других театрах. Вы, конечно, понимаете, что медленное, постепенное продвижение в Ливии после тщательной подготовки, предусматривающей каждый шаг, при отсутствии каких-либо действий в других местах гарантирует максимальное сопротивление противника и, несомненно, дает время для его организации. Такой образ действий, разумеется, позволил бы немцам послать сильные подкрепления на Сицилию и укрепить свое господство в Италии. Я надеюсь, вы сознаете, подобно мне, что представившаяся сейчас возможность является мимолетной и что передышка, — до тех пор пока Германия, стабилизировав свой фронт против России, сумеет разместить свои силы на других театрах, — будет непродолжительной. Все дело, как вы справедливо указываете, «в выборе момента».

9. Как будет реагировать противник на наши попытки добиться превосходства в воздухе в одной из зон центральной части Средиземноморья и тем самым открыть путь для прохода наших судов? Для переброски превосходящих военно-воздушных сил ему потребуется время, если учесть расположение аэродромов, которые останутся в его распоряжении на территории Италии. Поэтому ему придется оказать нажим на Испанию, чтобы добиться закрытия Гибралтарского пролива. У нас имеются основания полагать, что испанцы будут возмущены и окажут сопротивление всякому вторжению немцев, которых угрюмый и голодный испанский народ ненавидит. Победоносное проведение англичанами операции «Крусейдер» сильно скажется на настроении испанского правительства. Гитлер, несомненно, может силой проложить себе путь через Испанию, так же как он может установить свое господство в Италии. Удержать его могут лишь соображения политического характера. Он стремится создать Соединенные Штаты Европы под гегемонией Германии и новый порядок. Это зависит не только от завоевания, но в еще большей мере от сотрудничества народов. Ничто не помешает осуществлению его надежд

столь решительным образом, как продолжение политики убийств, репрессий, истребления заложников и т. п., проводимой сейчас во многих странах. Присоединение Испании и Италии к и без того уже обширным завоеванным мятежным районам, в которых размещены его войска, будет для него очень серьезным шагом.

10. По всем вышеприведенным причинам весьма желательно, чтобы операции «Крусейдер» и «Уипкорд» были полностью синхронизированы и тесно увязаны между собой. С другой стороны, надо понять, что мы не можем ограничиться продвижением в Ливии, оставаясь пассивными в других районах. Русские просили, чтобы английские войска как можно скорее заняли свое место на их левом фланге. Растущее недовольство английского народа, который считает, что мы ничего не предпринимаем, не позволит бесконечно противиться таким требованиям. Поэтому, если будет решено отказаться от операции «Уипкорд» или упомянутых в документе начальников штабов действий во Французской Северной Африке по приглашению французов, придется приготовиться к переброске в скором времени значительных сил в Россию.

11. Ваши замечания нужны нам к понедельнику вечером, когда соберется комитет обороны».

* * *

Главное командование нашими войсками в Каире встало на иную точку зрения. Оно считало самым важным оборону дельты Нила, Суэцкого канала, Басры, Кавказа и «Таврского бастиона». По их мнению, захват Сицилии не был осуществимой операцией и в нем не было необходимости. Их взоры были обращены на Восток, и если бы было принято решение двинуться на Запад и при этом наши усилия увенчались бы успехом, они предпочли бы занятие Бизерты всяким попыткам начать действия против Сицилии. Я вполне понимал их точку зрения, которую энергично поддержал главнокомандующий вооруженными силами в Индии генерал Уэйвелл. Свои выводы они изложили в телеграмме от 27 октября, содержащей приведенные мною доводы.

Вследствие этого я отказался от плана нападения на Сицилию («Уипкорд»).

Премьер-министр — генералу Исмею для комитета начальников штабов

28 октября 1941 года

«1. Ввиду последней телеграммы, полученной со Среднего Востока, и Вашего личного решительного отказа от проекта

операции «Уипкорд», который Вы ранее защищали и который я поддерживал, я считаю теперь, что с этим планом покончено.

2. Нужно, однако, держать наготове силы, равные двум пехотным и одной бронетанковой дивизиям, чтобы использовать их в операциях «Крусейдер» и «Акробат» в случае успеха. Нет никаких оснований ожидать, — если не считать основанием надежду, — что в результате наших предстоящих операций генерал Вейган пригласит нас в Бизерту или Касабланку. Если же он это сделает, мы должны быть готовы воспользоваться столь огромной удачей. Прошу Вас немедленно заняться изучением этого вопроса и согласовать свои выводы с выводами штаба на Среднем Востоке и особенно адмирала Кэннингхэма.

3. Такая ситуация может возникнуть в двух случаях: либо в результате влияния победы английских вооруженных сил на моральное состояние французов, либо, что также не исключено, если немцы потребуют от Петэна, чтобы им разрешили использовать этот театр ввиду фактической или вероятной потери Триполи.

4. Эта операция будет именоваться «Джимнаст».

5. Важно теперь же знать, какие приказы нужно будет издать, чтобы перейти от операции «Уипкорд» к операции «Джимнаст», дабы свести к минимуму требуемое количество судов. Кроме того, нужно знать, какой тоннаж потребуется для этого и как это отразится на общем положении.

6. Я получил известия из Америки, что наших друзей там весьма соблазняет мысль об американском вмешательстве в Марокко и что полковник Нокс беседовал с лордом Галифаксом о высадке там около 150 тысяч американских солдат. Мы должны быть готовы сделать, если возможно, одновременное предложение или, во всяком случае, предложение от имени англичан генералу Вейгану в любой подходящий момент после успешного осуществления операции «Крусейдер». Это может изменить соотношение сил в нашу пользу. Поэтому такое положение должно быть сформулировано в самых убедительных выражениях. Я не буду лично обращаться к президенту по этому поводу, пока не станут ясны результаты операции «Крусейдер».

7. Лорд Луис Маунтбэттен привез мне письмо от президента, который выказывает живейший интерес к Танжеру. Этим вопросом также следует заняться, но он явно влечет за собой большие осложнения в отношениях с испанцами и французами, и было бы ошибкой жертвовать ради этого шансами на сотрудничество французов».

Пожалуй, будет полезно рассмотреть в свете позднейших событий, каковы были в то время намерения противника.

В июле 1941 года главное командование вермахта составило обзор будущих операций, предусматривавших уничтожение английских позиций на Среднем Востоке. Этому плану операции было присвоено название «Ориент». Главной исходной предпосылкой этого плана было успешное окончание осенью войны с Россией. Если бы это произошло, а это было под большим вопросом, танковый корпус с Кавказа должен был двинуться зимой 1941/42 года на юг, через Персию. В случае согласия Турции десять дивизий из Болгарии, из них половина танковых и моторизованных, пересекли бы Анатолию и вступили в Сирию и Ирак. Если бы Турция оказала сопротивление, понадобились бы вдвое большие силы, и вследствие этого выполнение плана пришлось бы отложить до 1942 года. Германским и итальянским силам в Африке отводилось лишь третье место. В течение лета и осени 1941 года они должны были выполнять чисто оборонительные функции, если не считать того, что на них возлагалась задача взять Тобрук. К зиме их потери в живой силе и технике были бы восполнены, и затем, когда генеральное наступление на Персию и Ирак отвлекло бы наше внимание и силы, армия держав оси в Ливии должна была двинуться к Каиру.

Германское верховное командование никогда не относилось благожелательно к африканскому предприятию. Германские войска были посланы туда лишь для того, чтобы воспрепятствовать разгрому итальянцев. Когда этот разгром был остановлен, а мы отброшены назад, успех вовсе не побудил германское командование изменить свои планы. Перевоска войск через Средиземное море со всеми вытекающими отсюда опасностями, грозившими со стороны подводных лодок и самолетов, базировавшихся на Мальту, была ему не по душе. Северная Африка должна была всегда оставаться второстепенным театром, поскольку «державам оси было бы труднее, чем союзникам, доставлять туда подкрепления». Не слишком прельщало немцев и сотрудничество с итальянцами на суше, на море и в воздухе. Они лишь скрепя сердца соглашались покрывать нехватки Роммеля. При желании противник мог бы выделить и перебросить силы, которые сделали бы наше положение безнадежным.

* * *

Таким образом, осенние и зимние месяцы открывали перед нами благоприятные возможности. Германская авиация

исчезла с Сицилии. Русский фронт поглощал горючее, необходимое для итальянского флота. В течение августа погибло 33 процента грузов и подкреплений, предназначенных для Роммеля. В октябре эта внушительная цифра возросла до 63 процентов. От итальянцев требовали организации воздушной трассы для доставки снабжения. В конце сентября Муссолини взялся доставлять по воздуху в Триполи по 15 тысяч человек в месяц, но к концу октября прибыло только 9 тысяч. В то же время доставка грузов в Триполи морским путем прекратилась, и всего несколько конвоев прорвали нашу блокаду и достигли Бенгази. Однако потери, понесенные в октябре, вынудили в конце концов германское верховное командование послать нефть итальянскому флоту. Был принят также и другой, гораздо более важный шаг. Адмирал Дениц неохотно согласился перебросить из Атлантического океана в Средиземное море 25 германских подводных лодок. Это был мастерский ход, последствия которого не заставили себя ждать.

Пока же наши силы, базировавшиеся на Мальту, осуществляли решающий контроль, а операции соединения «К», созданного там военно-морским министерством по моему желанию, принесли богатые плоды. Ночью 8 ноября, получив донесение от экипажа разведывательного самолета, соединение напало на итальянский конвой из десяти торговых судов, шедший под эскортом четырех эсминцев и крейсера. Это был первый конвой с момента возобновления движения. Все торговые суда были быстро уничтожены. Один эсминец был потоплен, а другой поврежден нашими крейсерами. Итальянские крейсера не принимали участия в бою.

* * *

Однако период, в течение которого мы пользовались неприкосновенностью и имели преимущества, пришел к концу. На сцене появились германские подводные лодки. 12 ноября «Арк Ройал», возвращавшийся в Гибралтар после доставки самолетов на Мальту, был торпедирован германской подводной лодкой. Все попытки спасти корабль были тщетны, и этот славный ветеран, сыгравший такую выдающуюся роль в столь многих наших операциях, затонул всего в 25 милях от Гибралтара. Это было началом целого ряда тяжелых потерь, понесенных нашим военно-морским флотом на Средиземном море, в результате которых мы, как никогда, были ослаблены в этом районе. Однако все уже было готово к нашему так долго откладывавшемуся наступлению, и теперь мы должны заняться Западной пустыней.

ОПЕРАЦИЯ «КРУСЕЙДЕР»

На суше, на море и в воздухе

Размах военных усилий, связанных с борьбой в Пустыне, не следует недооценивать. Хотя в боях принимало участие всего 90 или 100 тысяч бойцов с каждой стороны, требовались вдвое или даже втрое большие массы людей и материалов для того, чтобы поддерживать их в этом состязании. Ожесточенные бои за Сиди-Резег, с которых началось наступление генерала Окинлека, были ознаменованы многими яркими моментами. Личное вмешательство двух главнокомандующих было столь же властным и решающим, а ставки с обеих сторон столь же высокими, как и в былые времена.

* * *

Задачей генерала Окинлека было, во-первых, отвоевать Киренаику, уничтожив в ходе этой операции танки противника, и, во-вторых, если все пойдет хорошо, захватить Триполитанию. В этих целях в распоряжение генерала Кэннингхэма, который должен был командовать 8-й армией (недавно получившей такое наименование), были предоставлены 13-й и 30-й корпуса, включавшие вместе с гарнизоном Тобрука около шести дивизий и три бригады в резерве¹.

Всего английская армия имела 724 танка, в том числе 367 быстроходных, и, кроме того, еще 200 танков в резерве. Английские военно-воздушные силы должны были активизировать свои действия за месяц до этого, с тем чтобы нарушить коммуникации противника и добиться к началу сражения господства в воздухе. Военно-воздушные силы в Западной пустыне состояли из 16 эскадрилий истребителей, 12 эскадрилий средних бомбардировщиков, 5 эскадрилий тяжелых бомбардировщиков и 3 отдельных эскадрилий войсковой авиации. Из 1311 современных боевых самолетов 1072 были в исправном состоянии, помимо 10 эскадрилий, действовавших с Мальты.

В 70 милях в тылу линии фронта Роммеля находился гарнизон Тобрука, состоявший из 5 бригадных групп и бронетан-

¹ 8-я армия состояла из следующих соединений: 13-й корпус (Годвина-Остина) — индийская 4-я дивизия, новозеландская дивизия, 1-я армейская бронетанковая бригада; 30-й корпус (Норри) — 7-я бронетанковая дивизия (7-я бронетанковая бригада, 22-я бронетанковая бригада), 4-я бронетанковая бригадная группа, южноафриканская 1-я дивизия (две бригады), 22-я гвардейская бригадная группа. — *Примеч. авт.*

ковой бригады. Эта крепость была предметом его постоянных забот, служа стратегическим препятствием какому бы то ни было наступлению на Египет. Занятие Тобрука являлось постоянной целью германского верховного командования, и все было готово к тому, чтобы начать штурм Тобрука 23 ноября. Армия Роммеля включала грозный Африканский корпус, состоявший из 15-й и 21-й танковых дивизий и 90-й легкой дивизии, и 7 итальянских дивизий, из которых одна была бронетанковая. Мы считали, что противник располагает 388 танками, но, как мы сейчас знаем из документов противника, фактически он имел 558 танков. Две трети тяжелых и средних танков были немецкие. Они были вооружены более тяжелыми орудиями, чем двухфунтовые пушки, установленные на наших танках. Кроме того, противник обладал явным превосходством в противотанковом оружии. Военно-воздушные силы держав оси состояли из 190 немецких самолетов, из которых к моменту наступления только 120 были в пригодном состоянии, и более 300 итальянских самолетов, из которых исправных было, наверное, 200.

* * *

8-я армия должна была атаковать силами своих двух корпусов и продвинуться на северо-запад, к Тобруку, гарнизон которого должен был предпринять в это же время энергичную вылазку навстречу им. С этой целью 13-й корпус должен был осадить пограничные оборонительные укрепления противника от Халфайи до Сиди-Омара, обойти их с фланга и окружить, отрезав, таким образом, все удерживавшие их войска, а затем двинуться к Тобруку. Одновременно 30-й корпус, в который входили почти все наши танки, должен был предпринять широкое фланкирующее движение в Пустыне, чтобы попытаться обнаружить основную массу танков Роммеля и вступить с ними в бой или, по меньшей мере, сковать их и тем самым прикрыть 13-й корпус.

* * *

Несмотря на колоссальный масштаб приготовлений, удалось достигнуть полной тактической внезапности. В этот момент армия держав оси размещалась на новых позициях для атаки на Тобрук, назначенной на 23 ноября. Когда началась атака, сам Роммель находился в Риме. Чтобы нанести в решающий момент удар по мозговому и нервному центру вражеской армии, 50 бойцов из отряда «коммандос» под командованием полковника Лейкока были доставлены подводной лодкой к одному из пунктов на побережье, находившемуся

в 200 милях за линией фронта противника. 30 человек, которых удалось высадить в бурном море, были разделены на две группы. Одной из них было поручено перерезать телефонные и телеграфные провода, а другой, действовавшей под командованием подполковника Кейса, сына адмирала Кейса, атаковать помещение штаба Роммеля. В полночь 17 ноября эта группа ворвалась в одно из помещений штаба и застрелила нескольких немцев. В рукопашной схватке, завязавшейся в темной комнате, Кейс был убит. Данью подвигам Кейса было посмертное награждение его «Крестом Виктории»¹.

Рано утром 18 ноября, под сильным дождем, 8-я армия рванулась вперед, и согласно своему плану 13-й корпус обошел позиции противника на границе, в то время как 30-й корпус, не встретив на первых порах сопротивления, двинулся на север, к Сиди-Резегу. Этот кряж достигает примерно 100 футов высоты. Его северный склон представляет собой почти отвесный утес, господствующий над дорогой на Капуццо — главной линией коммуникаций Роммеля с запада на восток. Поблизости от него находится очень большой аэродром. В южном направлении с этой, хотя и незначительной, возвышенности открывается хороший вид на холмистую пустыню. Обе стороны считали ее ключом ко всему району боев, и занятие ее было важным шагом к освобождению Тобрука.

Первые три дня все шло хорошо. 19 ноября основная, как мы полагали, масса германских танков двинулась на юг из береговой зоны, где она находилась до тех пор, и на следующий день встретилась в 15 милях к западу от Сиди-Омара с нашими 4-й и 22-й бронетанковыми бригадами. Английская 7-я бронетанковая дивизия развернулась на широком фронте в поисках врага. Одна из ее бригад (7-я) и поддерживающая группа заняли Сиди-Резег. Африканский корпус успешно атаковал эти и другие части. В течение 21 и 22 ноября шли ожесточенные бои, главным образом вокруг аэродрома и на нем самом. Обе стороны стянули в этот район фактически все танки, которые вели яростный бой под огнем артиллерийских батарей. Благодаря лучшему вооружению немецких танков и их численному превосходству в пункте столкновения противник получил преимущество. Несмотря на героическое и блестящее командование бригадного генерала Кэмпбелла, немцы

¹ Море было слишком бурным, чтобы можно было принять на борт уцелевших бойцов двух отрядов «коммандос», подвергавшихся яростному преследованию. Поэтому полковник Лейкок приказал им рассеяться и укрыться на пересеченной местности. До наших позиций после пяти недель лишений и невероятных приключений удалось добраться только полковнику Лейкоку и сержанту Терри, отличившемуся при нападении на германский штаб. — *Примеч. авт.*

взяли верх, и мы понесли большие потери в танках, чем они. Ночью 22 ноября немцы вновь заняли Сиди-Резег. Командующий 30-м корпусом генерал Норри, потеряв две трети своих танков, отдал приказ об общем отступлении на 20 миль, чтобы переформировать свои части в районе к северу от проселочной дороги на Эль-Абд. Это было тяжелое поражение.

* * *

21 ноября, когда танки противника были заняты в бою, генерал Кэннингхэм приказал 13-му корпусу начать наступление. Индийская 4-я дивизия уже обошла Сиди-Омар. Слева от нее новозеландская дивизия под командованием генерала Фрейберга двигалась на север и подошла к окраинам Бардии, перерезав, таким образом, коммуникации всех пограничных гарнизонов. Она захватила штаб Африканского корпуса и 23 ноября едва не отбила Сиди-Резег, откуда ее товарищи из 7-й бронетанковой дивизии были только что выбиты. 24 ноября Фрейберг сосредоточил основную часть новозеландской дивизии в пяти милях к востоку от аэродрома. Таким образом, в этот день наши бронетанковые силы, отброшенные от Сиди-Резега, подвергались переформированию. Отряды, предпринявшие вылазку из Тобрука, завязали бой с немецкой пехотой, но не сумели прорваться. Новозеландская дивизия после своего триумфального марша стояла под Сиди-Резегом. Пограничные гарнизоны противника были отрезаны, а его танки, выиграв сражение против 30-го корпуса, находились севернее Эль-Губи. Противники нанесли друг другу очень сильные удары и понесли тяжелые потери, но исход сражения был неясен.

В этот момент произошел драматический эпизод. Роммель решил захватить тактическую инициативу и пробиться со своими танками на восток, к границе, надеясь вызвать этим такое смятение и панику, чтобы побудить наше командование отказаться от дальнейшей борьбы и отступить.

Он сосредоточил большую часть Африканского корпуса, все еще представлявшего самую грозную силу на поле боя, и двинулся по Эль-Абдской дороге или тропе к Шеферзену, едва не захватив штаб 30-го корпуса и два больших склада, без которых мы не могли бы продолжать борьбу. Подойдя к границе, он разделил свои войска на колонны, часть которых повернула на север и на юг, а остальные вклинились на 20 миль на территорию Египта. Он произвел опустошения в наших тыловых районах и захватил много пленных. Однако появление его колонн не испугало индийскую 4-ю дивизию.

Их преследовали отряды, поспешно выделенные из 7-й бронетанковой бригады, поддерживающей группы и гвардейской бригады. А самое главное, наша авиация, добившаяся к этому времени значительного превосходства в воздухе над сражающимися армиями, не давала противнику на всем пути ни минуты покоя. Колонны Роммеля, фактически не поддерживаемые германской авиацией, попали в столь же тяжелое положение, в каком находились наши войска, когда господство в воздухе над полем боя принадлежало немцам. 26 ноября все танки противника повернули на север и укрылись в Бардии и ее окрестностях. На следующий день они поспешили на запад, обратно к Сиди-Резегу, куда их срочно отозвали.

Тяжелые удары, полученные нами, и беспорядок, казалось, вызванный в тылу нашего фронта рейдом Роммеля, побудили генерала Кэннингхэма заявить главнокомандующему, что продолжение нашего наступления могло бы привести к уничтожению наших танковых сил и тем самым поставить под угрозу безопасность Египта. Это было бы равносильно признанию поражения и означало бы провал всей операции. В этот решающий момент Окинлек вмешался лично. По просьбе Кэннингхэма он вместе с маршалом авиации Теддером вылетел 23 ноября в штаб в Пустыне и, вполне отдавая себе отчет во всех опасностях, приказал генералу Кэннингхэму «продолжать развивать наступление на противника». Так, своим личным вмешательством Окинлек спас положение и показал себя выдающимся боевым командиром.

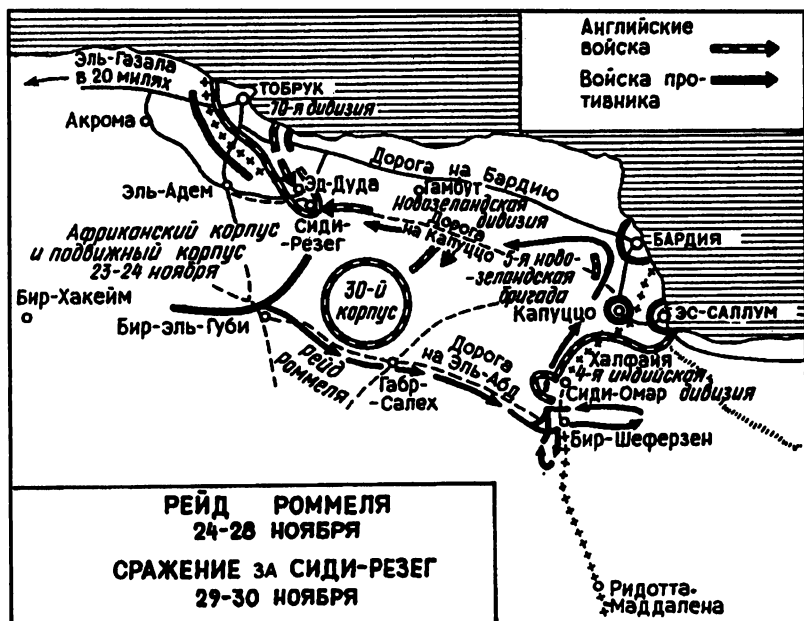
* * *

В этот момент также было важно лишить Роммеля подвоза горючего, и поэтому я телеграфировал генералу Окинлеку и главнокомандующему военно-морскими силами, требуя нанести удар по вражеским коммуникациям.

Премьер-министр — генералу Окинлеку

23 ноября 1941 года

«Когда видишь, как в Бенгази отправляется бесценный груз горючего и противник сосредоточивает в Бенине свою авиацию, кажется, что нужно решиться на любой риск, чтобы вывести эти пункты из строя хотя бы на три-четыре дня. Страх противника перед этой операцией, очевидно, вполне обоснован. За такое предприятие можно взяться, лишь пока противник поглощен битвой. Шансы на успех уменьшатся, как только

он получит подкрепления за счет войск, отступающих из зоны боев или уклоняющихся от нее. Сейчас в Бенгази и к западу от Эль-Агейлы можно добиться очень многого недорогой ценой, но цена эта колоссально возрастет, как только закончится главное сражение».

*Премьер-министр — адмиралу Кэннингхэму,
главнокомандующему
Средиземноморским флотом*

23 ноября 1941 года

«Я просил начальника военно-морского штаба сообщить Вам сегодня по радио о том, как важно перехватывать надводные суда, везущие в Бенгази подкрепления, снабжение, а главное — горючее. По имеющимся у нас сведениям, довольно большое количество судов приближается сейчас к Бенгази или отправляется туда. Противник просил о воздушном прикрытии, но такое прикрытия не может быть обеспечено ему, поскольку его африканская авиация занята в боях. Все эти сведения переданы Вам. Буду рад узнать через военно-морское министерство, какие меры Вы намерены принять. Если эти суда будут перехвачены, это может спасти тысячи жизней, не говоря уже о том, что это поможет одержать победу, имеющую важнейшее значение».

Адмирал Кэннингхэм сделал все, что мог, но самый эффективный удар был нанесен с Мальты. Ночью 24 ноября крейсера и эсминцы соединения «К» перехватили два танкера, на которые противник очень рассчитывал.

* * *

Пока генерал Роммель проводил свой смелый, но дорого обошедшийся ему рейд по коммуникациям и тылам английской 8-й армии, Фрейберг со своими новозеландцами, поддерживаемыми 1-й армейской бронетанковой бригадой, оказывал сильный нажим на Сиди-Резег. После двухдневных тяжелых боев они вновь заняли этот пункт. Одновременно гарнизон Тобрука снова предпринял вылазку и захватил Эд-Дуду. Ночью 26 ноября была установлена связь между гарнизоном Тобрука и войсками, шедшими ему на выручку. Некоторые части новозеландской дивизии и штаб 13-го корпуса вступили в осажденный Тобрук. Это заставило Роммеля вернуться из Бардии. Он пробился к Сиди-Резегу, атакованный на фланге приведенной в порядок 7-й бронетанковой дивизией, имевшей теперь в своем распоряжении 120 танков. Роммель отбил Сиди-Резег и отбросил новозеландскую 6-ю бригаду, нанеся ей огромные потери. Эта и 4-я бригада, за исключением двух батальонов, соединившихся с гарнизоном Тобрука, были отведены на юго-восток, к границе, где героическая дивизия, потерявшая более 3 тысяч человек, была переформирована. Гарнизон Тобрука, вновь окруженный, удержал благодаря своей стойкости все захваченные позиции.

Генерал Ритчи реорганизовал свою армию, включив гарнизон Тобрука в 13-й корпус, а новозеландскую дивизию отвел в резерв. Теперь объектом нашего наступления стал Эль-Адем, расположенный в долине, в 15 милях к западу от Сиди-Резега, и лежащий на главных коммуникациях противника с востока на запад. Были использованы оба наши корпуса. 13-й корпус двигался от Эд-Дуды, а 30-й подходил с юга. Во время этих приготовлений Роммель предпринял последнюю попытку выручить свои пограничные гарнизоны. Она была отбита. После этого началось общее отступление войск держав оси на линию Эль-Газалы.

* * *

1 декабря Окинлек лично отправился на командный пункт и пробыл с генералом Ритчи десять дней. Он не взял командования в свои руки, но внимательно наблюдал за своим подчиненным. Такой порядок не казался мне наилучшим ни для одного из них. Однако 8-я армия была сейчас хозяином

положения, и 10 декабря главнокомандующий мог доложить мне:

«Противник, по-видимому, осуществляет полное отступление на запад. Эль-Адем взят. Южноафриканские и индийские войска соединились там с англичанами из Тобрука, и я считаю позволительным утверждать теперь, что осада Тобрука снята. Мы энергично преследуем противника в полном взаимодействии с королевским военно-воздушным флотом».

* * *

Мы знаем теперь из немецких документов, что потери противника в результате операции «Крусейдер», включая гарнизоны, отрезанные в Бардии, Эс-Саллуме и Халфайе и позже взятые в плен, составили около 13 тысяч немцев и 20 тысяч итальянцев, то есть всего 33 тысячи человек. Противник потерял также 300 танков. За этот же период (с 18 ноября до середины января) потери английских и имперских войск составили 2908 офицеров и солдат убитыми, 7339 ранеными и 7547 пропавшими без вести — всего 17 704 человека, а также 278 танков. Девять десятых этих потерь были понесены в первый месяц наступления.

* * *

Действия германских подводных лодок в Средиземном море сильно давали себя знать. «Арк Ройал» погиб. Две недели спустя «Бархэм» был поражен тремя торпедами и затонул в три минуты, причем погибло более 500 человек. Впереди нас ждали новые потери. Ночью 18 декабря итальянская подводная лодка подошла к Александрии и выпустила три торпеды, каждой из которых управляли по два человека. Проникнув в гавань, когда боны были открыты для прохода судов, они установили бомбы замедленного действия, которые взорвались рано утром 19 декабря под линкорами «Куин Элизабет» и «Вэлиант». Оба корабля были сильно повреждены и на несколько месяцев превратились в бесполезное бремя. Таким образом, за несколько недель весь наш линейный флот в восточной части Средиземного моря был фактически выведен из строя как боевая сила. Мне предстоит еще поведать о гибели на другом театре войны кораблей «Принс ов Уэлс» и «Рипалс». В течение некоторого времени нам удавалось скрывать потери, причиненные линейному флоту. Уже значительно позже я заявил на закрытом заседании палаты общин: «За несколько недель у нас погибло или было выведено из строя на долгое время семь больших кораблей; или более трети наших линкоров и линейных крейсеров».

Соединение «К» также понесло урон. В тот самый день, когда в Александрии произошла катастрофа, на Мальте были получены известия о том, что в Триполи направляется большой конвой противника. Крейсера «Нептун», «Орор» и «Пинелопи» с четырьмя эсминцами тотчас же вышли в море, чтобы перехватить этот конвой. Приближаясь к Триполи, наши корабли натолкнулись на новое минное поле. «Нептун» был тяжело поврежден, а два других крейсера получили повреждения, но смогли уйти. Эсминец «Кэндахар» вошел в минное поле, чтобы спасти экипаж «Нептуна», но также подорвался на mine и стал беспомощным. «Нептун», дрейфуя в минном поле, наткнулся еще на две мины и затонул. Из его экипажа в 700 с лишним человек спасся лишь один, да и тот попал в плен.

Так было уничтожено ядро соединения «К». Крейсер «Галатеа» также был потоплен германской подводной лодкой. От английского флота в восточной части Средиземного моря уцелело лишь несколько эсминцев и три крейсера из эскадры адмирала Вайана.

До конца ноября благодаря своим объединенным усилиям на суше, на море и в воздухе мы господствовали на Средиземном море. Но теперь наши морские силы понесли страшные потери. 5 декабря Гитлер, осознав наконец смертельную опасность, грозившую Роммелю, приказал перебросить из России на Сицилию и в Северную Африку целый авиационный корпус. По указанию генерала Кессельринга было предпринято новое воздушное наступление на Мальту. Налеты на этот остров вновь достигли страшной силы, и Мальта могла лишь бороться за свое существование. К концу года господство над морскими путями в Триполи принадлежало германской авиации, что позволило немцам переформировать разбитые армии Роммеля. Редко когда взаимосвязь военных операций на море, на суше и в воздухе проявлялась в столь яркой форме, как во время событий этих нескольких месяцев.

Но теперь все это потускнело в свете новых мировых событий.

Глава одиннадцатая

ЯПОНИЯ

Наступил момент, когда Японии предстояло сделать самый страшный и решительный шаг за всю ее многолетнюю и полную романтики историю.

Летом 1940 года принц Коноэ оказал на правительство Виши, чтобы получить разрешение на создание авиаци-

онных баз в Северном Индокитае, а в сентябре он подписал Тройственный пакт с Германией и Италией. Этот документ обязывал Японию вступить в европейскую войну на стороне держав оси, в случае если Америка вступит в войну на стороне Англии.

К концу ноября 1940 года результаты битвы за Англию и то обстоятельство, что Гитлер явно побоялся выполнить свое хвастливое обещание о вторжении в Англию, были признаны в Японии фактами первостепенной важности. Успешный воздушный налет английской авиации на итальянский флот в Таранто, в результате которого на многие месяцы были выведены из строя современные первоклассные линкоры, произвел глубокое впечатление на японский флот, оценивший всю мощь нового воздушного оружия и возможности, которые давало его применение, в особенности когда оно сочеталось с элементом внезапности. Япония убедилась, что с Англией еще далеко не покончено. Она, безусловно, продолжала держаться и даже становилась сильнее. В стране получило широкое распространение мнение, что заключение Тройственного пакта было ошибкой. Японцы всегда опасались возможности объединенных действий Британской империи и Соединенных Штатов, обладавших сильнейшими в мире флотами и ресурсами, которые при надлежащей разработке были неистощимы и недосыгаемо велики. Эта опасность, казалось, надвигалась. Весной 1941 года, премьер-министр Коноэ получил согласие кабинета начать с Соединенными Штатами переговоры об урегулировании имевшихся между обеими странами нерешенных вопросов. Следует отметить, что в этом случае генерал Тодзио в качестве военного министра поддерживал политику Коноэ против министра иностранных дел Мацуоки. Возражения последнего насчет того, что такие переговоры с Америкой будут противоречить японскому союзу с Германией, не были приняты во внимание.

Эмбарго, объявленное Соединенными Штатами, Англией и Голландией, отрезало Японию от всех источников нефти, от которых зависели не только военно-морские силы, но и вся военная мощь Японии. Японскому флоту сразу же пришлось обратиться к своим нефтяным запасам, и к моменту возникновения войны на Тихом океане он фактически уже израсходовал четырехмесячный запас нефти из общего количества своих запасов, рассчитанных на полтора года. Было совершенно очевидно, что Япония попала в тиски и что единственный выход для нее — вступить в соглашение с Соединенными Штатами или начать войну. Требования Америки предусматривали отказ Японии не только от ее новой агрессии в Индокитае, но также и от войны в Китае, которая велась уже очень давно и очень дорого обходилась Японии. Это было спра-

ведливое, но суровое требование. При этих обстоятельствах флот решил поддержать армию в ее политике войны, если нельзя будет добиться приемлемого дипломатического соглашения. Тот факт, что флот к этому времени усовершенствовал свою авиацию, сделав ее мощным наступательным оружием, укрепил его в этом решении.

Ожесточенные споры в правящих кругах Японии продолжались в течение всего лета и всей осени. Как нам теперь известно, основной вопрос о вступлении в войну с Соединенными Штатами обсуждался 31 июля, на следующий день после введения эмбарго. Всем японским руководителям было совершенно ясно, что у них мало времени, для того чтобы сделать выбор. Германия могла выиграть войну в Европе, прежде чем Япония успеет осуществить какой-либо из своих честолюбивых планов. Переговоры между японским и американским правительствами продолжались. Японские консервативные политические деятели и императорский двор надеялись добиться условий, которые позволили бы им держать в узде военную партию в своей стране. Государственный департамент в Вашингтоне, как и я, полагал, что Япония, вероятно, отступит перед мощью Соединенных Штатов, которая в конечном счете значительно превосходила ее собственную.

* * *

Читатель уже убедился в том, что с первого же дня войны нас постоянно тяготила тревога в отношении Японии. Аппетиты Японии и ее возможности к их удовлетворению были совершенно очевидны. Мы удивлялись тому, что она не выступила в момент падения Франции. Впоследствии мы почувствовали некоторое облегчение, но все это время мы напрягали свои силы до предела, чтобы уберечь Британские острова от уничтожения и продолжать войну в Западной пустыне. Я должен признаться, что в моем сознании окутанная зловещим туманом японская угроза была как бы отодвинута на задний план другими нашими задачами. Я полагал, что, если Япония нападет на нас, Соединенные Штаты также вступят в войну. Если бы они этого не сделали, у нас не было бы возможности защищать Голландскую Индию или даже нашу собственную империю на Востоке. Если же, с другой стороны, японская агрессия повела бы к вовлечению Америки в войну, то я готов был смириться с ней. Дальше этого я не загадывал. Очередность наших задач в 1941 году была такова: во-первых, защита метрополии, включая угрозу вторжения и действия подводного флота противника; во-вторых, борьба на Среднем Востоке и в районе Средиземного моря; в-третьих, после июня, поставки

Советской России; и наконец, сопротивление нападению Японии. Всегда, однако, подразумевалось, что, если Япония вторгнется в Австралию или Новую Зеландию, нам придется пожертвовать Средним Востоком для защиты своих братьев по крови. Такую возможность мы все считали чрезвычайно отдаленной и маловероятной, так как у Японии был большой выбор более легких и привлекательных для нее объектов, таких, как Малайя, Сиам и в первую очередь Голландская Индия. Я уверен, что, сколько бы мы ни послали оружия в Малайю, даже если бы мы решились ради этого пожертвовать Средневосточным театром войны или прекратить поставки в Советский Союз, мы не могли изменить ее судьбу. С другой стороны, вступление Соединенных Штатов в войну перевесило бы все неблагоприятные моменты.

Не следует полагать, что эти широкие решения принимались бессознательно или без глубокого и постоянного обсуждения их военным кабинетом и его военными экспертами.

* * *

По мере того как шло время и я осознал, какой грозный эффект оказало введенное президентом Рузвельтом 26 июля эмбарго, к которому присоединились мы и голландцы, я стал все больше стремиться к тому, чтобы противопоставить Японии в Тихом и Индийском океанах возможно более мощные английские и американские военно-морские силы. Военно-морские силы — это было все, что мы могли выделить в тот момент. Мы тщательно проанализировали, чем мы располагаем.

25 августа я послал начальнику военно-морского штаба памятную записку по поводу создания дальневосточного флота и изложил свое мнение относительно его корабельного состава. Я был убежден, что в недалеком будущем можно будет дислоцировать в Индийском океане эскадру, которая послужит сдерживающим фактором для японцев, и что эта эскадра должна состоять из небольшого числа первоклассных кораблей.

В качестве передового отряда нашего дальневосточного флота было решено послать два линкора — «Принс ов Уэлс» и «Рипалс» с четырьмя эсминцами и, как важнейший элемент такого флота, современный бронированный авианосец «Индомитебл». К сожалению, «Индомитебл» был временно выведен из строя в результате аварии. Несмотря на это, было решено отправить оба быстроходных линкора, что, как мы надеялись, стабилизирует политическую обстановку в Японии. Эти лин-

кору должны были установить контакт с Тихоокеанским флотом Соединенных Штатов. Наши военно-морские планы предусматривали создание под прикрытием главных сил американского флота в далеких водах Тихого океана английского дальневосточного флота, базирующегося на Сингапур. К весне 1942 года этот флот должен был включать 7 линкоров различных боевых качеств, 1 первоклассный авианосец, 10 крейсеров и 24 эсминца. Командование этим флотом было поручено адмиралу сэру Тому Филлипсу, который до этого с честью выполнял обязанности заместителя начальника военно-морского штаба. 24 октября адмирал Филлипс поднял свой флаг в Гриноке.

В октябре принц Коноэ сложил с себя бремя управления страной. Он просил о личной встрече с президентом Рузвельтом в Гонолулу, куда он собирался захватить с собой представителей командования японской армии и флота. Он надеялся таким образом связать их соглашениями, которые могли бы быть достигнуты во время этой встречи. Но президент отклонил его предложение, и армия стала все более и более критически относиться к этому мудрому государственному деятелю. Его сменил генерал Тодзио, который одновременно занял посты премьер-министра, военного министра и министра внутренних дел. Генерал Тодзио, которого победители в соответствии с существующей практикой повесили после войны, заявил на суде, что он сам занял пост министра внутренних дел потому, что «столкнулся с грозными тенденциями, предвещавшими внутренние беспорядки, если бы было решено сохранять мир, а не начать войну». По приказу императора он возобновил дипломатические переговоры с Соединенными Штатами, но в то же время вступил в секретное соглашение с членами своего кабинета о том, что Япония начнет войну, если представления кабинета будут отвергнуты.

* * *

В начале ноября я получил от генерала Чан Кайши взволнованное предупреждение о дальнейших операциях японцев в Китае. Он считал, что японцы решили предпринять наступление из Индокитая, чтобы захватить Куньмин и перерезать Бирманскую дорогу. Он просил, чтобы мы оказали ему помощь, направив свою авиацию из Малайи. В заключение он писал:

«Вам на первый взгляд может показаться, что это втянет вас в войну с Японией, в то время когда вы с таким мужеством

сражается в Европе и на Среднем Востоке. Я смотрю на вещи иначе. Я не верю, что Япония считает себя достаточно сильной, для того чтобы выступить, пока Китай продолжает сопротивляться, но, когда она избавится от этого противодействия, она нападет на вас там и тогда, где и когда ее это будет устраивать... Китай в настоящий момент переживает наиболее критическую фазу своей войны — фазу сопротивления. Его способность оборонять сухопутные подступы к Сингапуру и Бирме в настоящее время зависит в основном от готовности Англии и Америки сотрудничать с ним в обороне Юньнани. Если японцам удастся прорвать наш фронт здесь, мы будем отрезаны от вас, и всей системе координации наших военно-воздушных и военно-морских сил с силами Америки и Голландской Индии будет серьезно угрожать новая опасность с новой стороны. Я хотел бы со всей силой подчеркнуть свое убеждение в том, что мудрость и предусмотрительность требуют оказания Китаю упомянутой мною помощи. Ничто иное не сможет обеспечить в той же мере поражение Японии и успех стран, сопротивляющихся в настоящее время агрессии. Я с нетерпением ожидаю Вашего ответа».

Я не мог сделать ничего иного, как переправить это послание президенту Рузвельту.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

5 ноября 1941 года

«1. Я получил от Чан Кайши адресованное нам обоим обращение с просьбой о предоставлении ему помощи авиацией. Вам известно, какими военно-воздушными силами мы располагаем в Сингапуре. Тем не менее я был бы готов послать летчиков и даже некоторое количество самолетов, если бы они могли прибыть вовремя.

2. Нам необходимо в настоящий момент принять общие меры устрашающего характера. Японцы еще не приняли окончательного решения, и император, по-видимому, оказывает сдерживающее влияние. Когда мы беседовали об этом в Пласеншии, Вы говорили о необходимости выиграть время, и эта политика до сих пор блестяще себя оправдывала. Но проводимое нами совместное эмбарго постепенно вынуждает японцев сделать выбор между войной и миром.

3. В настоящее время похоже на то, что они собираются вступить в Юньнань, перерезав Бирманскую дорогу, что будет иметь катастрофические последствия для Чан Кайши. Прекращение сопротивления с его стороны не только само по себе явилось бы трагедией для всего мира, но и оставило бы в распоряжении японцев крупные силы, с которыми они могли бы предпринять наступление на север или на юг.

4. Китайцы обратились к нам и, вероятно, к Вам также с просьбой предостеречь японцев от наступления на Юньнань. Я надеюсь, что Вы сочтете возможным напомнить японцам о том, что такое наступление против Китая из района, в котором мы никогда не признавали за ними права содержать свои войска, было бы открытым выражением пренебрежения к ясно определенной позиции правительства Соединенных Штатов. Мы, конечно, были бы готовы сделать аналогичное заявление.

5. Никакие самостоятельные действия с нашей стороны не удержат Японию от выступления, так как наши силы слишком связаны в других местах. Но, конечно, мы будем на Вашей стороне и сделаем все возможное, чтобы оказать Вам поддержку, какой бы курс Вы ни избрали. Я лично считаю, что Япония скорее втянется в войну постепенно, чем решится начать ее сразу. Пожалуйста, сообщите мне, что Вы думаете по этому поводу».

9 ноября президент ответил, что, хотя было бы большой ошибкой недооценивать всю серьезность создавшейся угрозы, он сомневается в том, что подготовка японцев к сухопутной кампании против Куньмина свидетельствует о том, что они собираются выступить в ближайшем будущем. Он обещал сделать все возможное путем оказания Китаю помощи по ленд-лизу и путем создания там авиационного отряда из американских добровольцев. Он считал, что при нынешнем настроении Японии всякие «новые официальные устные предупреждения или протесты» могли с таким же успехом вызвать обратный эффект. «Мы будем неослабно и с большим вниманием изучать всю эту проблему и прилагать все усилия для ее разрешения».

Я сделал все, что мог, чтобы успокоить генералиссимуса, передав ему суть этого осторожного ответа.

У нас не было иного пути, как продолжать осуществление своих военно-морских планов на Дальнем Востоке, предоставив Соединенным Штатам пытаться с помощью дипломатических средств как можно дольше удерживать Японию от выступления на Тихом океане.

* * *

20 ноября Япония направила в Вашингтон свой «окончательный ответ». Хотя из ее предложений было совершенно ясно, что она фактически пыталась заполучить плоды победы, не ведя войны, правительство Соединенных Штатов сочло себя обязанным сделать еще одно последнее дипломатическое предложение.

25 ноября президент сообщил мне по телеграфу о ходе переговоров. Японское правительство предложило эвакуировать Южный Индокитай впредь до окончательного урегулирования китайского вопроса или общего восстановления мира в районе Тихого океана, когда Япония согласится полностью отвести войска из Индокитая. Соединенные Штаты должны были взамен снабжать Японию нефтью, воздерживаться от вмешательства в действия Японии по восстановлению мира в Китае, помочь Японии получать продукцию Голландской Индии и создать нормальную основу для торговых отношений между Японией и Соединенными Штатами. Обе стороны должны были договориться о том, чтобы не производить «вооруженного продвижения» в Северо-Восточной Азии и в южной части Тихого океана.

Американское правительство в свою очередь собиралось сделать контрпредложение. Принимая в основном условия японской ноты, оно выдвигало специальные условия, которые Япония должна была соблюсти при отводе своих войск из Южного Индокитая. О положении в Китае в американском контрпредложении не упоминалось. Соединенные Штаты были готовы пойти на ограниченное экономическое соглашение, изменив свой первоначальный приказ о замораживании японских фондов. Так, например, нефть могла поставляться ежемесячно, но только для гражданских нужд. Это американское предложение должно было иметь силу в течение трех месяцев, при условии, что на протяжении этого периода будет обсуждаться вопрос об общем урегулировании на Тихом океане.

Когда я прочел проект ответа, который назывался (и теперь еще называется) «модус вивенди», я счел его неудовлетворительным. Такое же впечатление он произвел на голландское и австралийское правительства и в особенности на Чан Кайши, который послал в Вашингтон отчаянный протест. Однако я ясно понимал, что мы должны соблюдать определенные границы, комментируя политику Соединенных Штатов в таком вопросе, в котором они одни были способны предпринять решительные действия. Я понимал опасность, связанную с представлением, что «англичане стараются втянуть нас в войну». Поэтому я предоставил решать вопрос тому, от кого это зависело, а именно президенту. Я послал ему телеграмму, упомянув в ней только о той стороне вопроса, которая касалась Китая.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

26 ноября 1941 года

«Получил сегодня вечером Ваше послание относительно Японии, а также полный отчет лорда Галифакса о ходе пере-

говоров и Вашем контрпредложении Японии... Конечно, этот вопрос должны разрешить только Вы, и мы, безусловно, не хотим развязывания еще одной войны. Нас беспокоит только один вопрос. Как насчет Чан Кайши? Не слишком ли скудную диету он получает? Нас тревожит судьба Китая. Если он падет, то опасность, угрожающая всем нам, чрезвычайно усилится. Мы уверены, что Вашими действиями будет руководить то уважение, с каким Соединенные Штаты относятся к борьбе китайцев. Мы считаем, что японцы чрезвычайно в себе не уверены».

В тот же день Хэлл принял японских посланцев в государственном департаменте. Он даже не упомянул им о «модус вивенди», по поводу которого президент телеграфировал мне 23 ноября. Напротив, он сразу же вручил им «ноту из десяти пунктов». Два пункта этой ноты гласили:

«Правительство Японии ответит из Китая и Индокитая все военные, военно-морские, военно-воздушные и полицейские силы.

Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии не будут оказывать поддержку — военную, политическую или экономическую — какому бы то ни было правительству или режиму в Китае, за исключением Национального правительства Китайской Республики, столица которого временно находится в Чунцине».

Посланцы были «ошеломлены» и удалились чрезвычайно огорченные. Возможно, что их огорчение было искренним. Их избрали для этой миссии главным образом из-за их репутации миролюбивых и умеренных людей, которым удастся убаюкать Соединенные Штаты, внушив им чувство безопасности, пока не будут приняты все необходимые решения и закончена вся подготовка. Они плохо были осведомлены об истинных намерениях своего правительства. Они не подозревали, что Хэлл был лучше информирован в этом отношении, чем они сами. С конца 1940 года американцы проникли в тайну важнейших шифров Японии и расшифровывали большое количество их военных и дипломатических телеграмм. В кругах американской разведки они обозначались словом «Магия». Расшифрованные телеграммы «Магия» передавались нам, но они попадали в наши руки с неизбежной задержкой, иногда в два-три дня. Поэтому в каждый данный момент мы не знали всего того, что было известно президенту или Хэллу. Я не жалею на это.

В тот же день президент послал верховному комиссару Филиппин письмо следующего содержания:

«Становится очевидным, что ведется подготовка... к каким-то агрессивным операциям в недалеком будущем, хотя нет

еще точных указаний на масштабы этих операций и на то, будут ли они направлены против Бирманской дороги, Таиланда, Малаккского полуострова, Голландской Индии или Филиппин. Наиболее вероятной представляется операция против Таиланда. Я считаю возможным, что эта новая японская агрессия вызовет вооруженный конфликт между Соединенными Штатами и Японией...»

Я не знал, что жребий уже брошен Японией; мне также не было известно, как далеко простирается решимость президента.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

30 ноября 1941 года

«Мне кажется, что осталось неиспользованным еще одно важное средство, которое могло бы предотвратить войну между Японией и нашими двумя странами, а именно ясная декларация, — секретная или публичная, в зависимости от того, что будет признано более целесообразным, — о том, что всякий дальнейший акт агрессии со стороны Японии немедленно повлечет за собой самые серьезные последствия. Я понимаю, какие трудности конституционного порядка стоят перед Вами, но было бы трагедией, если бы Япония постепенно втянулась в войну в результате своих посягательств на территорию других стран, без того чтобы ей ясно и честно указали на грозную опасность, какую повлекут за собой для нее новые акты агрессии. Прошу Вас подумать над тем, не следовало ли бы Вам в момент, который вы сочтете подходящим и который может наступить очень скоро, заявить о том, что «всякий дальнейший акт агрессии со стороны Японии вынудит Вас поставить перед конгрессом самые серьезные вопросы» или что-нибудь в этом роде. Мы, конечно, выступили бы с аналогичной декларацией или присоединились к Вашей. Во всяком случае, мы принимаем меры к тому, чтобы синхронизировать свои действия с Вашими. Простите меня, мой дорогой друг, за то, что я позволяю себе навязывать Вам такой курс, но я убежден, что он мог бы в корне изменить положение и предотвратить при-
сorbное расширение войны».

Но к этому времени и он, и Тодзио зашли уже слишком далеко. То же надо сказать и об общем ходе событий.

* * *

Днем 30 ноября, в начале первого (по американскому времени) Хэлл посетил президента, у которого на столе лежала

моя телеграмма, датированная тем же числом и посланная ночью¹. Они не считали, что мое предложение сделать совместное предупреждение Японии сможет принести какую-либо пользу. Нам и не приходится удивляться этому, так как перед ними уже лежала перехваченная телеграмма из Токио в Берлин, также датированная 30 ноября, в которой японскому послу в Берлине предлагалось сделать Гитлеру и Риббентропу следующее сообщение:

«Сообщите им в строго секретном порядке, что существует чрезвычайно большая угроза внезапного возникновения войны между англосаксонскими странами и Японией в результате какого-либо военного столкновения, и добавьте, что момент возникновения этой войны может настать скорее, чем кто-либо это представляет».

Я получил эту расшифрованную телеграмму 2 декабря. Она не требовала каких-либо специальных мероприятий со стороны Англии. Мы просто должны были выжидать. Фактически японская эскадра авианосцев со всей морской авиацией, которой предстояло совершить нападение на Пёрл-Харбор, вышла в море еще 25-го. Конечно, она могла еще получить из Токио приказ воздержаться от операций.

* * *

Во время состоявшегося в Токио 1 декабря совещания с участием императора было принято решение начать войну с Соединенными Штатами. Согласно показаниям Тодзио на суде, император не произнес ни единого слова. В течение следующей недели на Тихом океане воцарилось зловещее молчание. Возможности к урегулированию вопроса дипломатическим путем были исчерпаны. Ни один акт военной агрессии еще не совершился. Я больше всего опасался, что японцы нападут на нас или на голландцев и что трудности конституционного порядка помешают Соединенным Штатам объявить войну. После длительного заседания кабинета, состоявшегося 2 декабря, я послал министру иностранных дел памятную записку, суммировавшую выводы, к которым мы пришли.

¹ Читателя не должны удивлять даты телеграмм, поскольку они указаны в надлежащей последовательности. Я работал до 2—3 часов ночи (по английскому времени), а для зашифровки и расшифровки каждого моего послания требовалось два—три часа. Тем не менее все послания, написанные мною до того, как я ложился спать, достигали президента почти немедленно, к тому времени, когда он просыпался. Иногда в силу необходимости его будили. — *Примеч. авт.*

2 декабря 1941 года

«Наша неизменная политика состоит в том, чтобы не предпринимать каких-либо радикальных мер раньше, чем это сделают Соединенные Штаты. За исключением случая, если японцы попытаются захватить перешеек Кра, у нас еще будет время прямо поставить перед Соединенными Штатами вопрос о новом акте японской агрессии. Если они выступят, мы немедленно выступим в поддержку. Если они не выступят, мы должны будем заново пересмотреть свою позицию...

Японцы могут в любой момент напасть на голландские владения. Это было бы прямым выпадом против Соединенных Штатов, которые только что вели с Японией переговоры. Мы должны заявить голландцам, что мы не предпримем ничего такого, что могло бы помешать Соединенным Штатам должным образом оценить такой агрессивный акт японцев, как событие, непосредственно касающееся их самих и Японии. Если Соединенные Штаты объявят войну Японии, то мы в тот же час последуем их примеру. Если же после достаточного промежутка времени будет установлено, что Соединенные Штаты неспособны принять какие-либо решительные меры даже при нашей непосредственной поддержке, то мы тем не менее, хотя бы и в одиночку, поддержим голландцев.

Всякое нападение на английские владения, само собой разумеется, повлечет за собой войну с Великобританией».

* * *

Английская секретная служба и воздушная разведка, которые бдительно следили за ходом событий, вскоре заметили передвижения войск и активность, указывавшие на то, что «Япония готовится к нападению на Сиам и что это нападение будет включать отправку морем экспедиционных войск для захвата стратегических пунктов на перешейке Кра». Мы сообщили об этом в Вашингтон. Мы обменялись с главнокомандующим нашими вооруженными силами на Дальнем Востоке, а также с австралийским и американским правительствами целой серией длинных телеграмм по вопросу о том, должны ли мы принять предупредительные меры для защиты перешейка Кра. Было принято правильное решение, учитывавшее соображения как военного, так и политического порядка о том, что нам не следует осложнять развитие событий, нанося первыми удар на второстепенном театре военных действий. 6 декабря как в Лондоне, так и в Вашингтоне были получены известия о том, что из Индокитая через Сиамский залив направляется японская эскадра в составе примерно 35 транспор-

тных судов, 8 крейсеров и 20 эсминцев. Другие японские эскадры также находились в море для выполнения других задач.

* * *

В 1946 году комиссия конгресса, занимавшаяся подробным расследованием этого вопроса, опубликовала результаты своей работы. В ее отчете были детально описаны все события, предшествовавшие войне между Соединенными Штатами и Японией, и объяснялось, почему через соответствующие военные ведомства флотам и гарнизонам, находившимся в угрожаемых пунктах, не был отдан приказ «быть наготове». В сорока томах, опубликованных комиссией, сообщались для сведения всего мира все подробности, включая текст расшифрованных японских секретных телеграмм и их действительное содержание. Мощь Соединенных Штатов была достаточной для того, чтобы они могли выдержать это тяжелое испытание, которого требовал дух американской конституции.

Я не собираюсь выносить на этих страницах суждение по поводу этого чрезвычайно важного эпизода в истории Америки. Мы все знаем, что крупные государственные деятели Америки, окружавшие президента и пользовавшиеся его доверием, не менее остро, чем я, сознавали грозную опасность того, что Япония нападет на английские или голландские владения на Дальнем Востоке и будет тщательно обходить Соединенные Штаты и что вследствие этого конгресс не даст санкции на объявление войны Америкой. Американские руководители понимали, что это могло бы повести к огромным японским завоеваниям и что в случае сочетания этих завоеваний с победой Германии над Россией и последующим вторжением в Великобританию Америка останется одна перед лицом объединенных подавляющих сил торжествующих агрессоров. Потерпели бы крах не только стоявшие на карте великие моральные принципы, но создалась бы угроза для самого существования Соединенных Штатов и их народа, еще не вполне осознавшего грозящую ему опасность. Президент и его верные друзья давно уже понимали, какому серьезному риску подвергают себя Соединенные Штаты, придерживаясь нейтралитета в войне против Гитлера и всех тех сил, которые не собой олицетворял, и тяготились оковами, налагаемыми на них конгрессом. Палата представителей лишь за несколько месяцев до этого приняла большинством всего в один голос необходимый стране закон о возобновлении обязательной воинской повинности, хотя без этого американская армия оказалась бы в самый разгар мировых потрясений почти распущенной. Рузвельт, Хэлл, Стивенсон, Нокс, генерал Маршалл, адмирал Старк и как связующее звено между ними Гарри Гопкинс — все они придерживались

сдиных взглядов. Будущие поколения американцев и свободных людей во всем мире будут благодарить Бога за их дальновидность.

Нападение Японии на Соединенные Штаты значительно облегчило бы стоявшие перед ними проблемы и выполнение ими своего долга. Можем ли мы удивляться тому, что они рассматривали фактическую форму такого нападения или даже его масштабы как нечто, имеющее несравненно меньшее значение, нежели то обстоятельство, что весь американский народ, как никогда, сплотился бы для защиты своей безопасности и правого дела? Им, как и мне, казалось, что для Японии нападение на Соединенные Штаты и война с ними были бы равносильны самоубийству. К тому же им были известны все непосредственные планы противника еще до того, как мы в Англии могли узнать о них.

Казалось невозможным, чтобы Япония решилась на войну с Англией и Соединенными Штатами, а впоследствии, вероятно, и с Россией, так как эта война могла сулить ей только гибель. Разумному человеку невозможно было себе представить, чтобы Япония пошла на объявление войны. Я был уверен, что подобный безрассудный шаг с ее стороны погубил бы жизнь целого поколения японского народа, и мое мнение полностью подтвердилось. Но правительства и народы не всегда принимают разумные решения. Иногда они принимают безумные решения, или же одна группа людей захватывает в свои руки власть и вынуждает всех остальных подчиниться своей воле и помогать ей в ее безрассудных действиях. Я без всяких колебаний неоднократно выражал свою уверенность в том, что Япония не пойдет на такой безумный шаг. Но как бы искренне мы ни пытались поставить себя в положение другого, мы не можем постигнуть процессы, совершающиеся в человеческом уме и воображении, к которым разум не дает ключа.

Однако безумие — это такое заболевание, которое в войне дает преимущество внезапности.

Глава двенадцатая

ПЁРЛ-ХАРБОР!

В воскресенье вечером 7 декабря 1941 года мы были одни за столом в Чекерсе с Уайнантом и Авереллом Гарриманом. Вскоре после начала передачи последних известий, в 9 часов вечера, я включил свой небольшой радиоприемник. Был передан ряд сообщений о сражениях на русском фронте и на английском фронте в Ливии, а в конце передачи было сказано несколько фраз о нападении японцев на американские суда

на Гавайях, а также о японских атаках на английские суда в районе Голландской Индии. Затем последовало сообщение о том, что после последних известий такой-то выступит с комментариями, а затем начнется программа «Мозгового треста» или что-то в этом роде. Я лично не вынес из этой передачи какого-либо ясного впечатления, но Аверелл заявил, что было сказано что-то о нападении японцев на американцев, и, несмотря на нашу усталость и желание отдохнуть, мы не расходились. В этот момент мой дворецкий Сойерс, который уже слышал о том, что произошло, вошел в комнату и сказал: «Это правда. Мы сами слышали это сообщение. Японцы напали на американцев». Воцарилось молчание. 11 ноября на завтраке в Мэншен-Хаус я заявил, что если японцы нападут на Соединенные Штаты, то объявление войны со стороны Англии последует «в тот же час». Я встал из-за стола и прошел через вестибюль в секретариат, где работа никогда не останавливалась. Я попросил вызвать к телефону президента. Посол последовал за мной и, вообразив, что я собираюсь принять какое-то бесповоротное решение, спросил: «Не думаете ли вы, что следовало бы сначала получить подтверждение?»

Через две-три минуты я услышал голос президента. «Господин президент, — спросил я, — что это такое сообщают о Японии?» «Это правда, — ответил он. — Они атаковали нас в Пёрл-Харборе. Мы все теперь связаны одной веревочкой». Я передал трубку Уайнанту, и они обменялись несколькими фразами, причем посол сначала говорил: «Хорошо, хорошо», а затем более встревоженным тоном: «Вот как!» Я снова взял трубку и сказал: «Это, безусловно, упрощает положение. Да пребудет с вами Бог», — или что-то в этом роде. Затем мы снова отправились в холл и попытались вдуматься в это событие огромного мирового значения, которое имело настолько сенсационный характер, что потрясло даже тех, кто находился в центре мировой политической жизни. Оба моих американских друга приняли этот удар с достойной восхищения стойкостью. Мы не имели ни малейшего представления о том, сколь серьезный ущерб был нанесен флоту Соединенных Штатов. Они не стали жаловаться или скорбеть по поводу того, что их страна вступила в войну. Они не тратили слов на упреки или на выражения горести. Собственно говоря, можно было даже подумать, что они испытывали облегчение, избавившись от давно мучившей их заботы.

* * *

Заседание парламента должно было состояться только во вторник, и члены парламента были разбросаны по всей Ан-

глии, переживавшей тогда сильные затруднения с транспортом. Я поручил секретариату позвонить спикеру палаты общин, парламентским партийным организаторам и другим лицам, которых это касалось, с тем чтобы совещание обеих палат было созвано на следующий день. Я позвонил в министерство иностранных дел и распорядился подготовить к заседанию парламента декларацию об объявлении войны Японии, что было связано с некоторыми формальностями, с тем чтобы она могла вступить в силу без малейших промедлений. Я также приказал позвонить всем членам военного кабинета и информировать их, так же как и начальников штабов, военного и военно-морского министров и министра авиации, которые, как я справедливо полагал, уже получили соответствующие сообщения.

* * *

Ни один американец не подумает обо мне плохо, если я открыто признаюсь, что для меня было величайшей радостью иметь Соединенные Штаты на нашей стороне. Я не мог предсказать ход событий. Я не претендую на то, что я точно оценил военную мощь Японии, но в тот момент я знал, что Соединенные Штаты участвуют в войне и что они будут бороться насмерть, вкладывая в эту борьбу все свои силы. Итак, в конце концов мы победили! Да, после Дюнкерка, после нападения Франции, после ужасного эпизода в Оране, после угрозы вторжения, перед лицом которой, если не считать военно-воздушных и военно-морских сил, мы были почти безоружны, после смертельной схватки с подводным флотом врага — первой битвы за Атлантику, выигранной с таким огромным трудом, после 17 месяцев борьбы в одиночку и 19 месяцев, в течение которых я нес ответственность за страну в такой исключительно напряженной обстановке, — мы выиграли войну. Англия будет жить; Великобритания будет жить; Содружество наций и империя будут жить. Никто не мог сказать, сколько продлится война и как она закончится, да я и не заботился об этом в тот момент. Как уже не раз за длинную историю нашего острова, мы выйдем из войны хотя и истерзанными и покалеченными, но уцелевшими и с победой. Мы не будем стерты с лица земли. Наша история не придет к концу. Возможно, что даже нам лично удастся избежать смерти. Судьба Гитлера была решена. Судьба Муссолини была решена. Что же касается японцев, то они будут стерты в порошок. Все остальное зависело исключительно от правильного использования наших подавляющих сил. Силы Британской империи, Советского Союза, а теперь и Соединенных Штатов, неразрывно связанных между собой, на мой взгляд,

превосходили силы их противников вдвое или даже втрое. Без сомнения, для одержания победы понадобится много времени. Я ожидал, что нам придется понести на Дальнем Востоке ужасающие потери, но все это будет только преходящим этапом. Объединившись, мы могли победить кого угодно во всем мире. Нам предстояли еще многие катастрофы, неизмеримые потери и несчастья, но в том, как закончится война, сомневаться уже не приходилось.

Едва проснувшись, я решил немедленно отправиться повидаться с президентом Рузвельтом.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

9 декабря 1941 года

«1. Благодарю за Вашу телеграмму от 8 декабря. Теперь, когда мы, как Вы говорите, «связаны одной веревочкой», не сочтете ли Вы целесообразным снова встретиться для совещания? Мы могли бы рассмотреть все военные планы в свете новой ситуации и реальных фактов, а также решить проблемы производства и распределения материалов. Я считаю, что все эти вопросы, из коих некоторые внушают мне беспокойство, могут быть наилучшим образом разрешены лишь высшими государственными руководителями. Для меня было бы также очень большим удовольствием снова встретиться с Вами, и чем скорее, тем лучше.

2. Я мог бы при желании выехать отсюда через день-два и прибыть на военном корабле в Балтимор или Аннаполис. Путешествие займет около восьми дней, и я мог бы устроить дело таким образом, чтобы пробыть неделю, так что мы могли бы разрешить все важные вопросы. Я захватил бы с собой Паунда, Портала, Дилла и Бивербрука, а также необходимый штат.

3. Сообщите мне, пожалуйста, как можно скорее, что Вы думаете по этому поводу».

На следующий день я получил известие от президента. Он сообщал, что в восторге от моего предстоящего визита в Белый дом. Он считал, что сам он не может выехать из страны. Происходит мобилизация, и положение на Тихом океане неопределенно. Он выражал уверенность в том, что мы сможем разрешить все трудности, связанные с вопросами производства и снабжения. Он подчеркивал, что такое путешествие будет связано с личным риском для меня и что этот вопрос необходимо тщательно продумать.

* * *

Военный кабинет санкционировал немедленное объявление войны Японии, для чего уже были проделаны все необходимые предварительные формальности. Так как Иден уже выехал в Москву и я взял на себя руководство министерством иностранных дел, я послал японскому послу следующее письмо:

Министерство иностранных дел

8 декабря

«Сэр!

Вечером 7 декабря правительству его величества в Соединенном Королевстве стало известно, что японские войска без предварительного предупреждения в форме объявления войны или ультиматума, грозившего объявлением войны, произвели попытку высадиться на побережье Малайи и подвергли бомбардировке Сингапур и Гонконг.

Ввиду этих вопиющих актов неспровоцированной агрессии, совершенных в явное нарушение международного права и, в частности, статьи 1 Третьей Гаагской конвенции, относящейся к началу военных действий, участницами которой являются как Япония, так и Соединенное Королевство, послу его величества в Токио поручено информировать японское императорское правительство от имени правительства его величества в Соединенном Королевстве, что между двумя нашими странами существует состояние войны.

С глубоким уважением, сэр,
имею честь быть Вашим покорным слугой
Уинстон С. Черчилль».

Некоторым не понравился этот церемонный стиль. Но в конце концов, когда вам предстоит убить человека, быть вежливым ничего не стоит.

Обе палаты единогласно голосовали за решение об объявлении войны.

* * *

В течение некоторого времени нам не сообщали никаких подробностей о том, что произошло в Пёрл-Харборе, но теперь все это описано исчерпывающим образом.

До начала 1941 года японский план войны на море против Соединенных Штатов предусматривал, что их основные военно-морские силы дадут бой в водах близ Филиппин, когда американцы, как этого можно было ожидать, будут пробивать себе путь через Тихий океан, дабы прийти на помощь гарнизону этого аванпоста. Мысль о внезапном нападении на Пёрл-Харбор зародилась в мозгу главнокомандующего японским

флотом адмирала Ямамото. Подготовка к этому предательскому удару, который должен был быть нанесен до объявления войны, проводилась в условиях полной секретности, и к 22 ноября, на редко посещаемой якорной стоянке у Курильских островов, к северу от собственно Японии, были сосредоточены ударные силы в составе шести авианосцев с поддерживающими их линкорами и крейсерами. Дата нападения уже была назначена на воскресенье, 7 декабря, и 26 ноября (время Восточного полушария) эскадра под командованием адмирала Нагумо вышла в море. Держась далеко к северу от Гавайских островов, среди туманов и штормов этих северных широт, Нагумо приблизился к цели незамеченным. Атака была совершена в роковой день перед восходом солнца с позиции, находившейся на расстоянии примерно 275 миль к северу от Пёрл-Харбора. В ней принимало участие 360 самолетов, среди которых были бомбардировщики всех типов, сопровождавшиеся истребителями. Первая бомба упала в 7 часов 55 минут утра. В гавани в это время находилось 94 корабля американского военно-морского флота. Основными мишенями из них явились восемь линкоров Тихоокеанского флота. К счастью, авианосцы, эскортируемые крупными силами крейсеров, находились в другом месте, выполняя задание.

История этого нападения не раз уже была красочно описана. Здесь достаточно будет упомянуть лишь о наиболее ярких фактах и отметить эффективность беспощадных действий японских летчиков. К 8 часам 25 минутам утра первые волны самолетов-торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков нанесли намеченный удар. К 10 часам утра бой уже закончился и противник удалился, оставив за собой разбитый флот, окутанный завесой огня и дыма, и возбудив у Соединенных Штатов жажду мести. Линкор «Аризона» был взорван, «Оклахома» опрокинулся, «Уэст Вирджиния» и «Калифорния» затонули у своих причалов, а все остальные линкоры, кроме находившегося в сухом доке линкора «Пенсильвания», были сильно повреждены. Погибло свыше двух тысяч американцев и около двух тысяч было ранено. Господство на Тихом океане перешло в руки японцев, и стратегическое соотношение сил в мире на время коренным образом изменилось.

* * *

Наших американских союзников постигли еще и другие неудачи.

На Филиппинах, где командовал войсками генерал Макартур, сообщение, предупреждавшее о серьезном ухудшении дипломатических отношений, было получено 20 ноября. Адмирал Харт, командовавший скромным азиатским флотом Со-

сдиненных Штатов, уже консультировался с находившимися поблизости представителями командования английского и голландского военно-морских флотов и в соответствии со своими военными планами начал разворачивать свои силы в южном направлении. Он намеревался собрать ударные силы в голландских водах совместно с будущими союзниками. Он имел в своем распоряжении только один тяжелый и два легких крейсера, помимо нескольких старых эсминцев и вспомогательных судов различных типов. Его сила заключалась почти целиком в его подводном флоте: он имел 28 подводных лодок. В 3 часа утра 8 декабря адмирал Харт перехватил сообщение, содержавшее ошеломляющее известие о нападении на Пёрл-Харбор. Не дожидаясь подтверждения из Вашингтона, он тотчас же предупредил всех, кого это касалось, о том, что военные действия начались. На заре японские пикирующие бомбардировщики совершили налет, и в течение последующих дней воздушные налеты продолжались во все увеличивающихся масштабах. 10 декабря морская база в Кавите была полностью сожжена, и в тот же день японцы произвели первую высадку на севере Лусона. Катастрофы быстро следовали одна за другой. Большая часть американских самолетов была уничтожена в боях или на земле, и к 20 декабря остатки американской авиации были переведены в порт Дарвин в Австралии. Корабли адмирала Харта начали разворачиваться к югу за несколько дней до того, и для борьбы с противником за морские просторы оставались только подводные лодки. 21 декабря в заливе Лингаен высадились основные японские силы вторжения, которые создали угрозу самой Маниле, а вслед за тем ход событий принял примерно такой же характер, как и в Малайе. Однако здесь оборона была более длительной.

Таким образом, долго вынашивавшиеся планы Японии увенчались молниеносным триумфом. Но это был еще не конец.

* * *

Японский посол в Берлине сообщал в своем донесении о посещении им Риббентропа:

«На следующий день после атаки на Пёрл-Харбор, в час дня, я посетил министра иностранных дел Риббентропа и сообщил ему о нашем желании, чтобы Германия и Италия немедленно официально объявили войну Америке. Риббентроп ответил, что Гитлер находится в данный момент на совещании в ставке главнокомандующего (в Восточной Пруссии), на котором обсуждается вопрос о том, как выполнить формальности,

связанные с объявлением войны, чтобы произвести хорошее впечатление на германский народ; он также сказал, что он немедленно сообщит ему о вашем желании и сделает все возможное, чтобы оно было должным образом осуществлено».

Гитлер и его штаб были изумлены. На процессе Йодль сообщил: «Гитлер явился в середине ночи в мой картографический кабинет, чтобы сообщить это известие фельдмаршалу Кейтелю и мне. Он был чрезвычайно поражен». Однако утром 8 декабря он отдал германским военно-морским силам приказ атаковать американские суда, где бы они их ни встретили. Это было за три дня до официального объявления Германией войны Соединенным Штатам.

* * *

9 декабря, в 10 часов вечера, я созвал в военном зале кабинета совещание для рассмотрения положения на море. На это совещание были приглашены главным образом руководители военно-морского министерства. Нас было не более 12 человек. Мы пытались определить, каковы будут последствия этого коренного изменения в нашем положении в войне с Японией. Мы утратили господствующее положение на всех океанах, кроме Атлантического. Австралия, Новая Зеландия и все важнейшие острова в этом районе находились под угрозой нападения. Только одно решающее оружие было у нас в руках: «Принс ов Уэлс» и «Рипалс» прибыли в Сингапур. Они были посланы в эти воды, дабы создать ту неопределенную угрозу, которую могут представлять для всех военно-морских планов противника первоклассные линейные корабли, местонахождение которых неизвестно. Вопрос заключался в том, как нам теперь их использовать. Было совершенно очевидно, что они должны выйти в море и затеряться среди бесчисленных островов. В этом все были единодушны.

Я сам считал, что эти линкоры должны направиться через Тихий океан, чтобы присоединиться к остаткам американского флота. В тот момент это было бы гордым жестом, который сплотил бы страны английского языка. Мы уже от всего сердца дали согласие на то, чтобы министерство военно-морского флота Соединенных Штатов отозвало свои линейные корабли из Атлантического океана. Таким образом, через несколько месяцев у западного побережья Америки мог бы быть создан флот, способный в случае необходимости дать решающий морской бой. Самый факт существования такого флота явился бы наилучшей возможной защитой для наших братьев в Австралии. Этот план показался всем нам очень привлекательным. Но так как было уже поздно, мы решили отправиться спать

и принять решение о том, что делать с линкорами «Принс ов Уэлс» и «Рипалс» на следующее утро.

Через несколько часов они уже лежали на дне моря.

* * *

Теперь я должен рассказать о трагедии этих кораблей, в которой такую роковую роль сыграл случай.

«Принс ов Уэлс» и «Рипалс» прибыли в Сингапур 2 декабря. 5 декабря адмирал Том Филлипс прилетел в Манилу, чтобы обсудить с генералом Макартуром и адмиралом Хартом возможность совместных действий. Адмирал Харт согласился, чтобы четыре американских эсминца вошли в состав флота, находившегося под командованием Филлипса. Оба адмирала считали, что ни Сингапур, ни Манила не могли в данный момент служить подходящей базой для флота союзников. На следующий день было получено известие о том, что в Сиамский залив вошли крупные экспедиционные силы японцев. Было ясно, что надо ждать решающих событий. Филлипс вернулся в Сингапур утром 7 декабря. Вскоре после полуночи 8 декабря стало известно, что в Кота-Бару высаживаются японские войска, а позднее поступили сообщения о других десантах, высадившихся близ Сингоры и Патани. Началось вторжение крупных сил противника в Малайю.

Адмирал Филлипс считал своим долгом ударить по врагу в тот момент, когда его войска высаживались на берег. 8 декабря, в 5 часов 35 минут вечера, адмирал вышел в море с эскадрой в составе линкоров «Принс ов Уэлс» и «Рипалс» и эсминцев «Электра», «Экспресс», «Вэмпайр» и «Тенедос», но тут им было получено известие о высадке противника. Это сообщение также содержало предупреждение о том, что в Южном Индокитае базируются крупные силы японской бомбардировочной авиации. Ввиду того что частые шквалы с дождем и низкая облачность препятствовали воздушным операциям, Филлипс решил идти дальше. Вечером 9 декабря погода прояснилась, и вскоре у него появились основания опасаться, что за ним следует по пятам авиация противника. Надежда на внезапность исчезла, и на следующее утро близ Сингоры надо было ожидать сильных воздушных налетов. Учитывая это обстоятельство, адмирал Филлипс вынужден был отказаться от своего смелого плана и с наступлением темноты повернул обратно. Он, безусловно, сделал все, что было в его силах, и все еще могло закончиться хорошо. Однако около полуночи, к несчастью, было сообщено о другой десантной операции противника, в Куантане, более чем в 150 милях к югу от Кота-Бару. Адмирал Филлипс считал маловероятным, чтобы противник ожидал его флот на рассвете

10 декабря так далеко к югу, ибо в последний раз он видел его движущимся на север. Он подумал, что в конце концов ему, может быть, все же удастся застигнуть противника врасплох. Он решился пойти на риск и повернул свои корабли в направлении Куантана.

В японских документах не говорится, что английская эскадра была замечена 9 декабря с воздуха, но в 2 часа дня, когда эскадра шла курсом на север, ее заметила японская подводная лодка. Японская 22-я воздушная эскадрилья, базировавшаяся поблизости от Сайгона, заправлялась в эти минуты бомбами для налета на Сингапур. Бомбы немедленно были заменены торпедами, и было решено совершить ночной налет на английские корабли. Однако самолеты не нашли их и в полночь вернулись на свою базу. 10 декабря перед рассветом другая японская подводная лодка сообщила, что английские корабли идут курсом на юг, и в 6 часов утра девять японских самолетов отправились в разведку, а через час за ними последовало мощное ударное соединение в составе 84 бомбардировщиков и самолетов-торпедоносцев. Они летели волнами, примерно по девять самолетов в каждой.

Сообщение о десанте в Куантане оказалось ложным, но так как из Сингапура не было послано опровержения, адмирал оставался на месте, пока вскоре после рассвета эсминец «Экспресс» не вошел в гавань, где он не нашел и следа противника. Прежде чем двинуться снова в южном направлении, эскадра потратила некоторое время на поиски замеченного ею ранее буксира и нескольких других небольших судов. Но теперь наступил критический момент, и судьба сыграла с английской эскадрой злую шутку. Японские самолеты долетели до Сингапура, ничего не обнаружив. Они возвращались обратно по северному курсу, который случайно вывел их прямо на цель.

В 10 часов 20 минут утра с линкора «Принс ов Уэлс» заметили следивший за эскадрой самолет, а в начале двенадцатого появилась первая волна бомбардировщиков. Вражеские самолеты налетали последовательными волнами. Во время налета первой волны в «Рипалс» попала бомба. Она вызвала пожар, но с ним быстро удалось справиться, и скорость корабля не уменьшилась. Во время второго налета в «Принс ов Уэлс», по-видимому, попали сразу две торпеды, на близком расстоянии одна от другой. Корабль был сильно поврежден и дал течь. Оба левых винта были выведены из строя, и полное управление кораблем уже не удалось восстановить. Во время этого налета в «Рипалс» попаданий не было. Через несколько минут «Рипалс» атаковала новая волна самолетов, но ему снова удалось избежать повреждений. К этому моменту корабли несколько отделились друг от друга, и капитан Теннант, пе-

редав в Сингапур срочный сигнал «Налет вражеских бомбардировщиков», повернул «Рипалс» в сторону корабля адмирала.

Новый налет, последовавший в 12 часов 22 минуты дня, оказался роковым для обоих линкоров. Успешно избежав попадания нескольких пущенных в него торпед, «Рипалс» был в конце концов поврежден в средней части. Вскоре после этого, во время нового налета, попавшая в корабль торпеда повредила его рулевое управление, а затем в него попали три торпеды подряд. Капитан Теннант понял, что его корабль обречен. Он немедленно отдал команду «Все наверх», и не приходится сомневаться, что это своевременное распоряжение спасло много жизней. В 12 часов 33 минуты дня «Рипалс» опрокинулся и затонул. Примерно в 12 часов 23 минуты дня в «Принс ов Уэлс» попало еще две торпеды, а немного спустя еще одна. Его скорость снизилась до восьми узлов в час, и он вскоре тоже стал тонуть. После новой бомбардировки, во время которой в него попала еще одна торпеда, он перевернулся и в 1 час 20 минут дня затонул. Эсминцы спасли две тысячи офицеров и матросов из общего числа около трех тысяч. Главкомандующий адмирал Том Филлипс и командир флагманского корабля Джон Лич утонули.

10 декабря я раздвигал полог у своей кровати, когда звонил телефон, находившийся у моего изголовья. Звонил начальник военно-морского штаба. Его голос показался мне странным. Он кашлянул и поперхнулся, и сначала я не мог разобрать, что он говорит. «Премьер-министр, я должен сообщить вам, что «Принс ов Уэлс» и «Рипалс» потоплены японцами, по-видимому, в результате воздушного налета. Том Филлипс утонул». — «Вы уверены в этом?» — «Не может быть никаких сомнений». Я положил трубку. Я благодарил судьбу за то, что в этот момент я был один. За всю войну я не получал более тяжелого удара. Читатель поймет, как много усилий, надежд и планов пошло ко дну вместе с этими двумя кораблями. Ворочаясь в постели с боку на бок, не находя себе покоя, я полностью осознал весь ужас этого известия. В Индийском и Тихом океанах не было английских или американских линкоров, за исключением американских кораблей, уцелевших после нападения на Пёрл-Харбор, которые спешно возвращались в Калифорнию. Япония господствовала над всеми этими огромными водными просторами, а мы были слабы и беззащитны повсюду.

* * *

В это время тайно велась подготовка к моему выезду 14 декабря в Соединенные Штаты. Последующие 96 часов были чрезвычайно напряженными. 11 декабря мне пришлось сделать

подробное заявление в палате о создавшейся ситуации. Члены парламента проявили большую тревогу и некоторое недовольство по поводу затянувшейся битвы в Ливии, исход которой, видимо, был еще неопределенным. Я не пытался скрыть того, что японцы подвергнут нас суровым испытаниям. С другой стороны, победы русских ясно показали, что восточная кампания Гитлера была роковой ошибкой, а вскоре должна была вступить в свои права зима. С подводными лодками противника мы в тот момент боролись успешно, и наши потери значительно снизились. Наконец, на нашей стороне сражались теперь четыре пятых населения всего мира. Конечная победа была бесспорной. В таком духе и было составлено мое выступление. Я придерживался сухой формы изложения фактов, избегая каких-либо обещаний скорых успехов.

Палата выслушала меня в полном молчании и, казалось, не хотела сразу высказать свое суждение. Я ничего большего не ожидал и не добивался.

* * *

В ночь на 8 декабря, в тот самый момент, когда к нам стали поступать известия о нападении на Пёрл-Харбор, Иден выехал из Скапа-Флоу в Москву. Было время вернуть его, но я считал, что в связи с этим новым ударом его миссия приобретала еще более важное значение. Отношения между Россией и Японией и неизбежный пересмотр вопроса обо всех американских поставках военных материалов как в Россию, так и в Англию выдвигали большие и вместе с тем деликатные проблемы. Кабинет твердо стоял на этой позиции. Иден продолжал свой путь, а я держал его в курсе всего, что происходило. У меня было что сообщить ему.

Премьер-министр — Идену

10 декабря 1941 года

«1. С тех пор как Вы уехали, произошли большие события. Во-первых, Соединенные Штаты постигло ужасное бедствие на Гавайях, и в настоящее время они располагают на Тихом океане только двумя боеспособными линкорами против десяти японских. Они переводят сюда все свои линкоры из Атлантики. Во-вторых, согласно американским источникам, японцы, получив господство на море, подвергнут нас сильным атакам в Малайе и на всей территории Дальнего Востока. В-третьих, я уверен, что Италия и Германия объявят войну Соединенным Штатам. В-четвертых, надо отметить великолепные успехи русских под Ленинградом, на всем московском фронте, под Курском и на юге; германские войска в основном перешли к

обороне или же отступают в ужасных условиях зимы и все усиливающихся контратак русских. В-пятых, Окинлек сообщает, что в Ливии положение изменилось в нашу пользу, но на этом нашем втором фронте нас ожидают еще тяжелые и длительные бои. В-шестых, необходимо срочно посылать в Малайю воздушные подкрепления со Среднего Востока.

2. Ввиду вышеизложенного Вы в настоящий момент не должны предлагать десять эскадрилий. С американскими поставками еще ничего не ясно, и я не могу сказать что-либо определенное по этому поводу, пока не съезжу туда сам».

Глава тринадцатая

ПУТЕШЕСТВИЕ В РАЗГАР МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В этот момент, когда столько вопросов еще оставалось неразрешенными, мое присутствие в Лондоне было необходимо по ряду причин. Но я никогда не сомневался в том, что достижение полного взаимопонимания между Англией и Соединенными Штатами имеет больше значения, чем что бы то ни было, и что я должен немедленно отправиться в Вашингтон с самой сильной группой опытных экспертов, которая могла быть выделена для этой цели в данный момент. Было решено, что путешествие по воздуху в это время года в таком небезопасном направлении было бы для нас чересчур рискованным. Поэтому мы выехали 12 декабря на реку Клайд. Линкора «Принс ов Уэлс» уже не существовало. «Кинг Джордж V» сторожил «Тирпица». Мы могли поехать на вновь построенном линкоре «Дьюк ов Йорк», который, кстати, мог развить за время этого путешествия свою полную мощность. Основными участниками нашей группы были: член военного кабинета лорд Бивербрук, начальник военно-морского штаба адмирал Паунд, начальник штаба военно-воздушных сил маршал авиации Портал и фельдмаршал Дилл, которого к этому времени сменил на посту начальника имперского генерального штаба генерал Брук. Я хотел, чтобы Брук остался в Лондоне и вошел в курс тех сложнейших проблем, с которыми ему предстояло столкнуться. Вместо него я пригласил поехать со мной в Вашингтон Дилла, который все еще был в центре всей нашей деятельности и пользовался всеобщим доверием и уважением. Здесь для него открывалась новая сфера деятельности.

Мы надеялись совершить это путешествие за семь дней, при средней скорости 20 узлов, учитывая, что нам придется делать много зигзагов и крюков, чтобы избежать встречи с подводными лодками противника.

Все наши проблемы неотступно следовали за нами, и мыслями я был с министром иностранных дел, который также находился в это время в море, двигаясь в противоположном направлении. Самым срочным вопросом нашей политики был вопрос о том, должны ли мы просить Советское правительство объявить войну Японии. Я уже послал Идену телеграмму следующего содержания:

Премьер-министр — министру иностранных дел

12 декабря 1941 года

«1. Перед своим отъездом Вы интересовались мнением начальников штабов относительно того, было ли бы для нас выгодно, если бы Россия объявила войну Японии. Тщательно продумав этот вопрос, начальники штабов пришли к следующему заключению: объявление Россией войны Японии было бы для нас очень выгодным при условии — но только при том условии, — если русские уверены в том, что это не отразится на положении на их Западном фронте теперь или будущей весной».

Затем подробно излагались все их доводы «за» и «против». В целом они подчеркивали, что основное значение имеет необходимость избежать поражения России на Западе.

Во время нашего путешествия я получил от Идена, который вскоре прибыл в Москву, ряд сообщений, излагавших мнения Советского правительства по другим вопросам, с которыми он столкнулся по прибытии.

Суть этих сообщений изложена им самим в подробном донесении, датированном 5 января 1942 года, которое он написал по возвращении.

5 января 1942 года

«Во время моей первой беседы со Сталиным и Молотовым, состоявшейся 16 декабря, Сталин довольно подробно изложил свои взгляды на то, какими должны быть послевоенные территориальные границы в Европе, и в особенности свою точку зрения относительно обращения с Германией. Он предложил восстановление Австрии в качестве самостоятельного государства, отделение Рейнской области от Пруссии в качестве самостоятельного государства или протектората и, возможно, создание самостоятельного баварского государства. Он также

предложил, чтобы Восточная Пруссия отошла к Польше, а Судетская область была возвращена Чехословакии. Он указал, что Югославию следует восстановить как самостоятельное государство и даже передать ей некоторые дополнительные территории за счет Италии; что Албания должна быть восстановлена в качестве независимого государства и что Турция должна получить Додеканезы с возможным пересмотром в пользу Греции вопроса о судьбе островов в Эгейском море, имеющих важное значение для Греции. Турция могла бы также получить некоторые районы в Болгарии, а возможно, и в Северной Сирии. Вообще говоря, оккупированные страны, включая Чехословакию и Грецию, должны быть восстановлены в своих довоенных границах. Сталин выразил готовность поддержать любые специальные соглашения об обеспечении баз и т. д. для Соединенного Королевства в западноевропейских странах, а именно: во Франции, в Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Дании. Что касается особых интересов Советского Союза, то Сталин желает, чтобы было восстановлено положение, существовавшее в 1941 году, до нападения Германии, в отношении Прибалтийских государств, Финляндии и Бессарабии. Линия Керзона должна быть положена в основу будущей советско-польской границы, а Румыния должна предоставить Советскому Союзу необходимые условия для создания там баз и т. п., взамен чего она получит компенсацию за счет территории, оккупированной в настоящее время Венгрией.

В ходе этой первой беседы Сталин в общем согласился с тем принципом, что Германия должна будет возместить ущерб, причиненный ею оккупированным странам, товарами, в частности станками и т. п., и исключил репарации в денежной форме как нежелательные. Он проявил интерес к созданию военного союза между «демократическими странами» после окончания войны и заявил, что Советский Союз не возражает против того, чтобы некоторые страны Европы объединились в федерации, если они этого пожелают.

Во время второй беседы, состоявшейся 17 декабря, Сталин настаивал на том, чтобы правительство его величества немедленно признало будущие границы СССР и, в частности, включение в состав СССР Прибалтийских государств и восстановление финляндско-советской границы 1941 года. Он заявил, что ставит заключение какого бы то ни было англо-советского соглашения в зависимость от достижения соглашения по этому вопросу. Я, со своей стороны, пояснил Сталину, что ввиду принятых нами ранее обязательств по отношению к правительству Соединенных Штатов правительство его величества не может в настоящее время как-либо связывать себя в вопросе о послевоенных границах в Европе. Однако я обещал по возвращении проконсультироваться по этому вопросу с пра-

вительством его величества в Соединенном Королевстве, с правительством Соединенных Штатов и с правительствами его величества в доминионах. Этот вопрос, которому Сталин придавал основное значение, обсуждался также во время нашей третьей встречи, 18 декабря».

Среди притязаний, выдвигавшихся русскими, на первом месте стояло требование о том, чтобы Прибалтийские государства, которые Россия подчинила себе в начале войны, окончательно вошли в состав Советского Союза¹. Были выдвинуты также и многие другие условия, касавшиеся расширения русской империи, наряду с горячими призывами о предоставлении неограниченной помощи поставками и о военных действиях, осуществить которые в тот момент было невозможно.

Идену я ответил следующим письмом:

*Премьер-министр — министру иностранных дел,
Москва*

20 декабря 1941 года

«1. Вы, конечно, не будете резки в беседе со Сталиным. Мы связаны по отношению к Соединенным Штатам обязательством не заключать какие-либо тайные и особые пакты. Обратиться к президенту Рузвельту с подобными предложениями значило бы встретить категорический отказ. Это могло бы повести к длительным недоразумениям между нами.

2. Проблема стратегической безопасности России со стороны ее западной границы явится одним из предметов обсуждения на мирной конференции. События показали, что положение Ленинграда является особенно опасным. Первейшей нашей целью будет предотвратить возможность развязки Германией новой войны. Одним из важнейших вопросов, которые придется решить, будет отделение Пруссии от Южной Германии и фактическое определение Пруссии как таковой. Но все

¹ Требование состояло не в том, чтобы «Прибалтийские государства... окончательно вошли в состав Советского Союза», а в признании СССР в границах 1941 г. Вхождение Прибалтийских республик в состав СССР произошло летом 1940 г. Избранные на основании существовавших законов о выборах парламенты Прибалтийских республик (народные сеймы Латвии и Литвы, Государственная дума Эстонии) 21—24 июля 1940 г. приняли декларации о провозглашении Советской власти, о вступлении в состав СССР, о признании земли государственной собственностью, о национализации основных средств производства. 3—5 августа 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР Латвия, Литва и Эстония вошли в состав СССР.

это, по-видимому, дело отдаленного будущего, которое теперь представляется еще неясным. В настоящее время перед нами стоит задача путем жестокой и длительной борьбы выиграть войну. Открыто подняв сейчас такие вопросы, мы лишь сплотили бы всех немцев вокруг Гитлера.

3. По-моему, в настоящее время было бы нецелесообразно даже поставить их перед президентом Рузвельтом в неофициальном порядке. Я избрал бы именно такую линию, избегая, таким образом, внезапного или окончательного прекращения переговоров. Вы не должны быть разочарованы, если Вам не удастся привезти с собой совместную публичную декларацию, основанную на тех принципах, которые сформулированы в Вашем донесении кабинету. Я уверен, что Ваша поездка принесла большую пользу и что занятая Вами позиция встретит всеобщее одобрение.

Мне кажется, что мы уже очень давно находимся в пути».

В своем сообщении Иден рассказывает, как закончились его беседы со Сталиным в Москве:

«Мы расстались в очень дружественной атмосфере. После моих объяснений Сталин, по-видимому, полностью понял, что в настоящее время мы не имеем возможности создать второй фронт в Европе. Он проявил значительный интерес к ходу нашего наступления в Ливии и нашел чрезвычайно желательным, чтобы Италия была выведена из строя, исходя из того, что выпадение самого слабого звена оси поведет к ее полному краху.

Он не считал, что у него уже достаточно сил для того, чтобы продолжать войну с Германией и в то же время начать военные действия против Японии. Он высказал надежду довести весной мощь своей дальневосточной армии до той численности, какую она имела, прежде чем ему пришлось обратиться к ней за подкреплениями для Западного фронта. Он не взял на себя обязательства объявить весной войну Японии, а обещал только пересмотреть тогда этот вопрос, хотя он предпочел бы, чтобы военные действия начали японцы, — что он, по-видимому, считает вероятным».

* * *

Однако самой острой внешнеполитической проблемой, занимавшей наши мысли, была в тот момент проблема Франции. Какое впечатление произведет на вишистскую Францию американская декларация о том, что Соединенные Штаты и Германия находятся в состоянии войны? Мы в Англии поддерживали отношения с де Голлем. Правительство Сое-

диненных Штатов, особенно государственный департамент, поддерживало тесный и полезный контакт с Виши. Петэн, зажатый немцами в тиски, был болен. Говорили, что ему предстоит операция по поводу опухоли предстательной железы. Вейган был отозван из Северной Африки в Виши и снят со своего поста. Адмирал Дарлан был, казалось, на вершине власти. Кроме того, успех Окинлека в Ливии и в близлежащих к ней районах выдвигал на первый план все вопросы, касавшиеся Французской Северной Африки. Будет ли Гитлер, войска которого были отброшены в Ливии и остановлены в России, настаивать на отправке германских войск в Тунис, Алжир, Марокко и Дакар — на этот раз уже не через Испанию, а морем и по воздуху? Явится ли это или какое-либо иное мероприятие в этом роде его ответом на вступление Америки в войну?

Имелись указания на то, что адмирал Дарлан, возможно, сменит Петэна на его посту или вытеснит его, и наше министерство иностранных дел получило косвенные запросы о том, как мы и наш великий союзник отнесемся к нему в этом случае. Эти озадачивающие перспективы касались всего нашего положения на море — флота, находившегося в Тулоне, двух незаконченных постройкой линкоров в Касабланке и Дакаре, блокады и многих других вопросов.

Тем временем бои продолжались на всех театрах военных действий, как старых, так и новых. У меня не было иллюзий относительно судьбы, ожидавшей Гонконг под напором подавляющих японских сил. Но чем сильнее будет сопротивление англичан, тем лучше будет для всех. Японцы совершили нападение на Гонконг почти в тот же момент, что и на Пёрл-Харбор. Гарнизон под командованием генерал-майора Молтби оказался перед задачей, которая с самого начала была для него непосильной. Японцы использовали в наступлении три дивизии, мы же могли им противопоставить всего шесть батальонов, в том числе два канадских. Помимо этого, мы имели там горсточку подвижной артиллерии, двухтысячный добровольческий корпус обороны, состоявший из гражданских лиц, а также береговую и зенитную артиллерию для обороны порта. На протяжении всей осады японцы обладали неоспоримым господством в воздухе. Немалую помощь врагу оказывала активная «пятая колонна» из числа жителей-туземцев.

Подготовка противника к форсированию полосы воды шириной в одну милю, отделяющей остров от материка, заняла несколько дней, в течение которых японцы систематически бомбили наши позиции и обстреливали их из орудий и ми-

нометов. Ночью 18 декабря они совершили первую высадку; доставленные вслед за тем подкрепления стали энергично продвигаться в глубь острова. Подвергаясь все усиливавшимся атакам, защитники острова вынуждены были шаг за шагом отходить. Тяжелые потери сильно сократили их численность. Гарнизон держался неделю. Каждый, кто мог держать оружие, в том числе ряд офицеров и бойцов королевского военно-морского флота и королевских военно-воздушных сил, принял участие в этом отчаянном сопротивлении. Под стать их стойкости была сила духа, проявленная гражданским населением. В день Рождества стало ясно, что они не могут больше сопротивляться, и капитуляция стала неизбежной. Под руководством своего решительного губернатора сэра Марка Янга колония хорошо проявила себя в борьбе с врагом. Она действительно по праву завоевала себе «неувядаемую славу».

* * *

Целая серия несчастий надвигалась на нас и в Малайе. Высадка японских войск на полуострове 8 декабря сопровождалась разрушительными налетами, которые причинили серьезный ущерб нашим и без того слабым воздушным силам и в скором времени вывели из строя северные аэродромы. В Кота-Бару, где береговые укрепления оборонялись пехотной бригадой, растянутой вдоль 30-мильного фронта, японцам удалось высадить большую часть дивизии. Правда, при этом они понесли тяжелые потери в результате действий наших войск на берегу и налетов нашей авиации. После трехдневных упорных боев противник прочно укрепился на суше, захватив близлежащие аэродромы, и бригада, понесшая тяжелые потери, получила приказ отойти к югу.

Дальше к северу японцы в тот же день, 8 декабря, высадились, не встретив никакого сопротивления, в Патани и Сингоре. В результате смелых операций голландские подводные лодки потопили несколько японских судов. Серьезных боев не было до 12 декабря, когда одна из лучших дивизий противника совершила успешную атаку на индийскую 11-ю дивизию к северу от Алор-Стар, нанеся ей большие потери.

* * *

Тактическая оборона Малаккского полуострова потребовала серьезных стратегических решений. У меня были твердые убеждения по этому вопросу, которые, к моему сожалению, я не в силах был претворить в жизнь, поскольку находился в это время в пути посреди океана.

*Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов*

15 декабря 1941 года

«Берегитесь, как бы войска, необходимые для конечной обороны острова и крепости Сингапур, не оказались истощены или отрезаны на Малаккском полуострове. Ничто не может сравниться с крепостью по значению. Уверены ли вы, что у нас хватит войск для длительной обороны? Продумайте с Окинлеком и австралийским правительством вопрос о переводе австралийской 1-й дивизии из Палестины в Сингапур. Сообщите о принятых мерах».

* * *

17 декабря противник вторгся в Пенанг, где, несмотря на произведенные разрушения, большое количество мелких судов было захвачено невредимыми. Это позволило ему впоследствии предпринять ряд фланговых атак, осуществлявшихся небольшими десантными частями. К концу месяца наши войска, несколько раз участвовавшие в тяжелых боях, вели бои в районе Ипо, на расстоянии целых 150 миль от их первоначальных позиций. К этому времени японцы уже высадили на территории полуострова по меньшей мере три дивизии полного состава, включая части императорской гвардии. Противник также значительно увеличил свое превосходство в воздухе. Качество его самолетов, которые он быстро разместил на захваченных им аэродромах, превзошло все ожидания. Нашим войскам пришлось перейти к обороне, и они несли тяжелые потери. 16 декабря японцы вторглись также в северную часть Борнео, которую им удалось вскоре оккупировать. Однако мы успели до этого разрушить находившиеся там огромные и чрезвычайно ценные нефтяные промыслы. В течение всего этого времени голландские подводные лодки наносили тяжелый ущерб флоту противника.

* * *

Пока мы находились в плавании, сражение в Пустыне, которыми руководил генерал Окинлек, развертывалось успешно. Армия держав оси, искусно избегая маневров, имевших целью ее окружение, сумела отойти к тыловой линии, проходившей на юг от Газалы. 13 декабря 8-я армия начала наступление на эту позицию. В эту армию теперь входили: 7-я бронетанковая дивизия с 4-й бронетанковой бригадой и группой поддержки, англо-индийская 4-я дивизия, гвардейская бригада (моторизованная), новозеландская 5-я бригада, польская бри-

гадная группа и 32-я армейская танковая бригада. Все эти части перешли под командование штаба 13-го корпуса. 30-му корпусу пришлось вести бои с отрезанными и брошенными на произвол судьбы в Эс-Саллуме, Халфайе и Бардии гарнизонами противника, которые оказывали упорное сопротивление. В Газале противник сражался хорошо, но наши бронетанковые части обошли его с фланга в Пустыне, и Роммель начал отводить свои войска через Дерну к Аджедабии и Эль-Агейле. Их неотступно преследовали все наши части, которые мы в состоянии были обеспечить снабжением во время этих больших переходов.

В первую неделю декабря заметно увеличились силы вражеской авиации. Германский 1-й воздушный корпус был снят с русского фронта и переброшен в район Средиземного моря. Из германских документов видно, что число самолетов возросло с 400 (из них 206 боеспособных), имевшихся на 15 ноября, до 637 (из них 339 боеспособных) месяц спустя. Большая часть самолетов была направлена на Сицилию для защиты морского пути в Северную Африку, но над Пустыней стали появляться во все увеличивающемся количестве пикирующие бомбардировщики в сопровождении чрезвычайно эффективных истребителей «Мессершмитт-109». Английский воздушный флот потерял то превосходство в воздухе, которого он добился в течение первой недели боев.

* * *

Пока «Дьюк ов Йорк» продвигался в западном направлении, все члены нашей группы непрерывно работали и все наши мысли были сосредоточены на новых огромных проблемах, которые нам предстояло разрешить. Мы с нетерпением, но также и с некоторым беспокойством ждали момента, когда мы впервые встретимся с президентом и его военными советниками в качестве союзников. Еще до отъезда мы знали, что преступное нападение японцев на Пёрл-Харбор потрясло американский народ до глубины души. Получаемые нами официальные сообщения и сводки материалов печати создавали у нас впечатление, что весь гнев народа обрушится на Японию. Мы опасались, что это может помешать американцам увидеть в истинном свете всю картину войны в целом. Мы сознавали ту серьезную опасность, что Соединенные Штаты могут заняться исключительно войной против Японии на Тихом океане, предоставив нам сражаться с Германией и Италией в Европе, Африке и на Среднем Востоке.

В одной из предыдущих глав я говорил о стойкости и все возраставшей до этого момента мощи Англии. Первая битва за Атлантику против подводных лодок врага закончилась явно

в нашу пользу. Мы не сомневались в том, что сможем сохранить открытыми наши океанские пути. Мы были уверены, что сможем разбить Гитлера, если он попытается вторгнуться на Британские острова. Нас воодушевила сила сопротивления русских. Мы питали слишком большие надежды на успех нашей кампании в Ливии. Но все наши планы на будущее зависели от огромного количества американских поставок всяких видов материалов, которые в это время широким потоком направлялись к нам через Атлантический океан. Мы в особенности рассчитывали на самолеты и танки, а также на осуществлявшееся в Америке громадное строительство торговых судов. До сих пор, пока Америка была невоюющей страной, президент имел возможность и был готов предоставлять нам большое количество оружия и снаряжения, в которых американская армия не нуждалась в то время, так как она не принимала участия в боях. Следовало ожидать, что эти поставки будут теперь ограничены, так как Соединенные Штаты находились в состоянии войны с Германией, Италией, а главным образом с Японией. Видимо, их собственные нужды будут стоять на первом плане. После нападения Германии на Россию мы приняли правильное решение пожертвовать значительной частью оружия и материалов, которые наконец-то начали поступать с наших собственных заводов, чтобы оказать помощь Красной Армии. Соединенные Штаты направляли в Россию еще более значительные поставки, которые в противном случае мы получали бы сами. Мы полностью одобряли все это ввиду того великолепного сопротивления, которое Россия оказывала нацистским захватчикам.

Тем не менее нам было тяжело откладывать оснащение наших собственных вооруженных сил, а особенно задерживать посылку жизненно необходимого вооружения для наших войск, которые вели ожесточенные бои в Ливии. Мы должны были предполагать, что основным принципом нашего союзника станет принцип «Америка прежде всего». Мы опасались, что пройдет много времени, прежде чем американские войска начнут участвовать в крупных операциях, и что в течение этого подготовительного периода мы по необходимости окажемся в очень затруднительном положении. Это должно было произойти в то время, когда нам самим пришлось столкнуться с новым грозным противником в Малайе, Индийском океане, Бирме и Индии. По-видимому, вопрос о дележе материалов окажется весьма деликатным, потребует глубокого изучения и будет чреват трудностями. Нас уже известили, что действие всех графиков поставок по закону о ленд-лизе приостановлено впредь до пересмотра этого вопроса. К счастью, объем продукции английских военных и авиационных заводов и темпы их работы начали значи-

тельно увеличиваться и вскоре должны были достигнуть чрезвычайно больших масштабов.

Но все эти соображения бледнели перед главной стратегической проблемой. Удастся ли нам убедить президента и американское военное командование, что поражение Японии не будет еще означать поражения Гитлера, тогда как поражение Гитлера поведет к тому, что уничтожение Японии станет лишь вопросом времени и определенных усилий? Мы провели немало долгих часов, всесторонне обдумывая этот серьезный вопрос.

Глава четырнадцатая

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ПЛАН И ХОД ВОЙНЫ

Восьмидневное путешествие с вынужденным сокращением объема текущей работы, отсутствием необходимости посещать заседания кабинета и принимать людей позволило мне продумать весь ход войны, каким я его видел и представлял в свете внезапного огромного расширения сферы войны. Я подготовил три документа относительно того курса, по которому, на мой взгляд, следовало направить ход войны в будущем. Я работал над каждым из этих документов четыре-пять часов в течение двух или трех дней. Работа была нетрудной, так как вся картина была у меня в голове, но дело двигалось очень медленно. По существу, за это время все эти документы можно было дважды или трижды написать от руки. По мере того как заканчивалась работа по составлению и проверке каждого из этих документов, я направлял его своим коллегам-специалистам как выражение моих личных взглядов. В это же самое время они готовили собственные записки для объединенного англо-американского штаба. Я рад был убедиться в том, что, хотя мои записки касались более общих вопросов, а их — носили более технический характер, мы, как обычно, полностью сходились в определении принципов и в оценках.

В первом документе суммировались те причины, по которым нашей основной целью в кампании 1942 года на европейском театре войны должна была стать оккупация английскими и американскими войсками всего побережья Африки и Леванта — от Дакара до турецкой границы. Второй касался тех мероприятий, которые были необходимы для восстановления нашего господства на Тихом океане, причем как срок достижений этой цели указывался май 1942 года. В нем особенно подчеркивалась необходимость увеличить количество имевшихся в нашем распоряжении авианосцев путем импровизированного превращения в авианосцы большого количества

судов других типов. В третьем документе нашей конечной целью объявлялось освобождение Европы путем высадки крупных соединений англо-американских войск в наиболее подходящем для этого районе оккупированной немцами территории, причем осуществление этой величайшей операции намечалось на 1943 год.

Я передал все эти три документа президенту перед рождественскими праздниками. Я пояснил при этом, что в них излагаются мои личные взгляды и что они не исключают каких бы то ни было официальных переговоров между штабами обеих стран. Я изложил их в форме меморандума для комитета начальников штабов. Кроме того, я сообщил ему, что они не были написаны специально для него, но что я считаю чрезвычайно важным ознакомить его с моими соображениями и с теми мероприятиями, которые я нахожу желательными и которые я буду стараться, поскольку это касается Великобритании, провести в жизнь. Он прочел их немедленно по получении и на следующий день спросил, может ли он оставить себе копии этих документов. Я охотно дал на это свое согласие.

Я чувствовал, что президент придерживается примерно того же мнения, что и я, по вопросу об операциях во Французской Северной Африке.

Часть 1

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ФРОНТ

16 декабря 1941 года

«1. В настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны являются провал планов Гитлера и его потери в России. Мы еще не можем сказать, насколько велика эта катастрофа для германской армии и нацистского режима. Этот режим держался до сих пор благодаря своим успехам, достававшимся ему без труда, дешевой ценой. Теперь же вместо предполагавшейся легкой и быстрой победы ему предстоит в течение всей зимы выдерживать кровопролитные бои, которые потребуют огромного количества вооружения и горючего.

Ни Великобритании, ни Соединенным Штатам не придется играть какую-либо роль в этом деле, за исключением того, что мы должны обеспечить точную и своевременную отправку обещанных нами материалов. Только таким путем мы сможем сохранить наше влияние на Сталина и включить мощные усилия русских в общий ход войны.

2. ...Мы можем ожидать, что полное уничтожение войск противника в Ливии станет очевидным фактом еще до конца этого года. Это не только нанесет тяжелый удар немцам и итальянцам, но и освободит наши войска в долине Нила от серьезной опасности вторжения противника с запада, которая угрожала им в течение долгого времени.

3. Поражение и потери немцев в России и их изгнание из Ливии могут, конечно, побудить их приложить весной все силы к тому, чтобы прорвать замыкающееся вокруг них кольцо, бросив свои войска в юго-восточном направлении через Кавказ, или Анатолию, или через оба эти района одновременно. Однако не следует думать, что они обязательно будут располагать военными силами, необходимыми для такого удара. Русские войска, оправившись за зиму, будут оказывать на них сильный нажим на протяжении всей линии фронта от Ленинграда до Крыма. *Хотя было бы неблагоприятно считать, что угроза удара германских войск в юго-западном направлении по фронту Иран, Ирак, Сирия уже устранена, она, безусловно, представляется в настоящее время гораздо менее вероятной, чем до сих пор.*

4. Поэтому нам следует приложить все усилия к тому, чтобы завоевать на свою сторону Французскую Северную Африку, и именно сейчас наступил момент использовать все возможное влияние и нажим на правительство Виши и французские власти в Северной Африке. Отпор, который немцы получили в России, успехи английских войск в Ливии, моральный и военный крах Италии, а главное, декларации об объявлении войны, которыми обменялись Германия и Соединенные Штаты, должны сильно повлиять на общественное мнение Франции и Французской империи. Именно теперь настало время предложить Виши и Французской Северной Африке выбор между благословением и проклятием. Благословение состояло бы в том, что Соединенные Штаты и Великобритания обещали бы восстановить Францию в качестве великой державы с сохранением прежних размеров ее территории. Этому обещанию сопутствовало бы предложение об оказании ей активной помощи силами английских и американских экспедиционных войск с атлантического побережья Марокко и в удобных для высадки десантов пунктах Алжира и Туниса, а также силами войск генерала Окинлека, продвигающихся с востока.

5. Если мы сможем добиться хотя бы молчаливого согласия правительства Виши на то, чтобы Французская Северная Африка перешла на нашу сторону, мы должны быть готовы послать туда как можно скорее значительные силы. *Помимо тех войск, которые генерал Окинлек сможет перебросить с Востока, если он добьется успеха в Триполитании, мы дер-*

жим наготове в Англии (для операции «Джимнаст») около 55 тысяч солдат, из которых сформированы две дивизии и одна бронетанковая часть, а также необходимые для этой операции суда. Желательно, чтобы в то же время Соединенные Штаты обещали доставить через Касабланку и другие африканские порты на атлантическом побережье не менее 150 тысяч солдат в течение ближайших шести месяцев.

6. Ставится также вопрос о том, чтобы Соединенные Штаты направили в Северную Ирландию войска, равные по численности трем дивизиям и одной бронетанковой дивизии. Пребывание американских войск на территории Британских островов явилось бы мощным дополнительным средством удержать Германию от попытки вторжения. Это позволило бы нам отправить для участия в кампании во Французской Северной Африке еще две дивизии и одну полностью укомплектованную бронетанковую дивизию.

7. Здесь следует упомянуть о нашем сильном желании, чтобы американская бомбардировочная авиация приняла участие в налетах на Германию с баз на Британских островах. Мы возлагаем большие надежды на то, что нам удастся подорвать производственную мощь Германии и моральное состояние ее населения путем все более ожесточенных и точных бомбардировок ее городов и портов, что наряду с поражениями, которые германские войска терпят в России, может оказать огромное влияние на боеспособность германского народа и иметь важные последствия внутривнутриполитического характера для германского правительства.

8. В 1942 году необходимо осуществить кампанию с целью овладеть всем североафриканским побережьем, включая атлантические порты Марокко, или захватить его. Дакар и другие порты Французской Западной Африки должны быть захвачены до конца года. Следует немедленно приступить к разработке планов. При наличии достаточного времени и подготовки, а также при надлежащей организации осуществление этих последних операций не представит непреодолимой трудности.

9. Наши отношения с генералом де Голлем и представителями движения Свободной Франции необходимо будет пересмотреть. Если правительство Виши займет в отношении Французской Северной Африки желательную для нас позицию, то Соединенные Штаты и Великобритания должны постараться добиться примирения между свободными французами (сторонниками де Голля) и теми французами, которые снова возьмутся за оружие против Германии. Если же, с другой стороны, Виши будет и в дальнейшем сотрудничать с Германией и нам придется силой пробивать себе путь во

Французскую Северную и Западную Африку, необходимо будет оказать помощь движению сторонников де Голля и полностью использовать его.

10. Мы не можем сказать, что произойдет в Испании. *Надо считать вероятным, что испанцы не предоставят немцам права прохода через территорию Испании для нападения на Гибралтар и вторжения в Северную Африку.*

11. *Итак, война на Западе в 1942 году будет включать в качестве основных наступательных операций оккупацию Великобританией и Соединенными Штатами всех французских владений в Северной и Западной Африке и установление их контроля над этими территориями, а также установление контроля Великобритании над всем североафриканским побережьем от Туниса до Египта, что обеспечит, если это позволит положение на море, свободный проход через Средиземное море к Леванту и Суэцкому каналу».*

Часть II

ТИХООКЕАНСКИЙ ФРОНТ

20 декабря 1941 года

«1. Японцы обладают господством на море, что дает им возможность доставлять войска почти в любой желательный для них пункт, завладевать им и превращать его в заправочную базу для своих кораблей и самолетов. Союзники в течение некоторого времени не будут в состоянии вступать в крупные морские бои. Их способность доставлять морем войска обусловлена большим протяжением этих водных пространств, которое уменьшает шансы на перехват этих войск в пути. Даже не обладая превосходящей военно-морской мощью, мы можем осуществлять внезапные десантные операции в различных пунктах.

2. В этот промежуточный период наш долг — оказывать упорное сопротивление в каждом подвергшемся нападению пункте и доставлять туда снабжение и подкрепления, пользуясь каждым возможным случаем и идя на неизбежный риск. Чрезвычайно важно не давать противнику одерживать легкие победы; необходимо заставить его снабжать все завоеванные им территории и продолжать доставлять запасы на большое расстояние, истощая тем самым свои ресурсы.

3. Ресурсы Японии истощаются. Силы страны уже давно перенапряжены в результате расточительной войны в Китае.

Наша политика должна заключаться в том, чтобы заставить их содержать максимальное количество войск на захваченных ими территориях и вынудить эти войска проявлять максимальную активность. Поэтому будет правильно и необходимо бороться с ними в любом пункте, где мы будем иметь для этого соответствующие возможности, чтобы вынуждать их истощать свои ресурсы и растягивать свои коммуникации.

4. Но мы должны непрестанно стремиться как можно скорее восстановить свое господство на море. *Поэтому мы должны поставить перед собой в качестве нашей основной стратегической цели — создание на Тихом океане боевого флота, обладающего безусловным превосходством над флотом противника, и в качестве срока достижения этой цели мы должны наметить май.*

5. Не только тогда, но и до этого необходимо максимально широко практиковать военные операции авианосцев. Мы сами создаем эскадру в составе трех авианосцев с соответствующим сопровождением для действий в водах между Южной Африкой, Индией и Австралией. Соединенные Штаты уже имеют семь авианосцев обычного типа; правда, у Японии их десять, но американские авианосцы крупнее. *К этому флоту военных авианосцев обычного типа мы должны добавить очень большое количество импровизированных авианосцев, как больших, так и малых. Только таким путем мы сможем быстро увеличить нашу морскую мощь. Даже если на эти авианосцы сможет базироваться только дюжина самолетов, то и в этом случае они смогут сыграть свою роль в сочетании с другими авианосцами. Нам следовало бы создать систему плавучих авиабаз, достаточную для того, чтобы мы могли получить и сохранять в течение значительных периодов времени местное превосходство в воздухе над авиацией, базирующейся на береговые базы, а также достаточное для того, чтобы прикрывать высадку войск для наступления на вновь захваченные противником территории».*

Нет необходимости приводить здесь последующие параграфы, в которых говорилось о приобретении воздушных баз, о вмешательстве России, о конвоировании наших судов в Тихом океане и о том, как должен использоваться Сингапур. Документ заканчивался следующим параграфом:

«12. Нам не следует опасаться того, что эта война на Тихом океане, после того как пройдет потрясение от первого удара, будет поглощать непомерно большую часть американских сил. Количество войск, которые мы просили бы Соединенные Штаты использовать в Европе в 1942 году, будет не настолько

велико, чтобы операции, проводимые ими на Тихом океане, помешали выделить их, поскольку эти операции в силу необходимости должны носить ограниченный характер».

* * *

В печати появилось столько выдумок о моем глубоком отращении к операциям крупного масштаба на континенте, что я считаю необходимым осветить здесь истинное положение вещей. Я всегда считал, что решительное наступление на оккупированные немцами страны в максимально широких масштабах является единственным способом выиграть войну и что такое наступление следует наметить на лето 1943 года. Читатель увидит, что масштаб предусматривавшихся мной операций был еще до конца 1941 года определен таким образом, что в начальной стадии боев должны были участвовать 40 бронетанковых дивизий и миллион солдат других родов войск. Видя, какое количество книг написано на основе ложного представления о моей позиции по этому вопросу, я считаю своим долгом привлечь внимание читателя к подлинным и достойным доверия документам, составленным в то время. Соответствующие примеры будут приводиться и в дальнейших частях моего повествования.

Часть III

КАМПАНИЯ 1943 ГОДА

18 декабря 1941 года

«1. Если операции, намеченные в частях I и II, будут успешно осуществлены в 1942 году, то обстановка в начале 1943 года может сложиться следующим образом: а) Соединенные Штаты и Великобритания снова достигнут эффективного превосходства своих военно-морских сил на Тихом океане, и всем захваченным японцами районам будет угрожать опасность в связи с возможными нападениями на их коммуникации и отправкой английских и американских экспедиций для отвоевания потерянных территорий. б) Британские острова останутся невредимыми и будут лучше подготовлены к отражению вторжения, чем когда-либо прежде. в) Все побережье Западной и Северной Африки от Дакара до Суэцкого канала и весь Левант до турецкой границы будут в руках Англии и Америки.

Хотя Турция и не обязательно вступит в войну, она определенно будет включена в англо-американо-русский фронт. Позиции русских сильно укрепятся, и обещанные поставки ан-

глийских и американских материалов частично компенсируют уменьшение производственной мощности русских военных заводов. Не исключена возможность, что нами уже будет получена точка опоры в Сицилии и Италии, что может вызвать весьма благоприятную реакцию в самой Италии.

2. Но все это еще не будет означать, что война уже закончена. Войну нельзя закончить тем, что мы прогоним Японию обратно к ее собственным границам и нанесем поражение ее войскам, находящимся на территории других стран. Война может закончиться лишь в результате разгрома германских войск в Европе или внутреннего краха в Германии, вызванного неблагоприятным для немцев ходом войны, экономическими лишениями и наступательными операциями союзной бомбардировочной авиации.

3. Поэтому мы должны готовиться к освобождению захваченных немцами стран Западной и Южной Европы путем высадки в удобных для этого пунктах — последовательно или одновременно — английских и американских войск, способных помочь поработанным народам организовать восстание. Собственными силами они никогда не смогут поднять восстание, так как против них будут приняты беспощадные контрмеры, но если достаточные по численности и соответствующим образом вооруженные войска высадятся в нескольких странах, а именно: в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, на французском побережье Ла-Манша и на французском Атлантическом побережье, а также в Италии и, возможно, на Балканах, то германские гарнизоны не смогут справиться с мощью освободительных сил и гневом восставших народов.

4. Здесь нам придется столкнуться с обычным противоречием между планами на ближайший и более отдаленный период. Война — это постоянная борьба, которая должна вестись изо дня в день. Принимать необходимые меры на будущее трудно, и они могут быть лишь ограниченными. Опыт показывает, что прогнозы обычно не сбываются, а приготовления запаздывают. Тем не менее необходимо иметь общий план и перспективу, для того чтобы довести войну до победного конца без особых затяжек.

5. Поэтому мы должны разрешить в настоящее время не только вопрос о том, как прогнать японцев обратно на их собственную территорию и восстановить свое неоспоримое господство на Тихом океане, но и об освобождении поработанной Европы путем высадки на ее побережье в течение лета 1943 года американских и английских войск. Необходимо подготовить планы осуществления десантных операций во всех перечисленных выше странах.

6. В принципе в десантных операциях должны участвовать бронетанковые и механизированные войска, которые могут вы-

саживаться не в портах, а на побережье с десантных барж или с океанских судов, специально приспособленных для этой цели. При этом условии потенциальный фронт наступления будет настолько широким, что германские войска, несущие гарнизонную службу в этих странах, не смогут быть достаточно сильны во всех пунктах.

7. Не следует думать, что потребуются войска очень большой численности. Если вторжение бронетанковых частей будет успешным, то восстание местного населения, для которого необходимо будет доставить оружие, обеспечит необходимые силы для наступления с целью освобождения данной страны. 40 бронетанковых дивизий, по 15 тысяч солдат в каждой, или равное им количество войск, разбитых на танковые бригады, — почти половину их постарается выделить Великобритания, — составят в общей сложности 600 тысяч человек. Помимо этих бронетанковых сил понадобится не более одного миллиона солдат других видов оружия, чтобы вырвать у Гитлера захваченные им огромные территории. Однако, после того как эти кампании будут развернуты, для них потребуется доставлять снабжение в огромных количествах. К концу 1942 года наше промышленное производство и обучение кадров должны быть развиты в необходимой степени.

8. Помимо господства на море, без которого ничего нельзя будет добиться, существенное значение для всех этих операций имеет господство в воздухе, а для высадки войск потребуется значительное развитие авиации, базирующейся на авианосцы. Принимая во внимание, что мощь английской авиации первой линии уже несколько превосходит мощь германской авиации, что русская авиация уже добилась господства в воздухе на большом протяжении русского фронта и ее мощь достигает, можно полагать, трех пятых мощи германской авиации первой линии, а также и то, что к этому следует добавить ресурсы и производственные возможности Соединенных Штатов, нет никаких причин к тому, чтобы мы не достигли решающего превосходства в воздухе еще до наступления лета 1943 года, осуществляя тем временем непрерывные интенсивные налеты на Германию.

9. Если мы теперь поставим себе эти задачи, стараясь, чтобы они не слишком шли вразрез с удовлетворением наших текущих нужд, то мы можем надеяться, даже если в Германии до этого не произойдет крах, выиграть войну в конце 1943 года или в 1944 году».

Я ознакомил с этим документом начальников штабов во время нашего путешествия, в тот же день, когда он был составлен.

Мои коллеги-специалисты полностью согласились с этими взглядами, а также в общих чертах и с теми, что были изложены мной в других документах. Фактически эти документы суммировали результаты нашего совместного изучения и обсуждения проблемы войны в той форме, какую она приняла к тому времени.

* * *

Рассматривая эти три документа, которыми, в свете позднейших событий, я, в общем, доволен, нетрудно заметить, что они весьма точно соответствуют тому, что фактически было предпринято Англией и Соединенными Штатами во время кампаний 1942/43 года. Я в свое время добился согласия президента на посылку экспедиционных войск в Северо-Западную Африку (операция «Торч»). Это была наша первая крупная совместная десантная операция. Я горячо желал, чтобы форсирование Ла-Манша и освобождение Франции (операция, которая вначале получила название «Раундап», а впоследствии была переименована в «Оверлорд») были осуществлены летом 1943 года.

Однако, хотя составлять планы на будущее чрезвычайно важно и иногда будущее можно до известной степени предвидеть, никто не может помешать тому, что намечаемые сроки таких великих событий иногда нарушаются в результате действий и контрударов противника. Все цели, сформулированные в приведенных записках, были достигнуты английскими и американскими вооруженными силами в том порядке, в каком они перечислены. Мои надежды на то, что генерал Окинлек очистит в феврале 1942 года Ливию, не оправдались. Он понес ряд тяжелых поражений, которые будут описаны ниже. Гитлер, по-видимому воодушевленный этим успехом, решил предпринять крупные операции в борьбе за Тунис и вскоре перебросил туда через Италию и Средиземное море свежие войска численностью около 200 тысяч человек. Ввиду этого английские и американские войска оказались втянутыми в более крупную и длительную кампанию в Северной Африке, чем я рассчитывал. В результате этого в осуществлении нашего расписания произошла четырехмесячная задержка. Англо-американские союзники не обеспечили себе контроль над «всеми владениями Франции в Северной и Западной Африке, а также контроль Великобритании над всем североафриканским побережьем от Туниса до Египта» к концу 1942 года¹. Мы достигли этого только в мае 1943 года. Поэтому наш основной план форсирования Ла-Манша с целью освобождения Франции, на

¹ Часть I, параграф 11. — *Примеч. авт.*

осуществление которого я искренне надеялся и для чего положил немало трудов, не удалось претворить в жизнь в это лето, и мы вынуждены были отложить его на целый год, до лета 1944 года.

Мои позднейшие размышления по этому поводу и полные сведения, которыми мы располагаем в настоящее время, убедили меня в том, что эта затяжка в выполнении наших планов обернулась в нашу пользу. Отсрочка посылки экспедиционных войск на год спасла нас от предприятия, которое в тот момент в лучшем случае было бы чрезвычайно рискованным, а весьма возможно, привело бы к катастрофе мирового значения. Теперь я уверен, что даже если бы операция «Торч» закончилась в 1942 году так, как я надеялся, или если бы мы даже не пытались ее осуществить, попытка форсировать Ла-Манш в 1943 году повлекла бы за собой серьезнейшее поражение с огромными потерями, что имело бы не поддающиеся определению последствия для исхода войны. Я стал сознавать это все яснее в течение 1943 года и поэтому примирился с неизбежностью отсрочки операции «Оверлорд», несмотря на то что полностью понимал раздражение и гнев нашего советского союзника.

Глава пятнадцатая

ВАШИНГТОН И ОТТАВА

Предполагалось, что мы проедем на пароходе вверх по реке Потомак, а затем отправимся на автомобиле в Белый дом, но, проведя в море около десяти дней, мы все стремились как можно скорее закончить наше путешествие. Поэтому мы вылетели из Хэмптон-Родс и вечером 22 декабря приземлились на Вашингтонском аэродроме. Президент ожидал нас в своем автомобиле. Я с удовольствием пожал его сильную руку. Вскоре мы прибыли в Белый дом, который во всех отношениях стал для нас настоящим домом на следующие три недели. Главным, конечно, было мое общение с президентом. Мы ежедневно проводили несколько часов вместе и всегда вместе за трапезой, причём третьим за столом неизменно бывал Гарри Гопкинс. Мы говорили только о делах и в основном достигли договоренности по многим вопросам, как важным, так и второстепенным.

Сохранился протокол нашего первого совещания, состоявшегося вечером 22 декабря. Я сразу же изложил президенту и другим лицам, которых он пригласил для участия в нашем

совещании, план англо-американской интервенции во Французской Северной Африке. Между нами существовало полное согласие на этот счет. Из сообщения, посланного мной в Лондон, видно, что мы вплотную занялись делами в первый же вечер по прибытии.

Премьер-министр — военному кабинету и комитету начальников штабов

23 декабря 1941 года

«1. Вчера вечером (22 декабря) мы с президентом обсуждали положение в Северной Африке. В нашем совещании приняли также участие Хэлл, Уэллес, Гопкинс, лорд Бивербрук и лорд Галифакс.

2. Мы все пришли к мнению, что если Гитлер будет остановлен в России, то он должен будет попытаться предпринять какое-то новое наступление, и наиболее вероятным направлением такого наступления будут Испания и Португалия как вехи на пути к Северной Африке. Наши успехи в Ливии и перспектива соединения наших сил с силами Французской Северной Африки послужат дополнительной причиной, которая заставит Гитлера стремиться как можно скорее захватить Марокко, если ему это удастся. В то же время полученные нами сообщения не свидетельствуют о наличии непосредственной угрозы, быть может, потому, что у Гитлера в данный момент достаточно забот и без этого.

3. Мы пришли к общему мнению о том, что чрезвычайно важно опередить немцев в Северо-Западной Африке и на островах в Атлантическом океане».

* * *

Первым важным планом, который был мне представлен президентом через день-два после этого, было составление проекта торжественной декларации, которую должны были подписать все государства, находившиеся в состоянии войны с Германией и Италией или с Японией. Применяя те же методы, что и при выработке Атлантической хартии, мы с президентом подготовили самостоятельные проекты декларации, а затем объединили их. По своим принципам, по духу и даже по стилю подготовленные нами документы полностью соответствовали друг другу.

* * *

В Вашингтоне велась напряженная работа. В эти дни, заполненные встречами и переговорами, мне стало известно, что

президент, его штат и эксперты готовятся сделать мне важное предложение.

Гарри Гопкинс сказал мне: «Не спешите отклонить предложение, которое вам собирается сделать президент, не узнав раньше, кто тот человек, которого мы имеем в виду». Из этого я понял, что приближается момент, когда будет поставлен вопрос о создании верховного союзного командования в Юго-Восточной Азии и об установлении границ подведомственной ему зоны.

На следующий день мне сообщили, что американцы предлагают назначить главнокомандующим Уэйвелла. Я был польщен тем, что выбор пал на английского офицера, но полагал, что военный театр, на котором ему предстоит действовать, будет скоро занят противником, а войска, которые могут быть предоставлены в его распоряжение, будут уничтожены японцами. Мне стало известно, что английские начальники штабов ответили то же самое, когда запросили их мнение по этому вопросу.

Премьер-министр — лорду-хранителю печати

29 декабря 1941 года

«1. Я договорился с президентом, что при условии согласия кабинета мы примем его предложения, которые самым энергичным образом поддерживает также генерал Маршалл, а именно:

а) Чтобы в юго-западной части Тихого океана было учреждено единое командование. Границы этого района еще не установлены окончательно, но я предполагаю, что он будет включать Малаккский полуостров вместе с Бирманским фронтом, простирается до Филиппинских островов и далее к югу, до необходимых баз снабжения, из которых главной является порт Дарвин, и до линии снабжения в Северной Австралии.

б) Чтобы генерал Уэйвелл был назначен главнокомандующим или, если это будет найдено предпочтительным, верховным главнокомандующим всеми сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами Соединенных Штатов, Англии, Британской империи и Голландии, которые могут быть направлены на этот театр соответствующими правительствами.

в) Штаб генерала Уэйвелла должен быть учрежден для начала в Сурабае. Заместителем главнокомандующего должен быть американский офицер. На этот пост будет, по-видимому, назначен генерал Бретт.

г) Американские, английские, австралийские и голландские военно-морские силы на этом театре должны находиться под командованием американского адмирала в соответствии с общим принципом, изложенным в параграфах «а» и «б»...

е) Генералу Уэйвеллу будут подведомственны: главнокомандующий войсками в Бирме, главнокомандующий войсками в Сингапуре и Малайе, главнокомандующий войсками в Голландской Индии, главнокомандующий войсками на Филиппинах и главнокомандующий обороной южных коммуникационных линий в южной части Тихого океана и Северной Австралии.

ж) Индия, куда следует назначить временно исполняющего обязанности главнокомандующего, и Австралия, которая будет иметь собственного главнокомандующего, будут находиться вне сферы генерала Уэйвелла, за исключением моментов, указанных выше; они будут представлять собой две важнейшие базы, через которые в зону боевых операций смогут направляться войска и материалы, с одной стороны, из Великобритании и Среднего Востока и, с другой стороны, — из Соединенных Штатов.

з) Американский военно-морской флот по-прежнему будет нести ответственность за весь район Тихого океана к востоку от Филиппинских островов и Австралии, включая американские подступы к Австралии».

В ночь на 29 декабря я выехал поездом в Оттаву, где остановился в доме генерал-губернатора лорда Этлона. 29 декабря я присутствовал на заседании канадского военного кабинета. Затем премьер-министр Макензи Кинг представил меня лидерам консервативной оппозиции и оставил беседовать с ними. Эти господа проявляли непревзойденную преданность и решимость, но в то же время их огорчало, что они лишены чести сами вести войну и вынуждены выслушивать, как их противники — либералы высказывают те самые убеждения, за которые они боролись всю свою жизнь.

30 декабря я выступил в канадском парламенте.

В конце своего выступления я отважился на попытку предсказать дальнейший ход войны:

«Мы можем наметить три основных периода, или фазы, в предстоящей нам борьбе. Первый — это период консолидации, объединения и окончательной подготовки. В течение этого периода, который, безусловно, будет отмечен тяжелыми боями, мы все еще будем накапливать силы, сопротивляясь нападениям врага и постепенно обеспечивая себе необходимое подавляющее превосходство в воздухе и достаточный тоннаж, чтобы гарантировать нашим войскам любой необходимой численности возможность пересекать моря и океаны, которыми все мы, за исключением России, отделены от наших противников. Только тогда, когда огромная судостроительная программа, которая уже успешно осуществляется в Соединенных Штатах и кото-

рой вы оказываете существенную поддержку, достигнет полного размаха, мы получим возможность обрушить на врага все наши людские силы и достижения нашей науки. Продолжительность этого периода будет зависеть от энергичности тех усилий, которые будут вложены в производство на всех наших военных предприятиях и верфях.

Вторая фаза, которая начнется вслед за тем, может быть названа фазой освобождения. В течение этой фазы мы должны надеяться на освобождение территорий, которые мы уже потеряли или можем еще потерять; мы также должны будем рассчитывать на восстание поработанных народов, которое произойдет в тот момент, когда пришедшие им на помощь освободительные армии и воздушные силы появятся в значительном количестве на их территории. Для этого абсолютно необходимо, чтобы ни одна страна или район, подвергшиеся нападению врага, ни одно правительство или государство, потерпевшее поражение, не ослабили своих моральных и физических усилий и подготовки ко дню освобождения. Захватчики, будь это немцы или японцы, должны рассматриваться везде как носители заразы, которых надо чураться и по мере возможности изолировать. Там, где активное сопротивление невозможно, необходимо оказывать пассивное сопротивление. Необходимо дать почувствовать захватчикам и тиранам, что им придется жестоко поплатиться за свои мимолетные победы, что за ними следят и что они обречены на верную гибель. Особенно жестокая кара постигнет квислингов и предателей, которые сделали орудием врага. Они будут переданы на суд их соотечественников.

Мы должны предусмотреть также и третью фазу, а именно наступление на цитадели и метрополии стран — виновниц войны как в Европе, так и в Азии. Как вы заметили, я не пытался устанавливать какие-либо точные сроки для каждой фазы. Они будут зависеть от наших усилий, от наших достижений и от полного случайностей изменчивого хода войны».

Когда в канун Нового года я вернулся поездом в Вашингтон, меня попросили пройти в вагон, в котором находилось множество ведущих представителей печати Соединенных Штатов. Я не испытывал никаких иллюзий в тот момент, когда пожелал им счастливого Нового года. «Я поднимаю тост за 1942 год, за год труда, за год борьбы и опасностей, который явится важным шагом по пути к победе. За то, чтобы все мы с честью и невредимыми прошли через испытания, которые он нам принесет!»

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

По моем возвращении в Белый дом все уже было готово для подписания пакта Объединенных Наций. Вашингтон, Лондон и Москва обменялись множеством телеграмм, но теперь все уже было урегулировано. Президент приложил самые энергичные усилия, чтобы убедить советского посла Литвинова, который в связи с поворотом событий снова оказался в милости, согласиться на включение в текст выражения «свобода религии». Он был специально для этой цели приглашен позавтракать с нами в комнате президента. После тяжелых испытаний, которые он перенес в своей стране, ему приходилось соблюдать осторожность.

Литвинов с явным страхом и трепетом сообщил о требовании «свободы религии» Сталину, который принял это как нечто само собой разумеющееся. Военный кабинет также добился включения своего пункта о «социальном обеспечении», с чем я, как автор первого закона о страховании по безработице, от всего сердца согласился. После целого потока телеграмм, наводнявшего весь мир в течение недели, все члены Великого Союза договорились между собой.

Выражение «Объединенные Нации» было предложено президентом вместо выражения «Союзные державы». Я считал, что новое название звучит гораздо лучше. Я показал моему другу строки из «Чайльд Гарольда» Байрона:

«Здесь, где сверкнул объединенных наций меч,
Мои сограждане непримиримы были.
И это не забудется вовек».

Утром 1 января президента в его кресле ввезли ко мне в комнату. Я, просмотрев проект, согласился с ним. Сама по себе декларация не могла выиграть сражений, но она точно определяла, что мы собой представляем и за что боремся. В день Нового года президент Рузвельт, я, Литвинов и Сун Цзывень, представлявший Китай, подписали этот важный документ в кабинете президента. Затем государственному департаменту было поручено собрать подписи представителей остальных 22 стран. Я считаю необходимым привести здесь окончательный текст.

Общая Декларация Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Австралии, Бельгии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Чехословакии, Доминиканской Республики, Эль-Сальвадора,

Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Индии, Люксембурга, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южной Африки и Югославии.

«Правительства, подписавшие сие, ранее присоединившись к общей программе целей и принципов, воплощенной в общей Декларации президента Соединенных Штатов Америки и премьер-министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 14 августа 1941 года, известной под названием Атлантической хартии, будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости, свободы религии и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах и что они теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить весь мир, заявляют:

1) Каждое Правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне.

2) Каждое Правительство обязуется сотрудничать с другими Правительствами, подписавшими сие, и не заключать секретного перемирия или мира с врагами.

К вышеизложенной Декларации могут присоединиться другие нации, которые оказывают или могут оказывать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом».

* * *

Среди других просьб, с которыми я обратился к президенту, на одном из первых мест стояла просьба об отправке в Северную Ирландию трех-четырёх американских дивизий. Я считал, что прибытие в Ольстер 60—70 тысяч американских солдат послужит доказательством решимости Соединенных Штатов непосредственно вмешаться в войну в Европе. Кроме того, каждая американская дивизия, которая прибывала к нам через Атлантику, позволяла послать одну из наших закаленных английских дивизий из метрополии на Средний Восток или же в Северную Африку. Президенту это было совершенно ясно, и, несмотря на то что мы не сформулировали точно эту идею, я чувствовал, что наша мысль работает в одном направлении, хотя у нас еще не было необходимости обсуждать конкретные методы, которые следовало применить в данном случае.

Военный министр Стимсон и его же эксперты также смотрели на эту переброску войск в Ирландию как на мероприятие, отвечавшее их стремлению как можно скорее осуществить вторжение в Европу. Таким образом, все шло очень гладко.

Мы стремились к тому, чтобы противнику стало известно об этом стратегическом передвижении войск, и опубликовали соответствующее сообщение, не называя, конечно, численности войск. Мы также надеялись, что это задержит германские войска на Западе и, таким образом, окажется бесполезным для русских в их борьбе.

* * *

Будущие историки, возможно, придут к выводу, что наиболее ценным и прочным результатом нашей первой конференции в Вашингтоне, получившей условное название «Аркадия», явилось создание «объединенного англо-американского штаба», ставшего теперь знаменитым. Местопребыванием его был Вашингтон, но так как английские начальники штабов должны были находиться поблизости от своего правительства, их представляли в объединенном штабе высокопоставленные офицеры, постоянно находившиеся в Вашингтоне. Эти представители поддерживали ежедневную, если не ежечасную, связь с Лондоном и, таким образом, имели возможность излагать и пояснять мнения английских начальников штабов их коллегам в Соединенных Штатах по любому военному вопросу во всякое время дня или ночи. Частые совещания, которые происходили в различных частях мира — в Касабланке, Вашингтоне, Квебеке, Тегеране, Каире, на Мальте и в Крыму, давали возможность и самим начальникам встречаться, причем иногда эти встречи длились по две недели. Из 200 официальных совещаний, проведенных объединенным штабом за время войны, не менее 89 состоялись во время и этих конференций, и именно на этих ответственных совещаниях была принята большая часть важнейших решений.

Русские не были представлены в объединенном штабе. У них был один, отдаленный от нас и самостоятельный фронт, и поэтому не было нужды или возможности увязывать работу наших штабов с ними. Достаточно было того, чтобы нам были известны общие масштабы и последовательность их операций и чтобы они получали соответствующую информацию о наших действиях. В этих вопросах мы поддерживали с ними тесную связь, поскольку они это разрешали. В соответствующем месте я опишу свои личные поездки в Москву. В Тегеране, Ялте и Потсдаме начальники штабов всех трех стран встречались за круглым столом.

* * *

В Америке были приняты меры к огромному расширению производства. Во всем этом важную роль сыграл Бивербрук.

Премьер-министр — лорду-хранителю печати

4 января 1942 года

«Состоялся ряд совещаний по вопросам, связанным с поставками.

Программа производства вооружений на 1942 и 1943 годы определена следующим образом:

Вооружение	1942 год	1943 год
Боевые самолеты	45 000	100 000
Танки	45 000	75 000
Зенитные орудия	20 000	35 000
Противотанковые орудия	14 900	Не определено
Пулеметы	500 000	Не определено

Всем соответствующим ведомствам направлены директивы (президента)».

К концу 1943 года эти замечательные цифры были достигнуты, а в некоторых случаях и превзойдены. Так, например, тоннаж судов, построенных в Соединенных Штатах, выразился в следующих цифрах: 1942 год — 5 339 000 т, 1943 год — 12 384 000 т.

* * *

Мои американские друзья находили, что у меня усталый вид и что мне следовало бы отдохнуть. Поэтому Стеттиниус очень любезно предоставил в мое распоряжение свою небольшую виллу в укромном месте на морском побережье близости от Палм-Бич, куда я и вылетел 6 января.

* * *

Меня очень встревожили сообщения Идена по его возвращении из Москвы о территориальных притязаниях Советов, особенно в отношении Прибалтийских государств.

Премьер-министр — министру иностранных дел

8 января 1942 года

«1. Мы всегда признавали существовавшие в 1941 году границы России только *де-факто*. Они были приобретены в результате актов агрессии в позорном сговоре с Гитлером. Передача Прибалтийских стран Советской России против воли их народов противоречила бы всем тем принципам, во имя которых мы ведем эту войну, и опозорила бы нас. Это относится также к Бессарабии и Северной Буковине и в меньшей

степени — к Финляндии, которую, насколько я понимаю, не предполагается полностью покорить и поглотить.

2. Исходя из стратегических соображений, Россия могла бы ставить вопрос о подступах к Ленинграду, которые финны использовали для нападения на нее. На Балтийском море имеются острова, которые могут быть необходимы России для обеспечения ее безопасности. На стратегическую безопасность можно сослаться при постановке вопроса о некоторых пунктах на границах Буковины или Бессарабии. В этих случаях населению должна быть предложена эвакуация и компенсация, если оно этого пожелает. Во всех остальных случаях вопросы передачи территории должны быть урегулированы после войны путем свободного и справедливого плебисцита, на совершенно иных началах, чем это предлагается ныне. Во всяком случае, не может быть и речи об установлении границ до мирной конференции. Мне известно, что президент Рузвельт так же твердо придерживается этой точки зрения, как и я, и он несколько раз высказывал мне свое удовлетворение по поводу твердой позиции, которую мы заняли по отношению к Москве. Я не мог бы поддерживать точку зрения кабинета, если бы он избрал иной курс.

3. Я считаю, что соблюдение принципов Атлантической хартии, под которой подписался и Сталин, является проверкой нашей искренности. От этого также зависит наш Союз с Соединенными Штатами...

4. Что касается того впечатления, которое произведет на Россию наш отказ предрешать исход мирных переговоров на данной стадии войны или отойти от принципов Атлантической хартии, то следует заметить, что русские вступили в войну лишь после того, как они подверглись нападению Германии. До этого же они проявляли полное равнодушие к нашей судьбе и фактически еще усугубили бремя, лежавшее на нас в те дни, когда мы подвергались наибольшей опасности. Их армии сражались очень мужественно и в обороне своей родины проявили огромную мощь, какой в них никто не подозревал. Они борются за спасение своей жизни и ни разу не побеспокоились о нас. Мы же, напротив, помогаем им всем, чем можем, потому что мы восхищаемся тем, как они защищают свою родину, и потому что они воюют против Гитлера.

5. Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи.

6. Вы обещали, что мы рассмотрим эти требования России совместно с Соединенными Штатами и нашими доминионами. Это обещание мы должны сдержать. Но не должно быть никаких заблуждений относительно точки зрения любого английского правительства, которое буду возглавлять я, а именно: оно придерживается принципов свободы и демократии, изложенных в Атлантической хартии, и считает, что эти принципы должны особенно строго соблюдаться во всех случаях, когда ставится вопрос о какой бы то ни было передаче территории. Поэтому я полагаю, что нам следует отвечать, что все вопросы, касающиеся территориальных границ, должны быть разрешены на мирной конференции».

Глава семнадцатая ВОЗВРАЩЕНИЕ К БУРЯМ

Находясь на отдыхе на Флориде, я подготовил четвертый меморандум в двух частях, адресованный комитету начальников штабов и комитету обороны военного кабинета. Он предназначался также и для американцев. Этот меморандум отличался от трех предыдущих в том отношении, что он был составлен после начала вашингтонских переговоров между мной и президентом с его экспертами и между членами объединенного штаба. Впоследствии, по возвращении в Лондон, я передал все эти документы членам военного кабинета для ознакомления. Между нашими странами была уже в значительной степени достигнута договоренность, и военный кабинет в основном одобрил направление наших решений. Я привожу здесь лишь то, что касается наиболее общих вопросов¹.

*Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов
и комитета обороны*

10 января 1942 года

«Я воспользовался несколькими днями покоя и уединения, чтобы продумать основные проблемы войны, какими они мне представляются после моих переговоров здесь.

1. На Соединенные Штаты было совершено нападение, и они находятся в состоянии войны с тремя державами оси, причем они стремятся как можно скорее и как можно эффективнее использовать свои обученные войска на действующих фронтах. Ввиду напряженного положения с морским транспор-

¹ Параграфы 9, 10, 14, 15 и 16 опущены за отсутствием места. — *Примеч. авт.*

том в течение 1942 года это невозможно будет осуществить в сколько-нибудь значительных масштабах. В настоящее время Соединенные Штаты увеличивают численность своей армии с 30 с лишним дивизий и 5 бронетанковых дивизий примерно до 60 дивизий и 10 бронетанковых дивизий. В настоящий момент около 3 750 тысяч человек уже находится в армии и военно-воздушном флоте (численностью свыше 1 миллиона человек) или будет призвано в ближайшее время. Людские резервы фактически неограничены, но на данной стадии было бы неправильно с точки зрения военных усилий мобилизовать большее количество людей.

2. В течение 1942 года на действующие фронты едва ли можно было бы доставить более одной четверти или одной трети вышеуказанного количества американских войск. Однако в 1943 году большое увеличение тоннажа судов в результате выполнения прежней и недавно принятой программы судостроения должно позволить перебросить через океан гораздо более значительные силы. Лето 1943 года, возможно, будет отмечено крупными наступательными операциями, планы которых должны быть тщательно разработаны заранее.

3. Военно-воздушный флот Соединенных Штатов, достигший большой мощи уже в настоящее время и быстро увеличивающийся, может быть использован для крупных боевых операций в 1942 году. Уже в настоящее время ставится вопрос о том, чтобы сильные соединения бомбардировщиков, базирующиеся на Британские острова, осуществляли налеты на Германию и на порты, которые немцы предполагают использовать для вторжения.

4. Заявление, сделанное президентом в конгрессе об огромном увеличении производства вооружений и строительства судов, которое будет осуществлено в Соединенных Штатах в 1942 году и должно достигнуть полного размаха в 1943 году, более чем когда-либо делает необходимым для Гитлера добиваться решительного исхода войны в 1942 году, прежде чем Соединенные Штаты успеют полностью развернуть свою мощь.

5. У Гитлера было достаточно времени, чтобы подготовить, возможно в очень большом количестве, транспортные средства для доставки танков, способные производить разгрузку в любом пункте на побережье. Он, без сомнения, разработал — и в таких масштабах, которые трудно определить, — тактику наступления путем высадки парашютных десантов, а еще больше — с помощью планеров. Было бы чрезвычайно неосмотрительно поставить под угрозу успех обороны Британских островов...

6. Поэтому отправка в Северную Ирландию четырех американских дивизий (из них одна бронетанковая) является чрезвычайно необходимым военным мероприятием, осуществлению которого ничто не должно помешать.

7. Упорное сопротивление противника в Киренаике, возможность отхода войск генерала Роммеля или отступление его с частью находящихся в его распоряжении войск; подкрепления, достигшие уже, вероятно, Триполи, и другие подкрепления, которых следует ожидать в период этой задержки операций, а главное, трудность снабжения наших продвигающихся вперед войск — все это задержит и может даже помешать полному завершению операции «Акробат» (очищение Триполи). Поэтому мы имеем возможность заняться более тщательным изучением операции «Сьюпер-Джимнаст» (оккупация Французской Северной Африки англо-американскими войсками) и с максимальной быстротой осуществлять операцию «Мэгнит» (переброска американских войск в Северную Ирландию).

8. ...Численность германской авиации первой линии уже теперь меньше английской. Значительная часть ее должна быть в настоящее время оставлена на русском фронте. Но основные силы английской авиации остаются прикованными к метрополии. Хотя в настоящее время им противостоят значительно менее крупные соединения германских бомбардировщиков и истребителей, их все еще нельзя снимать отсюда...

11. Мы должны поставить себе целью изматывать германские воздушные силы, непрерывно втягивая их в бои. Именно это практикуется на русском фронте. На английском фронте мы сможем делать это лишь в ограниченных масштабах, если только противник не возобновит свои бомбардировки или дневные налеты. Чрезвычайно важно заставить германскую авиацию вступать в бой при каждом возможном случае и в каждом пункте, подвергающемся нападению. Только путем постоянных воздушных боев, какого бы они ни стоили нам напряжения, мы сможем довести потери авиации противника до такого уровня, при котором его авиационные заводы и летные школы не в состоянии будут их компенсировать.

12. Мы должны признать чрезвычайно большое облегчение, которое принесло нам успешное сопротивление русских на Дону и в Крыму, обеспечившее сохранение русскими господства на Черном море. Три месяца назад мы должны были ожидать продвижения немцев через Кавказ к нефтеразработкам Каспия и Баку. Эта угроза почти наверняка предотвращена, вероятно на период от четырех до пяти месяцев, пока не кончится зима, а продолжение успешного сопротивления русских на юге, конечно, обеспечило бы нам полную безопасность.

13. Однако эта угроза может снова возникнуть в конце весны. Нехватка нефти, уже принявшая серьезный характер в Германии и в завоеванных ею странах, делает для нее захват бакинских и иранских нефтяных месторождений жизненно

важными задачами, уступающими по значению только необходимости успешного вторжения на Британские острова...

Война с Японией

17. Все согласны с тем, что поражение Германии, которое приведет к ее краху, оставит Японию одну перед лицом подавляющих сил ее противников, тогда как поражение Японии отнюдь не приведет к окончанию мировой войны. Более того, огромные пространства Тихого океана и выгодные передовые ключевые позиции, которые Япония уже захватила или может захватить, сделают серьезную попытку вторжения на территорию японской метрополии очень затяжной операцией.

18. Поэтому, хотя и правильно придавать первостепенное значение войне против Германии, было бы неверным утверждать, что в войне против Японии нам следует «придерживаться оборонительной тактики». Наоборот, единственное, что позволит нам продержаться в течение промежуточного периода на Дальнем Востоке, до момента поражения Германии, это восстановление нашей инициативы, хотя бы и в небольшой степени.

19. На военном театре, охватывающем тысячи островов, из которых многие могут быть превращены в импровизированные авиационные и военно-морские базы, чисто пассивная оборона представляет неразрешимые трудности. Поскольку японцы временно обеспечили себе господство на море и превосходство в воздухе над районами значительного протяжения, они имеют полную возможность захватить почти любой пункт по своему выбору, за исключением, как мы надеемся, крепости Сингапур. Соединенные Штаты должны восстановить свое превосходство на море к лету 1942 года, чему Великобритания будет способствовать всеми силами.

20. После этого — или, во всяком случае, как только это окажется возможным — необходимо будет организовать рейды на острова или морские порты, захваченные японцами. Насколько мне известно, президент приказал создать на западном побережье Америки отряды, подобные отрядам «коммандос». Такие отряды в силу своих индивидуальных свойств сыграют во время десантных операций исключительно важную роль, захватывая ключевые пункты и позиции противника. Терроризирование обособленных гарнизонов противника явится, вероятно, чрезвычайно ценной предпосылкой к более крупным операциям по отвоеванию и созданию сильных баз в качестве точек опоры для наступления из Австралии в северном направлении».

Этот документ я передал президенту.

* * *

Вернувшись в Белый дом, я нашел, что объединенный англо-американский штаб значительно продвинулся в своей работе и что результаты этой работы в основном совпадали с моими взглядами. 12 января президент созвал совещание, на котором было достигнуто полное единодушие в отношении общих принципов и задач войны. Разногласия сводились к вопросам об очередности и относительном значении той или иной операции, причем решающую роль играл все тот же жесткий и деспотический фактор — наличный тоннаж. «Президент, — говорится в английских протоколах, — придавал большое значение операции «Сьюпер-Джимнаст», то есть отправке англо-американских экспедиционных войск в Северную Африку. Был выработан примерный график доставки в Северную Африку 90 тысяч американских и 90 тысяч английских солдат, а также значительных сил авиации». Было решено послать в Северную Ирландию две дивизии американских войск, исходя из соображений, указывавшихся выше.

* * *

Настало время, когда я должен был покинуть Белый дом с его гостеприимной, бодрящей атмосферой и попрощаться с американским народом, яростно поднявшимся против тиранов и агрессоров. Меня ждали далеко не блестящие перспективы. Хотя я стремился вернуться в Лондон и был уверен в конечной победе, я постоянно чувствовал приближение периода грозных катастроф, которому суждено было продлиться много месяцев. Мои надежды на победу в Западной пустыне, которая привела бы к уничтожению армии Роммеля, исчезли. Роммелю удалось избежать разгрома. Успех, достигнутый Окинлеком в Сиди-Резеге и у Газалы, не имел решающего значения. Престиж, который придали нам эти победы во время подготовки всех наших планов англо-американского десанта во Французской Северной Африке, был явно подорван, и стало очевидно, что эту операцию придется отложить на несколько месяцев.

14 января я простился с президентом. Его, по-видимому, беспокоили опасности, грозившие нам во время путешествия. О нашем пребывании в Вашингтоне было известно всему миру уже в течение многих дней, и по картам можно было убедиться, что на пути нашего обратного следования крейсировало свыше 20 подводных лодок противника. В условиях превосходной погоды мы вылетели из Норфолка на Бермудские острова, где среди коралловых рифов нас ожидал «Дьюк ов Йорк» с конвойными эсминцами. Я летел на огромной «летающей лодке», которая произвела на меня весьма хорошее впе-

чатление. За время трехчасового полета я подружился со старшим пилотом Келли Роджерсом, который производил впечатление высококвалифицированного и очень опытного человека. Я ненадолго взял в руки рычаги управления, чтобы самому ощутить, как ведет себя в воздухе эта огромная машина весом не менее 30 тонн. «Летающая лодка» нравилась мне все больше и больше. Наконец я спросил у Роджерса: «А что, если попробовать долететь на ней от Бермудских островов до Англии? Может ли она набрать достаточный запас бензина?» Флегматичное выражение лица пилота не могло скрыть явного волнения. «Конечно, мы могли бы сделать это. На основании имеющихся метеосводок мы можем рассчитывать на попутный ветер скоростью 40 миль в час. Мы могли бы долететь за 20 часов». Я спросил, какое расстояние нам придется покрыть, и он ответил: «Около 3500 миль». Это заставило меня призадуматься.

Однако, когда мы приземлились, я поставил этот вопрос перед Порталом и Паундом. В Малайе происходили грозные события; мы все должны были быть в Лондоне как можно скорее. Начальник штаба военно-воздушных сил тотчас же заявил, что он считает этот риск абсолютно неоправданным и что он не может принять ответственность за него. Начальник военно-морского штаба поддержал своего коллегу. Он заявил, что нас ожидает «Дьюк ов Йорк» со своими эсминцами, который обеспечит нам необходимый комфорт и безопасность. Я спросил: «А как же насчет подводных лодок, которые вы показывали мне на картах?» Адмирал сделал презрительный жест, говоривший о его действительном мнении относительно подобной угрозы для быстроходного линкора, сопровождаемого надлежащим эскортом эсминцев. Мне пришло в голову, что оба эти офицера считают, что я собираюсь лететь один и предоставить им вернуться на линкоре «Дьюк ов Йорк», поэтому я сказал: «Нам всем, конечно, хватит места». У них сразу же изменилось выражение лица. После значительной паузы Портал сказал, что над этим надо подумать и что он подробно обсудит этот вопрос с командиром «летающей лодки» и свяжется с метеорологической станцией, чтобы выяснить прогноз погоды. Больше мы об этом не говорили.

Через два часа они оба вернулись, и Портал сказал, что он считает перелет возможным. При удовлетворительных условиях самолет, безусловно, сможет справиться с этой задачей: прогноз погоды был исключительно благоприятным ввиду сильного попутного ветра. Он добавил, что, без сомнения, чрезвычайно важно как можно скорее попасть домой. Паунд заявил, что у него создалось очень высокое мнение о командире «летающей лодки», который, безусловно, обладает огромным опытом. Конечно, существует известный риск, но, с

другой стороны, приходится считаться и с наличием германских подводных лодок. Поэтому мы решили лететь, если не испортится погода. Старт был назначен на 2 часа следующего дня. Мы сочли необходимым сократить количество имеющегося у нас багажа до нескольких ящиков с важнейшими документами. Дилл должен был остаться в Вашингтоне в качестве моего личного представителя по военным вопросам при президенте. Наша группа должна была состоять только из меня самого, обоих начальников штабов, Макса Бивербрука, Чарльза Вильсона и Холлиса. Все остальные должны были отправиться на линкоре «Дьюк ов Йорк».

В этот день я выступил с речью в бермудском собрании, которое представляет собой старейшее парламентарное учреждение в Западном полушарии.

Я просил членов собрания дать свое согласие и оказать всемерную помощь созданию на острове американских военно-морских и военно-воздушных баз, по поводу чего члены собрания проявили некоторое беспокойство. Я указал, что на карту поставлено существование всей Британской империи и что, каким бы долгим ни был путь к окончательной победе, успешное осуществление нашего союза с Соединенными Штатами делало ее неизбежной. Члены собрания не стали колебаться. Губернатор лорд Ноллис устроил в этот вечер банкет для этой знати и залетных гостей. Мы все были в прекрасном настроении. Банкет продолжался довольно долго, и, когда он закончился, мы, расставшись, отправились спать. Время было уже позднее.

Я проснулся слишком рано с сознанием, что я, безусловно, больше не усну. Должен признаться, что я чувствовал некоторый страх. Я думал об огромных океанских просторах и о том, что мы будем находиться за тысячу миль от суши, пока не приблизимся к Британским островам.

Я подумал также, что, возможно, поторопился: не будет ли, как говорится, слишком много яиц сложено в одну корзину? Я всегда с ужасом представлял себе перелет через Атлантику. Но жребий уже был брошен. И все же я должен признаться, что, если бы за утренним завтраком или даже перед вторым завтраком мне сообщили, что погода изменилась и мы должны плыть морем, я легко примирился бы с мыслью о путешествии на великолепном корабле, который проделал весь этот длинный путь, чтобы доставить нас домой.

Остров был залит чудесным солнечным светом, и благоприятные прогнозы подтверждались. В полдень баркас доставил нас на «летающую лодку». Нам пришлось ожидать в течение часа на набережной, так как шлюпка, которая была отправлена к месту стоянки линкора «Дьюк ов Йорк» за кое-каким багажом, задержалась дольше, чем ожидалось.

Оказалось, что «летающей лодке» очень трудно оторваться от воды. Мне даже подумалось, что нам вряд ли удастся подняться над низкими холмами, окаймляющими гавань. В действительности нам не угрожала никакая опасность — мы находились в надежных руках. «Летающая лодка» тяжело поднялась на четверть мили над рифом, и у нас еще оставалось в запасе несколько сот футов высоты. Комфортабельность этих больших «летающих лодок» бесспорна. У меня была хорошая широкая кровать в каюте для семейных на корме. Чтобы добраться до бара и столовой, где можно было получить какие угодно кушанья и напитки, надо было совершить довольно длинную прогулку — спуститься на 30 или 40 футов вниз через различные помещения. Самолет шел ровным ходом, с довольно приятным покачиванием, и мы неплохо провели остаток дня и весело пообедали. Эти лодки имеют два этажа, и в рубку приходится подниматься по настоящей лестнице.

Стемнело, и все полученные нами сводки были благоприятны. Теперь мы летели в густом тумане на высоте 7 тысяч футов. Можно было видеть переднюю кромку крыльев и вспышки выхлопных газов, отбрасываемых за крыло. В то время для предотвращения обледенения на этих машинах устанавливалась большая резиновая труба, которая через определенные интервалы то расширялась, то сжималась. Роджерс объяснил мне принцип ее работы, и время от времени мы видели, как при расширении трубы расщеплялся лед. Я лег в постель и крепко проспал несколько часов.

Проснулся я как раз перед рассветом и прошел в рубку. Занималась заря. Под нами простиралась почти сплошная масса облаков.

Просидев около часа на месте второго пилота, я ощутил вокруг себя атмосферу беспокойства. Мы должны были приближаться к Англии с юго-запада, и к этому времени острова Силли должны были остаться позади, но мы не увидели их через просветы в облаках. Так как мы свыше десяти часов летели в тумане и за все это время видели только одну звезду, то не исключена была возможность, что после такого длительного полета мы могли несколько отклониться от курса. Связь по радио была, конечно, ограничена обычными правилами военного времени. Из разговоров, которые я слышал, мне стало ясно, что мы не знаем, где находимся. Портал, занявшийся изучением вопроса о нашем местонахождении, поговорил с командиром «летающей лодки», а затем сказал мне: «Мы сейчас повернем на север». Так и было сделано, и еще через полчаса, на протяжении которых мы то входили в облачность, то снова выходили из нее, мы увидели Англию и вскоре очутились над Плимутом, где, обходя сверкавшие аэростаты воздушного заграждения, благополучно приземлились.

Когда я выходил из самолета, Роджерс сказал: «За всю свою жизнь я еще никогда не испытывал такого облегчения, как в тот момент, когда благополучно доставил вас в гавань». В эту минуту я не понял многозначительности его замечания. Лишь впоследствии мне стало известно, что если бы мы шли прежним курсом еще пять-шесть минут до того, как повернули на север, то мы оказались бы над германскими батареями в Бресте. Ночью мы слишком отклонились к югу. Кроме того, в результате произведенного нами решительного изменения курса мы подошли к месту посадки не с юго-запада, а с юго-востока, то есть скорее со стороны противника, чем с той, откуда нас ожидали. В результате этого, как мне рассказывали через несколько недель, о нас сообщили как о вражеском самолете, приближающемся со стороны Бреста, и командование истребительной авиации отдало приказ шести «харрикейнам» сбить нас. Однако они не справились со своим заданием.

Я телеграфировал президенту Рузвельту: «Мы прибыли сюда, совершив очень удачный перелет с Бермудских островов при попутном ветре со скоростью 30 миль».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр, король Югославии 82
 Антонеску 12, 272
 Арлисс 154—155
 Бейли-Громан 130
 Бересфорд-Пэйрс 116
 Бивербрук 191—192, 220, 230—231, 236, 241—243, 246—247, 274, 314, 323, 344, 350, 359
 Бломберг 141
 Блэми 214
 Бойд 39—40
 Боухилл 63
 Бретт 345
 Бриджес 191
 Брук 259, 262—263, 323
 Брэкен 17, 31, 218
 Вайан 164, 268, 297
 Вайцзекер 184
 Вейган 11, 284, 286—287, 328
 Верт 91
 Вильсон Мэйтлэнд 57, 123, 127—128, 167, 214
 Вильсон Чарльз 359
 Вышинский 181—183
 Гаврилович 95
 Галифакс 287, 305, 344
 Гальдер 189
 Гамильтонский, герцог 31, 33, 36
 Гарвей 252
 Гарриман Аверелл 216, 231, 236, 240—243, 247, 274, 311
 Георг 36
 Геринг 88, 143, 157
 Гесс 31—38
 Гленни 150
 Годвин-Остен 116
 Голь, Шарль де 166, 327, 336—337
 Гопкинс Гарри 17—18, 71, 216—218, 220, 228, 310, 343—345
 Гормли 74, 77—78, 216—217
 Готт 171
 Гэмптон 151
 Дарлан 71—72, 166, 328
 Деканозов 184, 187
 Дениц 70, 78, 288
 Денц 166, 168—169
 Джейкоб 219
 Джонс 248—249
 Дилл 42—47, 49, 56, 60, 92—94, 114, 134, 191, 217, 219, 314, 323, 359
 Доновэн 83
 Евгений Савойский 158
 Жангтьом 167
 Иден 44—45, 47, 55—58, 60, 84, 92, 114, 179, 188, 191, 207, 224, 235—236, 238, 248, 250, 275—276, 278—279, 314, 322, 324, 326—327, 351
 Илах Абдулла 137
 Иненю 22
 Исмей 9, 219, 244, 247, 286, 330, 353
 Йодль 88, 317
 Кавалеро 215
 Кадоган 219—220
 Кейс 291
 Кейтель 88—89, 189, 215, 318
 Керр 160
 Кессельринг 30, 298
 Кинг 149—150, 152, 155—156, 323
 Кинг Макензи 346
 Кнежевич 86
 Колвилл 191
 Кондо 61
 Коноэ 107, 224, 298—299, 301
 Корнуоллис 138
 Кребс 106
 Криг 173
 Криппс 101, 180—182, 186, 191—192, 199, 241, 275
 Крэнборн 192
 Куинэн 251, 254
 Купер 218
 Кэмпбелл 56, 86, 125, 292
 Кэннингхэм Алан 49—51, 214, 289, 292, 294
 Кэннингхэм Эндрю 40, 54, 114, 117—118, 122—123, 125, 130, 132—133, 136, 149—152, 155—157, 255, 286, 295
 Лаваль 11
 Лаверак 114
 Лейкок 142, 153, 291
 Ли 216—217
 Линдеман (лорд Черуэлл) 24
 Лист 125
 Литвинов 348
 Литтлтон 175
 Лич 161, 321
 Лонгмор 16, 114, 135
 Лютьенс 64—65, 164—165
 Майский 205, 232—233, 235—236, 250—251, 271
 Мак 41
 Макартур 316, 319
 Макфарлан 233
 Маннергейм 278—279
 Маркович 83—84, 86
 Маршалл 116, 310, 345
 Маунтбэттен 152, 287
 Мацуока 98—100, 102—107, 299
 Мачек 83
 Мензис 44, 47
 Мессерви 173
 Мессершмитт 36
 Метаксас 16
 Миркович 86
 Молотов 21, 99—100, 104—106, 177, 181, 185—188, 241, 324
 Молтби 328
 Монтгомери 111, 261

- Мортон 179
 Муссолини 11, 52, 85, 90, 105, 255, 288, 313
 Мэттьюс 72
 Нагумо 316
 Най 279
 Наффилд 249
 Нельсон 38
 Ним 113—114, 121
 Нобль 63, 80
 Нокс 287, 310
 Ноллис 359
 Номура 98, 224
 Норри 292
 О'Коннор 114, 121
 Окинлек 137—138, 175, 209—215, 257, 259—260, 280, 282, 289, 294, 296, 322, 328, 330, 335, 342, 357
 Павел, принц 83—87
 Пайл 263
 Папагос 16, 45—46, 57—58, 123—124, 127—128
 Паунд 66, 134, 219, 314, 323, 358
 Петр II 87
 Петэн 11, 72—73, 286, 328
 Платт 48—51
 Портал 134, 219, 314, 323, 358, 360
 Придхэм-Уиппелл 130
 Пэйджет 272, 274
 Рашид Али 35, 137—138, 141, 166, 186
 Редер 78
 Риббентроп 19—20, 88, 96, 98—103, 105, 177, 184, 188, 247, 308, 317
 Роджерс 358, 360—361
 Роммель 41, 100, 111—113, 115, 132—133, 136, 170—171, 174—175, 212, 214—215, 255—256, 281—282, 288, 290—296, 298, 331, 355, 357
 Рузвельт Франклин Д., младший 229
 Саймон 37—38
 Сигемицу 96—97
 Сикорский 205—206
 Симович 84, 86—87, 94
 Синглтон 25
 Слим 252
 Смарт 138—139
 Смэтс 17, 49, 58—60, 186
 Сомервелл 40—41, 136, 158, 160, 162, 255
 Сталин 13, 38, 95, 99, 101, 104—106, 108, 176—180, 182—186, 188, 195, 197—201, 203—205, 220, 228, 231—233, 236, 239—241, 243, 246, 253, 272, 274—278, 324—327, 334, 348, 352
 Старк 310
 Стеттиниус 351
 Стоядинович 83
 Сун Цзювень 348
 Сэнфорд 48
 Теддер 154, 259, 294
 Телеки 91
 Теннант 320—321
 Тови 158—159, 162, 164
 Тодзио 299, 302, 307—308
 Томас 186
 Уайнант 191, 311—312
 Уингейт 48, 51
 Уэйвелл 15—16, 42, 44—45, 47—51, 58, 60, 92, 108—110, 112—116, 118—119, 121, 127—128, 133—136, 139, 142, 144, 155—156, 167, 169—175, 210—213, 250, 254, 272, 274, 286, 345—346
 Уэйк-Уокер 161
 Уэллес 219—220, 223, 344
 Фельми 141
 Филиппс 301, 319, 321
 Фишер 37
 Франко 11—12
 Фрезер 125, 199
 Фрейберг 144, 153—154, 156, 292, 295
 Фримэн 219
 Хайле Селассие 9
 Харт 316—317, 319
 Хаусгофер 33, 36
 Холланд 160
 Холлис 219, 262, 359
 Хорти 90
 Хэйнинг 175
 Хэлл 305—307, 310, 344
 Цветкович 83—87
 Чакмак 55
 Чан Кайши 225, 233, 302—303, 305
 Чемберлен Невилл 28
 Чэни 216—217
 Шуленбург 20, 88, 99, 105—106, 184—188
 Эллиот 73
 Эсмонд 162
 Этлон 346
 Ямато 315
 Янг 329

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абадан 250
 Абиссиния 9, 17, 47—48, 50, 52, 165, 174, 213
 Австралазия 316, 344
 Австралия 44, 96, 130, 167, 198, 211, 216, 256, 272, 299, 315—316, 336, 343—344, 346, 354
 Австрия 322
 Аддис-Абеба 51—52
 Аден 50
 Аденский залив 51
 Аджедабия 109, 112, 118—119, 329
 Адриатика 89
 Азия 34—35, 96, 107, 345
 Азорские острова 65, 77
 Албания 10, 13, 16, 18, 46, 58, 60, 92, 94, 123, 126, 323
 Александрия 22, 40, 121—122, 130—131, 133, 135, 141, 151—152, 154—155, 157, 254, 295—296
 Алеппо 167
 Алжир 280—281, 326, 333
 Алиякмон 57, 122
 Алиякмон, река 126
 Алор-Стар 327
 Амба-Алаги 51
 Анатолия 286, 333
 Анкара 22, 44, 56
 Аннаполис 312
 Антарктика 78
 Антелат 112
 Ардженшия 74
 Арктика 197—199, 201, 248
 Аррас 110
 Архангельск 198, 201—202, 204, 207, 231, 239, 241, 245—246, 267, 270, 272—273
 Асмара 51
 Атлантический океан (Атлантика) 28, 64—66, 71—72, 74—79, 81, 106, 157—158, 160, 162, 164, 200, 207, 215—216, 218—219, 221, 228, 238, 246, 256—257, 265, 268, 281, 287, 311, 316, 320, 329—330, 334, 338, 342, 347, 350—351, 357
 Аугсбург 31
 Афины 16, 44—45, 47, 53—54, 56, 58, 92, 113, 123, 142, 178
 Африка 8, 14, 18, 48, 52, 99, 116, 131, 214, 247, 255, 286, 329, 331, 335
 Ахваз 250
 Багдад 136—137, 139—140, 167
 Баку 23, 353
 Балканский полуостров (Балканы) 19, 22, 43, 45, 54, 58, 83—84, 91—92, 100, 108, 142—143, 175—180, 185, 194, 233, 235, 238, 246, 338
 Балтийское море 65, 350
 Балтимор 312
 Банат 89
 Бардия 8, 114—115, 291—292, 294—295, 329
 Басра 135—137, 139, 230, 232, 250, 284
 Беда-Фомм 42
 Бейрут 167
 Белград 56, 84, 86—87, 89—95, 124, 178, 182
 Белес 46
 Белоруссия 229
 Белосток 199
 Белфаст 28
 Бельвуарская долина 29
 Бельгия 101, 185, 323, 338, 346
 Бенгази 16, 41, 60, 108—109, 112—113, 135, 169, 173, 213, 287, 292—293
 Бенин 292
 Берат 123
 Берген 158
 Бергенский фиорд 158
 Берлин 20—21, 64, 84, 90, 99, 104, 176, 182—183, 186—187, 306, 315
 Бермудские острова 76, 78, 355—356, 359
 Берхтесгаден 33, 83—84
 Бессарабия 83, 270—271, 323, 349—350
 Бизерта 281, 284—285
 Бирма 224, 301, 330, 344
 Бирманская дорога 300—301, 305
 Бискайский залив 266
 Болгария 10, 12—15, 20—24, 42, 56, 84—85, 88—89, 94, 100, 124, 175—177, 286, 323
 Бордо 61
 Бразилия 76
 Брест 61, 64—65, 81, 157, 161—162, 199, 266, 359
 Бристоль 62
 Бристольский залив 62, 68
 Британская империя 32, 34—35, 85—86, 97, 103—104, 156, 177, 192, 216, 243, 297, 311, 343, 350, 357
 Британская империя, острова 243
 Британские острова 11, 35, 193, 238, 298, 330, 334, 337, 352, 354, 357
 Будапешт 90
 Буковина 83, 349—350
 Булонь 200
 Бухарест 178
 Вадар 46
 Валлетта 254
 Валона 10, 18, 123, 125
 Вардар, река 126

- Вашингтон 17, 74, 98, 106, 221, 223, 230, 298, 302—303, 307, 315, 321, 342, 345—346, 348, 355, 357
 Вена 83, 86—87, 90, 178
 Венгрия 12, 19, 83, 88—91, 176, 270—271, 273, 276—278, 323
 Верия 46, 122
 Вест-Индия 76
 Виши 11, 58, 71—73, 165, 167, 280, 296, 326, 333—334
 Владивосток 232, 239, 245
 Волга, река 232
 Восточная Пруссия 315, 323
 Выборг 199
 Вюртемберг 110
 Гавайские острова 314
 Газала 328—329, 355
 Гаити 347
 Галабат 48
 Галифакс 64—65, 73—74, 158, 161
 Гватемала 347
 Гебридские острова 62
 Генуя 41
 Гераклион 145—149, 152—154, 156
 Гибралтар (Гибралтарский пролив) 12, 133, 135, 157, 159, 161, 254, 267—268, 283, 287, 335
 Глазго 32
 Годжам 48, 52
 Голландия (Нидерланды) 24, 31, 42, 63, 101, 200, 217, 225, 234, 297, 323, 338, 343, 347
 Голландская Индия (Голландская Ост-Индия) 96—98, 217, 298—299, 301, 303, 305, 310, 344
 Гондар 52
 Гондурас 347
 Гонконг 313, 326
 Гонолулу 300
 Гран-Канария, остров 77
 Гревена 126
 Гренландия 74—77, 158, 266
 Греция 10, 14—16, 18—24, 42—47, 52, 54, 56—60, 80, 84—90, 94, 99—100, 104, 106, 108—109, 112—113, 117, 119—124, 126—128, 130—131, 134, 141—145, 156—157, 165—166, 169, 174, 176, 178—179, 211—212, 238, 323, 347
 Гуль 28
 Дакар 280, 326, 331, 334, 337
 Дальний Восток 217, 223, 271
 Дамаск 167
 Дангевел 37
 Данди 28
 Дания 63, 75, 323, 338
 Данциг 110
 Дарвин 315, 343
 Дарданеллы, пролив 22, 100
 Датский пролив 64, 158—159
 Дельфы 128
 Дерби 29
 Дерна 115, 120, 171, 329
 Дессие 51
 Джиджиги 50
 Джилиба 49
 Джуба, река 49
 Дил 44
 Днепр, река 233
 Доброй Надежды, мыс 17, 39, 133, 141, 210, 236, 256
 Додеканезские острова 165
 Доминиканская Республика 346
 Дон, река 353
 Дунай, река 95, 124, 270
 Дюнкерк 128, 200, 311
 Евфрат, река 139, 167
 Египет 10, 22, 51, 108, 115, 130—131, 145, 155, 165, 210, 215, 217, 289
 Загреб 87, 124
 Западная Африка 12, 335, 337, 340
 Западная Европа 338
 Земун 84
 Индийский океан 64, 272, 299, 319, 330
 Индия 136—137, 169, 174, 231—232, 249, 256, 271, 284, 330, 336, 344, 347
 Индокитай 95, 107, 217, 223—224, 297, 300, 303—304, 307, 317
 Иоганнесбург (Йоханнесбург) 253
 Ипо 328
 Ирак 35, 37, 136—138, 140, 156, 165—169, 173, 185, 209, 212, 249—250, 262, 265, 271, 281, 286, 333
 Иракская пустыня 137
 Иран (Персия) 140, 156, 212, 231, 234, 238—239, 245, 247, 249—253, 256, 262, 265, 271—273, 275, 281, 286, 333
 Ирландия 61—62, 73, 159, 162, 335, 347
 Ирландское море 62
 Исландия 74—77, 80—81, 158—159, 228, 230, 265—267
 Испания 11, 58, 77, 280, 282—284, 326, 335, 342
 Итальянская Восточная Африка 49
 Итальянское Сомали 50
 Кавита 315
 Кавказ 60, 253, 256, 275, 278, 284, 286, 333, 335, 353
 Казвин 232
 Казо, пролив 154
 Каир 42—44, 47—48, 58, 60, 92, 108, 113—114, 141, 169, 179, 212, 217, 284, 286, 348
 Каймакчалан 46
 Калабак 127
 Каламе 128
 Калифорния 319

- Каменец-Подольск 199
Канарские острова 223
Кания 152
Капа-Верде, острова 77
Капуццо 170, 172, 290
Кардифф 26
Карелия 270—271
Касабланка 285, 326, 334, 348
Каспийское море 10, 230—232, 250, 252, 256, 281
Кассала 9, 48
Каттегат, пролив 158
Каунас 199
Квебек 348
Кейп-Бретон, остров 266
Керманшах 251
Киев 229
Кипр, остров 92, 130, 156, 209—211
Кирена 48, 50—51
Киренаика 9, 42, 55, 108—110, 112, 115, 119, 133, 141, 171, 209—210, 254, 288, 353
Киркенес 267
Кисмайо 49
Китай 96, 106, 223—224, 243, 297, 300—304, 335, 346
Китир, пролив 150
Кишинев 199
Клайд 27, 158
Клайд, река 61—63, 68, 82, 321
Ковентри 27
Козани 126
Конго 52
Константинополь 13
Коринфский канал 128
Коста-Рика 346
Кота-Бару 317, 327
Котор 125
Кра, перешеек 307
Крайний Север 236
Краков 178
Красное море 51
Крит, остров 55, 121, 126—127, 130, 140—144, 146, 148—152, 154—157, 165—169, 173, 201, 211, 216, 238, 254
Крым 333, 348, 353
Куантан 317—318
Куба 346
Куйбышев 271—272, 274
Куньмин 300, 302
Курильские острова 314
Курск 320
Ла-Бассе 110
Ла-Манш, пролив 8, 31, 62, 111, 150, 177, 338, 340—341
Лариса 126—127
Левант 165, 331, 335, 337
Ленинград 199, 233, 240, 270, 276, 282, 320, 324, 333, 350
Ливерпуль 28, 63, 80, 267
Ливия 9, 15—16, 23, 41, 59, 111—112, 132, 207—208, 229, 231, 236, 243, 275, 277—278, 280, 283—284, 286, 309, 320—321, 325—326, 330, 333, 340, 342
Ливорно 41
Лилль 110
Лингаен, залив 315
Лусон 315
Львов 199
Люксембург 347
Маас, река 110
Македония 57, 89, 123—124
Малайя 97—98, 136—137, 203, 217, 229, 299—300, 313, 315, 317, 320—321, 327, 330, 344, 356
Малаккский полуостров 207, 305, 327—328, 343
Малеме 145—148, 152, 155
Мальта, остров 8, 18, 38—41, 55, 91, 116—117, 133, 135, 140, 142, 165, 254—255, 280, 282, 286—288, 294, 296, 348
Мальтийский пролив 39, 254
Манила 315, 317
Манчестер 27
Марада 109
Марокко 280, 285, 326, 333—334, 342
Марсель 82
Масауа 51
Матапан, мыс 122, 124, 156
Мелос, остров 149
Мерса-Матрух 114, 131, 170
Минск 199
Могадишо 50
Монастир 124, 126
Монемвасия 129—130
Мурманск 201—202, 204, 207, 231, 267, 270
Мюнхен 83, 89
Намос 201
Нарвик 174
Нестос, река 46
Никарагуа 347
Нил, река 9, 16—17, 47, 54, 60, 209, 282, 284, 333
Новая Зеландия 130, 198, 216, 256, 299, 316, 347
Новая Шотландия 31, 76
Норвегия 61, 63—64, 185, 200—201, 219, 241, 280, 323, 338, 347
Нордкап, мыс 61, 267
Норфолк 355
Ноттингем 29
Ньюфаундленд 74—76, 218—219
Нюрнберг 96
Одесса 199
Олимп 46
Олимп, гора 126
Олимпийский проход 127
Ольстер 62, 335, 347
Оран 71—72, 281, 311

- Оркнейские острова 158
 Оттава 344
 Па-де-Кале 195
 Палестина 115, 130, 136, 138—139, 165—166, 210, 212, 257, 281, 328
 Палм-Бич 349
 Пальмира 167
 Панама 347
 Пантеллерия, остров 18
 Париж 165
 Патани 317, 327
 Пелопоннес 128
 Пенанг 328
 Пёрл-Харбор 98, 279, 306, 310, 313—315, 319—320, 326, 329
 Персидский залив 136, 138, 169, 231, 241, 252—253, 256
 Петсамо 267
 Пиза 41
 Пирей 124
 Пиренеи, горы 61
 Пиренейский полуостров 223
 Плимут 28, 63, 358
 Познань 30
 Польша 177, 179, 204—206, 238, 246, 323, 347
 Портсмут 26—28
 Португалия 77, 280, 342
 Потомак, река 341
 Потсдам 348
 Прибалтийские республики 101, 323—324, 349
 Проливы 20—21, 135
 Пруссия 275—276, 322, 324
 Райяк 167
 Рейкьявик 81, 228
 Рейнская область 322
 Ретимнон 145—148, 152, 155
 Рим 52, 104, 289
 Родос, остров 16, 55, 58, 112—113, 117, 124, 131, 140—141, 143
 Руан 111
 Румыния 10, 12, 15, 19—22, 42, 83, 85, 88, 90, 95, 100, 110, 175—179, 189, 270—271, 273, 276—278, 323
 Сайгон 95, 318
 Салоники 10, 14—16, 20, 46, 56, 94
 Салфорд 27
 Сараево 87
 Сардиния, остров 41, 281—282
 Сахалин 105
 Северная Африка 11—12, 72, 99, 104, 108, 209, 214, 255, 286, 296, 326, 329, 333, 335, 337, 340, 342, 347, 355
 Северная Ирландия (Ольстер) 264, 334, 346—347, 352—353, 355
 Северное море 150, 158
 Северный Ледовитый океан 241
 Северо-Восточная Азия 303
 Северо-Восточная Африка 9, 18—19
 Северо-Западная Африка 340, 342
 Седан 15
 Сен-Валери 111
 Сена, река 111
 Сент-Джонс 75
 Сербия 84—85, 92, 124—125, 183
 Сиамский залив 95, 307, 317
 Сибирь 184
 Сиди-Азейз 170
 Сиди-Омар 171—172, 289—291
 Сиди-Резег 288, 290—292, 294, 355
 Сиди-Сулейман 170, 172
 Сидней 266
 Сидон 167
 Силли, острова 358
 Сингапур 96—97, 102—103, 216—217, 224, 300—301, 313, 316—319, 328, 336, 344, 354
 Сирия 136, 139, 156, 164—169, 209—210, 212, 249, 257, 262, 281, 286, 323, 333
 Сицилия, остров 9, 18, 40, 116, 254—255, 280—284, 286, 296, 329, 338
 Скагеррак, пролив 189
 Скапа-Флоу 65, 141, 157—158, 219, 228, 241, 320
 Скарпанто, остров 55, 153
 Скерки, пролив 135
 Скопле 87
 Слим, река 250—251
 Словения 93, 124
 Смирна 22
 Сомали 47
 Сомма, река 111
 Сонгхкла (Сингора) 317, 327
 София 89
 Специя 41
 Стамбул 22
 Струма, река 14
 Суда 145—146, 148, 152
 Суда, залив 55, 140—141, 144, 148, 152, 155
 Судан 9, 48
 Судетская область 323
 Суонс 26
 Сурабая 343
 Суэцкий канал 55, 58, 99, 165, 168, 217, 284, 335, 337
 Сфакион 141, 144, 152—155
 Сьерра-Леоне 64—65, 267
 Таиланд (Сиам) 96, 224—225, 299, 305, 307
 Танжер 285
 Таранто 297
 Татой 45, 59, 127
 Тбилиси (Тифлис) 253, 271
 Тегеран 232, 249, 252—253, 348
 Темза, река 28—29
 Темпе, ущелье 127
 Тимбакион 141, 144, 153
 Тироль 94
 Тихвин 233

- Тобрук 9, 15, 108—109, 113—115,
 117, 134, 166, 170—174, 208,
 210—211, 214—215, 286, 288—
 291, 294—295
 Токио 97—98, 106, 223, 306, 313
 Трансильвания 83, 90
 Трансиордания 166
 Триполи 18, 39, 58, 60, 94, 99, 109—
 112, 116—117, 131—132, 169,
 213, 255, 260, 280, 282, 285, 287,
 296, 353
 Тулон 71—72, 326
 Тунис 280, 326, 333, 335, 340
 Турция 8, 10, 16, 18—24, 42—44, 46,
 54, 56, 58—60, 86, 89, 92, 101,
 165, 168, 175, 179, 210, 212, 231,
 235—236, 241, 243, 253, 257,
 262, 279, 281, 286, 323, 337
 Украина 10, 233
 Уральские горы 208
 Фарерские острова 158
 Фермопилы 126—127
 Фивы 127
 Филиппины 98, 103, 217, 304—305,
 313—314, 343—344
 Финляндия 13, 100, 189, 201, 219,
 236, 270—271, 273—278, 323,
 350
 Фиуме 89
 Флорида 351
 Фракия 22, 122
 Французская Западная Африка 334
 Французская Северная Африка 280—
 282, 284, 326, 332—335, 342,
 353, 355
 Фритаун 65, 75, 265
 Хаббания 136—139, 173
 Хайдабад 155
 Халфайя 170—172, 289, 295, 329
 Хамадан 232
 Ханакин 250
 Ханья 146—149, 152
 Хвальс-фиорд 228
 Хельсинки 277
 Хон 109
 Хорватия 83—84, 93, 124
 Хорремшехр 250
 Хэмптон-Родс 341
 Хэтстон 158
 Чартуэлл 6
 Чекерс 58, 189—190, 219, 309
 Черное море 10, 60, 278—279, 353
 Чехословакия 90, 323, 346
 Чунцин 304
 Шахабад 251
 Швеция 219, 241
 Шербур 30, 111
 Шеферзен 291
 Шлезвиг-Гольштиния 31
 Шотландия 31, 62, 74
 Шпицберген, острова 201, 267
 Шуайба 136, 138
 Эвбея, остров 128
 Эгейское море 10, 113, 121, 142, 144,
 148—149, 323
 Эд-Дуда 294
 Эдесса 46, 122
 Эль-Абд 291
 Эль-Агейла 108—109, 112, 116—117,
 293, 329
 Эль-Адем 294—295
 Эль-Аламейн 260
 Эль-Газала 294
 Эль-Губи 291
 Эль-Кунейтра 167
 Эль-Мекили 113—114
 Эль-Сальвадор 346
 Эль-Фаллуджа 139
 Эс-Саллум 114—115, 170, 172, 295,
 329
 Эссекс, графство 27
 Юго-Восточная Азия 96, 98, 107, 223,
 343
 Югославия 10, 13, 24, 42, 46, 54,
 56—60, 82—86, 88—95, 104,
 106, 117, 123—125, 175—176,
 178—179, 183, 323, 347
 Южная Африка (Южно-Африкан-
 ский Союз) 49, 198, 336, 347
 Южная Африка (Южно-Африкан-
 ский Союз), Германия 17
 Южная Германия 324
 Южная Европа 338
 Юньнань, провинция 301—302
 Ялта 348
 Янина 124

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть первая

ГЕРМАНИЯ УСТРЕМЛЯЕТСЯ НА ВОСТОК

<i>Глава первая</i> ПУСТЫНЯ И БАЛКАНЫ	7
<i>Глава вторая</i> ВОЙНА РАСШИРЯЕТСЯ	17
<i>Глава третья</i> БЛИЦ И АНТИБЛИЦ В 1941 ГОДУ. ГЕСС	24
<i>Глава четвертая</i> ВОЙНА В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РАЙОНЕ	38
<i>Глава пятая</i> ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИМПЕРИИ	48
<i>Глава шестая</i> РЕШЕНИЕ ПОМОЧЬ ГРЕЦИИ	52
<i>Глава седьмая</i> БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ, 1941 ГОД. Западные подступы	61
<i>Глава восьмая</i> БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ, 1941 ГОД. Вмешательство Америки	73
<i>Глава девятая</i> ЮГОСЛАВИЯ	82
<i>Глава десятая</i> ПОСЛАНЕЦ ЯПОНИИ	95
<i>Глава одиннадцатая</i> ФЛАНГ В ПУСТЫНЕ РОММЕЛЬ. ТОБРУК	108
<i>Глава двенадцатая</i> ГРЕЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ	121
<i>Глава тринадцатая</i> ТРИПОЛИ И «ТАЙГЕР»	131
<i>Глава четырнадцатая</i> МЯТЕЖ В ИРАКЕ	135
<i>Глава пятнадцатая</i> КРИТ. ПРИБЫТИЕ	140
<i>Глава шестнадцатая</i> КРИТ. БИТВА	146
<i>Глава семнадцатая</i> СУДЬБА «БИСМАРКА»	157
<i>Глава восемнадцатая</i> СИРИЯ	164
<i>Глава девятнадцатая</i> ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ ГЕНЕРАЛА УЭЙВЕЛЛА. «БЭТТЛ-ЭКС»	169
<i>Глава двадцатая</i> СОВЕТЫ И НЕМЕЗИДА	175

Часть вторая

ВОЙНА ПРИХОДИТ В АМЕРИКУ

<i>Глава первая</i> НАШ СОВЕТСКИЙ СОЮЗНИК	194
<i>Глава вторая</i> АФРИКАНСКАЯ ПАУЗА. ТОБРУК	208
<i>Глава третья</i> МОЯ ВСТРЕЧА С РУЗВЕЛЬТОМ	215
<i>Глава четвертая</i> АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ	220
<i>Глава пятая</i> НАША ПОМОЩЬ РОССИИ	228
<i>Глава шестая</i> ПЕРСИЯ И СРЕДНИЙ ВОСТОК. Лето и осень 1941 года	248
<i>Глава седьмая</i> РАСТУЩАЯ МОЩЬ АНГЛИИ. Осень 1941 года	260
<i>Глава восьмая</i> БОЛЕЕ ТЕСНЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ. Осень и зима 1941 года	270
<i>Глава девятая</i> ПРЕДСТОЯЩИЙ ПУТЬ	279
<i>Глава десятая</i> ОПЕРАЦИЯ «КРУСЕЙДЕР». На суше, на море и в воздухе	288
<i>Глава одиннадцатая</i> ЯПОНИЯ	296
<i>Глава двенадцатая</i> ПЁРЛ-ХАРБОР!	309
<i>Глава тринадцатая</i> ПУТЕШЕСТВИЕ В РАЗГАР МИРОВОЙ ВОЙНЫ	321
<i>Глава четырнадцатая</i> ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ПЛАН И ХОД ВОЙНЫ	331
<i>Глава пятнадцатая</i> ВАШИНГТОН И ОТТАВА	341
<i>Глава шестнадцатая</i> АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ	346
<i>Глава семнадцатая</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ К БУРЯМ	351
Указатель имен	360
Указатель географических названий	362

Уинстон Спенсер Черчилль

**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА**

В шести томах

**ТОМ ТРЕТИЙ
ВЕЛИКИЙ СОЮЗ**

Редактор *В. Третьякова*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *Л. Чуланова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г. Подписано
в печать 28.01.98 г. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 24,02.
Цена 23 р. 40 к. Цена для членов клуба
21 р. 30 к.

ТЕРРА—Книжный клуб. 113184,
Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО
«Макет». 141700, Московская обл.,
г. Долгопрудный, ул. Первомайская,
21.

ЧЕРЧИЛЛЬ WINSTON

Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965) – государственный, политический и военный деятель Великобритании, лидер консервативной партии в 1940 -1955 годах. В 1911 -1915 годах – первый лорд адмиралтейства (военно -морской министр). В 1917-1919 годах – министр военного снабжения. В 1919 -1921 годах – военный министр и министр авиации. Был одним из организаторов антисоветской интервенции. В 1921-1922 годах – министр колоний. В 1924-1929 годах – канцлер казначейства (министр финансов). В 30-е годы активно выступал против внешней политики С.Болдуина и Н.Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. С сентября 1939 до мая 1940 года – военно-морской министр. С 10 мая 1940 до 26 июля 1945 года – премьер-министр, первый лорд казначейства и министр обороны. С мая 1940 по февраль 1942 – лидер палаты общин. В 1951-1955 годах – вновь премьер-министр и первый лорд казначейства. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

THE SECOND WORLD WAR

ISBN 5-300-01671-3

9 785300 016715

«ТЕРРА» - «TERRA»